ЗАЙН АЛ-АБИДИН МАРАГАИ

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИБРАХИМ-БЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

زین العابدین مراغه‌ای

سیاحتنامهٔ ابراهیم بیک

یا بلای تعصب او

ЗАЙН АЛ-АБИДИН
МАРАГАИ

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИБРАХИМ-БЕКА

ИЛИ
ЕГО ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПО ПРИЧИНЕ ФАНАТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ К РОДИНЕ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Г. П. МИХАЛЕВИЧ и А. М. ШОЙТОВ

ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО
Г. П. МИХАЛЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики: *Н. И. КОНРАД* (председатель), *М. П. АЛЕКСЕЕВ*, *В. В. ВИНОГРАДОВ*, *С. Д. СКАЗКИН*, *М. Н. ТИХОМИРОВ*, члены-корреспонденты АН СССР: *И. И. АНИСИМОВ*, *Д. Д. БЛАГОЙ*, *В. М. ЖИРМУНСКИЙ*, *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, член-корреспондент АН Таджикской ССР *И. С. БРАГИНСКИЙ*, доктора филологических наук: *А. А. ЕЛИСТРАТОВА*, *Ю. Г. ОКСМАН*, доктора исторических наук: *А. М. САМСОНОВ*, *С. Л. УТЧЕНКО*, кандидат филологических наук *Н. И. БАЛАШОВ*, кандидат исторических наук *Д. В. ОЗНОБИШИН* (ученый секретарь).

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
З. Н. ВОРОЖЕЙКИНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Роман Зайн ал-Абидина Марагаи — одно из замечательных произведений персидской литературы XIX в.

Оказав большое влияние на развитие революционных настроений в Иране, «Дневник путешествия Ибрахим-бека» получил широкое распространение далеко за его пределами — в Турции, Индии, Закавказье и Средней Азии. Яркое и правдивое изображение иранской действительности, глубокий патриотизм и обличительный пафос делают эту книгу выдающимся образцом персидского критического реализма.

Роман давно привлек к себе внимание исследователей персидской литературы. Видный советский иранист профессор Е. Э. Бертельс писал в 1928 г.: «Влияние его [романа] на всю современную литературу крайне велико. Это первый оригинальный роман европейского типа на персидском языке, обладающий выраженной установкой на социальную сторону жизни».[1] События и факты, составляющие фабулу романа, настолько верно отражали иранскую действительность, что в ряде случаев были использованы в качестве достоверного иллюстративного материала авторами исторических трудов.[2]

Высоко оценивается этот роман и в современном иранском литературоведении. Такие крупные исследователи, как Саид Нафиси,[3] П. Ханлари,[4] единодушно включают «Дневник путешествия Ибрахим-бека» в ряд немногих произведений, явившихся этапом в развитии современного языка персидской прозы, становление которого эти же исследователи относят к середине XIX в.

---

[1] Е. Э. Бертельс. Очерк истории персидской литературы. Л., 1928, стр. 140.

[2] См., например: Г. В. Шитов. Персия под властью последних каджаров. Л., 1933, стр. 15, 18, 27, 49, 66, 70 и т. д.

[3] Саид Нафисн. Выдающиеся произведения персидской прозы. [На перс. яз.]. Тегеран, 1951—1953, стр. 21.

[4] В докладе, сделанном им на съезде иранских писателей. См.: Первый съезд писателей Ирана. [Отчет на перс. яз.]. Тегеран, 1946, стр. 147.

Несмотря на имеющееся в редакционном предисловии к калькуттскому изданию романа[5] упоминание о готовившихся переводах его на английский и французский языки, неизвестно, были ли эти переводы осуществлены. Существует довольно ранний перевод романа Марагаи на немецкий язык — издание, ставшее библиографической редкостью.[6]

Предлагаемый перевод «Дневника путешествия Ибрахим-бека» осуществлен по упомянутому калькуттскому изданию 1910 г. — наиболее распространенному. В нем к роману приложен небольшой цикл статей Зайн ал-Абидина на общественно-политические темы под общим названием «Куда плывет корабль нашей политики, в чем наш долг и что нам следует делать?». Поскольку эти статьи, являющиеся обзором внешней политики иранского правительства и основных современных автору международных событий, не имеют отношения к роману, они в настоящее издание перевода не включены.

Однако из калькуттского издания 1910 г. переведены на русский язык и помещены перед текстом «Дневника путешествия Ибрахим-бека» биография Зайн ал-Абидина, написанная одним из издателей этого произведения Мирзой Казимом Ширази, а также «Обращение к читателям» самого автора романа.

Переводчик, автор статьи и составители комментариев приносят глубокую благодарность за помощь в работе доктору филологических наук проф. Александру Николаевичу Болдыреву.

[5] Зайн ал-Абидин Марагаи. Сийахат-наме-йи Ибрахим-бек йа бала-и таасуб-и у. Калькутта, 1910.

[6] Zustände im heutigen Persien, wie sie das Reisebuch Ibrahim Begs enthüllt. Aus dem Persischen übersetzt und bearbeitet von W. Schulz. Leipzig, 1903.

БИОГРАФИЯ АВТОРА

Хаджи[1] Зайн ал-Абидин-ага[2] — купец из Мараги[3] и автор книги «Путешествие Ибрахим-бека»,[4] вел свой род от курдских ханов Сауджбулага.[5] Предки его из поколения в поколение занимались в Мараге торговлей. По сравнению с прочими жителями этих мест семья его считалась зажиточной. В возрасте восьми лет Зайн ал-Абидин-ага пошел в школу, а шестнадцати лет занял в лавке место рядом с отцом.

Когда ему минуло двадцать, его послали в Ардебиль,[6] и там, занимаясь торговлей, он сначала добился известного преуспевания. Однако мало-помалу торговые дела пришли в расстройство и перестали приносить прибыль.

Упадок дел, совпавший по времени с кончиной отца, вынудил Зайн ал-Абидина переехать вместе с братом на Кавказ. Надолго обосновавшись в Кутаиси, он занялся там торговлей коврами. Но прошло несколько лет, и злосчастная звезда снова разрушила его благополучие; он отправился в Крым, затем перебрался в Стамбул и, вернувшись оттуда с кое-какими средствами, занялся мелочной торговлей.

Собрав небольшой капитал, Зайн ал-Абидин уехал в Ялту, там он открыл торговую контору и, снискав себе добрую славу человека правдивого и честного, преуспел в делах, заслужив внимание царской семьи[7] и знатных лиц. В Ялте он принял русское подданство и жил в большом почете.

Спустя несколько лет он поехал в Стамбул, там женился и вместе с женой снова вернулся в Ялту. Пятнадцать лет он занимался там торговлей, а затем покинул Ялту, уехал в Стамбул, а оттуда устремился на поклонение святому храму в Мекке.

По возвращении в Стамбул, верный своим религиозным убеждениям, он в 1904 году переменил русское подданство на свое первоначальное и снова стал подданным Ирана.

Хаджи Зайн ал-Абидин не получил систематического образования и долгое время был оторван от персидской литературы. Но, обладая возвышенным и благородным образом мыслей, он питал безграничную любовь к родине и всегда считал для себя удачей беседу и переписку с просвещенными людьми из Ирана.

В 1887 году он написал произведение под названием «Путешествие Ибрахим-бека» и послал его в рукописи на прочтение редактору благо-

словенной газеты «Хабл ал-Матин»,[8] знаменитому Джамал ад-Дину ал-Хусайни Муайид ал-Ислам, — да будет вечным его почитание! Тот, сделав свои исправления по содержанию и по форме произведения, вернул рукопись автору.

В 1888 году книга была напечатана в Стамбуле, в типографии газеты «Ахтар».[9]

Изящным языком и правдивостью содержания сочинение чрезвычайно пришлось по вкусу иранской читающей публике. Вместе с тем оно сразу подверглось строжайшему запрещению правительством. Все экземпляры первого издания разошлись в короткое время, и в 1890 году оно было переиздано в Калькутте в типографии газеты «Хабл ал-Матин».

Как в первом, так и во втором изданиях из-за политических соображений не были указаны год и место издания.

В 1906 году Бомбейская типография «Музаффари» выпустила новое литографированное издание с хорошо известными карикатурными иллюстрациями.[10]

Основная цель этой книги — показать все пороки государственного аппарата абсолютной монархии и пробудить в иранской нации справедливое стремление к гражданским законным правам.

Прекрасным стилем, ясностью и выразительностью языка книга так удачно отвечала запросам времени, что даже уважаемые женщины Ирана услаждали себя ее чтением, и очень скоро это чтение принесло иранскому народу желанные результаты.[11]

Хотя эта книга написана в виде романа и названа вымышленным именем, описываемые в ней события соответствуют реальной действительности и политическая жизнь, которая в ней показана, близка к подлинной.

Хаджи Зайн ал-Абидин, автор этой книги, прожил семьдесят два года и распрощался с сим бренным миром в апреле 1910 года в Стамбуле, оставив после себя доброе имя.

Тот не умрет никогда, в чьем сердце жила любовь,
Записана на скрижалях мира вечная память ему.

Второй и третий тома книги вышли в 1906 и 1909 годах, как и первый, в типографии газеты «Хабл ал-Матин», с некоторыми поправками, внесенными его вышеуказанным редактором. К третьему тому была приложена биография автора. Недавно издание третьего тома было осуществлено также и в Стамбуле.

Письма, поступившие в редакцию газеты «Хабл ал-Матин», сообщают, что некоторые европейские ученые заняты переводом первого тома «Путешествия Ибрахим-бека» на французский и английский языки.

Мухаммад Казим Ширази.

1910 г. Калькутта.

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИБРАХИМ-БЕКА

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Людям мыслящим и просвещенным, к коим обращаю я свои слова, совершенно ясно, что в наше время печать во всем мире больше всего содействует прогрессу, цивилизации и счастью народов. Это действительно так, но при условии, если служители печати чужды корысти, если они далеки от приобретения незаконных доходов и, непогрешимые в подхалимстве и лести, хранят высокое благородство своей души. Если девиз их — любовь к родине и соотечественникам, если все помыслы их направлены на служение государству, а взоры неустанно устремлены на поиски тех путей, что приведут к процветанию и истинному прогрессу страны; ежели ни одного, даже самого близкого друга они не станут незаслуженно восхвалять, как и не станут корысти ради порочить своего недруга; ежели клевету, которая противна принципам гуманности, они мыслят величайшим грехом — вот тогда их слова, западая в сердца сограждан, великих и малых, будут служить искоренению существующих недостатков.

В особенности это относится к историкам и авторам мемуаров, которые обязаны писать лишь о том, что они видели своими глазами или слышали от людей, заслуживающих доверия, и обращать особое внимание на правдивость своих повествований.

Теперь уже для всех очевидно, что одна из причин прогресса Запада — это благоденствующее положение тех, кто связан с печатным словом,[12] людей, которые призваны замечать все недостатки в каждом сословии и каждом классе своего отечества.

Удостоверившись, что полученные ими сведения правдивы, все виденное и услышанное они без примеси личных соображений и корыстных расчетов выносят на страницах своих печатных органов на рассмотрение всего народа и призывают тем самым соответствующие учреждения исправить эти недостатки.

Эти учреждения в свою очередь, внемля напоминаниям печати, приступают, не теряя времени, к расследованию отмеченных пороков. Когда заявления печати основательны, учреждения спешно принимают меры для устранения этих недостатков, да еще приносят благодарность лицам, осведомившим их.

Если же иной раз и случится, что в дело вкрадется ошибка, они объяснят ее в мягких выражениях и постараются устранить недосмотр, допущенный органами печати.

Итак, можно сказать, что у счастливых народов этих стран имеются: язык говорящего, глаза видящего и уши слушающего. Увы, мы, к несчастью, лишены этих трех благ!

Цель этого вступления — сообщить вам, что в наших руках случайно оказались некие путевые заметки, которые бескорыстно и правдиво рассказывают о некоторых недостатках нашей горячо любимой родины.

Исповедуя религию патриотизма, мы не могли допустить, чтобы это сокровище оставалось зарытым в землю и, движимые любовью к родине и своим соотечественникам, взяли на себя все издержки, связанные с опубликованием этой книги.

От всего сердца надеемся, что ни один из наших соотечественников, наделенный мудростью и справедливостью, не протянет перст возражения этим словам, ибо, даже мельком взглянув на разные стороны жизни нашей обездоленной страны, он своими глазами может видеть каждодневно и доподлинно то, что лицезрел, а затем описал в своем дневнике сей путешественник, горячо страждущий за свою родную землю.

Чуждые каких бы то ни было личных побуждений, мы хотим, чтобы те, кто облечен властью в нашей стране, взглянули глазами справедливости на содержание этой книги и вновь влили в иссохшее русло ушедшую воду, поднявшись в едином мужественном порыве на исправление недостатков и пороков, от которых разрушается наша экономика и нищает народ, которые умаляют в глазах иностранцев достоинство нашей нации и навлекают на нас величайший позор.

Мы желаем, чтобы наделенные властью способствовали расцвету Ирана и прославлению иранцев среди прочих наций, как это было в давние времена, и заслужат они тем самым себе вечную славу и бессмертие, дабы история человечества никогда не забыла их имена.

Бессмертен тот, кто славно прожил жизнь,
И после смерти в делах его память о нем живет!

Мы обращаемся к уважаемым читателям с величайшей просьбой не подвергать автора упрекам и порицанию, не дочитав до конца книги. Когда же по прочтении они найдут ее достойной снисхождения или заслуживающей осуждения — предоставим это их совести.

Мы молим господа лишь о том, чтобы он украсил веру всех наших соотечественников и единоверцев бесценным украшением — любовью к родине, ибо наше дело — говорить и писать на подобные темы, и да поможет нам бог!

Все те грехи, о коих мы поминаем,
Прости нам, о господи, твоим милосердием!

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИБРАХИМ-БЕКА

Прежде чем приступить к изложению путешествия Ибрахим-бека, расскажем немного о нем самом, дабы читателю стали более понятны все обстоятельства его странствия.

Ибрахим-бек — сын некоего азербайджанского купца, который пятьдесят лет назад, отправившись для торговли в Каир, избрал местом своего жительства сей лучший из городов мусульманского мира и, ведя удачную торговлю, навсегда оставил намерение покинуть его.

Этот почтенный человек благодаря честности и религиозности, которые служат основой доброго имени и удачи в торговле, за короткое время собрал значительное состояние. Особенно он привлекал к себе внимание людей своим необыкновенным патриотизмом. В течение долгих лет, прожитых в Каире, этот благородный муж не изменил ни одному из своих прекрасных национальных обычаев и обрядов. И в общении с людьми, и в манере одеваться, в церемонии еды и отхода ко сну он следовал тем обычаям, которые впитал с молоком матери.

Он был столь ревностен в своем патриотизме, что за много лет не только не произнес ни одного арабского слова, но и не желал утруждать такими словами свою память. Все его разговоры только и были об Иране, он постоянно напевал песни своей родины и, кого бы ни встретил, всех расспрашивал об Иране и о своих соотечественниках. Словом, сам он был в Каире, а мыслями и душою своею — в Иране.

Зимними вечерами каждый божий день он собирал у себя небольшой круг друзей из своих просвещенных соотечественников, и весь вечер они проводили за тем, что читали исторические сочинения о деяниях великих иранских шахов.

Мирза Юсиф, который долгие годы жил в доме купца в качестве учителя его сына, читал бывало вслух книгу «Отрицающий истории»[13] или поэмы о знаменитых царях, таких как Кай Хусрау,[14] Джамшид,[15] Бахман,[16] Шапур,[17] Ануширван,[18] и сердце хозяина преисполнялось гордостью.

Каждый год в благословенный месяц рамазан[19] он нанимал четырех арабских чтецов Корана, из тех, что отличались особенно красивыми голосами, и весь месяц из ночи в ночь, от заката до рассвета читали они

достохвальный Коран, а предполагаемое божье воздаяние за сие праведное занятие он посвящал чистому духу великого шаха Аббаса Сефевидского,[20] на чьи благие и великие деяния, о коих помнят во всех уголках Ирана, не могло наложить свою разрушающую руку жестокое время. И после каждого намаза[21] он по обыкновению искренне и горячо читал фатиху[22] в честь этого знаменитого шаха.

Особую склонность он проявлял к чтению книги «История Надир-шаха».[23] Эту книгу он читал так часто, что заучил ее наизусть.

После смерти этого человека, столь ревностного в своем патриотизме, остался сын его Ибрахим, и по его-то имени названо предлагаемое читателю путешествие.

Я познакомился с этим юношей уже после кончины его отца. Вскоре после этого печального события я поехал в Каир и по старому знакомству прямо направился в дом Ибрахим-бека, где и остановился.

Как-то раз, осматривая его библиотеку, я обнаружил шесть или восемь рукописных и печатных томов «Истории Надир-шаха» в различных изданиях. Я подивился: какой смысл держать в библиотеке многочисленные экземпляры одной и той же книги — и в тегеранском, и в бомбейском, и в тебризском изданиях?

Подумав так, я спросил:

— Зачем вы собрали столько экземпляров одной и той же книги?

— Это память об отце, — ответил Ибрахим, — покойный так любил это сочинение, что все знали: если принести ему хороший печатный или рукописный экземпляр этой книги, он обязательно купит его за хорошую цену. Несколько таких томов, завещанных на богоугодные дела, уже унесли отсюда.

Трудно описать пером, до чего доходила страсть этого человека ко всему иранскому!

Случалось, что кто-нибудь умышленно или ненароком говорил про Иран что-нибудь плохое в его присутствии. Он называл такого человека богоотступником и малодушным и уже никогда больше не вступал с ним в беседу.

В Каире жило еще несколько уважаемых иранских купцов, чьи дела шли хорошо; состояние у каждого достигало полумиллиона. Все они, пострадав в свое время от притеснений и несправедливости чиновников иранского посольства, вышли из иранского подданства, дабы избавиться от сих напастей, и приняли подданство одной из крупных держав: Англии, Франции или России.

Не раз уже, движимые расположением, давали они советы этому одержимому человеку. Они убеждали его, что, оставаясь в иранском подданстве, он поступает неблагоразумно и даже жестоко по отношению к своим наследникам.

— Право, — говорили они, — иранские послы и чиновники и в Турции, и на Кавказе считают себя настоящими душеприказчиками и опеку-

нами живых иранцев. После твоей смерти они ничего не отдадут наследникам, уж мы-то хорошо знаем их и им подобных!

Но этот честный человек не внимал подобным словам, хотя и ему уже не раз приходилось платить ничем не обоснованные штрафы и поборы. Однако из-за своего патриотизма и терпения он так и не соглашался выйти из иранского подданства.

По причине этого даже хаджи Мирза Наджафали-хан, чьи злые и беззаконные деяния до сих пор помнят разоренные им иранцы в Стамбуле и в других городах Османской империи, самое имя которого они не могут произносить без отвращения, и тот после смерти этого купца отхватил из его наследства только тысячу лир и на том оставил наследников в покое. А ведь Наджафали в других случаях присваивал все наследство, если только удавалось придраться к чему-нибудь в завещании.

Ибрахиму было двадцать лет, когда умер его отец. В свои последние мгновения, как и подобает отцу, он обратился к сыну с таким напутствием:

— О, дорогой сын, я выполнил по отношению к тебе свой родительский долг. Кроме родного языка, я обучил тебя иностранным языкам и тем наукам, которые нынче необходимы, чтобы стать дельным и достойным человеком. Все это ты хорошо усвоил, как позволили тебе твои природные способности. О нравственности твоей, целомудрии и религиозности говорить, слава богу, не приходится. В этом отношении я доволен тобой, бог тебя не обидел. Теперь, когда свеча моей жизни догорает, я дам тебе мое напутствие, а ты выслушай его хорошенько, это поможет тебе стать достойным обоих миров. Первое: поручаю твою мать и тебя господу. Потом ты сам поймешь, сколько трудов мы с ней положили, чтобы воспитать тебя. Второе: будь внимателен к Мирзе Юсифу Аму, твоему учителю и воспитателю, ибо после отца с матерью больше всего надобно чтить учителя, а особенно такого, как Юсиф. Он человек благородный, праведный, честный и искренний. Он с самого твоего детства живет у нас, и его следует считать членом нашей семьи. Третье: никогда не забывай своих прекрасных национальных обычаев. Некоторые неблагородные и легкомысленные люди плохо говорят об Иране. Не верь им, все это ложь. А даже если и правда, не будь с ними заодно в поношении своей родины. Четвертое: скрывай свои тайны от всех, за исключением испытанного и честного друга. Пятое: берегись льстивых людей, беги на целый фарсанг[24] от всякого, кто рассыпается в похвалах тебе. Ведь такой человек мало того, что одолеет тебя всякими просьбами, еще поднимет тебя на гору спесивости и эгоизма, которые являются худшими среди человеческих пороков, и ввергнет тебя в пучину гордыни. Шестое: сам в гости ходи поменьше, старайся, чтобы ходили к тебе. Опасайся пренебречь намазом и другими религиозными обязанностями. В щедрости не проявляй излишеств: не давай столько, чтобы стать известным — если прославишься щедростью, со всех сторон к тебе устремятся нищие, а коли не дашь, они станут твоими лютыми врагами. Это относится не к дервишам,[25] а к льстивым

просителям. А ежели случится в разговоре кто-нибудь скажет то, с чем ты не согласен, — не вступай в бесполезные споры и смолчи. Особенно я настаиваю на том, чтобы ты лет на шесть-восемь оставил торговлю. Слава богу, средства к жизни у тебя есть — подожди до тридцати лет, а тем временем поезжай путешествовать туда, куда повлечет тебя сердце. Для этого путешествия я вписал отдельно в завещание на твое имя тысячу лир, они не входят в общую сумму. Но не ограничивай свое странствие тем, что посмотришь всякую всячину в городах. Оставайся в каждом месте по нескольку дней и разузнай внимательно условия жизни и средства к существованию людей этой страны, а также осведомись о статистике торговли, т. е. какой годовой доход у них от торговли и какие товары и сколько они вывозят ежегодно. Приехав в какой-нибудь город, старайся найти одного-двух человек, достойных доверия, и подружись с ними, чтобы впредь они были твоими корреспондентами. В это путешествие возьми с собой Юсифа Аму, если он еще будет здравствовать, — он будет тебе охраной от бед. В этом городе ты знаешь моих друзей. Уважай их больше, чем я уважал, а тех, которые не были моими друзьями, остерегайся, ибо я на выбор друзей затратил немало труда. Свести доброе знакомство с людьми и узнать их — большой труд, это настоящее искусство. Во время путешествия помечай в записной книжке приезд и отъезд из каждого города и записывай свои ежедневные впечатления: придет время, и все это тебе пригодится. Остальные свои наставления я подробно изложил в завещании, а теперь — да хранит тебя бог!

После смерти отца Ибрахим-бек, благодаря своей честности, нравственности и высоким душевным качествам, которые вытекали из его благородной природы, стал пользоваться уважением не только друзей, но и врагов. Все его дела и поступки одобрялись многими людьми, а в чувстве патриотизма он даже превзошел своего отца.

Некоторые острословы из его соотечественников, желая подшутить над ним, говорили в его присутствии разные неприятные вещи об Иране. Поминали они об отсутствии порядка, о том, что солдаты босы, а должности в областях покупаются взятками; народ обманывают правители, беглербеки,[26] старосты и полицмейстеры, и любой из них всевозможными кознями может обложить человека штрафом или засадить в тюрьму. Говорили, что в некоторых городах имеется до пятнадцати тюрем с колодками и оковами, а также о том, что в одном городе люди сидят в бесте[27] в десяти-двенадцати местах: в домах духовенства, или в доме начальника казенной конюшни, или у какого-нибудь сартиба.[28] Возмущались грязью в городах и тем, что мечети не освещены и закрыты по одиннадцати месяцев в году, а осенью завалены арбузами и дынями. Городские бани не в порядке, тысячи людей, среди них и страдающих инфекционными болезнями, входят в один и тот же бассейн; вода в нем плесневеет и мутнеет от грязи, и бассейны эти — настоящие рассадники заразы. Говорили они о том, что духовные лица враждуют между собой

и завидуют друг другу. Каждый из них держит при себе, под видом сеидов,[29] группу в 10—12 человек из отъявленных бандитов и подонков общества, у которых чешутся руки на имущество горожан. Эти духовники сеют повсюду смуты и непорядки, а потом пожинают плоды, творят, что хотят, и грабят народ. Поэтому происходят бесчисленные эмиграции несчастных людей.

Такие неприятные разговоры, в которых нередко ложь мешалась с правдой, эти люди вели больше всего для того, чтобы задеть Ибрахим-бека. Несчастный, слушая эти речи, негодовал, обвинял их в безверии, в отсутствии патриотизма. И как часто от попреков и брани дело доходило до драки, и тут уже вырывались бороды и сыпались затрещины!

Но друзья знали его убеждения, поэтому не обращали внимания на его грубую ругань и не обижались на скандалы, которые он устраивал. Случалось и наоборот: они хотели порадовать его приятными речами. Тогда они шли в кофейню, садились там и, видя его приближение, заводили разговор о величии и процветании Ирана. Простодушный Ибрахим, уловив, что беседа будет ему по душе, приходил в хорошее расположение духа и весь превращался в слух. Первым признаком его хорошего настроения было то, что он вынимал из кармана коробку с сигарами, ставил на стол и приглашал всех:

— Пожалуйста, закуривайте!

Собеседники тотчас же начинали разговор о мудрости шаха:

— Его величество изволили издать указ о том, чтобы в каждом городе построили несколько высших школ, а правителям областей выслано строжайшее предписание не чинить несправедливостей населению. Об этом распространяются особые указы от министерства, выражающие высочайшую волю шаха.

Другой говорил:

— Зилли Султан[30] сам подготовил сто тысяч всадников и пехотинцев, снабдив их новым оружием и всем необходимым снаряжением.

Бедный Ибрахим, слыша такие слова, будто пьянел от радости и, сидя с трепещущим сердцем, не чувствовал ни рук ни ног. Он подзывал хозяина кофейни и заказывал ему для господ кофе и кальян, а сам все угощал собеседников сигарами.

Разговор становился еще оживленнее.

— Я хорошо знаю, что по первому приказу шаха, — говорил один, — только племена шахсаванов[31] и талышей[32] могут поставить в течение двух недель пятьдесят тысяч всадников в полной боевой готовности, со всем снаряжением за свой счет.

— А бахтиарские[33] всадники еще лучше, — подхватывал другой, — они могут снарядить в течение двух недель сто тысяч людей в полной боевой готовности!

Некоторые из собеседников, считая, что и этого мало, заводили разговор о мужестве народных ополченцев Мараги и Афшара.[34] К концу

такой беседы Ибрахим от избытка признательности оплачивал кофе и кальян всех собеседников, а иной раз ему приходилось расплачиваться и за весь ужин и за проезд в экипажах.

Небезызвестный хаджи Карим из Исфахана, живший тогда в Каире, знал об Ибрахиме поразительные истории. Вот его рассказ:

— Случилось так, что мне изменило счастье, и я крайне обеднел. У всех своих знакомых я уже занял деньги и не мог больше рассчитывать, чтобы кто-нибудь помог мне хотя бы одним шаи.[35] Я отказался от мысли взять в долг, и дело дошло до того, что я уже не знал, что буду есть на ужин. А хуже всего было то, что уже шесть месяцев я не платил за квартиру. Хозяин дома, араб, которому надоело выслушивать мои «не сегодня—завтра», подал жалобу в суд, и оттуда пришла бумага с предписанием, чтобы я, уплатив двенадцать лир, освободил квартиру. После бесконечных просьб и молений я получил отсрочку на десять дней. Боже мой, что было делать?! И вот как будто мне сердце подсказало, что помощь я найду у Ибрахим-бека. Чтобы привести в исполнение свой план, я написал копию со старого письма, которое мне некогда прислал один родственник из Тегерана. Затем я пошел к хаджи Мирза Рафии, исфаханскому купцу, взял у него старый конверт, на котором была почтовая иранская марка, вложил в него мое письмо и отправился туда, где, по моим сведениям, каждый день проходил Ибрахим-бек. Я сел и стал ждать его появления. Когда он показался, я, сделав вид, что не замечаю его, вынул из-за пазухи письмо и углубился в чтение. Он приблизился, я поднял голову и поздоровался. Он громко отозвался: «Здравствуйте, ага хаджи Карим, откуда изволите идти?». Я сказал: «Иду с почты, вот получил письмо из Тегерана». — «Из Тегерана?!». — «Да». — «Это чудесно, какие же новости?» — живо спросил он. — «Я еще не дочитал, но вижу вот имена шаха и разное другое», — ответил я ему. В чрезвычайном волнении Ибрахим-бек пригласил меня в кафе выпить чашку чая и почитать письмо. — «Хотя у меня и очень много дел, но раз вы так интересуетесь вестями из Тегерана — какой может быть разговор, пойдемте!» — согласился я. Мы вошли в кофейню, заказали себе кофе и кальян, и я начал читать ему письмо. Вот содержание письма:

«Уважаемый брат! Я удостоился прочесть ваше почтенное письмо, и я очень благодарен, дорогой брат, за ваши приветствия. Вы посылали двадцать пять лир через одного купца из города Оску[36] агу хаджи Абдурразака. Упомянутую сумму я получил и, согласно вашему распоряжению, послал в Исфахан на имя Мешеди Мухаммада Ризы, который передал десять лир вашим домашним, а остальные ссудил в долг аге Хасану. Он, конечно, об этом вам напишет. Других дел, заслуживающих внимания, как будто и не было, да вот какое случилось важное событие несколько дней тому назад. Вроде бы и не было причин для того, чтобы высокое правительство Ирана объявило войну правительству Англии, однако это произошло. Вот уже несколько дней, как распространились тревожные слухи,

которые сразу же лишили нас всех покоя. Как выяснилось, причиной послужил такой факт: английский посланник в одной дипломатической беседе, содержание которой, разумеется, нам неизвестно, ответил садр-азаму[37] без должной вежливости. Садр-азам доложил об этом его августейшему величеству. От его величества тотчас же поступил строгий приказ министру иностранных дел телеграфировать в Лондон, чтобы оттуда прислали приказ послу принести извинения. В противном случае через две недели иранские войска, двинувшись в сторону Герата, займут всю Индию. В тот же день его высочеству Зилли-Султану по телеграфу поступил приказ, чтобы четвертый полк, снарядившись в две недели всем необходимым, выступил в сторону Аби-Шахра (Бушира).[38] Помимо этого, 24-го числа месяца Раби ал-Аввал[39] в столице должно самым внушительным образом расположиться войско. Личному войску шаха и прочим войскам — пехоте, коннице и артиллерии, в количестве пятидесяти тысяч человек, предписано провести маневры и достигнуть в военном искусстве такой ловкости и сноровки, чтобы это было на удивление как своим, так и иноземцам. „Кибла мира“[40] лично отдал сии монаршьи повеления. Короче говоря, поднялась суматоха. Наиб ас-Салтане, военный министр, словно какой-то заурядный полковник, носился то туда, то сюда. От грязи и пыли, осевших на его лице, никто его не узнавал. От порохового дыма потемнел воздух, через него не пробивались солнечные лучи. Как раз в тот день пришла телеграмма из Лондона. Не знаю, что именно в ней было, но стало известно, что немецкий посол принял на себя обязанности посредника. От самого его величества немецкого императора поступила специальная телеграмма светлейшему шаху: „Пользуясь нашей совершенной дружбой, я хотел бы просить вас, ваше величество, преумножить ваше высокое благоволение во имя сохранения и упрочения мира и общенародного спокойствия, ибо перед вашим чистым разумом не скрыто, что в наши дни, ежели в одной части мира раздастся гул пушек, — он может охватить мировой войной всю землю, так как политика тесно связывает все государства между собой. Война породит неразбериху, которая нарушит торговлю между странами, являющуюся источником жизни рабов божиих. Ради искренней дружбы, кою я питаю к вам, ваше величество, я не хотел бы, чтобы причиной мировой войны стал Иран, и надеюсь, что вы простите опрометчивый поступок посланника“. После этого стало известно, что войны не будет. Договорились на том, что английский посланник с целью извинения явится в дом его сиятельства садр-азама и, высказав ему лично свои сожаления, публично удовлетворит его обиду. Говорят, что через месяц упомянутый посланник был смещен с должности и отозван из Тегерана. Иранское правительство никогда больше не согласится принять его, и на его место приедет другой».

Теперь вернемся к Ибрахим-беку и его переживаниям. От радости у него перехватило горло, он тихо прошептал:

— Да стану я жертвой за шаха! Садр-азам тоже великий и ревностный человек — да хранит их обоих господь!

Несчастный так возликовал от этих вестей, что и описать невозможно.

Хаджи Карим Исфахани, между тем, дочитав письмо, поднялся и сказал:

— Простите, у меня дела. Разрешите мне уйти.

Ибрахим-бек от полноты сердца воскликнул:

— Куда же вы, Карим-ага, ведь время обеда! Пойдемте, что-нибудь перекусим, мы ведь оба проголодались.

— Нет, благодарю вас, — стал отнекиваться хаджи Карим, — мне надо идти — много дел. Даст бог, увидимся в другой раз. До свидания!

С этими словами он удалился.

Ибрахим-бек, заплатив за кофе и кальян, вышел на улицу. От радости он не знал, что предпринять, куда пойти. Без всякой цели он подозвал извозчика, сел в коляску и, не указывая направления, приказал: «Езжай!». Извозчик гнал так быстро, что вскоре они очутились на окраине города. Тогда извозчик осведомился:

— Господин, куда прикажете ехать?

— Поезжай, поезжай, — ответил Ибрахим-бек.

После продолжительной прогулки, уже на закате солнца, без завтрака и обеда Ибрахим-бек вернулся домой в самом радушном настроении и тотчас же направился в библиотеку. Там он взял «Историю Надир-шаха» и начал читать описание похода в Индию. От этого радость его еще более возросла.

Вошла мать и спросила:

— Сынок, где ты сегодня обедал? Я тебя весь день прождала.

— Матушка, — ответил Ибрахим, — я ничего не ел, но мое сердце так полно, что не ешь я десять дней, и то не почувствовал бы голода.

Лишь сам Ибрахим-бек знал, как велика была его радость в тот вечер.

На следующее утро, совершив поскорее обычные обряды, он вышел из дома с мыслью встретить кого-нибудь из своих друзей и побеседовать с ним о вчерашнем письме хаджи Карима, чтобы и на сегодня продлить свое удовольствие; ведь рассказать об удовольствии — это значит хоть наполовину испытать его снова.

Случилось так, что он никого не встретил и решил поискать хаджи Карима. Но сколько он ни ходил из одной кофейни в другую, нигде не мог его найти. Со своей стороны хаджи Карим Исфахани хорошо понимал, что номер его удался и что Ибрахим будет искать его. Поэтому в этот день ради скорейшего достижения цели он не выходил из дома.

Бедному Ибрахим-беку за весь день не удалось найти ни одного сочувствующего, с которым он мог бы поделиться переполнявшей его радостью.

Волей-неволей пришлось ему к вечеру вернуться домой. После намаза и ужина он еще немного почитал, а на следующий день, выйдя из дома,

он, по своему обыкновению, сразу направился в большую кофейню на площади Мухаммад Али-шаха.

Было около полудня, когда появился прятавшийся хаджи Карим и увидел, что Ибрахим-бек сидит один. Словно бы не заметив его, хаджи хотел пройти мимо, но Ибрахим-бек в крайней поспешности позвал:

— Хаджи, хаджи!

Хаджи Карим, почувствовав, что случай ему благоприятствует, обернулся и поздоровался с Ибрахим-беком.

— Дорогой хаджи, куда же вы идете? — спросил Ибрахим-бек.

— Да вот здесь неподалеку у меня одно дело.

— Сделайте милость, посидите со мной, выпьем кофе.

— Никак не могу, нужно идти.

— Что за спешка, баба́,[41] присядьте пожалуйста!

— Право, не могу.

— Дорогой хаджи, я отлично знаю, что у вас нет ни магазина, ни должности, ни службы, так что это за уловки?

— Вы справедливо изволили заметить, что у меня нет определенных занятий, однако есть одна причина, которая поважнее всего.

Тогда Ибрахим-бек, удерживая хаджи за полу кафтана, стал просить:

— Присядьте же, скажите, что это за причина?

— Дело в том, что я задолжал одному неотесанному арабу, а мне в свою очередь должен другой человек, и он обещал мне отдать деньги в начале следующего месяца. Вышло так, что я свой долг должен вернуть сегодня к вечеру, а денег-то и нет. Араб где-то здесь поблизости от этой кофейни, и раз денег при мне нет, я боюсь, что этот проклятый, увидев меня, начнет посреди улицы браниться и требовать долг. И вам будет неловко, и я опозорюсь. На улице, куда ни шло, можно еще замешаться в толпе торговцев, но здесь такой возможности нет. Стоит ему только войти сюда, он увидит меня еще издали, и тогда, уноси ты мои ноги — быть скандалу!

— И что же, ваш долг велик? — поинтересовался Ибрахим-бек.

— Да не очень, всего пятнадцать лир.

— Наличных при мне нет, но господь милостив, посидите.

Хаджи наконец сел. Ибрахим-бек подозвал хозяина кофейни и попросил у него перо. Затем он вынул из кармана чековую книжку, что-то написал и протянул бумагу хаджи.

— Вот чек на пятнадцать лир. Получите их в банке, когда пожелаете. А теперь выпейте кофе, а то он остынет. Когда вернут вам долг, вы принесете мне деньги.

— Ваша милость велика! Поистине, вы вырвали меня из когтей этого бесчеловечного араба. Сейчас я вам напишу расписку. Даст бог, дней через двадцать я получу деньги и верну вам. Если не все сразу, то хоть в рассрочку, по пяти лир.

— К чему еще расписка? Достаточно вашего слова. Лучше поговорим немного. Скажите, вчерашнее письмо при вас?

— Да.

— Дайте его мне, — попросил Ибрахим-бек, — я еще раз почитаю. Уж очень приятное содержание. Всякие проходимцы и негодяи плетут ложь и, не стыдясь, говорят, что и консулы, и даже простые иностранные подданные всё, что хотят, то и творят в Иране. Будто нет на них управы. Эй, негодные, придите и прочтите своими незрячими глазами эту бумагу, которую мусульманин прислал своему единоверцу из Тегерана!

Хаджи Карим вынул письмо из-за пазухи и подал его Ибрахим-беку.

— Здесь нет никаких секретов? — спросил Ибрахим-бек.

— Если б и были, я не стал бы от вас утаивать.

Ибрахим принялся читать письмо. Читая, он то и дело тихо восклицал: «Да благословит тебя бог! Да стану я жертвой за тебя!».

С большим волнением он несколько раз перечитал письмо, и все ему было мало.

— Хаджи Карим, — сказал он, — дайте мне это письмо на несколько дней.

Хаджи, боясь, что его плутни раскроются, ответил:

— Если бы в нем не было упоминания о жене и детях, я не возражал бы. Но так — вы сами понимаете, не подобает отдавать письмо.

Взяв письмо, он попрощался и поспешно вышел. Так он смог заплатить за квартиру и освободился от забот.

Из этого рассказа легко судить, какой степени достигало патриотическое рвение Ибрахим-бека. Этот пылкий юноша с тех пор, как помнил себя, никогда не употреблял слово «Александрия» только потому, что оно ассоциировалось у него с походом Александра на Иран, во время которого были разрушены города, пал город Истахр — древняя столица Ирана и был убит Дарий.[42] В случае надобности он называл Александрию Египетским портом.

Таковы немногие примеры, показывающие патриотизм и благородный пыл Ибрахим-бека.

Не приходится скрывать, однако, что некоторые близорукие люди относили эти чувства на счет его невежества и тупого фанатизма. Но это не так. Мой дорогой соотечественник, хотя и был молод, отличался умом, опытностью, проницательностью и здравым смыслом человека, умудренного жизнью; к тому же он считался одним из образованнейших людей своей эпохи. Но стоило ему услышать слово «Иран», он совершенно терял самообладание, всем его существом целиком завладевала любовь к родине. Он не переносил, если кто-нибудь дурно отзывался о предмете его любви, — и это можно считать только положительным качеством его натуры.

Случилось так, что я уезжал из Стамбула. Через два месяца, когда я вернулся домой, мой сын сказал:

— Отец, к нам в гости заезжали двое из Каира. Они оставались у нас три дня, а потом выехали в Иран.

— Как их зовут? — спросил я.

— Они оставили вам письмо на столе в библиотеке — прочтите.

Я взял письмо и прочел. Вот оно:

«Да будем мы твоей жертвой!

«Намереваясь совершить паломничество в святой Мешхед,[43] мы с Юсифом Аму прибыли из Каира в Стамбул и остановились в вашем доме, который был для нас единственной надеждой на пристанище. Я сожалею, что не дождался встречи с вами. Три дня мы причиняли хлопоты вашим домашним, а на четвертый отбываем через Батум в Хорасан. Если вернемся благополучно, станем называться паломниками, а коли погибнем, примите от нас изъявления искренней дружбы. Увидев в вашей библиотеке среди прочих книг „Книгу Ахмада“,[44] мы взяли ее, чтобы почитать в пути. Хотя автор и кажется человеком, достигшим совершенства в науках и осведомленным в важных и великих проблемах, но что касается Ирана, то тут он пишет нечто такое, что поневоле начинаешь думать: или он совсем не знает Ирана, или заблуждается, или это вообще какой-то чудак.

«Еще раз молюсь за вас. Юсиф Аму шлет вам поклон.

Ибрахим».

Когда я увидел, что автором письма был мой друг Ибрахим-бек, я очень пожалел, что не оказался в Стамбуле во время его приезда и не отговорил его от путешествия по Ирану. Я бы посоветовал ему, проехав через Батум и Ашхабад в Мешхед, этим удовольствоваться и тем же путем вернуться обратно. Я ведь знал, что, приехав в Иран и увидев тяжелое положение своей родины, он будет страдать. Я боялся, кроме того, что, наблюдая всякие неполадки, он не станет воздерживаться и будет ругать и поносить даже высокопоставленных особ и подвергнет себя тем самым всяческим неприятностям. Ведь я хорошо знал Ибрахима, да и сам он как-то к случаю рассказал о такой истории, происшедшей с ним в Каире:

— Однажды в городском саду я заметил трех-четырех прогуливающихся иранцев. Среди них был человек лет шестидесяти, с крашеной бородой. На нем была старая рваная одежда, ветхие башмаки и невероятные красные с белым чулки. Сквозь дыры в башмаках и чулках просвечивали грязные пятки. Вместе с тем выступал он очень величаво, высоко поднимая ноги, и башмаки шли впереди него на три шага. На голове у него была суконная шапка, от старости превратившаяся из черной в зеленую, с кокардой в виде Льва и Солнца.[45] Я заметил также орден Льва и Солнца третьей степени, прикрепленный вместе с тремя или четырьмя серебряными медалями на воротнике его рваного сюртука. Для меня стало ясно, что это иранцы-паломники, путешествующие по Египту. Я подошел к ним, поздоровался и сказал: «Да будет удачным ваше паломничество! Вы, по-видимому, возвращаетесь из святых мест?». — «Это так, да будет ми-

лостив к вам господь! А вы откуда знаете персидский?». — «Я сам иранец». — «Откуда родом?». — «Из Азербайджана. А вы?». — «Из племени хамсе.[46] Зовут меня хаджи-майор». — «Теперь-то вы хаджи, это понятно, майор — это ваше звание, а позвольте узнать ваше имя?». — «Майор Рустам». — «Чудесно, у вас великое имя.[47] Позвольте мне высказать вам одну просьбу». — «Что такое?» — спросил он. — «Вы сейчас в Египте. Здесь много людей разных национальностей, и на каждом шагу можно встретить солдат, полковников и майоров. Обратите внимание, одеты они чисто и прилично. Следует и вам из уважения к вашим орденам и ради высокого достоинства нашей родины и народа носить одежды, приличествующие вашему военному званию, а не такую рвань, которая может навлечь на вас стыд и смущение». — «Мы паломники. Наша одежда осталась дома», — заметил майор Рустам. — «Раз вы оставили там одежду, то следовало оставить там и шапку, и орден, и медали. А теперь лучше вам снять их с себя — наденете, когда вернетесь домой». — «Эй, дерзкий человечишко, а тебе что за дело? Ты что, правитель области?». — «Нет, но моя преданность родине понуждает меня удерживать вас от такого неблаговидного поведения». Тут я заметил, что хаджи-майор даже переменился в лице от гнева и закричал: «Смотри, негодный, берегись! Будь мы сейчас с тобою в Иране, я приказал бы посадить тебя на кол!». От этой грубости у меня потемнело в глазах, и я, не тратя время на перебранку, схватил его за воротник и закатил две-три оплеухи. Так что у него слетела шапка. Подоспели окружающие и удержали меня. Один из них, выбежав вперед, сказал: «Эй, земляк, знаешь ли ты, с кем имеешь дело? Это же хаджи-майор. Он хозяин целой области у себя на родине, у него мельницы и сады, и он командует таким-то полком». Итак, я вернулся домой, дрожа от гнева и посылая проклятия шайтану.

Так что легко себе представить, какие беды могли обрушиться на голову такого человека в Иране. Поэтому я не одобрял его путешествия в Иран и очень из-за этого тревожился.

Прошло восемь месяцев.

Однажды слуга доложил мне, что вернулись те два гостя, которые уезжали в Иран. Я побежал к дверям. После рукопожатий, объятий и приветствий мы вошли в комнату, и я сказал:

— Брат мой, я очень о вас беспокоился! Если бы я знал, где вы находитесь, то послал бы телеграмму. Но, слава богу, вы вернулись целы и невредимы. Надеюсь, аллах был милостив и путь ваш, как морем, так и сушей, не доставил вам неприятностей?

— Нет, ничего, — ответил Ибрахим, — только в районе Трапезунда был небольшой шторм и нас качало, но и это быстро кончилось.

— А каким пароходом вы плыли?

— Русским.

— А теперь чувствуете себя хорошо?

— Благодарю вас, хорошо.

— Ну расскажите же мне об этом продолжительном странствии, где пришлось, видно, ехать и на лошадях, и на верблюдах?

— Всякое бывало — что доставали, на том и ехали.

— Почему же вы не предупредили меня о своем намерении путешествовать?

— По правде говоря, я об этом не думал, и только за два-три дня до отъезда у меня возникло такое желание. А причиной тому стал ага Ахмад Ширази. Вы должны знать агу Ахмада. Когда вы изволили гостить у меня в Каире, он как-то заходил в мой дом.

— Да, да, я припоминаю.

— Этот человек за честную сорокалетнюю службу своего отца должен был получать из Тегерана ежегодно сто двадцать туманов[48] пенсии. Но прошло десять лет, а он ничего не получил. Бедняк отправился в Тегеран. И там выяснилось, что эти суммы ежегодно поступали из Тегерана на имя иранского посольства в Стамбул.[49] И вот это-то посольство, которое считает себя опекуном и душеприказчиком всех живых и мертвых иранцев, из года в год безнаказанно и без зазрения совести поглощало эти деньги так же, как прибрало к рукам имущество прочих несчастных иранцев, проживающих в Стамбуле и его окрестностях. Короче говоря, этот злосчастный ага Ахмад Ширази, перенеся все тяготы такого длинного пути, вернулся в Каир ни с чем. Вы ведь знаете меня — я сразу же побежал к нему, чтобы узнать последние новости об Иране. Прихожу и спрашиваю: «Что нового?». — «Да ничего», — отвечает он. «Я спрашиваю, — поясняю я, — о состоянии монархии и о положении государственных министров». Он снова отвечает: «Ничего не могу сказать». Я спросил его еще об организации войска, о разных государственных учреждениях. Отвечает: «Ведь я уже сказал, ничего нового!». — «Поразительно! — воскликнул я. — Что ж, в этой стране, быть может, совсем нет ни военного министерства, ни министерств внутренних дел, иностранных дел, просвещения, финансов, юстиции, земледелия и торговли?». — «Названия-то такие есть, — говорит он, — чиновники и писцы тоже существуют. Дошло до того, что ради двух полусгнивших старых суденышек завели министерство морских дел и назначили министра. Из этого нетрудно заключить, каковы и прочие министерства». Из-за этих вздорных и нелепых речей я вернулся домой совсем расстроенный. Всю ночь я думал: что делать? Не может быть таких вещей, какие болтают о моей родине! Да и разве правильно, что наказ путешествовать, который дал мне покойный отец, я исполнил только для посещения европейских стран, где был по два, по три раза, и ни разу не повидал родины? Лучше всего отправиться мне на поклонение в святой Мешхед, а затем навестить другие области и уж, конечно, столицу. Если мне приглянется какое-нибудь место, думал я, то, вернувшись в Каир, я продам свое имущество, возьму семью и слуг и поеду в Иран и там, на священной земле родины, проведу остаток моих дней, занявшись торговлей или земледелием. На другой день я сказал

Юсифу Аму, чтобы он распорядился сборами, так как через день мы едем в Мешхед, а затем в путешествие по Ирану. Вот тогда-то, восемь месяцев назад, мы и заезжали к вам по пути в Иран, а теперь возвращаемся в Каир.

— Хорошо, —сказал я, — и что же вы увидели? Каково положение в стране, как ею управляют?

Ибрахим тяжело вздохнул:

— Не вам бы спрашивать и не мне отвечать. Увы, лучше бы мне никогда туда не ездить и не видеть всех этих ужасных вещей. Пусть бы мои представления о родине остались прежними!

— Я так и знал, — заметил я, — что вам не вернуться из этого путешествия довольным. А теперь уж, если расскажете обо всем, что видели, хуже не будет.

— Все, что я видел и что происходило со мной, я записывал. Завтра я принесу вам свой путевой дневник, и вы сами прочтете. А пересказать все это у меня и язык не повернется! Признаться, у меня не лежало сердце к тому, чтобы описывать все эти безобразия, но я не хотел идти наперекор последней воле отца. Он завещал мне ради будущей пользы записывать во время путешествия все происшествия и все мои наблюдения в каждой стране, где я побываю.

Так прошел вечер, мы поужинали, и я сказал Ибрахим-беку:

— Вам надо пойти отдохнуть с дороги. Да хранит вас аллах!

На этом мы разошлись и легли спать.

Утром, когда, совершив намаз, мы пили чай, Ибрахим сказал:

— Юсиф Аму, приготовь белье на смену, пойдем в баню.

Потом, обращаясь ко мне, добавил:

— Представьте, все эти восемь месяцев мы не видели бани.

Юсиф Аму раскрыл чемодан, чтобы достать белье, но Ибрахим велел подать себе прежде всего дневник. Взяв тетрадь, он протянул ее мне.

— Это мой дневник. Я записал в него все, что я видел, ничего не преувеличив и не преуменьшив. Если у вас есть время, почитайте его, пока мы не вернемся из бани.

Я взял дневник. Предвижу, что и читатель с нетерпением ждет подробностей путешествия, поэтому я привожу дневник полностью:

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИБРАХИМ-БЕКА

18-го числа ... месяца вместе с моим учителем Юсифом Аму, который поистине для меня и дядя, и отец родной, отправился я на поклонение святым местам в Мешхед и в путешествие по Ирану. В два часа дня мы выехали первым поездом в Египетский порт [т. е. Александрию], куда прибыли в тот же день. Там мы провели ночь, а на следующий день в четыре часа пополудни, взяв билеты первого класса на пароход «Принц Аббас», отплыли в Стамбул.

Погода стояла прекрасная, и я целый день прогуливался по палубе. Собеседника не находилось, и я был погружен в свои мысли.

На третьи сутки мы прибыли в Стамбул. В пути мы останавливались только один раз — у крепости Султания, что находится у входа в Стамбульский залив.

Эта крепость обнесена большими укреплениями, оснащенными по всем правилам военной техники. Говорят, что в ее бойницах расположено около тысячи пушек и ни один корабль не пройдет мимо без охранного разрешения. Позднее эти сведения подтвердили люди, которые видели крепость своими глазами.

Наш пароход после проверки пропусков подошел к Стамбулу. Как всегда, он остановился далеко от причала, и к таможне нас подвезла одна из многочисленных лодок, которые так и сновали вокруг парохода.

После проверки в таможне мы сразу же отправились в дом одного нашего знакомого. [Здесь Ибрахим-бек имеет в виду меня]. Хотя самого хозяина, моего хорошего друга, не было в это время в городе, его домочадцы встретили нас с большим почтением и ни на минуту не отступали от обычаев гостеприимства. Мы были даже смущены такой заботой. Хотя этот дом для меня почти свой, но отсутствие хозяина всегда несколько смущает.

На четвертый день мы подписали свои визы в иранском и русском посольствах и сели на немецкий пароход, отправлявшийся в Батум. Через несколько дней мы прибыли туда.

Пришли русские таможенные чиновники, проверили наш багаж, тут же подписали билеты, и мы сошли на берег.

На набережной мне сразу же бросилась в глаза большая толпа иранцев, и в каком виде! Глядя на них, я почувствовал изумление и жалость. Они окружили нас с криками: «Ага, к нам, к нам! У нас хорошая гостиница, и чай, и квартира!». Они уж было подхватили вещи, как вдруг один человек из толпы подал нам знак остановиться. Он отвел Юсифа Аму в сторону и сказал ему на ухо, чтобы мы не шли в кофейню с этими людьми, так как все они — проходимцы, воры, жулики. Лучше будет, если мы остановимся в отеле «Империал», неподалеку отсюда.

— Хотя, — добавил он, — плата там несколько велика — рубль-два за ночь, но отдохнуть там можно спокойно.

Юсиф Аму приказал носильщику:

— В отель «Империал!».

В отеле мы сняли комнату за два рубля и провели там ночь.

Поутру, встретив на улице одного из своих соотечественников, мы спросили, когда уходит поезд на Тифлис. Он сказал нам, что один отходит сейчас, а другой будет вечером. Поняв, что на утренний поезд мы уже опоздали, мы решили до вечера погулять по городу. Мы спросили, как зовут нашего собеседника и откуда он родом.

— Мое имя Али, родом я из Ленкорани, а вы откуда?

— Из Каира.

— Я тоже бывал в Каире, — сказал он и осведомился при этом о некоторых лицах, живущих там.

Я заметил:

— Странно, куда ни глянешь, повсюду здесь видишь иранцев, снующих без дела. И какой у них несчастный, жалкий вид! Можно подумать, что у них ни гроша нет за душой.

— Да, здесь много наших земляков. Сегодня воскресенье, вот они и столпились здесь. Завтра многие из них отправятся на работу.

— А чем они занимаются?

— Работают чернорабочими или грузчиками. Человек сорок пять, пожалуй, — это продавцы фруктов, повара или разносчики. А остальные бродяжничают, без средств на пропитание.

— И сколько же их всего?

— Да тысячи четыре-пять наберется.

Я подумал: «Боже мой, в одном маленьком городишке пять тысяч иранцев! И в каком бедственном положении!».

— Да что вы хотите, ага, — продолжал мой собеседник, — ведь все города, села и даже маленькие деревушки Кавказа переполнены иранцами. Здесь еще их мало по сравнению с другими местами.

— А как же иранское правительство? Оно разрешает им покидать родину?

— Да просветит господь вашего отца! Как говорится: «Хоть ты и слышал о дне восстания из мертвых, а руку от огня держи подальше». Что остается делать этим несчастным, если в Иране нет для них ни работы, ни защиты? Многие покидают родину из-за притеснения правителей, жестокостей беглербеков, губернаторов и сельских старост. Как только эти негодяи разнюхают, что у кого-то завелось пять шаи, они тотчас же найдут тысячу предлогов, чтобы придраться к нему. Одному скажут, что его брат убежал с военной службы, другим, что сын его дяди пьяница или какой-нибудь его родственник шулер. Доходит до того, что человека сажают в тюрьму и облагают штрафом за мнимые проступки его соседа. А если уж ни к чему нельзя придраться, сами возводят всяческую клевету на него. Вот отчего люди покидают родину и уезжают в Турцию, Россию, Индию. Но и туда к ним дотягиваются когти послов, консулов и прочих стервятников. Этот нищий люд, который вы здесь видите, раздетый и разутый, целыми днями работает, месит глину под палящими лучами солнца. Любой неверный их пожалеет, а эти консулы, послы и чиновники не знают милосердия и обирают их дочиста. Да еще с каждого ежегодно берут четыре рубля под видом платы за паспорт. Больше всего, я слышал, притесняют иранцев в Стамбуле и других городах Турции. Консульства только и занимаются добычей доходов для посольств, не знают других обязанностей. Представьте, что один из этих рабочих умер. Если у него что-нибудь есть, то первыми, кто появится у его тела, будут чиновники

из консульства, которые мнят себя и по светским, и по духовным законам его наследниками. Но они и не заглянут туда, если у покойного ничего нет. Тогда этим несчастным батракам приходится собирать между собой деньги, чтобы похоронить умершего. Вот и сейчас здесь, в Батуме, около пятидесяти иранцев сидят безвинно в тюрьме, а консулу и горя мало. А если он и сделает запрос, русские не примут его во внимание. Говорят, что, только получив хорошую взятку, он похлопочет об их освобождении. Обращение этих чиновников с народом хорошо известно! Они знают, что вся их жизнь зависит от существования народа, а без него они лишаются всех благ. Те, которые призваны заботиться о благе народа, сами же его и грабят. Что же тогда требовать от чужих?

— Но иранское правительство, разве оно не ведает о действиях своих чиновников? Надо, чтобы иранцы не молчали, пусть подадут прошение и пожалуются на притеснителей.

— Ей богу, они это знают лучше меня. Дело-то в том, что государство не только не платит жалованья чиновникам министерства иностранных дел, но еще и с них требует какие-то суммы. Поэтому оно и не может взыскивать с них за их действия. С этих консульств, что в Турции и России, их начальство собирает по две-три тысячи рублей в год. А они уж во всю стараются вознаградить себя за это и силой собрать с несчастного народа в пять-шесть раз больше.

Итак, эта первая неприятность, свалившаяся на меня в Батуме, заставила больно сжаться мое сердце. Невольно из самых глубин моей души исторглись тяжкие вздохи и стоны. До самого вечера, когда предстояло идти к поезду, бродил я по городу, не сознавая, куда иду и что делаю. Мы купили два билета до Тифлиса в первый класс по четырнадцать рублей и, вознаградив Али, попрощались с ним.

Половину пути мы проехали ночью. Утром я заметил, что временами поезд шел под землей сквозь прорытые в горах туннели. Я с восторгом подумал о том, какие великие дела совершают человеческие сыны, связывая железной дорогой города и перенося поезда за несколько минут сквозь огромные горы. Очнувшись от этих размышлений, я услышал, как говорю себе по арабски: «Воля человека рассекает горы».

С нами в вагоне ехал один армянин.

— Какие чудеса совершает наука геометрия, — обратился я к нему. — Прорыть такие огромные горы и провести через них поезда — это дело, требующее великого искусства и бесчисленных затрат.

— Да, — отвечал мой собеседник, — искусство большое, да и денег сюда вложено немало. Однако государство, потратившись на постройку этого отрезка дороги, уже в прошлом году извлекло из него шестнадцать миллионов рублей чистой прибыли. Больше того. Видите эти места? Раньше это были бесплодные и безлюдные степи, где только дивы бродили по воле бога. Теперь же благодаря черной бакинской нефти прибыль многими миллионами рублей льется от иностранных государств в эту

страну. И вот, смотрите, на каждом шагу возникают цветущие села и деревни. В вашей иранской земле тоже много таких ископаемых сокровищ и полезных источников. Но по нерадивости вашего правительства и лености всей нации никто не думает всерьез об использовании этих несметных богатств, таящихся в недрах земли. Поэтому ваши сограждане в страшной нужде бегут за границу и занимаются там всяким презренным делом: батрачат, месят глину, работают грузчиками и всякое другое. А в конце концов многие из них кончают нищенством и попрошайничеством.

Ах, злорадные слова этого неверного острой стрелой пронзили мое сердце. Но что делать — спорить было невозможно. Поневоле мне пришлось встать и пойти в противоположный угол вагона, где я вскоре забылся сном, обессилев от горя.

Проснулся я от слов Юсифа Аму:

— Вставай, уже виден Тифлис.

Скоро поезд остановился — приехали. Мы выбрались из вагона, носильщик подхватил наши вещи. Я сказал:

— Остановимся в гостинице «Лондон». Еще в Батуми Али Ленкорани советовал нам остановиться в ней.

Прибыв в эту гостиницу, мы сняли комнату за четыре рубля в сутки. После умывания я сказал Юсифу Аму:

— Пойдем, поищем-ка иранской кухни!

Мы отправились в квартал, известный под названием «Шайтан-базар». Там было несколько лавочек с иранскими кушаниями. Это были грязные, закопченные лавчонки, с медной почерневшей посудой и тяжелым запахом.

Но делать было нечего. Мы вошли в лавку, торгующую челавом,[50] и попросили подать челав. Есть пришлось руками, а о чистоте и приятном вкусе нечего было и мечтать.

Прогуливаясь после еды по городу, я воочию убедился, что положение иранцев здесь еще хуже, чем в Батуме. Почти все они либо батрачат, либо работают на строительстве, либо дробят камни на улицах.

Сердце мое облилось кровью, когда я увидел, в каком ужасном положении они находятся и какую изнурительную работу выполняют. Можно было поклясться, что в этих городах весь самый черный и тяжелый труд достается в удел несчастным иранцам.

Нам попался по дороге один из наших земляков, и я спросил у него:

— Есть ли здесь иранские купцы?

— А как же, — ответил он, — в караван-сараях Халатова, Баранбекова и других много иранских купцов.

Узнав, как пройти к этим караван-сараям, мы направились туда. Войдя внутрь одного из них, я внимательно осмотрелся и увидел, что купцы сидят в лавках, заваленных тюками и кипами канауса[51] и ситцев из Хамадана и Буруджирда, йездской бязи[52] и наинского[53] холста. Вдруг

я услышал, что кто-то окликает меня по имени: «Ибрахим-бек! Ибрахим-бек!».

Я остановился. Ко мне подбежал какой-то человек и приветствовал меня. Я ответил на приветствие.

— Наверное, вы меня не узнаете? — спросил он.

— Я припоминаю вас, — ответил я, — но точно не могу припомнить, где выпал нам случай встречаться.

— В Каире. Несколько лет тому назад, возвращаясь из паломничества в святую Мекку, я прибыл в Каир и в торговом доме хаджи Мирзы Мухаммада Рафии Мушки имел честь увидеться с вами. В тот вечер я был среди гостей.

— Это очень вероятно, — подтвердил я.

Он повел меня в свою лавку, и там мы разговорились.

— Скажите пожалуйста, — сказал я, — мне представляется, что здесь очень много иранцев. Помилуй бог, куда только ни бросишь взгляд, везде соотечественники. Больно и горько видеть, в каком они плачевном и жалком положении!

— Да, их много, — ответил мой собеседник.

— Сколько же?

— Говорят, что на Кавказе их около шестидесяти тысяч.

— Но почему же эти люди покидают родину, едут на чужбину и терпят здесь такие унижения и напасти?

— Из-за бедности иранского государства и безработицы, из-за вымогательства всех начальников по отношению к своим подчиненным, из-за безземелия крестьянства. Этих людей недолго думая отпускают в чужие страны, чтобы содрать с них один туман за визу, и никто не поинтересуется, куда они едут и что будут там делать. Ведь дошло до того, что в пограничных селах и деревнях даже на могильных плитах на кладбищах вы видите все сплошь женские имена, а мужских становится все меньше и меньше. Поистине, это поселения женщин.

— И бывают среди них еще торговцы или это все рабочие? — спросил я.

— Увы, если бы они были рабочими! А то ведь занимаются воровством и жульничеством и творят такие позорные дела, что нам совестно за них.

— А куда же смотрит консул?

— Да вразумит тебя господь! Какое консулу до этого дело? Он только взимает четыре рубля за паспорт да суммы покрупнее в виде разных взяток и штрафов. Или вот еще, если кто-нибудь из них умрет и оставит какие-нибудь сбережения, то консул тут как тут.

— Скажите, а деньги за паспорта этих шестидесяти тысяч человек — это ведь значительная сумма — получает правительство?

— Правительство о них и не ведает! До него и гроша не дойдет из этих денег. Разве что в день назначения консула оно получает от него опреде-

ленную сумму в виде подарка. Все эти деньги, говорят, забирают министры и послы, а на долю правительства остаются консульские грехи да проступки. Каждый консул может изготовить этих паспортов сколько душе угодно и торговать ими. Частенько они и достаются не иранцам, а всяким жуликам и проходимцам из иноземных подданных, которые, переплатив за них рубль-два лишних, творят потом под видом иранцев разные мерзкие преступления. Когда такие личности попадают в руки русских властей, то не требуется больших расследований, чтобы увидеть, что паспорта-то у них фальшивые. А теперь представьте себе, как это роняет достоинство страны в глазах иностранцев и могут ли они считаться с подобными консулами?

Когда разговор дошел до таких ужасных вещей, я понял, что все это непосильно тяжело для меня, и сердце мое готово было вырваться из груди. Тогда, свернув свиток этой беседы и переведя речь на торговлю и коммерцию, я спросил:

— Как идет у вас торговля? Какие товары вы привезли с собой из Ирана?

— Да вот хамаданские и буруджирдские ситцы, тебризский и миланский канаус. По сравнению с прошлым годом спрос на них сильно упал. Многие годы мы привозили этот товар сюда тысячами тюков и продавали его. А нынче и сотой части того не распродашь. Уж очень много плутовства: и краски и пряжу крадут, совершают всякие подделки, употребляют искусственные красители — вот покупатели и не желают брать. Еще немного, и ткани эти вообще не станут никому нужны. Тогда нам придется закупать для Ирана московские шелка. За короткое время, которое я занимаюсь торговлей, я видел немало русских и знаю, что они за несколько лет и с небольшими капиталами сумели развернуть ткацкое дело и благодаря своей честности стали миллионерами. И наоборот, многие иранцы, прибывшие сюда со значительными средствами, после десяти и даже двадцати лет работы терпят банкротство. А все потому, что мы никогда не думаем о народной и общественной пользе. Мы портим отечественные товары ради двухдневной прибыли, а вот не ведаем того, что «плохо увязанная ноша не достигает места назначения». Ведь пройдет некоторое время, и из-за подлогов и обмана такие товары совсем выйдут из употребления, и какой вред будет тогда нанесен всему иранскому народу! Теперь в Тифлисе, как я уже говорил, многие иранские товары исчезли совершенно. Поэтому среди иранцев с трудом найдешь человека с капиталом хотя бы в десять тысяч туманов. Как говорится в пословице, «все шапки Таги переходят на голову Наги».[54] Главной причиной такого ужасного положения являются небрежение властей и привычка чиновников к взяткам. Ведь нет никакого противодействия этим двум злополучным вещам, являющимся основными причинами разорения нашей великой страны.

Я снова почувствовал, что не в силах больше выносить продолжение такого разговора, и спросил:

— Вы не знаете, когда отправляется поезд в Баку?

Купец ответил, что вечером, но ему не хотелось бы меня отпускать. Он очень уговаривал меня остаться, но я, извинившись, сказал:

— Да не уменьшится ваше милосердие, надо ехать.

Мы распрощались, и я направился в гостиницу.

Хотя Тифлис большой и достойный обозрения город, но все эти разговоры так меня расстроили, что свет померк в моих глазах.

Я немного поспал, затем, поднявшись к отъезду поезда, заплатил по счету, купил билеты, и мы тронулись в путь.

Всю дорогу мысли мои были заняты лишь одним — я думал о бедственном положении этого обездоленного народа, рассеянного на чужбине и живущего там в унижении и нищете.

Под наплывом горестных чувств я то курил, то тяжело вздыхал, то говорил себе: «Нет, раз так — лучше отказаться от знакомства с родиной и положением ее народа и бросить записи своих впечатлений. Слишком уж все это горько и больно!», то снова приходил мне на ум завет покойного отца.

На следующий день поутру мы приехали в Баку и, сойдя с поезда, прямо направились в гостиницу «Кавказ», номер в которой стоил довольно дешево, примерно рубль в сутки. Хотя номера были очень грязны и прислуга неучтива, однако менять гостиницу не хотелось, так как мы должны были оставаться здесь только два дня.

Большинство обитателей гостиницы — мусульмане, многие из них сами готовили себе жаркое в комнате, другие курили терьяк.[55] Я предложил Юсифу Аму выйти на улицу прогуляться и заодно отдышаться от тяжелого запаха этого проклятого терьяка.

Когда мы выходили, один из слуг обратился к нам:

— Мешеди, если у вас есть деньги или ценные вещи, то здесь не оставляйте: украдут — мы не отвечаем.

— Но ведь ключ от комнаты у меня в кармане, — удивился я.

— Да что там ключ, ключ! Я вас предупредил, а там — дело ваше!

— Не бойся, у нас ничего нет, кроме нескольких рубашек и белья. Мы ведь не купцы и не банкиры.

Поведение слуги меня и удивило и насмешило.

Выйдя из гостиницы, мы направились к берегу моря, и я начал осматриваться. В одном месте я увидел такую же картину, как и в Батуме: несколько наших земляков, сидя прямо на земле, под лучами палящего солнца занимались охотой на насекомых, которых они выискивали у себя в воротах и в поясах шаровар.

В другом месте я заметил какую-то шумную толпу, все вместе они били одного человека и кричали: «Бейте этого проклятого иранца!», и всякий, кто подходил, накидывался на него.

— За какое прегрешение бьют этого несчастного? — спросил я. — Кто он и что сделал?

— Этот иранец работает по найму матросом на корабле, хозяин которого мусульманин, житель Баку, — объяснили мне, — а те, кто бьют, — жители этого города и тоже работают на этом корабле.

— Что же это за мусульмане, которые, собравшись чуть ли не в пятьдесят человек, бьют одного безвинного чужестранца?

— Жители Баку очень жестоки к иранцам, — заметил отвечавший мне человек.

Я хотел было вмешаться в драку, но мой собеседник, показавшийся мне человеком благородным, удержал меня.

— Не ходите туда, — сказал он, — вас постигнет его участь. Сразу видно, что вы недавно приехали в наш город. И наши сердца тоже при виде этого обливаются кровью. Да не помилует бог того, кто явился причиной всех наших бед, унижений и несчастий!

Это была для меня как новая соль, посыпанная на старые раны моего сердца.

Прошептав «на все воля божия», мы пошли вдоль набережной, чтобы узнать о времени отправления парохода в Узунада.[56]

Нам сказали, что есть один пароход, который отходит на следующий день, но совершает каботажное плавание и часто причаливает, чтобы взять на борт грузы и пассажиров. Но есть и другой пароход, идущий прямо в Узунада, он отходит на четыре дня позже первого.

Я подумал, что лучше четыре дня плыть в открытом море, чем оставаться в этом городе и видеть лица этих жалких и жестоких людей.

Мы поспешно вернулись в гостиницу и, поручив слуге приготовить счет и купить билеты на завтрашний день, снова вышли на улицу.

В этом городе почти нет зелени: ни садов, ни огородов, ни цветников, но зато здания очень красивы и нарядны и много торговых солидных фирм, принадлежащих мусульманам и армянам. Черная густая нефть — одно из таинственных ископаемых богатств земли, увеличивает богатства этого города. Говорят, что некоторые из здешних торговцев-мусульман владеют состоянием в несколько миллионов рублей. Особенно выделяется хаджи Зайн ал-Абидин Тагиев, религиозностью и щедростью завоевавший всеобщее уважение. Говорят, что он поборник просвещения мусульман, широко занимается благотворительностью и является одним из горячих патриотов и ярых приверженцев Ислама. Да ниспошлет аллах нам побольше таких мусульман!

Здесь также проживают несколько достойных купцов из Ирана. Но поскольку я не был с ними знаком, встретиться нам не пришлось.

— Итак, теперь мы отправляемся в Иран, — сказал я Юсифу Аму. — Надо купить сахара, чаю, масла и риса.

Мы купили в дорогу пуд риса высшего сорта, он стоил очень дорого. Я осведомился о причине такой дороговизны и вот что узнал: из-за засушливого года иранское правительство строжайше запретило вывозить рис за границу. Поэтому вот уже два месяца, как цены на рис сильно возросли.

К вечеру мы вернулись в гостиницу и хотели отдохнуть, но поспать не пришлось из-за большого нашествия блох и клопов. Мы так и не сомкнули глаз до утра, считая звезды на небе; исполнив два риката[57] утреннего намаза единому богу, поспешили на пароход и пили чай там.

Пароход отошел в девять часов утра и на следующий день в этот же час бросил якорь в порту Энзели.

Погода была прекрасная. Я сошел на берег и заметил, что на пароходе одновременно идет и погрузка, и выгрузка и что весь груз — это рис.

Я спросил у какого-то ширванца:[58]

— В Баку мне говорили, что вывоз риса из Ирана за границу строжайше запрещен. А вот ведь грузят такую массу риса?

— Эх, божий человек, запрещение-то чье? Иранского правительства. Кто будет его здесь выполнять? Да, из Тегерана есть строгое запрещение, но для губернатора оно ровно ничего не значит. Он берет с каждого мешка риса взятку — кран[59] в Реште и полкрана в Энзели, и разрешает провоз. В каждый пароход войдет тысяча или две мешков, а он делает вид, будто не видит.

Читателю нетрудно понять, каково было мне, несчастному, когда на меня на каждом шагу сыпались один за другим такие чувствительные удары!

Только к вечеру окончилась погрузка, и мы отправились дальше.

Мы останавливались еще несколько раз в портах Сари, Мешедисар[60] и других и каждый раз были свидетелями всевозможных беззаконий. На четвертый день прибыли в Узунада, а оттуда прямым путем проехали в Ашхабад. Не задерживаясь здесь, мы наняли за сорок пять рублей коляску с четверкой лошадей и направились на поклонение в святой Мешхед, посещение которого долгие годы было страстным желанием моего сердца. Но и за недолгое пребывание в Ашхабаде я успел заметить, что положение моих соотечественников там было столь же плачевно, как и в местах, где мы уже побывали.

Мы ехали долго и наконец приблизились к русско-иранской границе, которая проходит возле Туса.[61] Вокруг Ашхабада русские построили красивые и высокие здания, расставили везде пограничные посты и караулы. Нас задержали на полчаса для проверки и отметки паспортов, а затем дали разрешение на проезд. Через десять минут мы подъехали к какому-то месту, где было множество разных знаков и указателей. Возница сказал, показав рукой:

— Вот здесь Иран, а там Россия.

Я приказал, чтобы он остановился, так как мне надо было сойти. Он, не постигая истинной причины этого, сказал:

— Потерпите немного, вода близко — там и оправитесь.

— Мне нужна не вода, а земля, — отвечал я.

Он остановил лошадей. Я сошел и, взяв горсть этой святой земли, поцеловал ее, вдохнул ее запах и прижал к своим глазам со словами:

— О, дорогая святыня, драгоценнейший бальзам моих страждущих глаз! Хвала господу, что наступил день увидеть тебя и осветить свой взгляд лицезрением тебя. Ты — прибежище всех нуждающихся, ты — место успокоения моих предков, ты взлелеяла меня в своей нежной колыбели, взрастила меня в ласке и величии. Чем мне отплатить тебе, кроме беззаветной любви, но разве это не высокая и не великая плата? Ибо закон святейшего ислама — да будут над ним лучшие молитвы и да вознесутся к нему прекраснейшие приветствия! — говоря о благодарности, положил краеугольным камнем веры любовь к тебе. Что еще сказать в похвалу тебе такое, что было бы достойно твоей святости?

Волнение перехватило мне горло и невольные слезы брызнули из моих глаз на священную землю. Я дал волю сердцу и заплакал слезами радости, и мнится мне, что счастье, кое я испытал в тот миг, останется жить в моем сердце до самых последних дней моего существования!

Возница глядел на меня во все глаза и, наконец, сказал:

— Да будь благословен хаджи-заде! [62] Сколько уж лет я проезжаю здесь, но в первый раз вижу человека, который бы так чтил землю своей родины. У меня даже сердце защемило. Я сам родом из Ганджи. Вот как и ты, всей душой привязан к родным местам, но наша страна пришла в полный разор от нерадения наших хозяев. Теперь, как говорят, вместо призыва муэззина [63] слышен звон колокола. Что поделаешь? Если бы правительство Ирана было стоящим правительством, то были бы у нас и законы, и порядки, и равенство, и народ не продавали бы губернаторам по цене скота. Вот тогда бы и не надо было нам терпеть власть чужеземцев и все иранцы вернулись бы в Иран.

— Скажи, дядюшка, как твое имя? — поинтересовался я.

— Аббас.

Я похвалил его, и мы тронулись в путь, тая в сердце тысячи радужных надежд.

Минут через десять мы увидели какую-то жалкую лачугу; возле нее под палящим солнцем сидели несколько человек и курили кальян. Один из них крикнул:

— Эй, земляк, предъяви билет!

Извозчик пояснил нам, что это иранские чиновники, которые собирают деньги за паспорта. Я вышел и приветствовал их, но ответа не получил.

Один из них спросил:

— Сколько вас?

— Вы же видите, — сказал я, — что нас двое, а не больше. Что за расспросы?

— Давайте два тумана, — крикнул он.

Я молча отдал деньги, и он, сказав: «Поезжайте с богом!», пропустил нас. При этом он даже не взглянул на наши паспорта и не сделал в них никакой отметки. Мы поехали дальше, дивясь этому.

К вечеру мы прибыли в маленькую деревню и, отдохнув в ней до полуночи, двинулись дальше.

Поутру фарсангах в двух от города мы увидели несколько сеидов, сидящих на земле. Нам объяснили, что эти господа собираются здесь для того, чтобы сопровождать паломников и зарабатывать на этом.

В один миг они окружили нас и начали громко кричать, приглашая за собой. Мы договорились с одним из них; потом расположились на берегу ручья, совершили омовение и намаз и выпили чаю. Юсиф Аму приготовил с помощью аги сеида немного плова, и мы, позавтракав, двинулись дальше. Ага сеид сидел в коляске рядом с нами. И вот, наконец, через полчаса перед нашим счастливым взором засверкали благословенные купола священной гробницы,[64] которая является частицей Каабы[65] и провозвестницей рая.

Дважды мы выходили из коляски и читали молитву паломников и наконец в величайшем волнении вступили в этот святой град.

Тут прежде всего мы направились в дом аги сеида, где нам отвели комнату. Мы сложили свои вещи, отобедали, потом, захватив узелки с рубашками, бельем и всякой всячиной, отправились с Юсифом Аму и агой сеидом в баню, дабы помыться, переменить одежду и достойно предстать пред священной гробницей.

Войдя в баню, мы чуть не задохнулись от запаха гниющей воды. Яма, наполненная смрадной жижей, носит название «бассейн», или иначе «курр».[66] Вода в этом водоеме от грязи приобрела цвет павлиньего пера, а отвратительный запах ее кружил голову.

Я тут же подумал, каким ужасным рассадником заразы является эта лужа с ее застойной водой, которую не меняют по три месяца, где полощутся день и ночь все жители города, мужчины и женщины, не исключая больных, убогих и запаршивевших!

Я дивился тому, что никто из правителей и улемов[67] этого города не обратит внимания на страшное зло, порождаемое этой грязной лужей, полагая, видно, что достаточно назвать ее «курр», чтобы это сняло с нее всю скверну.

По моему мнению, всякий, кто назовет эту воду чистой, погрешит против нашего святого шариата,[68] который предписывает нам опрятность. Да и как можно вымыться столь грязной водой, цвет и запах которой внушают лишь отвращение? В других мусульманских странах, как например в Египте и Турции, вода в банях течет из кранов, где горячая вода находится рядом с холодной. Вода эта в высшей степени чиста и свежа, так что люди могут ее пить.

Словом, мы вошли в баню чистыми, а оттуда вышли грязными. Ага сеид посоветовал нам оставить узелки в бане и прямо идти на поклонение святой гробнице, но я заявил:

— Нет, сначала зайдем домой, у меня там дело, а уж тогда пойдем на поклонение.

Когда мы пришли домой, я попросил агу сеида, чтобы разогрели самовар и принесли его нам. На это ага сеид заметил, что сейчас не время пить чай.

— Просто я хочу еще раз помыться, чтобы смыть грязь бани, — объяснил я.

— Что вы, баба́, ведь бассейн чистый и воды в нем целый «курр»!

— Пусть так, но все же он грязный и зловонный.

Одним словом, принесли горячей воды, я помылся, переменил белье и дал себе зарок не ходить больше в Иране в баню.

После этого мы отправились к гробнице восьмого имама[69] на поклонение, свершение коего было предметом моих давних и страстных желаний.

Вступив в святую гробницу, мы поцеловали порог и вместе с агой сеидом начали читать молитву паломников — «Зийарат-наме».[70]

Ах, при лицезрении этого священного места, этой частицы рая и чуда милосердия я забыл все невзгоды и горести, которые претерпел в пути!

Но язык ничтожного грешника нем, он не в состоянии описать эту святыню, этот подлинный рай. Да и кто из подобных мне дерзнул бы отверзнуть уста, чтобы описать внешний вид и устройство хотя бы одного кирпича из тех глиняных кирпичей, которые составляют эти чистые врата — вместилище ангелов высшего мира?!

Те, кои в состоянии постигать сокровенное и горели в свое время желанием поклониться этой небесной гробнице, хорошо знают, что эта святая обитель — место отдохновения и очищения души.

Когда такой защитник есть, какой же нужен нам оплот?
Зачем морских бояться волн, когда сам Ной корабль ведет?[71]

Исполнив обряд поклонения, мы все вместе совершили намаз и вышли.

В течение двадцати двух дней утром, днем и вечером я приходил в это бесценное место и каждый день успевал еще посмотреть какой-нибудь уголок города.

Однажды мы отправились с агой сеидом осмотреть больницу, находившуюся при святилище.

Что это была за больница! Всякий, кто попадал в нее, болел до тех пор, пока в ней оставался, — вылечиться он мог, лишь с божьей помощью удрав оттуда.

В больнице нет ни сведущих врачей, ни лекарств, а о чистоте и прочих больничных удобствах и говорить не приходится. Под видом расходов на больницу управляющие без зазрения совести ежегодно кладут в свой карман большие суммы из казны святилища. По словам аги сеида, святой храм имеет от всех своих владений и приписанных земель более двухсот тысяч туманов дохода. Но безбожные и бессовестные дармоеды считают эти суммы своими и под разными предлогами присваивают их себе, не имея фактически права ни на один грош.

Сверх того, каждый вечер, якобы для угощения паломников, варится плов из двух харваров[72] риса со всеми необходимыми специями, и все это уплывает в дома чиновных лиц, их родственников и свойственников, которые фиктивно приписаны к святой гробнице. И меньше всех видят этот рис и мясо паломники и путешественники.

И даже некоторые из высоких правителей пользуются от награбленных яств, а посему ни во что не вмешиваются. Все они — опекуны и попечители этих несчитанных даровых денег. Иногда и губернаторы протягивают к ним руку. Нет ни контроля, ни наказания за хищение.

Что касается жителей города, то они озлоблены, можно сказать, ожесточены и при торговых сделках требуют по пять туманов за товар, которому красная цена — туман. При каждом слове они бесстыдным образом клянутся именем святого. Я сам покупал что-то на базаре, и торговец запросил три тумана, а потом с клятвами и божбой уступил мне эту вещь за семь кранов.

Но что хуже всех этих зол — это положение солдат по сю сторону границы. Каждый человек, которому доведется понаблюдать их жизнь, содрогнется от ужаса.

Однажды мы пошли, как обычно, на поклонение. Вдруг я увидел несколько человек в крайне рваной и грязной одежде из грубого холста, цвет которой уже невозможно было распознать. На головах у них были надеты какие-то невообразимые шапки всевозможных фасонов и видов, а пятки покрылись коростой от грязи. Возраста они были самого различного: были тут и пожилые люди лет пятидесяти, и двадцатилетние юнцы, каждый держал в руках ружье.

Я спросил агу сеида:

— Как будто это рабочие, но почему у них ружья?

— Эх, господин любезный, да это ведь правительственные солдаты. Ночью они несли караул в крепости, а теперь, сменившись, бегут на базар. И ты увидишь, что один из них превратится в мясника, другой — в сапожника, те станут менялами, а эти — продавцами фруктов. И каждый из них обязан давать определенную взятку своим полковникам и генералам.

Когда я услышал о всех этих ужасах, свет померк вокруг меня. Из самых глубин моего сердца исторгся стон:

— О господи, вот возмездие за те несправедливые споры, которые я вел в Каире! Ведь, когда мне говорили что-либо подобное, я не верил, вступал в настоящую схватку и зря обижал людей.

— Досаднее всего то, — продолжал ага сеид, — что эти солдаты почти все заработанное ремеслом и поденной работой, за вычетом взяток офицерам, тратят на терьяк и курят его в кальянах.

Совершенно ошеломленный, я спросил:

— А солдаты — это местные жители, или они из других областей Ирана?

— Нет, это приезжие; в основном из племен халхали и мишкин.[73] Они несут в городе гарнизонную службу, и их меняют раз в два-три года.

Спустя некоторое время ага сеид сказал:

— Многие из паломников берут здесь на время пребывания жену. Если и вы думаете — скажите, я сделаю необходимые приготовления.

— Я могу жениться, но можешь ли ты дать клятву, что у женщины истек срок после развода?[74]

— Ведь ты женишься для своего удовольствия, почему я должен давать тебе клятву?

— Вот видите, вы не уверены в этом. Нет уж! Я даже и в Европе ни в чем не погрешил против шариата, как же я это сделаю в сем святом месте? Многие негодяи, оказывается, творят такие беспутные дела, а я-то до сих пор не верил! Увы!

Итак, после двадцатидвухдневного пребывания у святой гробницы я поручил Юсифу Аму готовиться к отъезду в Тегеран.

Юсиф Аму сказал мне на это:

— Господин бек, за все время путешествия я вас ни о чем не просил. Я преисполнен благодарности за то, что, служа вам, смог поклониться этой священной гробнице, посещение которой составит мое счастье и в этом, и в том мире. Теперь же я прошу выслушать одну мою просьбу и исполнить ее.

— Говори, — разрешил я.

— Послушайтесь совета: тем же путем, каким мы прибыли из Каира, давайте вернемся назад. Я хорошо знаю ваш нрав. В этой стране, видя всякий день разные бесчинства, вы легко будете впадать в гнев. И я очень боюсь, что в конце концов, не дай бог, вы захвораете. Как тогда мне держать ответ перед вашей матушкой? Часть Ирана вы уже видели, а Тегеран — то же, что и Хорасан: «по горсти можно судить о целом харваре», как говорят, и «урожайный год узнается по весне». Или вы ожидаете увидеть в Тегеране что-нибудь такое, что вас порадует?

— Юсиф Аму, ты хорошо знаешь, что, помимо других причин, уже только по завещанию отца я ни на минуту не переставал относиться к тебе с уважением и всегда почитал тебя как отца родного. Но я хочу, чтобы в этом вопросе ты мне не прекословил. От своего намерения я не откажусь, даже если мне придется пойти наперекор воле отца и ослушаться твоего совета. Это путешествие уж, видно, мне предназначено. Пока я не съезжу в Тегеран, не доберусь до министров и правителей государства и сам не дознаюсь истинных причин их небрежения, причин бедственного положения народа и разрухи государства, нет мне покоя! Или я сложу на этом голову, или постигну причины всех этих ужасов. Аминь!

Бедный Юсиф Аму был вынужден замолчать и не сказал больше ни слова.

В сопровождении аги сеида мы отправились нанимать лошадей на окраину города, туда, где жили мукари.[75] Там, у хаджи Хусайна, казвин-

ского возницы, мы наняли за двадцать туманов до Тегерана трех лошадей, пару для себя и одну лошадь для наших вещей, которые должны были прибыть двумя днями позже.

На следующий день мы отдали последнюю дань святой гробнице и прочли там прощальную молитву.

Грустные покинули мы этот истинный рай, дали туман на чай хранителю обуви и, вернувшись в дом аги сеида, стали готовиться в дорогу.

Возница подвел лошадей, мы сели и в тот же день достигли того места за пределами города, где собираются караваны. Ага сеид проводил нас, мы вместе поужинали и, вручив ему три червонца, распростились с ним.

Горькие и неприятные происшествия нашего странствия совершенно изгнали из моей памяти наказ отца: находить по прибытии в каждый город одного или двух достойных людей, с которыми можно было бы свести дружбу.

Да кроме того, повсюду я видел таких людей, что выполнить это намерение было все равно невозможно: ничего человеческого я в них не чувствовал, как будто кровь застыла в их жилах. Они без малейшего колебания ухватились бы за каждый туман любого выгодного дельца, даже если бы это нанесло ущерб в сто туманов их стране, их соотечественникам и единоверцам. Для них словно и не существовало таких понятий, как благо народа, достоинство и процветание страны, престиж государства.

Правитель и подданный, повелитель и подчиненный, ученый и невежда, купец и ремесленник — все думают только о себе и как враги строят друг другу разные каверзы.

Можно ли довериться и положиться на дружбу этих людей? В таком городе, как святой Мешхед, где, казалось бы, есть все условия для развития торговли, нет ни одной компании, ни одного торгового общества, а ведь многие имеют капитал, и всяких местных изделий и продуктов, вроде ковров, терьяка, хлопка и так далее — там, слава богу, хоть отбавляй! Это тоже говорит об их разобщенности.

Что касается подделки товаров и продуктов — в этом они на редкость мастера. Ковры портят поддельными красителями, в терьяк подмешивают муку и клей, чего доброго и пыль. Уж сколько раз правительство запрещало поддельные красители и отдавало строжайшие приказы не смешивать терьяк ни с чем — это не помогало, ибо чиновники, получив взятку, смотрели на запрещение сквозь пальцы.

Самое страшное зло в стране — курение терьяка. Мужчины и женщины, молодые и старые — все подвержены привычке потреблять эту губительную отраву. Курят совершенно открыто везде — в лавках и на базарах, а власти словно и не видят. Вот причина того, что в нашей стране не осталось ни мужества у мужчин, ни нежности и прелести у женщин. Правительство абсолютно равнодушно ко всему и не думает вести с этим

несчастьем борьбу, которая, быть может, не оказалась бы слишком трудной.

Потрясает то, что высшие духовные лица, улемы государства, не считают этот убийственный наркотик вредным, хотя он и доводит людей до бессознательного состояния гораздо скорее других наркотиков. Говорят даже, что в домах некоторых улемов, которые и по образу жизни, и по обличью истые улемы, его потребляют наравне с обычным чаем.

Во время пребывания в Мешхеде мне случилось побывать в одной из лучших и крупнейших мечетей Ирана — мечети «Гаухар-шад» [76] и послушать проповеди десяти проповедников. Все десять, как один, по одному образцу говорили об омовении, об очищении и прочих ритуалах, о том, куда надо поставить ногу и как повернуть руку, словом, поминали всякие мелочи, а суть-то совершенно упускали. Они ни словом не обмолвились о священной войне, о ее формах и причинах, о защите родины, о том, как все это должно происходить. И вот враг веры проник в их собственный дом.

Истинно можно сказать, что со времен пишдадидов [77] до нынешнего дня никогда еще на Иран не сваливалось столько бед и не проявлялось такого безразличия к ним!

Как бы то ни было, на следующее утро мы выехали из города, ведя за собой караван тоски и горя, и спустя несколько дней прибыли в небольшой городок Сабзавар. Город этот торгует в основном хлопком, и торговля находится в руках кавказских армян. Они ввезли сюда машины, которые, как и в Египте и прочих странах, прессуют этот хлопок в кипы.

В Сабзаваре мы пробыли только один день и снова тронулись в путь.

Через несколько дней прибыли в Нишапур; и уже при въезде в город нам в глаза бросилась большая мечеть. Я вошел в нее, чтобы осмотреть, и увидел, что в мечети нет ни души.

Посреди мечети был разостлан огромный ковер, длина которого, как мне представилось, была не менее четырнадцати заров.[78] Приблизившись, я увидел, что в одном углу ковра спит собака.

Буквально стон вырвался из глубины моей души, и слезы невольно заволокли глаза, я схватился за голову и воскликнул:

— Боже праведный, такой несравненный ковер и такое ужасное назначение! Осталось ли хоть что-нибудь от веры и богобоязни у людей этой страны!

О, если вера такова у них на самом деле,
То лучше завтрашнему дню совсем не наступать!

После расспросов я узнал, что в этой мечети нет ни проповедника, ни муэззина, в ней не творят намаз и не собирают верующих.

На место нашего постоя я вернулся в предельном отчаянии и горькой безнадежности. Бедный Юсиф Аму с первого взгляда понял, что случилась новая неприятность и что я страдаю, но промолчал. А я также не

посвятил его в причины моего огорчения, хотя сердце мое разрывалось на части.

Покинув город, мы вскоре прибыли в Дамган.

Подойдя к базару, я заметил какую-то странную толпу. Посредине стоял человек, держа руку у рта, а рядом с ним находился другой, отталкивающей внешности; в руках он держал веревку, конец которой был как-то прикреплен к носу первого человека. Куда бы он ни потянул веревку, тот несчастный следовал за ним. Я удивился и подумал, что это вид какой-нибудь борьбы или танца, так как кругом было много зрителей.

— Что это за сборище? — задал я вопрос хаджи Хусайну, нашему вознице.

Он в свою очередь спросил об этом у одного из толпы. Ответили, что привязанный человек — пекарь, он пек хлеб с недовесом, а губернатор проверил и обнаружил это. Тот, что тянет веревку, — палач. Он просверлил у пекаря нос и продел сквозь него веревку.

— Ну и закон, просто руками разведешь! — не удержался я.

— Пройдите подальше — увидите еще и не то! Там трем мясникам отрубили уши. Палачи ходят по базару, требуя взяток, и в каждой лавке побираются чем-нибудь, — пояснил мне кто-то из толпы.

В тот же миг я услышал, что в толпе поднялись крики. Палач, с окровавленным ножом, повел несчастного дальше, все время толкая его в спину, и, останавливаясь возле каждой лавки, собирал деньги.

Бедняга Юсиф Аму, понукая лошадей, кричал мне:

— Не смотри, бек, не смотри туда!

И вправду, от этого зрелища сердце мое словно застыло. Погнав лошадей, мы поехали в караван-сарай, находившийся за пределами города, там и провели ночь.

На каждом перегоне от Хорасана до Тегерана устроены вместительные и удобные караван-сараи с большими хранилищами для воды. В караван-сараях могло бы разместиться до тысячи паломников, и всем хватило бы свежей воды. Все караван-сараи выстроены очень прочно из обожженого кирпича, с применением извести и алебастра; они остались стоять как памятники эпохи великого шаха Аббаса Сефевидского.

Длинные шоссейные дороги — тоже память о том великом падишахе — да одарит его аллах морем своего милосердия! Из одного этого можно понять, как сей благородный государь заботился о народе, о его благе и как был щедр. Мало того, после завоевания Грузии сюда переселили группу тамошних жителей — грузин, расселив их в местах, более всего подвергавшихся набегам туркмен. Для переселенцев построили укрепления, снабдили их лошадьми, вооружением, положили им государственное жалование и оставили для охраны паломников. Потомки тех переселенцев живут здесь и до сих пор.

Словом, все, что я слышал от своего покойного отца о качествах этого милосердного шаха, все было правдой, а сказанное — лишь малая доля

того, что он сделал. Мой покойный родитель приглашал каждый священный рамазан четырех известных арабских чтецов Корана, и, пока они читали нараспев Коран, он возносил молитвы в честь благородной души сего высокочтимого государя.

Если будет угодно господу, я, кроме этих беглых слов, вознесу еще покойному шаху хвалу, достойную его великих дел.

Я почитаю своим долгом с помощью господней запечатлеть на страницах моего путевого дневника образ сего великого и благородного шаха, дабы наша нация, видя его черты, вспоминала его с благодарностью и почтением.

Доброе имя оставь, умирая,
А не дворец в золотых украшеньях.

Если же небо не позволит мне выполнить это намерение, то завещаю тому, кто захочет опубликовать мой дневник, пусть в приложении к этой книге издаст карты Ирана времен шаха Аббаса, дабы потомкам известно было, что в эпоху этого мужественного государя границы нашей священной родины простирались от Балха, по берегу Каспийского моря, до Дагестана и Кавказских гор и на юге — вплоть до самого Багдада и Оманского залива. Какие необыкновенные усилия, какие великие траты требовались для защиты дорог и путей столь обширного государства, для безопасности его торговли!

И действительно, если кто-нибудь проникнет внимательным взором в суть положения страны в те времена, он поймет, какие невероятные старания прилагал этот мудрый падишах для процветания державы и благоденствия народа! От его внимательного взгляда не ускользала ни одна мелочь в деле расширения торговли и умножения народного богатства, а ведь они-то и являются важнейшей основой прогресса и цивилизации. Доказательством того служат хотя бы шоссейные дороги, которые можно увидеть во многих местностях Ирана. Они были построены для облегчения перевозок и переездов. Можно сказать, что в то время ни один из иностранных правителей так не заботился о расширении торговли, которая является причиной усиления государства, как этот мудрый монарх.

Все события той эпохи свидетельствуют о его поистине сулеймановой мудрости.[79] Выравнивали непроходимые пути, мостили дороги, строили крепкие мосты через реки, возводили в нужных местах прочные караван-сараи, завязывали дружеские отношения с разными странами, дабы вести успешную торговлю, и с совершенной религиозной терпимостью поддерживали эти отношения.

Об этом говорят и указы шаха Аббаса о неприкосновенности посланников иностранных держав, об охране жизни и имущества купцов любой национальности от всякого беззакония и притеснения, и назначение наиболее религиозных и умудренных послов в другие государства, и уравнение прав народов без различия их веры и обычаев при условии их верности государству.

Если кто-нибудь сопоставит все эти дела с условиями жизни той эпохи, то он восхитится и подивится ясной мысли и твердой воле сего правителя.

Впрочем, я несколько отвлекся. Я не ставил своей целью давать историческое описание, но похвальные деяния справедливого монарха невольно побудили меня к этому.

Всякий, кто захочет постичь всю высоту его благородства, чистоту помыслов и верность слову, пусть прочтет рассказ о том, как он пешком странствовал из Исфахана в святой Мешхед и босым прошел двести фарсангов пути, так что по окончании этого путешествия его ноги целый месяц были покрыты волдырями.

Силу преодолеть такие трудности может дать только искренняя любовь к своим святым. Да, место, где подняла свой флаг любовь, где сердце было пленено любимой, невольно тянет влюбленного, и все невзгоды пути покажутся ему благодатью.

Путь к любимой твоей не покажется долгим тебе,
Все колючки на нем — будто мягким подернутся шелком.

Вот почему за все время путешествия он ни разу не возроптал на трудности, а обращался со слугами и прочими окружавшими его людьми весело и приветливо, никого не обижал.

Чтобы определить расстояние от Исфахана до Мешхеда и получить самые достоверные разультаты, он измерил этот путь собственными ногами. Со всеми он был добр, часто ободрял погонщиков, чтоб они не пали духом и не сочли бы, что ему тяжелы путевые невзгоды. А потом, из почтения к восьмому имаму, он весь пост совершал обряд подметания благословенной гробницы и исполнял обязанности слуги у порога сего святилища, чистил своими руками подсвечники и все ночи напролет с ножницами в руках обрезал фитили у свечей.

Однажды ночью шейх Бахаи [80] — да помилует его аллах! — глядя, как этот благочестивый государь обрезает фитили свеч, экспромтом сказал четверостишие, посвятив его шаху Аббасу и святой обители:

Ангелы вышние вьются над кущами рая,
Как мотыльки над свечами, резвясь и играя.
Бойся поранить крыло самого Гавриила,
Будь осторожен, фитиль у свечей подрезая.

Рассказывают, что однажды во время этого путешествия ему кто-то сказал, что, мол, слава богу, благодаря справедливости шаха и его вниманию к богоугодным делам во многих местах страны осталась о нем память, но от благородного царского разума не должно ускользнуть и такое благое дело, как постройка в некоторых местах государства общественных больниц. На что этот благородный правитель ответил: «Все мои помыслы направлены на здоровье и счастье народа, могу ли я помыслить об их болезнях?».

Ради бога, обратите внимание, какие остроумные мысли, какое благородство и какое красноречие! Вот уж истинно, «слово царя — царь всех слов».

В эпоху правления этого великого падишаха население Ирана равнялось примерно сорока миллионам и все иранцы жили с чувством своего национального достоинства.

Я уверен, что каждый иранец-патриот будет читать эти слова не без тяжкого вздоха и горючей слезы. Теперь наш удел — лишь тосковать о тех счастливых днях. Однако не следует отчаиваться, надо брать пример с прошлого и стараться исправить настоящее и устроить будущее, ибо упорство и труд всегда приносят результаты. Наша жизнь явит еще тысячи таких шахов Аббасов!

Всему черед — и то, что есть, пройдет.

Итак, мы выехали из Дамгана и через несколько дней прибыли в Шахруд-Бастам.

Наш возница хаджи Хусайн сказал:

— Здесь мы остановимся на два дня, но вам придется спать в саду под сеткой, так как в этом городе водится ядовитый клещ. Укусы этого вредного насекомого причиняют приезжим много страданий.

— Так зачем же останавливаться в городе, где такая опасность? Лучше уж уехать, — возразил я.

— Лошади не могут дальше идти, они очень устали, и никак нельзя гнать их без остановки до Тегерана.

Волей-неволей нам пришлось остановиться в одном из пригородных садов, где для нас приготовили сетки. Поскольку было лето, то спать в саду было даже приятно.

Разложив вещи, мы немного отдохнули. Тут мне вспомнилось, что у покойного отца был некогда в Шахруде друг купец по имени хаджи Исмаил, они вели переписку. Письмо этому купцу писал как-то я сам и потому помнил название караван-сарая, где он жил и вел торговлю.

Я подумал, что следует пойти навестить друга моего отца.

— Подымайся, давай-ка пойдем! — сказал я Юсифу Аму.

Выйдя, я назвал первому встречному имя купца и название караван-сарая, и мне сразу указали, куда идти.

Мы подошли к жилищу купца и увидели, что он по счастливой случайности дома. Поздоровавшись, мы сели. После обмена приветствиями я сказал:

— Вы, вероятно, и есть господин хаджи Исмаил?

— Да, но, простите, я вас не знаю.

— Я сын такого-то, проживаю в Каире, зовут меня Ибрахим, — отвечал я.

Услышав имя отца, этот достойный человек вскочил с места, заключил меня в объятья и, расцеловав в лицо и голову, сказал:

— Добро пожаловать! Я очень горевал, узнав о кончине вашего родителя. Да погрузит его аллах в море своего милосердия! Это был несравненный человек. И да поможет вам бог достойно занять его место! А теперь расскажите, откуда едете и куда собираетесь? Надеюсь, ваша матушка в добром здравии? Я слышал, что у вас еще есть сестра. Как все поживают?

— Слава богу, все здоровы и благополучны, молятся за вас. Мы едем из святого Мешхеда и направляемся в Тегеран.

— Прекрасно. Ваше прибытие очень меня обрадовало. Вы напомнили мне вашего отца, моего дорогого друга.

Тут он что-то сказал на ухо слуге, и тот исчез. Примерно через полчаса слуга вернулся, неся два подноса, на которых был челав-кабаб, шербет и спелые, только что снятые дыни.

Хаджи с большой сердечностью сказал:

— Во имя аллаха, давайте поужинаем.

Мы уселись вокруг расстеленной на полу скатерти, и во время еды он спросил меня, где мы остановились.

— В таком-то саду, под сетками.

Тогда он тотчас же приказал своему человеку:

— Пойди и внеси в мой дом пожитки этого господина.

Тут я возразил, уверяя его, что в городе, по словам нашего возницы, водятся ядовитые клещи, и я боюсь, как бы не занесли их сюда. Сколько ни настаивал мой хозяин, я не согласился.

После обеда купец спросил:

— Что вы делаете обычно после обеда — отдыхаете или пьете чай?

— Днем я обычно не сплю, — ответил я, — а чай пью вечером.

Беседа наша длилась еще около часа, после чего купец обратился к сыну:

— Риза, поди с гостями, погуляйте немного по городу и у берега реки. А к вечеру, пожалуйста, возвращайтесь; после ужина я доставлю вас к вашему жилищу, спите себе там под вашей сеткой.

Убедившись в том, что он не примет наших возражений, я волей-неволей согласился, и мы отправились.

— Куда же мы пойдем? — спросил я.

— Хорошо бы пойти в какую-нибудь школу или училище и посмотреть, как там поставлено дело, — предложил Юсиф Аму.

— А есть в этом городе школа? — спросил я у Ризы.

— Есть три школы. Одна довольно далеко отсюда, и в ней учатся мои дети. Другая — на базаре плотников, она поближе. Если идти в первую, как нам объяснить свой визит? Во второй меня не знают, мы можем сказать, что мы — вроде бы кредитор и должник и просим написать для нас долговую расписку. Вот вы и достигнете того, что желаете.

Меня это очень рассмешило, и я воскликнул:

— Чудесно, так и сделаем!

— Надо нам придумать имена, нельзя же назваться своими, — заметил Юсиф Аму.

— Как твоя душа пожелает, так и поступай. Писцу ведь важна только плата за услуги. Назовись, как хочешь, — никто не станет дознаваться истины.

Мы еще немного пошутили в этом духе, как вдруг услышали неподалеку от себя какие-то странные крики, вроде: «Отойти!», «Встать!», «Вперед!», «Стой!».

В большом изумлении я взглянул в ту сторону и увидел высокого юношу, который ехал верхом, покручивая усики, а тридцать или сорок человек, держа в руках длинные палки, шли рядами по обе стороны его коня. Впереди всех выступал человек, одетый в красное, с на редкость безобразным лицом; шествие замыкали около двадцати вооруженных всадников.

— Что это за толпа? — осведомился я у Ризы.

— А это правитель города едет на охоту. Стойте не двигаясь, а как будет проезжать мимо — поклонитесь и окажите такое же почтение, как и все.

Присмотревшись внимательнее, я увидел, что люди вокруг били на все лады земные поклоны, а правитель с высоты своего величия не давал себе труда даже повернуть голову и лишь накручивал усы.

— А что, если не оказать должного почтения? — поинтересовался я.

— Сюда живо направятся фарраши,[81] и тогда не избежать палочных ударов. Или может быть вам жизнь надоела?

— О нет, сердце мое живо еще для тысячи желаний!

Мы застыли в предельно почтительной позе и в тот миг, когда правитель поравнялся с нами, в полном смирении отвесили поясной поклон. «Шла беда, — как говорят, — да, к счастью, миновала».

Я был до крайности потрясен всем этим, ибо до сих пор мне нигде не доводилось видеть ничего подобного, и тут же подумал: «Браво, Иран! Правитель такого города, как Лондон, где семь миллионов населения, ездит себе в одиночестве, не привлекая ничьего внимания, а вот у нас губернатор какой-то захудалой области ездит в таком великолепии! Вот это царство, так царство!».

— А откуда губернатор берет средства на содержание всей этой челяди? — обратился я с вопросом к Ризе.

— Они не получают никакого содержания, — отвечал он.

— Чем же они живут?

— С утра до вечера они шныряют по улицам и базарам, и стоит им уведеть двух спорящих людей, они тотчас же хватают их и волокут к фаррашбаши.[82] Если спор не из важных, то спорщики платят два тумана фаррашбаши, пять кран его заместителю, а два-три тумана перепадает этим фаррашам, после чего спорщиков отпускают. Когда из окрестных деревень приезжают жалобщики, фарраши по одному или по двое привязываются к ним. Если жалоба более значительна, то посредником становится один из слуг губернатора — конюший, или стражник, хранитель воды, или

стольник. Тогда они взимают сто или пятьдесят туманов в пользу шахзаде[83] и десять-двадцать туманов забирают себе под видом штрафа или подарка.

Выслушав все это, я просто оцепенел, и все мое путешествие представилось мне отвратительным! Я подумал: «Боже мой, лучше мне ослепнуть и оглохнуть, ничего не видеть и не слышать! Столько трудностей и столько трат — и взамен одни только несчастья!».

Тем временем мы подошли к школе. Она помещалась на базаре плотников. Комната, которую занимала школа, была площадью примерно тридцать на сорок заров. В ней собралось более ста малых детей. Кто сидел прямо на земле, кто на куске войлока, кто на циновке, а несколько человек — на каком-то рваном ковре. Обучал их старый учитель в чалме.

Мы вошли и поздоровались. От ребячьего крика, стоящего в воздухе, учитель даже не расслышал нашего приветствия.

Мы прошли и сели в уголок. Тогда ахунд[84] спросил, зачем мы пожаловали.

Юсиф Аму сказал:

— Я должен этому человеку семьдесят туманов. Мне хотелось бы, чтобы вы написали за меня расписку на указанную сумму на имя этого человека.

— Хорошо. Как ваше имя?

— Абдул Гафар.

— А имя господина?

— Ибрахим-бек.

— И после определенного срока вексель может быть продан?

— Да.

— Где вы живете?

— В Ардебиле.

— Какой процент вы назначаете?

— Один туман в месяц, сроком на шесть месяцев.

Тогда ахунд написал документ, а затем прочел нам его.

Я достал полкрана, дал ему и взял обязательство.

Учитель, я заметил, остался очень доволен.

— У вас, слава богу, немало учеников, — заметил я.

— Да, есть еще несколько человек, сегодня они не пришли.

— Что это они читают?

— Одни — азбуку, другие — молитвы, а некоторые — святой Коран. Те, что постарше, вот в этом ряду, они читают «Гулистан», «Бустан»,[85] Хафиза[86] и еще кое-что.

— Господин учитель, но какое отношение к урокам имеет Хафиз?

— А почему бы Хафизу Ширази не иметь отношения к урокам?

— Ведь известно, что «Диван» Хафиза наполнен стихами суфийского содержания,[87] поэтому вряд ли кто из читающих его здесь способен что-нибудь понять. На пользу ли детям такое чтение, где на каждом шагу говорится о вине, страсти, влюбленных и о кокетстве?

— Скажите, а что читают в школах детям в вашем Ардебиле?
— Я не из Ардебиля.
— Откуда же вы?
— Совсем с другого конца земного шара.
— По вашим словам выходит, что вы или из Шираза, или из Багдада?
— Ни то, ни другое, я из Африки.
— Африка? Это, кажется, возле Сальмаса? [88]
«Вот так учитель!» — подумал я, а вслух сказал:
— Да. Но скажите мне, географией и геометрией вы тоже занимаетесь с детьми?
— Геометрия? Это еще что такое?
— А счет вы знаете? — спросил я.
— А как же!
— Вы можете определить площадь поверхности шара?
— Я учу детей считать динары.[89] Сам-то я, конечно, знаю геометрию, но детей этому не учу.
— Напишите-ка какой-нибудь пример на сложение или деление по первым правилам счета.
— А что написать?
— Напишите: одна тысяча двести тридцать четыре.
Тогда он старательно написал таким образом: 100020034.
— Господин учитель, да ведь эта цифра перевалила за миллиард!
Я хотел спросить кое-что у детей, но подумал, что расстрою себя еще больше, и отступился от этого. Мы покинули школу и, не спеша, направились к дому хаджи Исмаила. Совершив омовение, мы предстали перед хаджи, который уже ждал нас с чаем.
— Ну как, хорошо прогулялись? — спросил он.
Я увидел, что Риза, сын хаджи, еле удерживается от смеха.
— Чему ты смеешься? — удивился хаджи.
— Ага, наши уважаемые гости — странные люди! Они увидели правителя области с его фаррашами и свитой и очень дивились на все эти крики: «Назад! Дальше! Стой!». Не зная, что это наследник и губернатор области, они, как на диковинку, смотрели на всю эту суматоху.
Хаджи тяжело вздохнул:
— Да, сын мой, наши гости не привычны к таким зрелищам. Это бедствие — неотъемлемая собственность только Ирана и иранцев. Ни в одной точке земного шара правители не требуют такого раболепия. Повсюду обязанности властей и права подчиненных хорошо известны и строго определены. И только мы, забытые богом иранцы, должны быть жертвой всяческих прихотей и личных желаний жалкой горстки этих фараонов и нимвродов; [90] что им придет в голову, то они и делают с нашей честью, совестью и имуществом. Нет на них никакой управы, они ни перед кем не держат ответа, и требуй не требуй правосудия — ничего не выйдет. Нынче даже негры — эфиопы и суданцы свободны от такой неволи и пользуются

разными человеческими правами, а у нас, горемычных, цепи рабства с каждым днем все крепнут и все сильнее попираются наши человеческие права!

Мне стало ясно, что сердце бедного хаджи истерзано всем этим еще более, чем мое.

Так мы поговорили около часу, отужинали, и затем слуга, зажегши фонарь, проводил нас на нашу квартиру.

На другой день хаджи явился проведать нас. После чая и кальяна он снова стал уговаривать нас переночевать у него, но наш отъезд был назначен на полночь, и поэтому мы, извинившись, отказались.

В полночь мы выехали и, сделав один перегон, прибыли в Хатунабад, что находился в двух фарсангах от Тегерана.

Мысленно я занялся подсчетами: вот уже тридцать шесть дней, как мы выехали из святого Мешхеда, а по железной дороге все это расстояние можно было покрыть максимум за трое суток [91] с гораздо меньшими затратами и несравненно большими удобствами. Увы, иранцы лишены и этого великого блага, да сжалится господь над их положением!

Ранним утром мы прибыли в Тегеран. Я спросил у нашего возницы хаджи Хусайна:

— Где мы остановимся?

— У меня здесь есть друг, смотритель караван-сарая хаджи Мухаммад Хасан. К нему я вас и отведу. Это хороший человек, и я уверен, что он постарается обслужить вас как следует.

Короче говоря, мы пошли туда, нам отвели комнату. Хаджи Хусайн представил нас и ушел. Мы смыли с лица и рук дорожную пыль, смотритель принес самовар, выпили чаю. Юсиф Аму предложил сходить в баню. Я возразил:

— После посещения бани в святом Мешхеде я дал себе клятву никогда больше не ходить в баню в Иране.

— Но ведь это Тегеран — величайшая столица мусульманского мира, — возразил Юсиф Аму. — Может быть, здесь бани не такие, как в Мешхеде.

— Ну что ж, ступай сегодня один, и если вода в бане чистая — завтра пойдем вместе.

Юсиф Аму взял полотенце и футе [92] и пошел в баню, дорогу к которой указал ему смотритель.

Я же, подложив под голову аба,[93] задремал.

Разбудил меня Юсиф Аму.

— Ну, как баня?

— Вода и здесь имеет неприятный запах, но есть маленький бассейн, куда пускают не всех. Если желаете, можно брать воду из него и хорошо помыться.

— Хорошо, завтра пойдем.

Я позвал смотрителя и спросил, как его зовут.

— Мешеди Абдаллах, — ответил он.

— Укажите мне лавку, Мешеди Абдаллах, где продают челав-кабаб.

— От базара свернете направо, немного спуститесь вниз и там увидите две лавки, одну напротив другой. Та, что направо, — хорошая и чистая лавка.

Мне подумалось, что в этой стране надо постоянно иметь при себе или путеводитель, или знающего проводника. Но что делать, где его взять?

Размышляя, я шел не спеша, как вдруг увидел, что на дороге повстречались какие-то двое — один европеец, другой иранец — и здороваются по-английски. Иранец говорил по-английски так, что можно было подумать, что он англичанин. Я крайне удивился и, сделав вид, будто что-то рассматриваю, стал прислушиваться к их разговору. Иранец спросил:

— Ну, так как?

— Все улажено, — ответил англичанин, — тридцать тысяч туманов уже передано садр-азаму.

Он назвал и другую сумму, которую дали еще какому-то государственному лицу, но я не расслышал.

— Завтра его величество шах изволит поставить подпись.

На этом они расстались. Англичанин ушел. Я очень внимательно смотрел на иранца и спрашивал себя, где это он мог так хорошо овладеть английским языком. Заметив мой взгляд, он спросил:

— Земляк, что ты на меня уставился с таким удивлением?

— Мое удивление вызвано вашим разговором. Мне очень понравилось, как хорошо вы говорите по-английски.

— Разве вы знаете европейские языки?

— Да, немного.

Тогда он спросил меня по-английски, я ответил. Он в свою очередь подивился моему знанию языка и спросил:

— Куда изволите идти?

— Мы идем обедать в лавку, где торгуют челавом.

— В таком случае прошу вас — будьте моим гостем.

— Очень благодарен, но лучше сделайте любезность — укажите мне хорошую лавку и сами отобедайте со мной, я вам буду крайне признателен.

Мой новый знакомый привел меня в лавку, которая действительно была чище и опрятнее тех, что мне довелось видеть в Тифлисе.

Между нами завязалась беседа, и я спросил:

— Скажите, что это был за англичанин и о чем он говорил?

— Это агент одной английской компании.[94] Он приехал в Тегеран получить концессии и подряды на производство горнодобывающих работ. Теперь он говорит, что дело вышло и он получил концессии. Он сказал, что дал господину садр-азаму «для подмазки» тридцать тысяч туманов. Доля шаха мне неизвестна.

— Где вы научились английскому языку? — полюбопытствовал я.

— Одно время я жил в Бомбее, там я выучил язык.

После обеда по долгу вежливости я предложил ему пойти ко мне побеседовать. Он согласился, и мы отправились на мою квартиру.

Во время разговора он поинтересовался, как меня зовут, откуда я родом и с какой целью путешествую.

— Я иранец по происхождению, — ответил я, — родился в Каире, зовут меня Ибрахим. Я выехал из Каира с целью посетить святой Мешхед, а уж оттуда, просто путешествуя, прибыл в этот город. А как вас зовут и откуда вы?

— Меня зовут Хасан Кермани, но более я известен под именем Мешеди Хасан.

— Надеюсь, что вы не оставите меня в эти несколько дней моего пребывания здесь и не лишите вашего гостеприимства?

— Разумеется, с удовольствием. Но скажите, какие у вас дела в Тегеране?

— Определенного дела у меня нет. Все сводится к тому, что я хочу добиться аудиенции у нескольких министров и представить им мои соображения. Однако не знаю, в чьих руках ключ от этой запертой двери, и недоумеваю, где найти посредника, чтобы добиться цели.

— Вы хотите подать какое-нибудь прошение?

— Нет. Я хочу лично с ним встретиться и побеседовать.

— Как это сделать, право не знаю, — заметил он. — Если бы требовался посредник, чтобы подать прошение по какому-нибудь делу, этому можно было бы помочь. Но такого человека, который взял бы вас за руку и отвел на прием к министру, я не знаю.

— А что это за человек, который может быть полезен при подаче прошения, и как его зовут?

— Вам нет надобности знать ни имени его, ни кто он. Это мой хороший товарищ. Все министры и государственные деятели с ним очень считаются. В нашей стране посредничество — обычное дело. Если кому-нибудь в Тегеране нужен в деле посредник, он обращается ко мне. Я, взяв с него десять-двенадцать туманов, передаю их тому человеку, а он уж устраивает дело. После завершения — десятая часть суммы поступает мне.

— Друг, — сказал я, — я дам тебе два тумана и тому человеку столько, сколько ему положено. А дело труда не составит: я хочу, чтобы ты только показал мне этого человека.

— Хорошо, согласен. Но сначала следует известить его, и, если он не откажется, завтра пойдем к нему. Я уверен, что он согласится. Это хороший человек, к тому же турок и любит всех турков.[95] Он весел, остроумен и спесивость, по его убеждению, тот же грех, что и кощунство.

С этими словами господин Мешеди Хасан Кермани удалился.

На следующий день в четыре часа он снова наведался и сказал:

— Я видел этого посредника и уладил дело. С богом, пойдемте!

С этими словами мы отправились. Шли мы долго и, наконец, достигли узкой и темной улочки. Во мне зашевелились смутные опасения, и

я подумал, что напрасно не взял с собой Юсифа Аму. Но, положившись на бога, я пошел дальше, и мы достигли конца улочки.

Мой спутник постучался в какую-то дверь, она открылась. На пороге стоял старик лет семидесяти в войлочной шапке, обмотанной повязкой. У него было темное лицо и рыжая крашеная борода. Заметно было, что он немало повидал в жизни горя. Зубы у него все выпали, полупотухшие глаза глубоко запали. Его грязная одежда не поддавалась никакому описанию — невозможно было разобрать, какой первоначальный цвет имела материя этого одеяния.

— Хаджи-хан изволили прибыть? — осведомился Мешеди Хасан.

— Да, пожалуйте. Он ждет вас.

Только мы вступили на лесенку, ведущую в комнату, в нос мне бросился запах водочного перегара. Можно было подумать, что прихожая дома не подметалась со времен великого Ноя; это была настоящая свалка мусора.

Мы переступили порог комнаты, старик поднял занавеску, и я вдруг увидел небезызвестного хаджи муллу Мухаммада Али, который с важностью восседал в центре помещения. Узнав друг друга, мы оба оторопели. Забыв в рассеянности даже поздороваться, я смог лишь невнятно пробормотать:

— Братец, сколько лет не встречались! Не ожидал увидеть тебя ханом!

Он тоже был потрясен, но при своей редкой находчивости нашелся быстро и громко воскликнул:

— Добро пожаловать, Ибрахим-бек, добро пожаловать! Проходите, проходите!

Он поднялся с места, пожал мне руку и обнял меня. Но я все еще не мог говорить; он один продолжал сыпать какие-то персидские фразы, и хотя я пытался заставить его сесть, но он все равно поднимался.

В конце концов, как-бы поглаживая бороду, он перекрыл рукой рот и незаметно шепнул мне, чтобы я ради его жизни ничего не говорил о нем, не губил бы его. Я понял, что он опасается Мешеди Хасана и боится, как бы в глазах этого человека кто-нибудь не уронил его достоинства. Тогда я сообразил, наконец, что надо изменить обхождение, и стал делать реверансы: «окажите честь», «ваш просвещенный ум», «будьте любезны», почтительно обращаться к нему — «ваша милость».

Вижу, и мулла переменился и, немного успокоившись, снова принял важный вид. После обмена любезностями он засыпал меня вопросами:

— Что новенького в Каире? Как ладит вице-король с консулом? Вы, конечно, встречались в Стамбуле с посланником, что он поделывает? А наместником в Тифлисе по-прежнему граф Шереметьев? Это мой хороший друг. Халил Эффенди, турецкий консул, все еще там? Превосходный, благородный человек! А как идет торговля у иранцев в этих городах?

На все эти вопросы я со всевозможной обходительностью отвечал, что, мол, такой-то и такой-то поживает так-то и так-то.

После получасовой беседы в таком роде я решил, что пора кончать, и, почтительно отвесив поклон, направился к выходу. Но мулла снова позвал меня и, когда я вернулся, тихо прошептал мне на ухо:

— Завтра вечером приходите сюда же. В одиночестве мы поужинаем и обсудим все вопросы, которые вас огорчают и волнуют.

— С удовольствием, — отозвался я. — А Юсифа Аму можно привести?

— Ну что же, тем лучше, приведите и его.

На этот раз, попрощавшись окончательно, я вышел.

Когда мы с Мешеди Хасаном уже дошли до базара, я сказал:

— Завтра мы не будем вас утруждать. Мы решили пойти в баню.

Конечно, я не сказал ему о том обещании, которое дал хаджи-хану, и мы вернулись домой.

С нетерпением ждал я на следующий день наступления вечера, чтобы отправиться к хаджи-хану и наконец дознаться, каким образом этот хаджи мулла Мухаммад Али стал вдруг ханом и как это он умудрился сделаться посредником в подобных делах?

Теперь нужно хотя бы вкратце рассказать читателю о судьбе того хаджи муллы Мухаммада Али, а также об обстоятельствах моего знакомства с ним, дабы стало понятно, кого я приветствовал так почтительно, войдя к нему, кому отвешивал поклоны по уходе и кто удостоил меня разрешением явиться снова.

Однажды в Каире, когда я помогал отцу в его делах, на его имя из Египетского порта [т. е. Александрии] пришла телеграмма такого содержания: «Хочу засвидетельствовать вам мое почтение. Если вы сейчас в Каире и не возражаете, сообщите». Подпись «Джафар Тебризи».

Покойный отец сказал:

— Это один из моих уважаемых друзей. Наверное, он едет на поклонение святым местам. Ответь ему: «Пожалуйста, приезжайте, жду вас».

Вечером я пошел на железнодорожную станцию, чтобы встретить гостя. Когда вагон остановился, я увидел муллу Мухаммада Али в сопровождении четверых спутников; это были его веселые собутыльники и слуга, взваливший на себя все вещи.

Потом до нас доходили слухи, что он жил в Стамбуле. Это был шутник и острослов, который в карман за словом не полезет, весельчак и добрая душа. Он знал множество историй, которые приводили в восторг его слушателей.

Как-то он рассказал одну из них и поверг ею всех в полное изумление. Вот его рассказ:

— Однажды некий азербайджанский купец дал мне шестьдесят тюков канауса, чтобы я продал их в Тифлисе. Взяв их, я отправился в Тифлис. Недели две спустя после моего приезда владелец товара прислал мне письмо, что он нуждается в деньгах и просит меня немедля отправить

ему сто империалов. Я узнал, где дают в долг, мне указали на одного ростовщика. Я пошел к нему и сказал, что мне нужно сто империалов. Тот без всяких расспросов и лишних слов написал чек, потому что в те времена в Тифлисе люди доверяли друг другу и давали чеки в долг на одну-две недели. Через неделю, смотрю, от владельца товара опять пришло письмо с просьбой выслать ему чек еще на сто империалов. Я снова отправился к ростовщику и, взяв еще один чек, переслал его владельцу товара. Спустя несколько дней вдруг является человек от ростовщика с требованием расплатиться за чеки. Я ответил, что не располагаю наличными деньгами, а расплачусь, если продам канаус. Тогда пришел сам кредитор и, крайне возмущенный, заявил, что всё это пустые слова и отговорки. После ожесточенных споров и пересудов он чуть ли не силой вырвал у меня канаус и увез его. Вскоре меня вызвали в Тебриз, и я уехал. Владелец товаров сразу же после первых приветствий попросил меня отдать ему все деньги, которые я выручил. «Ни денег, ни товара у меня больше нет», — заявил я и рассказал ему все, что случилось с чеками и с их закладом под канаус. Этот человек с проклятиями помчался к судье и подал на меня иск. От судьи сразу же явился чиновник с вызовом в суд. Суд заседал несколько раз. От меня потребовали предъявить расписки. «Помилуйте, — сказал я, — какие еще расписки? Просто я взял два чека, да и отослал их сюда. А товары, которые у меня были, кредитор отнял у меня силой и увез. Правда, что-то вроде писалось на клочке бумаги, да не знаю, куда он подевался в суматохе». Глубокомысленные господа посредники, которые заседали в суде, быстро-быстро настрочили и представили судье заключение, что, мол, мулла Мухаммад Али утверждает, будто он потерял свои торговые бумаги. Тогда дело перенесли на рассмотрение губернатора области. В это время самого губернатора в Тебризе не было, и разбирательство вел в качестве заместителя его сын, юноша весьма простоватый. Меня привели к нему. Я склонил голову перед молодым губернатором, стоявшим у окна, и хотел было подойти к нему, но он сказал: «Эй, парень, ты, говорят, потерял документы?». — «Да стану я жертвой за тебя! Клянусь, я не терял никаких документов!». Но он не поверил и приказал, чтобы меня увели и взяли под стражу. Меня повели. Фаррашбаши, знакомый моего брата, сказал слугам: «Не такой уж он преступник, можно его и в комнате держать». Мы быстро дошли до тюрьмы. Вижу, тюремщик приготовил колодки и цепи. Стражник тогда сказал: «Не трудитесь, начальник приказал держать его в комнате. Дело его не такое уж преступное». Тюремщик увидел, что с меня ему мало выгоды. От сильной досады он даже воды мне не дал, так что, когда брат принес мне еду, я просил его приносить мне и воду. Так я пробыл в тюрьме что-то около четырех дней. На пятый день я сидел возле окна, как вдруг увидел одного из знакомых купцов, который шел к сыну губернатора. Увидев меня, он сказал: «Эй, паренек, что ты здесь делаешь?». Я ответил: «Меня привели сюда. Я и не ведаю, в чем моя

вина». Он ушел. А я про себя подумал, что, возможно, этот человек в дружбе с правителем и, кто знает, может быть он заступится за меня. Вижу, он возвращается; но он прошел мимо моего окна и ничего не сказал. Позднее я узнал, что он сказал сыну губернатора: у вас, мол, в тюрьме есть один заключенный, ужасный забавник, вы в разговоре с ним не зевайте, он вас в два счета обставит. Спустя некоторое время вижу, приходит слуга и говорит: «Тебя требуют». Мы снова пришли к правителю. Он приказал, чтобы я подошел ближе. Я приблизился и встал с опущенной головой. «Я слышал, парень, — начал шахзаде, — что ты мастер вести беседу?». — «Смею ли сказать? . .». — «Что еще за „смею ли сказать“?». Я снова повторил: «Смею ли сказать?». Он нахмурился, рассердился и приказал: «Говори, живо!». Тогда я начал: «Шахзаде, сейчас мне на память пришла одна притча. Если будет ваше соизволение, я расскажу». «Разрешаю, говори», — велел он. И вот что я рассказал: «Однажды некоему шахзаде, такому же смелому и доверчивому как вы, наветчики донесли, что один из его слуг питает склонность к мальчикам. Шахзаде вызвал к себе слугу и сказал: „Паренек, ты, говорят, забавляешься с мальчиками?“ Тот ответил: „Смею ли сказать?“. Шахзаде в гневе настаивал, чтобы тот сказал правду. Тогда слуга сказал: „Шахзаде, смею ли сказать тебе правду? Если я скажу, что забавляюсь с мальчиками, тогда ты, юноша чистый и справедливый, конечно, тотчас же прогонишь меня со службы. Если я скажу, что не знаю этого дела, тогда ты, сжалившись надо мной, захочешь меня обучить... Теперь сам изволь сказать, что мне, несчастному, делать, как ответить, чтобы избежать вреда?». Этой притчей я бесповоротно покорил сердце шахзаде. Он принялся громко хохотать и велел мне садиться. Я сел и начал степенный разговор о том, о сем, об Европе и Америке, о политическом положении разных стран, о новых европейских изобретениях, о великолепии Лондона и Парижа. Всякими баснями о том и о сем я так и рассыпался перед собравшимися, а все вокруг в полном изумлении и остолбенении взирали на меня. Так прошло четыре дня. Однажды я попросил у шахзаде, нельзя ли меня отпустить, с тем чтобы вместо меня посидел пока под арестом мой брат. Сам же я пойду уладить это дело. На это он согласился. Я привел брата и оставил его, а сам начал бегать по разным местам и везде хлопотать, пока дело не выяснилось и я не вызволил и себя и брата. Через неделю мне снова пришло в голову уехать в Тифлис. Я продал кое-что из медной посуды и другой домашней утвари для оплаты путевых издержек и уже было взял билет, как вдруг вечером приходит ко мне человек от старосты нашего квартала с требованием явиться. Я пришел к старосте и поздоровался, он необычайно приветливо ответил мне и пригласил сесть. «Только сегодня я узнал, — начал он, — что тебя арестовали, увели в другой квартал и, устроив разбор дела, обвинили тебя в преступлении. Что ж ты меня не известил, уж я бы им показал! Бог милостив, отец твой был одним из достойнейших людей нашего квартала! Таких прекрасных

людей мало где найдешь, и я ему многим обязан. Нет, нет, как же я могу допустить, чтобы сын его понес такое притеснение! Следует мне самому сызнова расследовать все это дело от начала до конца». — «Будьте и впредь столь милостивы, но что было, то прошло». — «Нет, нет, мыслимое ли дело, чтобы из моего квартала увели такого благородного человека, как ты, обвинили в преступлении, да еще в тюрьму сажали! Следует, чтобы я посжигал их отцов! [96] Я не потерплю такого позора!». — «Господин староста, было такое дело, но — да продлит господь вашу жизнь! — оно ведь кончилось. Я уж и билет взял и завтра отбываю в Тифлис». Не успел я окончить своих слов, как староста в ярости вскочил и закричал: «Как это — отбываю в Тифлис! Да подавись ты своим ..... ! Да будь ты проклят, такой-сякой, сын сгоревшего отца и блудницы! Ты весь город насытил подачками, а как наступил мой черед, так говоришь „прощайте"? Ах ты проклятый! Ответь по совести, что же я, по-твоему, какая-нибудь лошадиная кость? Да я такой огонь разожгу под твоим отцом, что вовек не обрадуешься! . .». Словом, засадили меня теперь в доме старосты. Моя бедная матушка, узнав о случившемся, продала за полцены еще кое-какие домашние вещи и, вручив деньги старосте, выкупила меня. На следующий день, распрощавшись навсегда с Тебризом, я уехал в Тифлис и до нынешнего дня боюсь даже ненароком глянуть в сторону Тебриза.

Подобных историй и рассказов мулла хранил в памяти множество. Он рассказывал их на всяких сборищах и совершенно пленял присутствующих. Вот так он и коротал время, бродя из дома в дом, и поэтому мог не заботиться о средствах на пропитание. И хотя нередко случалось, что на его голову сыпались там тысячи всяких насмешек и унижений, он все сносил, никогда не выказывал обиды и жил, потешая компании.

Но надо сказать несколько слов и о наружности этого почтенного человека. Прежде всего он был лыс, глазки у него были маленькие и бесцветные, и он не видел ими дальше, чем на десять заров, изо рта торчали большие, некрасивые зубы. Рост у него был низкий, а живот толстый. Ко всему в придачу он еще слегка заикался.

Скажу кое-что и о его моральных свойствах. Это был человек неверующий, без твердых правил, неблагородный, вечно под хмельком.

Обычно от такого рода людей, прихлебателей у чужого стола, трудно ожидать благородных моральных качеств.

И вот теперь человек, качества которого, казалось бы, так хорошо знали, стал в Иране хаджи-ханом и посредником в важных делах!

Весь этот день я был ничем не занят и поэтому с особым нетерпением ждал, когда придет, наконец, время поговорить с этим человеком и узнать, как он удостоился титула «хан» и за какие такие заслуги перед государством и народом стал кавалером почетного ордена Льва и Солнца.

Всю ночь я провел без сна, одолеваемый такими мыслями, а наутро сказал Юсефу Аму:

— Сегодня мы пойдем на поклонение к гробнице Шах-Абдул-Азим,[97] а вечер проведем в гостях.

— Где?

— У одного хана, с которым ты тоже знаком. Но имени его я тебе сейчас не скажу, сам увидишь и узнаешь.

Сколько он меня ни просил, я больше ничего не сказал.

Мы добрались пешком до железнодорожной станции. Протяженность этого железнодорожного пути — не более семи миль; это и есть единственная железная дорога Ирана; построила ее одна бельгийская компания. Хотя она отнюдь не благоустроена, но и на том спасибо; это ведь в тысячу раз лучше, чем тащиться на осле.

За час мы достигли места назначения и пошли на поклонение святой гробнице. После намаза мы занялись осмотром мечети.

Не говоря уже об особенной торжественности и святости, здание это было красиво и величественно. По строгим формам своей конструкции, тонкости зеркальной отделки — это несомненно лучшая мечеть в Иране, и осмотр ее порадовал мое сердце.

Мы некоторое время постояли там, погрузившись в молитвы и читая нараспев святой Коран.

Во время обеда мы зашли в лавочку и закупили меда и сливок. К вечеру снова поездом вернулись в город и побродили немного, осматривая базары и караван-сараи.

Базары и улицы были неплохие, караван-сараи хорошо выстроены и благоустроены. Но меня поразило, что я нигде не увидел ни признака каких-либо компаний, солидных торговых обществ, банков или контор, без которых трудно представить нормальную торговую жизнь такого большого города. Можно сказать, что город в отношении торговли погружен в глубокий траур.

Я заметил, правда, несколько лавок менял; возможно, среди них были и богатые. Но бросалось в глаза изобилие медных денег, которые мешками и кучами наполняли торговый мир, а золото, словно по мановению волшебного жезла, исчезло бесследно... Или его совсем не стало, или оно попрятано по сундукам и зарыто в землю.

Нигде не замечалось также, чтобы благосклонные взгляды нации были бы направлены на исправление дел родины. Всякий здесь — старый и малый, бедный и богатый, образованный и невежда, в одиночку погоняя своего осла, думает только о себе, и ни у кого нет печали о другом. Нет ни одного, кто бы помышлял о благе родины и заботился о нуждах народа. Можно подумать, что Иран для них не родина и они друг другу не соотечественники.

Но вот вид военных на улицах и базарах Тегерана меня порадовал. До сих пор я вообще не видел в Иране людей в военной форме. А здесь и конные, и пешие, и артиллеристы, и даже связисты — все были одеты в военную форму. Особенно выделялись казаки и казачьи офицеры, форма

которых точь в точь повторяла обмундирование русских казаков.[98] Однако говорят, что их всего-навсего один полк.

— Ну, теперь пойдем туда.

Мы отправились. Подойдя к двери хаджи-хана, постучали. Из-за двери раздался его голос:

— Пожалуйста!

Я вошел и поздоровался два раза.

— Отчего вы здороваетесь два раза? — спросил хаджи-хан.

— Один привет за вчера, когда я забыл поздороваться, увидев вас так внезапно и растерявшись.

Он засмеялся. Мы прошли дальше. Но Юсиф Аму был в состоянии, подобном моему вчерашнему, — он застыл в полном изумлении. Наконец он спросил у меня шепотом:

— Этот господин не мулла ли Мухаммад Али, что был у нас гостем в Каире в таком-то году?

— Да! Осел все тот же, да седло его сменилось, — ответил я.

Мулла тоже услышал эти слова и долго смеялся над ними. Затем он стал расспрашивать Юсифа Аму и сказал:

— Ну и ну, а вот вы, Юсиф-ага, нисколько не изменились. Ха-ха-ха! Все тот же Юсиф Аму, что и был.

Мы уселись. Подали чай, и хаджи-хан начал беседу:

— Теперь расскажите, откуда вы прибыли, куда едете? Какими судьбами вы здесь, в Тегеране?

— Я непременно обо всем расскажу, но лучше сначала вы объясните, каким это чудом вы стали ханом?

— История моя сложна и длинна, но я постараюсь рассказать покороче, — начал он. — После возвращения из священной Мекки я поехал в Тифлис и прожил там два года так, как вы видели, — без крова и пристанища. Но как бы то ни было, с божьей помощью мне удалось сколотить капиталец в двести-триста червонцев. И я постоянно думал, что, будь я в Тегеране, дела мои пошли бы несравненно лучше. Я знал очень хорошо, что иранские вельможи, которых я немало повидал на своем веку, питают особенную склонность к болтовне таких балагуров, как я, и был уверен, что счастье мне улыбнется. Вот я прослышал, что одна из обитательниц шахского гарема ездила лечиться в Европу, а теперь, возвращаясь, остановилась проездом в Тифлисе. Разными ловкими маневрами мне удалось втереться в ее свиту. По пути до Решта я сумел расположить в свою пользу сердца сопровождавших ее людей. Действуя таким образом, на пути от Решта до Тегерана я сумел создать у всех такое представление, будто я — один из самых доверенных лиц в ее свите. На всем протяжении пути всякий, кто приближался к процессии этой благородной матроны, приходил в восхищение от моих историй и приглашал меня к себе. Вот так я и ехал в совершенном довольстве, почитая не без основания большим благом каждое лишнее полученное приглашение. Наконец прибыли в Теге-

ран. Вскоре я получил доступ в избранное общество. Везде я занимал собравшихся разговорами, и мой успех все рос. К тому же я заметил, что многим пришелся по вкусу мой ломаный персидский язык, а я старался изучить склонность всех, чтобы угодить на любой вкус. В конце концов мне удалось проникнуть в дом самого садр-азама. Он соблаговолил прийти в восторг от беседы со мной и на другой же день пожаловал меня орденом Льва и Солнца с присоединением титула «хан».

Указав на орден, прикрепленный к петличке его архалука, мулла Мухаммад Али продолжал:

— Это мой первый орден. Когда поверенный садр-азама, как и полагается здесь, вручил мне орден и приказ, он намекнул при этом на необходимость благодарности, от чего я отговорился какой-то прибауткой. Он тут же смекнул, что имеет дело с сильным противником и преспокойно удалился. Прошло немного времени, и я получил второй орден, а впридачу звание полковника и жалование в сто туманов.

Он показал второй орден на своей груди и прибавил:

— Жалованья того я, правда, так и не получил, но и не настаивал на нем, ибо к этому времени я уже стал прибежищем для людей, искавших посредничества в делах. Дела мои по посредничеству шли все лучше, и в день я получал по пять-шесть туманов, а иногда и больше. Вдруг в прошлом году его превосходительство, достоуважаемый министр, заявил мне, что правитель Семнана [99] отстранен от должности — так не хочу ли я принять на себя правление? Я со всей почтительностью ответил: «Да не уменьшится милость вашего превосходительства, на это можно и согласиться». Воротившись домой к матери моего дитяти Касима, — да будет он вашим покорным слугой! — я сообщил, что садр-азам милостиво жалует меня должностью правителя Семнана. «И как ты на это смотришь?» — задала мне вопрос жена. «Что ж тут думать! Ведь это власть над целым городом; конечно, поедем!». — «Безмозглый турок! Нет моего согласия!». Надо заметить, что эта женщина, родом из Исфагана, была хитра, как чорт. «Верна поговорка — сказал я вслух, — что у женщин волос долог, а ум короток. Есть люди, которые только мечтают править городом, даже если за такое предложение надо дать взятку в семь-восемь тысяч туманов. Тебе же даром дают, а ты не желаешь». — «Приступая к делу, надо видеть, куда оно приведет, — сказала на это жена. — Человеку подобает быть разумным и проницательным. Эта должность не по тебе. Во-первых, ты турок, а жители Семнана персы, да к тому же фанатики. Они изыщут тысячи способов препятствовать твоим распоряжениям, будут чинить всякий вред, а потом возмутятся и скинут тебя. Во-вторых, между нами говоря, разве в природе твоей и во внешности есть хоть что-нибудь приличествующее правительству? Вот зеркало, полюбуйся на себя! В-третьих, климат тех мест известен своей тяжестью. Ты и сам-то не отличаешься здоровьем, и дети твои слабенькие. Но даже если бы и не все это, разве не может случиться так, что ты пробудешь там шесть-семь

месяцев, еще не успеешь обогреть свое местечко, как кто-нибудь другой подсунет взятку в семь-восемь тысяч туманов, займет твое место, а ты лишишься всей власти. Тогда что будешь делать? Где возьмешь средства на все эти переезды туда-сюда? Словам этого садр-азама и подобных ему не очень верь! Теперь мы уже обжили наше гнездо и каждый день без лишних хлопот имеем несколько туманов верных. Гуляй себе спокойно, да ешь, а как следует похлопочешь, так, глядишь, и больше станет. К чему тебе правление Семнаном?». Вижу, и впрямь женщина оказывается мудрее меня, она смыслит и по дому, и в государственных делах. Про себя я ее тысячу раз благословил, а вслух сказал: «Да, некоторые твои советы неплохи. И мне, и детям там будет трудно, климат тамошний не подойдет нам. Лучше я заявлю о своем отказе». Прошло два-три дня после этого случая, и я отправился к садр-азаму. Он встретил меня словами: «Ну, хаджи-хан, когда едешь в Семнан? Ты, поди, уж собрался?». — «Да стану я жертвой за вас! — почтительно ответил я. — Хоть я и пользуюсь высокой защитой вашего достойнейшего превосходительства, но я всего лишь ваш раб и слуга, да к тому же вечно больной и слабый. Опасаюсь я, что, переехав туда, еще пуще расхвораюсь и умру. Кто тогда позаботится на чужбине о моих малых сиротах? Так что, если вы соблаговолите принять мой отказ, то ваша милость станет причиной моих усердных молений за вас. И я смогу спокойно жить и дальше под высоким покровительством вашей светлости». — «Но здесь-то нет никакой для тебя подходящей службы, которую ты смог бы взять на себя, раб божий. Красоты и молодости у тебя нет, не обладаешь ты и хорошим почерком, не очень-то и грамотен, стихов не пишешь, в поэзии не смыслишь. Ты и не судья, и не врач. Подумай-ка сам, к какому делу тебя приспособить». — «Изволю доложить, я долго жил за границей, в Тифлисе говорил по-грузински, немного знаю русский язык. Может быть, в министерстве иностранных дел найдется подходящая служба — это я сумел бы выполнить». — «Надо подумать... Есть один человек, которого я уже давно не выношу. Я все собираюсь его уволить, но он занимает большое положение. Конечно, нужно дождаться удобного случая. Тогда и посмотрим». Таковы были его слова. Теперь у меня уже сын и дочь. Женой я очень доволен, она хорошая хозяйка и не расточительна. Вот вам краткое изложение моей долгой жизни. Теперь ваша очередь, рассказывайте.

Прежде чем приступить к рассказу, я спросил у него:

— А есть ли у вас какой-нибудь почетный титул? В Иране каждый хан имеет пышный титул.

— Господин Мушир ад-Дауле[100] прислал мне список почетных титулов, вот он здесь, — с этими словами он протянул руку к шкатулке, стоявшей рядом с ним, и вытащил из нее какую-то бумагу. — Он предложил мне выбрать себе любой, но я отказался.

— Почему же?

— Превратности судьбы могут забросить меня опять в Тебриз. Вы не знаете тебризских мошенников, а я-то знаю, каковы эти разбойники. Они меня еще помнят и, чтобы посмеяться надо мной, прилепят к моему титулу какого-нибудь «осла», «верблюда», «собаку» или «кошку». Позора не оберешься!

— Но ведь такая опасность может грозить и ханскому титулу?

— Ну, нет, звание «хан», как все распространенные имена, не считается особым титулом. Его носит каждый лавочник, каждый музыкант, чуть ли не каждый бродяга. Теперь для большинства людей это слово значит не больше всякого другого слова, начинающегося с той же буквы, такого, как «хурма», «хане»,[101] «халат» и прочее. Не стало к этому титулу ни почтения, ни уважения.

Сказав это, он передал мне список титулов.

Я заглянул в него и увидел, что это сплошная комедия. И хотя переписать всю эту чепуху в мой путевой дневник стоило немалого труда, а читать — истинная мука, но что было делать? Я не мог нарушить завет отца, а он наказал мне записывать все, что я увижу. Вот список этих титулов: Величие государства, Звезда государства, Помощь государства, Попечитель царства, Прославитель государства, Советник государства, Безопасность царства, Храбрец государства, Милость государства, Врачеватель государства, Писец царства, Блеск государства, Фаворит государства, Советчик царства, Почесть государства, Победа царства, Дарующий победу государству, Победа государства, Великолепие государства, Благородство государства, Покровитель государства, Меч государства, Помощник государства, Уважаемый государством, Щедрость государства, Наместник царства, Сабля государства, Стрела государства, Секретарь царства, Правая рука государства, Левая рука государства, Мудрец государства, Вершитель государства, Сила государства, Благоденствие государства, Советник страны, Управитель государства, Покровитель государства, Представитель государства, Верный государству, Начальник гарнизона государства, Слава государства, Краса государства, Почет государства, Светило государства, Созвездие государства, Факел государства, Светильник страны, Пиршество государства, Храбрец государства, Сияние государства, Геометр государства, Зодчий государства, Лев государства, Страж государства, Привратник государства, Распорядитель государства, Логика государства, Предводитель государства, Оратор государства, Воспитатель государства, Луч государства, Гордость царства, Столп государства, Экзаминатор государства, Надежда государства, Блеск государства, Пышность государства, Кинжал государства, Копье государства, Довольство государства, Бесстрашие государства, Острие государства, Опора государства, Вершина государства, Благородство страны, Достоинство страны, Гордость страны, Упование страны, Победа страны, Уважение страны, Добрый вестник страны, Руководитель страны, Слава страны, Глава страны, Поддержка страны, Верный друг страны, Казначей страны, Мощь

страны, Умение страны, Охрана страны, Уполномоченный государства, Министр государства, Проницательность страны, Разъяснение стране, Помощник страны, Счастье страны, Лекарь страны, Врачеватель страны, Философ страны, Стрела страны, Опора страны, Кладовщик страны, Вершина страны, Секретарь страны, Свет страны, Сияние страны, Упорядочивающий страну, Сила страны, Поддержка страны, Меч страны, Сабля страны, Доверенный страны, Распорядитель страны, Светильник страны, Великолепие страны, Советник страны, Наставник страны, Защита областей, Геометр областей, Поверенный страны, Счастье страны, Милость страны, Облака страны, Безопасность страны, Уста страны, Искренность страны, Защитник страны, Надежда страны, Опора страны, Опора царства, Предплечье страны, Предплечье государства, Искатель истины государства, Начальник двора, Начальник министра, Начальник порядка, Начальник дивана, Начальник войска, Начальник охраны, Начальник гарема, Начальник ханов, Светлейший начальник, Эмир войска, Советник войска, Военный министр, Отважный воитель, Ведающий войском, Начальник военного ведомства, Обозреватель чудес, Обозреватель событий, Начальник министров, Секретарь министров, Помощник министров, Доверие министров, Надежда министров...

— Хотя это еще не конец, но хватит, баба́, — прервал мое чтение мулла Мухаммад, — пропустите всех этих «вакилей», «эминов», «маликов» [102] и прочих, а также «Начальника купцов», «Предводителя купцов», «Руководителя купцов» — в них нам нет нужды. Все эти «Глава паломников», «Честь молящихся», «Меч святых» — все это для духовенства и к нам отношения не имеет, а их еще много, поэтому пропустите и их.

— А для чего возле некоторых титулов стоят пометки голубым и красным? — спросил я хаджи-хана.

— А это для отличия. Те, которые помечены красным, предназначены только для военных с чином не ниже генерал-лейтенанта или генерал-майора, да и им они даются за значительное вознаграждение. Таким, как я, эти титулы недоступны. Те, что помечены голубым, уже розданы, и носители их еще живы. А вот среди неотмеченных я мог бы себе выбрать титул, но по уже изложенным вам причинам не захотел. Такова моя судьба. Я кончил. Теперь вы расскажите о себе. Посмотрим, как это вышло, что вы решились на такое путешествие из Египта сюда.

— Но прежде, — сказал я, — должен по правде вам сознаться, что сегодня мы как следует не обедали и теперь проголодались. Прикажите, пожалуйста, подать ужин, а уж тогда я расскажу вам все обстоятельства моего путешествия.

Подали ужин, он состоял из вкусных мясных тефтелей с рисом. Хозяин предложил нам вина, но я издавна дал себе обет не пить вина и до сих пор не отступал от него, поэтому отказался и на сей раз.

Приступая к беседе, я сказал:

— Мои приключения не так длинны. Я отправился из Каира с целью паломничества в святой Мешхед; а посетив этот ангельский престол, через ряд городов добрался сюда. Отсюда я собираюсь поехать в Азербайджан. Если какое-нибудь место придется мне здесь в Иране по душе, я облюбую его для постоянного жительства. Тогда поеду в Каир, продам свои поместья и вернусь сюда. Здесь я и стану жить, в одном из уголков дорогой родины, которая мне в тысячу раз милее Каира. Но на беду я до сих пор не встретил места, которое отвечало бы моим желаниям! Кроме того, я сейчас хотел бы получить возможность посетить двух-трех министров и представить им устные доклады. Вот если вы окажете мне в этом деле услугу, тогда я буду называть вас хаджи-ханом, а пока вы для меня всего лишь смиренный мулла Мухаммад Али, каким были раньше.

— Если бы вы нуждались в посредничестве или желали бы подать прошение в это высокое место, я мог бы вам помочь. Но повести вас в совет министров и устроить беседу с министрами — это не в моих силах, вернее, на это потребуется время. Впрочем, если бы вы остались здесь месяцев на пять-шесть, тогда и это было бы можно. Надо просто выждать подходящий момент.

— Оставаться надолго в этом городе у меня нет никакой возможности. Мне уже надо ехать, — заметил я.

После некоторого раздумья мулла Мухаммад спросил:

— А кого из министров вы желали бы видеть?

— Министров внутренних дел, иностранных дел и военного.

— Хорошо. Посмотрим, что можно сделать.

С этими словами он написал три записки, запечатал их в конверты и каждый надписал.

— Вот письмо, адресованное Мирзе Казим-беку. Это наставник детей министра иностранных дел. Он по национальности араб и, понятно, очень любит арабский язык. Когда он увидит, что вы хорошо знаете арабский, это ему придется по душе. Он вас хорошо примет и устроит ваше дело. Вторая записка, на имя Риза-хана, предназначена для слуги министра внутренних дел. Третье письмо — Асад-беку, дворецкому военного министра. Если Риза-хан и Асад-бек станут отказываться, то тихонько суньте им туман-два. Мирза Казим не взяточник, он на это никогда не пойдет. Мешеди Хасан Кермани знает, где эти министерства, пусть он завтра вас проводит. Бог даст, вы добьетесь цели, а мне это будет весьма приятно.

Я очень обрадовался:

— Мерси, хаджи-хан, мерси.

— Не стоит, не утруждайте себя благодарностью, — сказал хаджи-хан, а потом прибавил:

— Если вам желательно иметь какой-нибудь орден или еще что-нибудь в этом роде, то это я могу сам для вас устроить.

— О, нет, я ни в каких орденах не нуждаюсь.

— Сами не нуждаетесь, может, друзьям пригодятся. Только скажите — я вам предоставлю несколько орденов разной степени и без обозначения имени. Поедете за границу, кому пожелаете, тому и подарите.

— Господин хан, от всего этого сердце мое обливается кровью! Не принимайте меня, сделайте милость, за спекулянта орденами. Да покарает господь всякого, кто так принижает значение государственного ордена! До какой низости и подлости должен дойти человек, чтобы взять на себя такой позор! Подумать только — торговля орденами!? Пусть лучше уж человек продает свою честь и доброе имя, ибо они принадлежат только ему, а орден — всем вместе. Должно взирать на государственные ордена благоговейно, ценить их как зеницу ока, мы должны быть готовы пожертвовать самой жизнью ради их получения и паче всего почитать их значение. Ведь в этом же престиж нашего государства за границей!

На все это хаджи-хан заметил:

— Баба́, что за мысли! Вы, верно, не знаете, что хаджи Мухаммад Багир Каркирук три или четыре раза ездил путешествовать в Россию и Германию и каждый раз брал с собой тридцать-сорок орденов разной степени с чистыми бланками, скрепленными печатями. Я сам видел, как он в России продавал эти ордена, от шестисот до тысячи рублей за штуку.

— Так что же, об этом не знает падишах?

— А что вообще знает этот несчастный? Он настолько занят собой, что совершенно потерял голову. А орденами торгуют и министр иностранных дел, и садр-азам.

Тут уж я не в силах был сдерживаться и громко зарыдал; в голову мне пришли два бейта[103] из песни, которую сочинил один горячий патриот. Поскольку они подходят к моменту, я их приведу здесь:

Отрады сердцу нет иной, чем ты, земля родная,
В сиянии твоей красы бледнеют краски рая.
Того, кто честь твою не спас, себя оберегая,
Пусть шапки навсегда лишит разгневанный аллах.

Да поразит и отринет господь того, кто не встанет грудью на защиту чести своего государства и своего народа, кто унизит высокое достоинство отчизны и нации!

Придя в себя, я глянул на часы и заметил, что время перевалило за полночь.

— Разрешите нам удалиться, — сказал я, — боюсь, как бы нас в дороге не забрала полиция.

— Я пошлю с вами своего человека, его здесь все знают, — сказал хозяин и позвал громко:

— Гулам Али, приготовь фонарь!

Гулам Али оказался тем самым грязным стариком, который открыл нам дверь — он служил в доме поваром. Я заметил, что он, засветив фо-

нарь, засунул себе за пояс большой кинжал — можно было подумать, что он вновь обратился в молодца!

Он проводил нас до самых дверей караван-сарая. Мы постучали, дверь открылась. Я дал два крана Гулам Али.

— Да продлит господь жизнь хану! — поблагодарил он.

— Дядюшка, какой же я хан!

— Ой, в Тегеране такая дешевизна, а ты до сих пор не стал ханом! Когда же ты будешь им?

Я посмеялся над его словами, и он ушел.

Очутившись дома, мы сразу же улеглись в постели и уснули.

Поутру я встал, сотворил намаз и напился чаю. Настроение мое было крайне подавленное, ночь я провел в кошмарах.

Когда пробило четыре часа, я увидел, что к дому приближается Мешеди Хасан. Он хотел было подняться, но я остановил его.

— Подождите, сейчас я к вам спущусь.

Я надел аба, и мы тронулись в путь.

— Итак, — сказал я, — мне хотелось бы, чтобы вы провели меня в дом министра внутренних дел, а оттуда к министру иностранных дел и к военному министру. Хаджи-хан все устроил.

— Хорошо, — отозвался Мешеди Хасан.

Итак, мы направились к дому министра внутренних дел. Не буду описывать здесь это здание, не то наш рассказ сильно затянется. Первым делом я стал разыскивать Риза-хана. Мне указали, где его найти. Я подошел к нему, поздоровался и протянул письмо хаджи-хана. Риза-хан пробежал его, хмуро отложил в сторону и заявил:

— Сегодня это невозможно.

Я придвинулся поближе и вложил ему в руку империал. Он в раздумье глянул на меня, еще помедлил, затем сказал:

— Обождите немного, — и вышел.

Минут через пять он вернулся и сказал, что можно пройти.

Я вошел в комнату министра и отвесил низкий поклон. Вижу, его превосходительство министр восседает со всей торжественностью, облачившись в кафтан, подпоясанный алой кашмирской шалью.

Я остановился.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

— Да стану я жертвой за вас! Разрешите к вам обратиться.

— Говори!

— Мой рассказ будет долог. Сам я чужеземец в этой стране, но да простит мою смелость великий и щедрый господин, если я попрошу его распространить свою милость настолько, чтобы разрешить мне вести речи, сидя у его светлейших ног.

После минуты колебания министр сказал:

— Хорошо, садись и рассказывай!

Я рассыпался в бесчисленных благодарностях, сел и начал:

— Я приехал издалека, в этой стране я чужестранец, но по вере я — шиит,[104] а по крови — иранец. Первая моя просьба к вашей светлости, чтобы вы выслушали меня до конца. А после этого — велите или казнить или миловать.

— Говори! — повторил он.

Я продолжал:

— Еще будучи за границей, я неоднократно слышал, а сейчас увидел воочию, что Иран по сравнению с другими государствами — страна до крайности отсталая. Ваше превосходительство, являя в своем лице министерство внутренних дел, вы, согласно обязанностям и требованиям сего высокого сана, конечно, осведомлены о всех важных делах, происходящих в стране. Я не сомневаюсь, что все свои силы вы тратите на благо страны и на такие полезные дела, кои способствуют возвеличению нации и благоденствию народа. Так вот, скажите мне, в каком из городов этой бескрайной страны вы построили больницу или богадельню, или приют для сирот, или ремесленную школу для обучения беспризорных детей? В каком селении вы проложили шоссейную дорогу для облегчения всякого рода перевозок, где вы ввели орудия, помогающие земледельцу в его тяжком труде, который составляет основу жизни всего народа? Какие полезные меры вы приняли во имя развития торговли, о которой ежеминутно пекутся все крупные государства, на расширение которой они тратят миллионные суммы, а в случае необходимости идут и на кровопролитие? Знаете ли вы, какое именно количество иранских товаров ежегодно вывозится за границу и сколько разных товаров ввозится в эту страну? Помилуй бог! Разве вам не приходилось никогда задумываться над тем, что количество отечественных товаров, идущих за границу, должно быть больше того, что поступает сюда из-за границы, дабы доход государства превышал его расход? Тогда и народ станет зажиточнее, и государственная казна обогатится. Да и зачем иранскому народу за всякой мелочью, необходимой для жизни, обращаться за границу? Разве стеариновые свечи делают там не человеческие руки, а сам господь бог своим совершенным могуществом? Разве сахар слетает там к людям с небес? Потрясающе! Или, может быть, иранская земля не в состоянии взращивать свеклу и сахарный тростник? Или сало иранских коров и овец нельзя очистить так же, как сало того скота, что за границей? Может быть, иранский народ не нуждается в одежде, и поэтому весь наш хлопок тюками отправляется за границу? Господин министр, а известна ли вам численность населения в Иране? Осведомлены ли вы о количестве рождений — этом показателе жизнеспособности нации? И интересовались ли вы когда-нибудь причинами эмиграции всех этих иранцев, что бегут в Россию, Турцию и Индию? Принимали ли вы меры к пресечению этого? Почему вы никак не способствовали тому, чтобы построить в некоторых областях хотя бы небольшие фабрики и хоть немного устранить общенародную бедность и нужду? Вы можете сказать на это, что строительство фабрик

не входит в обязанности министров. Да, это так. Но принять меры к их созданию, поощрить к тому народ, охранить права людей — это несомненно должен сделать каждый способный и мудрый министр. Клянусь богом, в любой другой стране все, о чем я рассказал, входит в круг обязанностей министра внутренних дел. Это на нем лежит долг выяснять, где и какие требуются улучшения и усовершенствования, и добиваться того, чтобы они попадали в руки народа. В противном случае — в ответе он. Почему вы не задались вопросом, в чем причина такого беспорядка в стране? Каждый год несколько тысяч иранских подданных, простясь с родиной, убегают в Турцию, Россию или Индию и влачат существование на чужбине в унижении и в нищете у всех на виду? Разве не пришло время положить конец тому, чтобы министры Ирана продавали народ губернаторам, губернаторы — управляющим, управляющие — беглербекам, беглербеки — старостам, а те — полицейским и секретарям. В какой другой стране можно увидеть, чтобы губернаторы отдавали целый город на откуп низким людям, подонкам общества? Рассудите же по справедливости: в любой цивилизованной стране полиция — это весьма почетное учреждение. Возможно ли, чтобы там полицейским стал какой-нибудь проходимец и круглый невежда, как водится у нас? Да к тому же нет у них ни совести, ни стыда. Хитро оплетут клеветой честных и всеми уважаемых купцов и растопчут их достоинство ради каких-нибудь пяти туманов. А потом обманным путем присудят их скромным и благородным сыновьям, натерпевшимся страху за своих безвинных отцов, платить сорок-пятьдесят туманов штрафу. Знаете ли вы о беззакониях в таможне — а о них с озлоблением толкуют поголовно все — что там за одинаковый товар, и ввозимый и вывозимый, с одного взимают два тумана, а с другого — один, а с иных под каким-нибудь пустым предлогом (мол, отец его солдат или брат — артиллерист) берут всего пять кран? Чтобы все это выправить, нужны средства и толковые люди, с неба реформы не свалятся. До каких пор жестокие губернаторы не будут иметь определенных, записанных в документах, правил о своих правах и обязанностях по отношению к народу, о порядке обложения налогом? Доколе будут попираться права этого драгоценнейшего из божьих даров — народа? Ведь его же отдают в полную власть гнусного произвола низких людей! Скажите, разве Ирану с его трехтысячелетней историей не под силу открыть хотя бы в одном из своих больших городов для защиты здоровья людей медицинское учреждение с тремя-четырьмя врачами, чтобы снять с населения этого города угрозу смерти от невежества различных темных знахарей? Почему до сих пор нет ни одной больницы для лечения проказы, которая ведь поддается излечению в самом начале заболевания? И почему путешествующий непременно должен в каждом городе столкнуться с группой несчастных страдальцев? С перекошенными от этой ужасной болезни глазами и ртом, с провалившимися носом и губами, они простирают руки за подаянием к своим и чужестранцам. Они скитаются по пустыне, как

дикие звери, их изгоняют из сел и городов, ими гнушаются и чужие люди, и собственные семьи. Клянусь богом, для человека, страстно любящего свою родину, легче умереть, чем глядеть на этих отверженных! Мне довелось их видеть раз, и то сердце мое до сих пор трепещет, как вспомню. А вы видите их каждый день — так как же, ваше превосходительство, вас не трогает их горе? Или они не сыновья вашей страны и не ваши братья по вере? Ведь другие ради спасения жизни одного своего соотечественника, да и вообще человека, на какие только ни идут тяготы, каких ни тратят денег! А ведь для того, чтобы выправить это позорное положение, на которое с осуждением косятся как свои, так и чужие, вовсе не требуется таких затрат, что были бы не под силу стране и народу? Клянусь единством бога, от самого населения можно было бы с легкостью добыть средства на борьбу с этими общественными бедами! А как же? Ведь с горемычного народа тянут такую уйму штрафов и налогов, что за двадцать-тридцать лет ими обогащаются и родственники, и потомки какого-нибудь ранее бедного духовника, который по милости государства имел прежде только шестьдесят туманов в год, а теперь разжился больше чем на два миллиона. Почему же не следует обратиться к тому же народу за помощью, дабы искоренить существующие неполадки и совершить тем самым святое дело? Здесь потребуется только добрая воля и распорядительность, честность и бескорыстие. Если и государство, и нация поймут, что они неразделимы, что они только называются двумя разными словами, а по сути дела одно и то же, тогда само собой разрешатся все трудности. В достижении счастья и благоденствия перед союзом этих двух элементов, составляющих родину, не устоят никакие преграды!

Благоденствие в единении,
Раскол — причина всех бедствий.

Руководствуясь справедливостью и равенством, можно победить все затруднения! За время моего путешествия, хотя я увидел лишь небольшую часть иранского государства, сердце мое изошло кровью. Повсюду одно — страна разорена, народ нищ, торговля в загоне, мечты развеяны, убеждения растоптаны, правители нерадивы. Бог мой, какая разруха! Не могу надивиться одному: на что нужна куча министров при этом полнейшем запустении! Вот я и хочу узнать у вас, в чем же причина такого разорения? Если посланник божий с вас спросит: «О министры Ирана, о предводители народа, где ваш закон, где ваша борьба за веру и где борцы за нее, где самая вера, сопутником которой я утвердил любовь к родине?». Что вы тогда ответите, какие принесете извинения? Какой вы дадите ответ, если друг ваш или недруг спросит у вас, почему за пятьдесят-шестьдесят лет, когда вы правили еще страной без иностранного вмешательства, в полной независимости и покое, вы не удосужились из двадцати пяти миллионов иранцев дать образование хотя бы двадцати пяти, чтобы они смогли надлежащим образом взять в руки бразды правления? Чтобы не

было необходимости нанимать за огромные деньги в Европе иностранцев и сажать их на работу даже в таможни? Если какой-нибудь иностранец захочет узнать, почему за эти шестьдесят лет вы не сумели увеличить государственный бюджет столь обширной и богатой страны хотя бы на миллион туманов, чтобы потратить его на укрепление обороны родины, какой довод приведете вы в свое оправдание? А ведь за этот срок другие ближние и дальние страны увеличили бюджет в несколько раз и во столько же раз приумножили свою мощь и способность к процветанию. Если ваша собственная совесть спросит у вас, какая польза видеть доходы государства лишь во взимании взяток и штрафов и пренебрегать такими возможностями, как разумное использование налогов, расширение сферы торговли и увеличение площади посевов, что вы ответите на это, чтобы не сгореть со стыда? Или вы боитесь, что от разработки лесов, от пуска в ход бесхозных заброшенных копей, от объединения перевозочных средств вам будет меньше выгоды, чем от грабежа народа? Разве вам не ведомо, что народ — это руки и ноги государства и что следует поощрять их к работе, а не обрубать их. Народ — орган защиты для тела государства, и если сегодня он в жалком состоянии, то через каких-нибудь пять дней это станет причиной вашего собственного упадка и унижения.

Тут министр не выдержал:

— Кончил ты свою болтовню или нет? — закричал он. — Нет у меня терпения слушать дальше твой бред! Безмозглый человечишко! Какой это негодяй научил тебя подобным дерзостям? Да разве я пророк, чтобы пробудить мусульманство? Каждый имеет тысячи своих забот и огорчений, а ты, идиот, попусту мелешь языком два часа. А я-то еще слушаю, не скажешь ли чего дельного! Глупое ничтожество! Встань, убирайся! Вот дуралей! А ну, вставай да выметайся!

Волей-неволей мне пришлось встать и уйти с чем пришел. Выйдя, я увидел Мешеди Хасана, одиноко дремавшего в саду под деревом.

Я сказал:

— Вставай-ка, братец, пойдем, не время спать.

— Ты уже кончил свои дела у министра? — спросил он.

Я лишь горько усмехнулся. В это время я был в раздумье, стоит ли идти к министру обороны и министру иностранных дел или нет. Но я сказал себе: человек должен быть хозяином своего слова. Хотя от них вряд ли добьешься лекарства для излечения недугов родины, все же лучше пойти: ведь, высказав все, что хочу, я хоть немного облегчу свою измученную душу.

— Теперь пойдем в министерство иностранных дел, — предложил я Мешеди Хасану.

— Что ж, пойдем!

И вот мы достигли дома министра иностранных дел. У дверей я увидел несколько фаррашей и одного русского казака. Я спросил у них о Мирзе Казим-беке, и мне его показали. Я увидел человека с приятным лицом и,

поздоровавшись с ним, протянул ему записку хаджи-хана. Он прочел ее и весьма любезно осведомился, изволю ли я говорить по-арабски. Я ответил, что говорю.

Тогда он указал мне на стул и сказал по-арабски:

— Присядьте, сделайте милость.

Он велел подать чаю, после чего встал и вышел из комнаты. Вернувшись через несколько минут, он сказал:

— Подождите немного. У министра сейчас первый секретарь русского посольства, они совещаются.

Мне пришло на ум, что русское посольство, наверное, сейчас в смятении от того, что Англии уступили какую-то концессию и что все эти разговоры-переговоры касаются одного: или расторгнуть эту концессию, или же получить для себя такую же. Через некоторое время я совершенно случайно узнал, что так оно в действительности и было.

Между тем через час Мирза Казим-бек снова появился, на этот раз в сопровождении одного из приближенных министра, и, препоручив меня ему, попросил представить министру.

Мы вышли из комнаты, и мой спутник, подняв какую-то занавеску, пропустил меня вперед. Я очутился в комнате и увидел министра, который быстро шагал из угла в угол.

Я почтительно поздоровался.

— Ну, в чем дело? — спросил он.

Начав с того же вступления, что и при посещении министра внутренних дел, я попросил разрешения присесть. Прежде чем ответить на мою просьбу, он спросил:

— Ты из Каира?

Я ответил утвердительно, поняв, что Мирза Казим-бек осведомил его об этом.

— А какой страны ты подданный?

— Ирана, — сказал я.

— Я слышал, — заметил министр, — что в Каире все состоятельные иранцы оставляют свое подданство и стремятся принять подданство другой страны.

— Все, кроме меня, — почтительно ответил я.

Он слегка усмехнулся, но ничего не сказал и, сев, приказал мне также садиться.

Я опять начал умолять его, чтобы он выслушал мои слова до конца.

— Никто и не собирается гневаться, главное, чтобы слова не были вздорны и бессмысленны, — возразил он.

Я снова почтительно доложил ему, что все, что я говорю, проистекает от моей страстной преданности родине и посему не прошу ни о чем другом, как только выслушать меня.

Министр сказал:

— Говори, послушаем.

— Господин министр, — начал я, — к вам обращается с вопросами человек, приехавший издалека, но всеми силами души любящий иранский народ. Знаете ли вы о тех позорных деяниях, что творят за границей ваши консулы? До каких пор государственные паспорта, которые в глазах иностранцев являются почетным знаком принадлежности к иранской нации, не будут ставиться ни во что, как какие-нибудь жалкие мятые бумажонки для обертки лекарств? До каких пор нашими почтенными национальными документами будут торговать, как простой бумагой, везде и повсюду по самым сходным ценам, например: в Тегеране — пять кранов, в Тебризе — один туман, на берегах Арса — полтора тумана, на Кавказе — четыре рубля с полтиной, в Турции — восемьдесят пять пиастров? Доколе ваши чиновники будут повсеместно продавать эти паспорта за жалкие гроши любому вору, мошеннику и бродяге иностранного подданства, чтобы эти негодяи и преступники под видом иранцев позорили бы нас в семидесяти двух странах? И только когда эти воры и карманники попадают в руки властей, при расследовании выясняется, что они из армян или из грузин, а то и турецкие грабители и мародеры, которых наши консулы снабдили иранскими паспортами. Какой может быть при этом авторитет у наших консулов, какое может быть уважение к нашим паспортам, как бы они ни были разукрашены внешними знаками принадлежности к нашему государству? Разве допустимо, что некоторые ваши консулы забыли о своем высоком назначении и пошли на это тяжкое преступление? До каких пор огромные взятки, которыми откупаются ваши чиновники, будут защищать их от наказаний и снимать с них всякую ответственность? Чудеса, право, да и только! Разве еще не настало время пресечь этот позор и снять с государства и народа сие постыдное бремя! Доколе иностранные консулы, пользуясь неразберихой, творящейся у нас, будут пользоваться неограниченной свободой действий? И в полную противоположность им наши консулы в таких странах, как Италия или же Россия, будут угодничать и пресмыкаться, словно лакеи перед своими хозяевами и повелителями? <...> Нет, только по отношению к той стране, которая не имеет определенных и записанных законов, можно делать все, что угодно, и никаких не будет к этому препятствий. Другое дело Болгария; хоть там и молодое правительство, а в государстве всего-навсего три миллиона населения, но попробуй генеральные консулы Англии, Франции или России вмешаться во внутренние дела государства да начать командовать болгарским подданным: здесь встань, там сядь — этих консулов быстренько собьют с копыт, так бывало! А посланники и консулы иностранных государств всем бесчинствам, которые они творят в Иране, учатся у иранских посланников и чиновников. Да и то правда: что можно требовать от иностранцев, ежели наши чины вместо того, чтобы защищать права народа, обирают своих же собратьев среди бела дня? Если нам самим не ведомы ни законы, ни правосудие, можем ли мы требовать от них справедливого и законного обращения с нами? Клянусь прибежищем бога, именно от

этих ужасов, творящихся на каждом шагу, горемычные иранцы, дым стонов которых заволакивает небо тьмой, бегут из разных мест и, спасаясь от притеснений у себя на родине, подвергаются еще большим жестокостям за границей. Повсюду, в каждой деревне в России или Турции вы можете увидеть, как группа бессовестных бездельников под названием фаррашей, собравшись вокруг одного из них, торжественно нареченного консулом, грабит этих несчастных скитальцев, о которых не говорится ни слова ни в одной официальной книге записей. Во-первых, почему не покончить в стране с притеснениями, чтобы люди не покидали свою родину? Во-вторых, ради чего консулы набивают свой кошелек, взимая ежедневно по пяти рублей с каждого из этих несчастных под видом денег за паспорт? Если вы соизволите на это заметить, что консулы зато не получают положенного им жалованья, клянусь богом, вы и тут ошибетесь; ведь если деньги, которые вымогаются ими у народа, поступали бы в распоряжение государства, последнее могло бы и им выплатить жалованье, и само остаться в выгоде, да в придачу к этому положило бы конец сим позорным делишкам. Если нынче в России или Турции, случится, умирает иранец, то какого бы он ни был сословия, первыми его наследниками бывают посольства и консульства. Если наследники и кредиторы сильны, то и они урвут себе долю, а чаще все идет в карманы послов и консулов. То же самое и с паспортами. Точно высчитано, что каждый иранец за время пути на поклонение в святую Мекку платит за оба конца при переходе границ сорок пять туманов паспортных денег. В году отправляются в Мекку по крайней мере четыре тысячи иранцев, так что их паспортные деньги составляют более ста шестидесяти тысяч туманов. Ведь на эти деньги можно было бы назначить везде, где полагается, в России и Турции, образованных консулов с установленным жалованием, которым было бы под силу разобраться в любой жалобе и наказать нарушителя. Почему у врат, ведущих к нашей святыне, в порту Джедда,[105] куда стекаются мусульмане со всего мира, нельзя поставить дело умело, грамотно и честно? Почему на протяжении последних лет все дела паломников здесь отдаются на откуп за тысячу-две лир любому безродному бродяге и невежде? Какого-то негодяя делают полновластным хозяином жизни и имущества паломников, в то время как их безопасность и защита их прав должны гарантироваться государством. Этот прохвост без зазрения совести дерет с них за каждый паспорт по пол-лиры, т. е. два с половиной тумана, между тем государство взимает не более одного тумана. Но и этим он не удовольствуется: он буквально грабит людей вкупе с носильщиками и погонщиками верблюдов. Если прочие мусульмане, т. е. мусульмане из Турции, Египта, Испании, Индии и Кавказа, платят за наем верблюдов и мулов от Джедды до Мекки тридцать пиастров, то с иранцев он требует двести, т. е. в шесть с лишним раз больше. Хотя обо всем этом из года в год подробно пишут в газетах, а стоны притесняемых паломников возносятся до самых небес, однако никому до этого нет дела, и бессовестные плуты не несут никакого наказа-

ния. А ведь только той суммы, что насобирает в Джедде консул за три месяца от паломников-иранцев, достанет на жалованье посланнику. Если все, что я здесь изложил вам, вы знаете и просто не принимаете во внимание, — это верх бесчестия. Если же все это вам неведомо — тогда каждый имеет право счесть вас нерадивым и потерять к вам всякое уважение. Я кончил.

Министр зевнул, потянулся и сказал:

— Что ж, от Аравии лучшего нельзя было и ожидать! Но поражаюсь тебе — наглый, безмозглый и глупый человечишко! Услышал где-то такое слово «закон», нацепил его себе на язык и туда же, пустился в рассуждения! Да знаешь ли ты, что в других странах есть один единственный закон, и то всех его предписаний не выполнишь за целый год. А в нашей стране у каждого министерства свои собственные законы, и каждый из них может быть приведен в исполнение в полчаса. Благослови судьбу, что ты не оставил своего подданства, а то бы я поступил с тобой иначе. Вставай и катись ко всем чертям! Проваливай!

Я понял, что мне больше ждать нечего, поднялся и вышел, заливаясь от стыда потом.

Мирза Казим-бек, увидев меня, с оживлением спросил:

— Жаловались на египетского консула?

— Нет, мы говорили о другом. До свидания!

Вместе с Мешеди Хасаном мы вышли из министерства, и я сказал:

— Хоть времени осталось и очень мало, но уж сегодня надо довести это дело до конца.

Итак, мы направились в военное министерство.

Подойдя к нему, мы увидели, что караульные, поставив ружья в козлы, сидят по углам и курят. Я хотел войти, но меня задержали:

— Куда?

Мешеди Хасан сказал:

— Есть дельце!

Не знаю, что они ответили, но видел, как Мешеди Хасан закивал головой: хорошо, мол, хорошо, на обратном пути.

Мы вошли, и я спросил, где находится Асад-бек, начальник полиции. Мне указали его комнату; там важно восседал красивый юноша лет восемнадцати, одетый в богатый сюртук. Я поздоровался и с поклоном подал ему записку хаджи-хана. Он прочел ее и спросил:

— От кого это?

— Там стоит подпись и печать, — заметил я.

— Печать и подпись Мухаммада Али, но я не знаю, кто это.

— Да это же хаджи-хан, — пояснил я.

Юноша небрежно бросил мне записку обратно и, сказав: «Сегодня ничего не выйдет», стал смотреть в другую сторону.

Придвинувшись к столу словно для того, чтобы взять записку, я тихонько сунул ему в руку империал и проговорил:

— Господин фаррашбаши, я — чужестранец и путешественник, у меня к вам большая просьба.

Я еще не кончил своих слов, как он, заметив империал, обратился к одному человеку, стоявшему поодаль:

— Мирза-ага, скажите адъютанту, пусть придет сюда.

Вошел юноша еще красивее этого, лицо его сияло как солнце.

Асад-бек спросил:

— Министр один?

— Нет, там генерал-майор Гаруси сдает деньги и там же управляющий.

Обратясь ко мне и сказав: «Посидите немного», Асад-бек поручил Мирза-аге уведомить его, как только министр останется один.

Через полчаса Мирза-ага снова вошел и сообщил, что посетители ушли. Фаррашбаши вышел и, вернувшись через мгновение, подал мне знак идти за ним. Когда я встал, он шепнул мне на ухо:

— Этому Мирза-аге тоже дай что-нибудь.

— Слушаюсь, — ответил я и, достав три пятикрановые монеты, отдал их Мирзе.

Когда передо мной приподняли занавеску, я заметил, как управляющий передает двум фаррашам десяток мешочков с деньгами. Потом фарраши удалились.

Небольшая кучка золотых монет еще оставалась на столе. Министр брал их одну за другой и взвешивал на небольших весах.

Я почтительно приблизился и застыл, сложив руки на груди. Прошло более десяти минут, а министр все взвешивал деньги и складывал их в кашемировый мешочек.

Наконец он повернулся в мою сторону и спросил:

— Что тебе надо?

— Я желаю кое-что доложить вам.

— Говори!

Начав с тех же объяснений, что и в министерствах внутренних и иностранных дел, я попросил разрешения сесть.

Министр в полном удивлении окинул меня с головы до ног негодующим взглядом и воскликнул:

— Ах, дерзкий, разве ты не можешь стоя доложить свои дела? Ведь ты как будто не хворый?

Я пояснил, что дело мое весьма продолжительное.

— Ничего, говори как есть.

Я понял, что он никак не хочет позволить мне сесть и уже начинает впадать в гнев. Если настаивать и дальше, он выйдет из себя.

Все же я осмелился заговорить:

— Заклинаю вас, господин министр, гербом падишаха, соблаговолите дозволить этому рабу присесть.

Как бы то ни было, он разрешил мне сесть.

— Я — путешественник, мусульманин, по религиозному толку принадлежу к джафаритам,[106] — начал я. — Я объехал всю Европу и видел армии всех стран, я хорошо знаю порядки в этих армиях и обязанности военных министерств. Но вот в этой стране, проехав от святого Мешхеда до самой столицы, я нигде не заметил ни малейшего признака ни солдат пограничных гарнизонов, этих защитников страны, ни орудий и боеприпасов, не видел я также крепостей, рвов и валов. Только в Мешхеде мне довелось увидеть несколько солдат, больше похожих по одежде на батраков и носильщиков глины, и, увы, лучше бы мне их не видеть! А теперь я обращаюсь к вам, военному министру этой древней страны. Для Ирана возможны два положения. Возьмем первое: если вы живете в мире с соседями и твердо уверены, что война не наступит неожиданно, — к чему в таком случае все эти бригадные генералы, дивизионные генералы и адмиралы, все эти сардар-акрамы, сардар-азамы, сардар-афхамы [107] да и самое военное министерство и двухсоттысячное якобы войско, существующее, впрочем, только на бумаге? Ведь для защиты святой цитадели — нашей столицы достаточно двух-трех полков, и охрану каждого города вы можете возложить на градоначальника с его тридцатью-сорока тюркскими или арабскими фаррашами, которые даже не требуют жалования. Ибо народ Ирана считает своим долгом полное повиновение падишаху. Теперь перейдем ко второму: если есть угроза, что Иран может подвергнуться вражескому нападению, то где же ваше обученное на случай войны войско, натренированное и снаряженное согласно современным требованиям? Где ваши военные припасы и продовольствие, где такие орудия защиты, как пушки и ружья? Где арсеналы с оружием и склады с обмундированием для войск? Ведь ваши пограничные войска должны состоять из нескольких полков, а где, в каких важных пограничных пунктах они расположены? Где ваши военные госпитали, где врачи и военные хирурги? Где вы собираетесь расположить склады с медикаментами и со всем необходимым для лечения солдат? Как, какими перевозочными средствами вы собираетесь вывозить с поля боя раненых, этих мучеников за родину и народ? Где у вас выстроены казармы для борцов за веру — защитников отечества? Где сооружены неприступные крепости и сильные бастионы, которые могли бы принять на себя первый внезапный натиск врага? Можно ли дать отпор врагам, со всех четырех сторон вперившим жадный взор на нашу родину, выставив против них двадцатилетних генералов и солдат, которым перевалило за шестьдесят? Какие услуги отечеству и народу успели оказать эти двадцатилетние юнцы, что удостоились чести носить шпагу и генеральскую портупею?

Когда я дошел до этого места, я вдруг увидел, что вся кровь отлила от лица министра, и он закричал не своим голосом:

— Асад! Асад!

Вбежал Асад-бек, фаррашбаши.

— Какая гнусная собака ввела сюда этого негодяя, этого нахального сукиного сына, этого болтливого идиота?!

— Да стану я вашей жертвой! Хаджи-хан написал мне записку.

— Да подавится отец его своим дерьмом! Проучите хорошенько этого собачьего сына, обомните ему бока и выставьте вон!

Дальнейшее я уже помню плохо — кулачные удары и пощечины посыпались на меня, как дождь с неба. Я лишь успел заметить, что с меня сорвали аба, что на голове моей уже нет шапки и что пять или шесть парней, вцепившись в мои руки и ноги, волокут меня по лестнице вниз. Надавав мне пинков в поясницу, они столкнули меня так, что я растянулся на земле. Несколько человек тут же бросились ко мне, чтобы потащить меня в тюрьму.

Я взмолился:

— Баба́, ради бога, оставьте меня! Министр велел меня выгнать, это правда, но сажать в тюрьму не приказывал.

Однако они продолжали твердить, что отпустить меня не имеют права. Тут подбежал Мешеди Хасан и воскликнул по-английски:

— Господи, братец, да что это приключилось с вами?

— Что должно было случиться, то и случилось. Однако приказа об аресте не было. Устройте, прошу вас, так, чтобы нам поскорее выбраться отсюда.

— А деньги у тебя есть? — спросил он.

— Нет, ничего не осталось.

— Вынимай тогда часы.

Но руки мои так дрожали, что я, как ни старался, не смог вытащить часы. Тогда Мешеди Хасан разорвал мой карман, вынул часы и передал их вместе с цепочкой фаррашам.

Тут только они отпустили меня, занявшись определением стоимости часов и их дележкой.

Мы тем самым получили возможность уйти. Но когда мы уже вышли из дома, я вдруг заметил, что голова моя не покрыта и на мне нет аба.

— Брат, — сказал я, — сдается мне, что без аба еще можно идти, но уж с непокрытой головой вроде не пристало.

Мешеди Хасан пообещал одному фаррашу кран. Тот пошел и принес мою шапку. Теперь наступила очередь за караульными. Они, разумеется, тоже потребовали денег. Не знаю уж, что им дал Мешеди Хасан, но они нас выпустили.

Итак, с избитым телом и глазами полными слез, шатаясь и попросту валясь с ног, я направился к своему жилищу. По дороге я умолял Мешеди Хасана, чтобы он и словом не обмолвился Юсифу Аму о моих злоключениях.

Наконец, мы добрались до дома. Юсиф Аму, увидев меня, в страшном испуге, с громкими причитаниями бросился мне навстречу.

— Ох, что с тобой стряслось, господин бек? Скажи скорей, отчего ты так бледен и весь дрожишь?

— Нет у меня сил отвечать тебе, — сказал я, — принеси-ка постель и подушку.

Он принес, и я без чувств рухнул на постель.

Очнувшись, я увидел в свете зажженной лампы, что вокруг меня стоят несколько человек. Один из них положил мне левую руку на лоб, а правой держит меня за руку, считая пульс. Я понял, что это врач. Он спросил:

— Как вы себя чувствуете, где болит?

— Нигде не болит.

Затем, обратясь к Юсифу Аму, доктор сказал:

— Не пугайся. Слава аллаху, страшного ничего нет.

Но Юсиф Аму все плакал и твердил:

— Помоги, ради бога, господин доктор! Ведь я не смогу и на глаза показаться его матери. Остается только и мне убить себя!

— Клянусь тебе, раб божий, ничего особенного, — повторил врач, — просто сердце его немного взволновано и расстроено. Все это, видно, от какой-то неприятности, которая внезапно с ним случилась. Ничего, пройдет. Если он привычен, то дайте ему выпить немного коньяку или старого вина, и он успокоится.

Юсиф Аму вздохнул:

— До сих пор не пил. Но если нужно, что же делать, надо дать.

— Да не примет господь твою клятву! — воскликнул я. — Если даже умирать буду, и то не выпью! Я ведь не болен, дорогой Аму, не бойся, — и при этих словах я чуть-чуть приподнялся.

Врач тихо шепнул ему:

— Развлеките его чем-нибудь, что он любит. Почитайте стихи, а то пригласите певца или музыканта, это его успокоит.

— Больше всего он любит книгу «История Надира», — ответил Юсиф Аму.

Врач засмеялся, отнеся это к простодушию Юсифа Аму, и сказал:

— Возьмите немного эссенции мяты, потом заварите чай и, налив в чай две-три капли, дайте ему выпить.

Затем он написал, чтобы из аптеки принесли два пузырька с лекарством, и велел каждые два часа поить меня крепким кофе, по полкружки за раз.

— Остальное, — добавил он, — на воле божьей, никакие врачи больше не нужны. Но, если понадобится, известите меня, я приду. До свидания.

Мешеди Хасан дал врачу пять кранов, затем пошел и принес лекарство.

Во время всей этой суеты я то и дело разными знаками старался дать понять Мешеди Хасану, что от Юсифа Аму надо скрыть все происшедшее.

Внезапно мне пришло в голову, что бедняга Мешеди Хасан еще не обедал. Я попросил у него извинения за это.

— Не беда, — отозвался он. — Главное, чтобы твое здоровье было в безопасности.

Юсиф Аму спросил меня:

— А ты-то сам где обедал?

— В одном месте, — нехотя ответил я, и увидел, что Мешеди Хасан незаметно улыбнулся.

Итак, следующие три дня после этого прискорбного случая я не мог выйти из дома. На четвертый день я вдруг увидел, что навестить меня идет хаджи-хан, а за ним шествует наш старый знакомый, повар Гулам Али, разодетый во все новое, — в суконном длинном сюртуке, на голове новая шапка яйцевидной формы, на поясе длинный кинжал.

Когда хаджи-хан увидел, как я бледен и слаб, он воскликнул:

— Не захворали ли вы? Что случилось? Сегодня Мешеди Хасан подробно мне рассказал обо всем...

Я не позволил хаджи-хану кончить, до смерти боясь, как бы обо всем не узнал Юсиф Аму.

— Дорогой Аму, — ласково попросил я, — разведи-ка поскорее самовар.

Он вышел.

— Ах вы, такой-сякой, — продолжал хаджи-хан, — что это за напасть свалилась на вашу голову?

— Теперь уж прошло. А случилось лишь то, что не могло не случиться.

— Что же вы натворили, если вас поколотили?

Я рассказал все с подробностями. Хаджи-хан был вне себя от удивления:

— Да ты сошел с ума! — заорал он. — Разве можно в этой стране, пред самим военным министром, который по величию и значению мнит себя выше любого фараона и шаддада,[108] вести подобные речи??! Ведь он и ему подобные ничего и знать не хотят, кроме того как попроворнее ограбить свою страну да повыгоднее продать родину и народ. Я сгораю от стыда, что ношу титул «хан». Что толку, что его носят подобные мне, а часто и хуже меня? Все они живут одним и тем же, мирок их донельзя узок, а стремления направлены в одну жалкую цель. Если бы я с самого начала понял, с какими намерениями ты ищешь свидания с этими негодяями, я бы воспрепятствовал тебе идти к ним. Но зато теперь я укажу тебе путь к наипочтеннейшему человеку, главное человеческое качество которого заключается в его страстной и безраздельной любви к родине. Вся его чистая сущность замешана на любви к своему народу, а на страницах его сердца нет иных писмен, кроме имени родины и любви к ней. Этот кумир всех патриотов безусловно глубоко посочувствует тебе. В награду за все страдания, кои причинил тебе твой патриотизм, я сведу тебя в его обитель, и там ты позабудешь все свои невзгоды. Сейчас я пойду к этому великому человеку и постараюсь устроить все так, чтобы он принял тебя и утолил твою жажду, наполнив чаши святой водой из райского источника патриотизма.

— Ничего страшного, — отвечал я, — все это пройдет! Это только первый шаг на пути служения родине.

Тем временем подали самовар, мы выпили чаю. Хаджи-хан еще немного пошутил с Юсифом Аму, затем простился и ушел.

На другой день около полудня я услышал, что один из служащих караван-сарая называет мое имя и просит указать мою комнату.

Ему показали и он, войдя, со всею учтивостью поклонился и сказал:

— Вас желают видеть в одном доме. Просят, если можете, соблаговолить пожаловать. Это то самое лицо, насчет которого вам что-то обещал хаджи-хан.

Я сразу сообразил, о ком идет речь.

— Подождите, пожалуйста, немного, я сейчас приду, — сказал я.

Я тут же поспешил на базар и купил себе аба за сорок туманов. Вернувшись, я сказал: «Идемте», и мы пустились в дорогу. Пройдя несколько шагов, мой спутник спросил:

— Может быть, желаете сесть на конку?

— Нет, прогулка пешком куда приятнее.

Вскоре мы подошли к большому зданию, весь внешний облик которого свидетельствовал о величии его хозяина. Пройдя ворота, мы очутились в прекрасном саду, засаженном цветами самых разнообразных сортов и окрасок. Группа слуг спокойно занималась какими-то делами по хозяйству, никто не суетился и не шумел.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, миновали зал и приблизились к двери, у которой стоял слуга. Он поднял передо мной занавес, и я увидел человека, сидящего в кресле. От его открытого и чистого лица веяло таким благородством и величием духа, словно это был небожитель в одежде человека. Лицезрение этого благородного и достойного человека заставило меня забыть все мои прошлые невзгоды.

Из самой глубины сердца я приветствовал его.

Он ответил мне чрезвычайно любезно и ласково:

— Пожалуйте, во имя аллаха, садитесь.

Я присел было на ковер, но он заставил меня подойти ближе и настоял, чтобы я сел на стул, стоявший подле него.

После взаимных приветствий и обязательных расспросов он спросил:

— Вас зовут Ибрахим-бек?

— Да, — отвечал я.

— В Египте очень жаркий климат. Там, верно, трудно жить в летнее время? А я слышал, что вы долгие годы жили там.

— Любые трудности переносятся легче, когда они становятся привычными. Мы уже притерпелись к климату тамошних мест.

— Да, конечно, все дело в привычке.

— Я слышал, — сказал он затем, — что несколько дней тому назад один из вельмож отнесся к вам с большой грубостью и неуважением. Поистине я скорблю об этом и весьма этим опечален. Но что делать? Надо уметь переносить страдания. Увы, тысячу раз увы! Да будет мир вашей душе и да простит ему бог! Я попросил вас прийти, потому что захотел

поговорить с вами и узнать цель ваших бесед с этими лицами. Что вы желаете и с какой целью прибыли в Иран? И почему вам не нравится наш Иран? Может быть, вы просто в чем-то заблуждаетесь?

— У меня не было в этом путешествии иной цели, — начал я, — как повидать святую землю моей родины и поклониться ей. Но прежде я должен сказать вам, что неистовая любовь нашей семьи к своей родине, любовь, доходящая до фанатизма, давно уже сделалась притчей во языцех по всему Египту. Да, мы любим иранскую землю больше самой жизни, ибо она — наша святая отчизна, земля, которая вскормила наших родителей и упокоила наших предков. Живя в Каире, вдали от родины, я нередко слышал о непорядках во всех делах Ирана, о неправедности его сыновей, о нерадении его правителей, о тирании и жестокости сильных по отношению к слабым и зависимым. Но страстная любовь к родине не позволяла мне верить этому. В глубине души у меня зародилось твердое намерение — поехать сюда и все увидеть своими глазами. Молодая кровь ударила мне в голову, и внезапно, пренебрегши всем, я собрался в путешествие. Увы! С первого момента после переезда границы до прибытия в столицу, на всем пути я к великой своей печали все больше и больше убеждался, что все слова поношения — чистая правда и что всё, действительно, из рук вон плохо. Тогда я принял решение узнать от самих министров этой страны о причинах такой разрухи, нерадивости и беззакония. Результаты были самые убедительные. Когда я всякими уловками пробился на аудиенцию к ним, в ответ на все свои вопросы я не получил ничего, кроме пинков и затрещин, и не услышал ничего, кроме брани и оскорблений, да таких, что не доведись мусульманину слышать и неверному получать.

Тут хозяин сказал:

— Прежде всего хочу спросить вас о законе. Что вы подразумеваете под словом «закон», и как по-вашему следует поступить согласно закону?

— Объяснять, что такое закон — дело долгое, но вкратце, — это определение обязанностей и прав людей по отношению друг к другу.

— А скажите, каковы эти обязанности и права, в чем они заключаются?

— Я бы сказал так: в составе закона обязанности, которые призван нести народ, делятся на четыре вида, а именно: первый — обязанности по отношению к родине; второй — обязанности по отношению к своим согражданам; третий — обязанности по отношению к обществу; четвертый — обязанности, относящиеся к делам управления государством. Эти четыре вида обязанностей, четыре элемента, из которых состоит тело родины, со всеми их ответвлениями и составными частями, тесно переплетаясь друг с другом, в совокупности дают то, что называется обязанностями нации. Собранные воедино и расположенные в определенном порядке, они называются «законом». Соблюдение таких правил обязательно для всех людей без исключения. Обязанности по отношению к родине — это прежде всего защита ее свободы и независимости, всемерное содействие упорядочению

ее дел и устроению счастья населения сей святой земли, которую мы именуем Ираном и зовем своей родиной. Ни одному чужеземцу мы не должны позволить преступить нашу границу без разрешения, дабы пядь ее не была бы захвачена и ни в одном из ее углов не была бы разбита палатка чужеземца. Обязанности по отношению к согражданам — это охрана жизни, имени, имущества и чести населения нашей родины, защита всех подданных и от внутренней тирании, и от внешнего нападения. А не так, как бывает в наши дни, когда в один прекрасный день ханские прислужники под любым предлогом хватают сына какого-нибудь почтенного человека, тащат его в тюрьму, облагают штрафом и зачастую губят. Вся же вина его только в том, что он благочестив, честен и пользуется всеобщим уважением. Случается и так, что тридцать или сорок фаррашей окружают едущую женщину, жену какого-либо уважаемого купца или торговца, и, угрожая ей палками, кричат: «Ослепни! Закрой глаза! Слезай! Убирайся!». А бывает, что человека за проступок какого-нибудь родственника в десятом колене хватают, заковывают в колодки и наручники, а потом, продержав несколько месяцев в тюрьме и отобрав все имущество, отпускают. Вот поэтому люди, вынужденные сказать «прощай» своей стране, тоску на чужбине предпочитают жизни на родине и пропадают безвестно на чужой земле. Обязанности по управлению государством состоят из установления совокупности законов и из выполнения этих законов, которые обеспечивают упорядочение дел страны. Глава же обоих институтов — самое знатное лицо, падишах, который является и в силу наследования, и в силу своих прав повелителем этих великих установлений. <...> Что касается любви и заботы о гражданах нашей родины, то легко можно увидеть, что за эти годы более пятидесяти тысяч людей из-за притеснения губернаторов и влиятельных лиц предпочли эмигрировать в чужие страны. И никто не задумывается над тем, куда они едут и почему покидают родную землю и семью! Обязанности по отношению к обществу определяются совокупностью всех частей, относящихся к обязанностям каждого его члена, и их выполнение обеспечивает благополучие этого общества. Однако члены общества, будучи разобщены, не властны добиться такого благополучия, как бы они ни старались это сделать. Их единение и общность — причина могущества и процветания. Сыновья родины должны быть привязаны к своей земле сильнее, чем к своим детям, и в такой же степени, в какой они считают своим долгом защищать веру, должны защищать и отечество, ведь этим они исполняют предначертание: «Любовь к родине завещана богом». Теперь мы видим, что для обеспечения такого благополучия, защиты достоинств шариата, для сохранения национальных прерогатив и обычаев мусульманства, а также богатств и самой жизни нашего общества необходима армия. А ей нужны припасы, пушки, ружья и прежде всего порядок и правосудие. К несчастью, сегодня в нашей дорогой стране не видно никаких средств для обороны от врагов, кроме тяжких вздохов и горьких слез людей ревностных, страждущих за народ. В такой богатой и

обширной стране нет ни школ для обучения детей, ни учреждений по охране здоровья населения, ни твердого закона, определяющего права и обязанности граждан. Науки и техники нет и в помине!

Пока я это говорил, мой уважаемый слушатель то трепетал всем телом, то ударял себя по коленям рукой сожаления, то исторгал тяжелые стоны из самой глубины сердца.

— В чем же я, многогрешный, виноват, — продолжал я, — если в ответ на вопросы о столь тяжелом положении я не только услышал страшные ругательства, которых никогда в жизни не слыхивал, но еще был так избит, что слег на три дня?

При этих словах страшная тоска стеснила мне горло, и сам не желая того, я начал рыдать, не в силах подавить стоны и вздохи. Почтенный муж залился слезами еще сильнее, чем я, и, обняв меня за шею, поцеловал в голову и глаза. Затем, не переставая плакать, он взял меня за руку и сказал: «Пойдемте со мной!».

За дверью, я увидел, стоял слуга и рядом с ним мальчик лет десяти-двенадцати; зажав в руках платки, оба горько плакали. Оказалось, что они, хотя и не понимали сути нашего разговора, но расстроились при виде наших слез.

Мы прошли через две комнаты. Остановившись перед дверью третьей, мой почтенный хозяин вынул из кармана ключ и отворил дверь.

Я очутился в библиотеке, где в образцовом порядке было расставлено множество книг. Посредине стоял стол и стул. Хозяин жестом пригласил меня сесть, затем снял с полки шесть фолиантов, положил их передо мной и сказал:

— У меня много книг, но нет еще, пожалуй, таких, которые так бы подходили к вашему случаю, как эти. Займитесь их чтением, мне же пора идти, сегодня — приемный день у шаха. Возможно, что я вернусь поздно. Для вас все приготовлено. Когда наступит время обеда и чая, прикажите, и вам подадут.

Он поставил передо мной ящик с сигарами и добавил:

— Пока вы находитесь в Тегеране, вы — мой гость.

Я горячо поблагодарил его, и он, простившись, вышел.

Я занялся осмотром библиотеки и увидел, что полки, идущие вдоль одной из стен, сплошь уставлены сводами законов различных государств. Мне сразу бросились в глаза законы Турции, далее кодексы русских законов, законов Англии и Франции. Вдоль другой стены были расположены книги по мусульманскому законоведению и трактаты по Исламу — источнику нашего спасения.

Я чрезвычайно обрадовался, оглядев это собрание, и вернулся к шести фолиантам, предложенным мне хозяином дома. Открыв один из них и вчитавшись в аккуратные и чистые строчки, я понял, что автор этого произведения — наш уважаемый муж.

Из книг, трактующих законы Англии и Франции, он собрал в один том все статьи, которые противны основным положениям чистого шариата. В книге были приведены убедительные доказательства того вреда, который могли бы принести эти статьи и в духовной и в светской жизни, и каждое доказательство подкреплялось соответствующими объяснениями. Из этих объяснений явствовало, что исполнение указанных статей не содействует возвеличению человечества. На переплете книги крупными буквами было выведено ее название — «Книга проклятых законов».

Из кодекса турецких законов также были выделены несколько статей, они упоминались под названием «Отрицаемые». Однако под некоторыми из них было написано, что они сами по себе неплохи, но в настоящее время не соответствуют положению Ирана и природе иранцев.

Под остальными статьями было написано, что они не противоречат закону чистого ислама, все они правильны и продиктованы здравым смыслом. В подтверждение правильности или ошибочности отдельных статей приводились убедительные аргументы из законов ислама, из благородных хадисов [109] или изречений великих людей. Ко всему этому были даны такие комментарии, что чтение книги оживляло душу.

Я не переставал поражаться уму, знаниям и эрудиции этого уважаемого человека в области теологии, восхищаться его исключительной одаренностью и талантами в науках и политике.

«Боже мой, — думал я, — как же этот ревностный человек за всеми своими повседневными обязанностями находит силы для чтения всех этих книг, и отечественных и иностранных, да к тому же еще столь глубоко их анализирует!».

В этот момент перед моим взглядом предстало все величие его натуры, и я еще раз подивился мудрости творца, который вдохнул в горсть праха, именуемого человеком, столь огромную духовную и материальную силу. Эти размышления еще приумножили мое преклонение, и слова молитвы и хвалы вырвались из самых глубин моей души.

Я был погружен в эти размышления, когда в комнату вошел слуга со словами:

— Во имя аллаха, соблаговолите пожаловать к обеду.

— Дорогой брат, — ответил я, — я насыщен сладостью чтения и не в силах отказаться от сей духовной пищи ради пищи телесной. Принеси сюда стакан чаю да кусок хлеба с сыром, больше ничего не надо.

— Мне приказано повиноваться вам и выполнять ваши желания. Все, что вы прикажете, будет выполнено в точности.

Он ушел и принес мне кусок хлеба с сыром и стакан чаю.

Тот маленький мальчик, что утром вместе со слугой плакал над нашим горем, тоже вдруг очутился возле меня и очень вежливо поздоровался.

Слуга ушел, а ребенок остался, и пока я пил чай, разглядывал книжки с картинками.

Затем, с сильным смущением, как и подобает воспитанным детям, он спросил у меня:

— О чем вы плакали вместе с моим батюшкой, так что и нам захотелось плакать?

— Да уж так случилось...

— Нет, я вас очень прошу, объясните мне, пожалуйста! Когда я пошел и сказал маме, она мне велела, чтобы я спросил у вас.

— Спроси лучше об этом у самого отца.

— Батюшка нам не скажет, да он редко и бывает с нами. Если он дома, то всегда сидит в этой комнате, что-то читает и пишет.

— Хорошо, — сказал я, — тогда я тебе отвечу. У твоего отца есть деревня и называется она Иран-абад. Так вот, там появился страшный мор, и мы с ним оплакивали бедных жителей этой деревни.

Затем я спросил у него, ходит ли он в школу?

— Да, — ответил он, — я хожу в Дар ал-Фунун.[110]

— Будь прилежен. Бог даст, станешь министром.

— Если изучу все науки, может быть и стану.

— А если не изучишь?

— Нет, господь этого не допустит.

— Почему же?

— Мой батюшка всегда бранит необразованных министров. Да и правда, как можно без знаний управлять министерством? Вот если мулла в чалме на голове и в накидке поднялся бы на кафедру в мечети, а кто-нибудь пришел бы и задал ему вопрос, а он не смог бы дать правильный ответ, ведь ему же должно быть стыдно? Разве нет? То же самое, если у необразованного министра что-нибудь спросят, а он не сможет ответить. Ясно, что он будет опозорен перед людьми.

Я не мог надивиться рассудительности и разумности этого ребенка и, благословив его, сказал:

— Прекрасно, прекрасно! Я буду молиться о том, чтобы ты стал образованным и мудрым министром. Увы! Я не увижу этого, жизни моей не хватит. Но, аллах милостив, дети наши увидят это благостное время и вкусят счастья от правления таких мудрых министров, как ты.

— Разве вам так много лет? — удивился он.

— Двадцать девять.

— Если я буду прилежно учиться, я смогу стать министром в пятьдесят лет. Сейчас мне двенадцать. Значит, через тридцать восемь лет.

Он начал высчитывать по пальцам, подумал немного, потом поднял голову и сказал:

— Тогда вам будет только шестьдесят семь лет. Не бойтесь, бывают люди, что живут девяносто и сто лет. Моему батюшке сейчас шестьдесят лет, а он без очков пишет.

Я подумал: «В этом ребенке есть какая-то особенная праведность, заложенная в нем самой природой. Она, очевидно, присуща и всем детям

Ирана. Но что толку? Заброшенный дом все равно разрушается. Увы, увы!».

Тут я заметил, что уже поздно, а от почтенного хозяина нет никаких известий. Уйти без его разрешения я не смел, ибо это, как известно, противоречит правилам вежливости.

Я спросил еще стакан чая и, покончив с ним, совершил омовение и прочел намаз. Я уже понял, что мне, видно, придется провести здесь ночь. Поэтому после молитвы я снова сел за стол и занялся чтением. Это занятие доставило мне такую радость, что я позабыл все на свете. И побои у военного министра, и пропажа часов и сюртука, и грубая брань — все улетучилось из моей памяти.

Я сказал себе: «Если бы мне не довелось встретить этого достойного мужа, я уехал бы отсюда с таким горем в сердце, что наверное не пережил бы этого горя».

После захода солнца прошло примерно полчаса, когда в комнату вошел мой почтенный хозяин в парадной одежде. Он сказал:

— Вставайте, уже поздно. Я совершу намаз и сейчас приду.

Вскоре он вернулся, одетый в дервишескую власяницу из белой кашмировой шерсти, и еще раз приветствовал меня.

Я быстро вскочил и поцеловал ему руку. Он поцеловал меня в лоб и сел.

— Весь день вы провели в одиночестве. Уповаю на бога, что вам не было скучно, — произнес он.

— Осмелюсь у вас спросить, — заметил я, — разве может быть скучно в раю?

Он засмеялся, а я продолжал:

— От восторга и наслаждения сим вином, которое вы здесь изволили мне предложить, я так опьянел, что не помню сам себя. Но я вновь обрел силу и, не разбираясь еще во всех тонкостях, настолько возликовал, что ни о чем другом не могу думать. Аллах всемогущ и всесилен!

— Я ни одну живую душу не впускаю в эту библиотеку, — сказал хозяин. — Но, когда я увидел, в каком вы отчаянии и не верите, что во всем Иране есть хотя бы один человек, который сколько-нибудь смыслит в законах, я захотел показать вам, что и у нас есть законы, но они в темнице и ключи потеряны.

— Осмелюсь заметить, — сказал я, — самое интересное из всего выбранного — вот эта «Книга проклятых законов», в которой вы изволили собрать воедино все порочные статьи европейских кодексов.

— Дорогой мой, все благие законы, которые есть у европейцев, заимствованы из священных книг ислама.[111] Большая их часть взята из достохвального Корана, из благородных хадисов, из высокомудрых толкований святейшего имама правоверных, льва бога, победителя, Али ибн Абуталиба[112] — да будет над ним мир! — а также из мусульманских богословских книг. Ведь в христианской религии не было и нет жизненных настав-

лений пророка. А все то в их законах, что вредно для подлинной цивилизации, все, что противоречит высоким мирам человеческих чувств, — это их собственное измышление. Они писали это, не ведая поначалу, какие плоды принесет это в будущем. Я знаю, что теперь они сами постигли всю мерзость этих распространенных у них законов, но сделанного не воротишь, и они не в силах ничего изменить. Они боятся, что перемены послужат причиной страшных потрясений, смут и беспорядков, ибо ныне к этим законам привыкли все — и мудрец и невежда <...>.

Я осмелился перебить его:

— Вы не написали объяснения к этим статьям?

— Объяснения к ним очень пространны. Я их написал, но пока они еще среди моих черновых бумаг. Написать такого рода комментарии помышлял еще покойный Мирза Таги-хан Амир Низам,[113] но он не привел в исполнение этого намерения. А между тем уже и теперь ясно, что объяснения к законам, которые я написал, могли бы с успехом послужить благосостоянию нашей родины.

— Но каким образом эти клады, полные драгоценностей, которые вы собрали с таким трудом, не щадя своей жизни, могут послужить на благо Ирана и иранцев, если они скрыты в этой темнице?

В ответ на мой вопрос он испустил такой тяжелый вздох из самых глубин сердца, что я задрожал всем телом.

Помолчав с мгновение, он сказал:

— Дорогой мой, сколь ни горько признаться в этом, но нет у меня ни близкого друга, ни единомышленника в достижении сей святой цели. Некоторое время тому назад, улучив момент, мне удалось ознакомить падишаха с глазу на глаз с некоторыми из этих вопросов и склонить разум светлейшего к выполнению моих проектов. Однако эти реформы порадовали лишь четырех человек, а у сорока вызвали недовольство. Эти сорок из кожи лезли вон, чтобы помешать принятию реформ. Запутав дело бесконечными уловками и коварными домыслами, они отговорили падишаха. И реформы, на которых еще не просохли чернила, растаяли в воздухе, не оставив после себя следа, словно пар, поднимающийся от горячей воды. А падишах? То он в летней своей резиденции, то он на охоте, а когда изволит пожаловать в город, неделями не выходит из гарема. Тем временем бездарные и равнодушные к интересам страны министры, способные лишь к лести и пресмыкательству, вершат в тиши кабинетов свои делишки.

— А осуществление реформ действительно нанесет им какой-нибудь вред?

— Еще бы! Тогда дела будут переданы людям сведущим, а они останутся не при чем — вот этого-то они и боятся. Ведь всё, на что они способны в деле управления министерствами, — это плести лживые слова, которые они называют «поэзией». Некоторые из них, пользуясь этими словами, возносят падишаха к райским эмпиреям и поселяют его среди ангельских духов. Другие, подняв из могил Дария и Александра, застав-

ляют их с ружьями за плечами нести караул у ворот падишахского дворца. Находятся и такие, что сравнивают падишаха в справедливости с Ануширваном, а в благочестии и праведности — с Сулейманом и Абозаром.[114] А иные, совсем позабывши стыд, ставят удачную царскую охоту на медведя рядом с подвигами святого Али в его борьбе с неверными. Немецкий император за свою жизнь подстрелил на охоте в сто раз больше всякой дичи и зверья, чем падишах, однако ни одному из немецких поэтов не пришло в голову слагать касыды [115] в честь его лука и стрелы, ибо там понимают, сколь это нелепо. А то есть еще группа, которая набила себе руку в прозе,[116] так они прославляют путешествие шаха в Европу, равняя его с походами Александра Македонского, который опоясал весь мир своими победами. Больше того, о встрече шаха с королевой Англии они рассказывают, как вторую легенду о Соломоне и царице Савской. И вот, обольстив несчастного этими россказнями, они преспокойно творят все, что им заблагорассудится, разоряют страну и грабят народ. Клянусь богом, злодеяния, чинимые ими, много хуже тех бедствий, кои принесло иранской земле монгольское нашествие!

Я спросил:

— И что же в конце концов будет с этим государством?

— Рассуждая здраво, — ответил он, — еще не все надежды утрачены. Есть еще пути к спасению. Вся надежда на наследника престола,[117] ибо так уж заведено от природы, что жизненные силы человека и его энергия находятся в расцвете от тридцати до пятидесяти лет, а потом постепенно иссякают, а наш теперешний падишах уже перевалил за эти годы. Когда наследник по воле божьей воссядет на престол мира, он вдохнет молодую душу в тело Ирана, ибо его высочество престолонаследник обладает многими похвальными качествами, и они помогут воскресить Иран! Во-первых: он глубоко религиозен, благочестив и верует в день страшного суда. Он знает, что от этого великого судилища не уйти, и тогда за все взыщется. И, конечно, он не потерпит, чтобы кто-то творил преступления, нанося ущерб всему миру и своей собственной душе. Во-вторых: он не расточитель. Он не допустит безусловно, чтобы в его святом доме сотни людей занимались беззаконием. Тогда и министрам придется отказаться от мотовства, потому что не зря говорят: «Народ подражает образу действий его правителей». В-третьих: он, естественно, недоволен нынешним положением государства, ибо знает о ропоте народа и о его надеждах на лучшее. Кроме всего, его высочество престолонаследник одарен человеколюбивым нравом. Заносчивость и высокомерие чужды его натуре; он не терпит нелепой пышности, одевается скромно и окружает себя простыми вещами. От его взора не скрыто поведение министров и руководителей армии. Он хорошо взвешивает их поступки и весы эти крепко держит в руках. По своим действиям и особым качествам духа он полностью отвечает запросам, предъявляемым государственному деятелю нашего времени. Но вот что меня тревожит: когда наследник примет в свои достойные руки бразды управления стра-

ной, то вместе с ними достанутся ему от старого правителя и министры — не верные сподвижники, а лишь группа низких и льстивых пресмыкателей, взяточников и негодяев, которые и были-то главной причиной анархии в государстве. И несчастный с самых первых дней потеряет путеводную звезду. А ему при сложившихся обстоятельствах особенно необходим знающий и волевой министр, который, взяв на себя управление иностранными делами, не позволит никому из соседей вмешиваться во внутренние дела нашей страны; тем временем новый падишах, собравшись понемногу с силами, поднимется во весь рост для вершения государственных дел. Вот каково нынешнее и будущее положение нашей родины. Я его объяснил вкратце, в действительности многое можно было бы еще сказать. Если нам доведется в будущем встретится еще раз, вы увидите все это уже изложенным на бумаге.

— Ага, — осмелился спросить я, — говорят, что главная причина всей этой разрухи, невежества, небрежения и беззаконий — их преподобия улемы. Якобы это они всеми силами противятся государственным реформам?

— О нет, это не так. Их и вправду осыпают упреками, но грех даже позволить кому-нибудь выдвигать против них подобные обвинения. Вы, верно, уже видели, что я писал в главе двадцать четвертой своих законов о необходимости уважения к духовенству. Этот закон, в своей сущности, не исключается и для Ирана. Уважение к духовным главам государства является необходимейшим условием политической жизни любой страны, и повсюду почитание славного сословия улемов — важнейшая забота правительства. Роль духовенства очень высока.[118] Патриотически настроенные улемы никогда не скажут падишаху, что, мол, можно пренебречь защитой величия и богатства страны и благоденствием ее народа. Разве улемы не хотят, чтобы родина их процветала, а народ был бы спокоен? Разве улемы против того, чтобы весь народ и аристократия были уравнены в правах? Разве они не знают, что закон — это не что иное, как выполнение предписаний шариата? Шариат — вот основа закона. Смысл этих обоих слов заключается в торжестве справедливости, основанной на равенстве. Если кто-либо скажет: «Как же я могу согласиться, чтобы меня уравняли в правах с моим слугой, ведь это значит не уважать и не доверять мне», тогда я уверен, что свита такого человека, объединившись с людьми, забывшими покорность, отвратится от праведной жизни. Разве улемы не пошли бы на то, чтобы народ сам, собрав налог, вручал бы его государству? Чтобы бесчестные и жестокие чиновники не стояли бы над его головой, стремясь из каждой сотни собранных денег урвать для себя под видом разных вознаграждений пятьдесят туманов, а то и больше, а в случае неповиновения действовать палкой? Разве эти улемы не согласны, чтобы каждый наследник получал свое наследство от матери или отца, согласно предписаниям бога и законам пророка? Ведь святейшие улемы хорошо понимают, что обязанности полицмейстера состоят в том, чтобы охранять базары от воров

и мошенников, а не в том, чтобы хватать честных людей, вязать их, осыпать бранью и драть с них штрафы. Да и какой безумец согласится с тем, чтобы конюх или погонщик мулов какого-нибудь ничтожного хана имел право нападать на достойного и благовоспитанного купца или торговца? Лишь сумасшедший не способен понять, что государство за те налоги и тот труд, которые оно получает от народа, обязано гарантировать ему сохранение имущества, жизни и чести. Лишь погрязший в темноте невежда может мириться с таким положением, когда человека забирают за грехи его соседа, одного брата за другого, когда за долги Зайда отбирает имущество у Амра.[119] Всякий, кто способствует этому, — не мусульманин и не последователь пророка. И аллах, и посланник его отвернулись от таких людей, их следует попросту убивать. Да, любой невежда во сто крат благороднее того ученого, который не постигает таких вещей, или же, зная их и понимая, на деле им потворствует. Такой ученый не достоин называться именем человека. Лишь одно в законе несколько ущемляет интересы улемов: в одном городе уже не будет сосредоточено до пятидесяти судебных управ, как теперь, когда дела истцов и ответчиков, отменяемые и принятые дела — все находится в полной неразберихе. Каждый город и каждое селение должны иметь по мере необходимости свои суды, расположенные в определенных местах. Управление ими должно быть возложено на человека, известного в народе своей набожностью, благочестием и скромным образом жизни, а главное просвещенного и мудрого. Прочим улемам государство или министерства должны предоставить пособия или оклады. Поле деятельности этих улемов — мечети и кафедры, совершение молитв и проповедей. При таком положении и я сам не имею права подняться на кафедру в мечети — для этого дела нужен улем. Благодаря этому наши мечети и места, где свершаются представления религиозных мистерий, также приобретут блеск и всеобщее уважение. Да, надобно понять, что мечеть — дом бога, и посему необходимо соблюдать величайшее почтение к этой чистой обители поклонения богу, как она того и заслуживает. Необходимо приставить к мечетям достаточное число служителей, дабы они содержали их в чистоте и порядке. Средства на все это должно приготовлять загодя, как и требует религиозное предписание. Ибо без мечетей не останется ни Ислама, ни мусульман, а не будь их — от государя и государства также не останется ни признаков, ни названия, как говорится, поскольку все величие и честь нашего народа зависят от них. Это сам по себе один из самых глубоких политических вопросов, которые все государства разрешают именно таким образом, а иначе не миновать им гибели. Если бы наше правительство с этим согласилось, то улемы имели бы право участия во внутренних делах страны и право голоса в их решении. А почему бы им не иметь? Если всякий майор или полковник, пользуясь своими связями или родством, может один силой своей шашки охранять полсотни человек и ограждать их от нападения, то почему бы улему не считать свой дом убежищем для людей?

Поистине, значение улемов по сравнению с военными гораздо выше, и каждый улем имеет право освободить своих приближенных и учеников из когтей жестоких управителей, а если уж дело дойдет до применения силы, то и сказать: «Защита этих угнетаемых входит в священные обязанности каждого борца за веру, также как борьба за справедливость и равенство». Что тогда смогут отвечать на это муллы, сеиды и прочие? Итак, я немало порассказал, чтобы помочь вам разобраться, но не облегчил сердца и наполовину. Молитесь и молитесь! Если будет милость аллаха, в будущем все дела поправятся и все будет хорошо!

После этих слов он громко позвал:

— Дети, принесите ужин!

Я чувствовал себя настолько счастливым, удостоившись беседы с сим уважаемым мужем, что готов был, не помня себя, пуститься в пляс.

Вошел слуга и доложил:

— Ужин подан.

Скатерть, возле которой мы сидели, была уставлена разнообразными вкусными блюдами. Я не знал, делалось ли это каждый вечер или специально в мою честь. Кроме нас двоих, не было никого, не считая уже знакомого мне маленького мальчика.

Я сказал:

— Сегодня я разговаривал с вашим сыном, да хранит его господь, и услышал очень разумные речи. Если бы все наши мудрые старцы были столь сметливы и разумны, как это малое дитя, то и горя не было бы.

— Разве он приходил к вам?

— Да, — ответил я, — он приносил чай вместе со слугой.

Между нами снова завязалась беседа, и мой почтенный хозяин спросил:

— Желаете ли вы возобновить наш разговор относительно управления государством?

— Жажду всей душой, — почтительно отозвался я.

— Дорогой мой, — начал он, — единственно, что ясно всем, это то, что государство в действительности представляет собой совокупность представителей человеческого рода, особым образом собранных воедино. Некоторые из наиболее проницательных исследователей и знаменитых философов, постигшие и в теории и на практике все премудрости и проникшие в природу вещей, утверждают, что состояние человеческого общества подобно состоянию отдельных его индивидуумов.[120] Если присмотреться внимательней, можно заметить, что во многих жизненных проявлениях положение общества и положение отдельных личностей, его составляющих, равны и зависимы друг от друга. Об этом же говорил всевышний: «Мы сотворили вас изменчивыми». Мудрецы, с их пытливым умом, учат нас, что подобно тому, как человеческая жизнь распадается на три возрастных периода: период роста, период зрелости и период упадка, так и в жизни государств и человеческих обществ существуют эти три периода. Однако

иной раз, в соответствии с более слабым или более сильным телосложением, в этих трех периодах появляется известная разница; несомненно, что время упадка для человека со слабой организацией наступает раньше, чем старость и смерть человека сильного. Эта закономерность, наблюдаемая у людей, существует и для государств, и для человеческих обществ, т. е. период роста, период зрелости и период упадка зависят от их общей организации. Некоторые из древних обществ, как известно, из-за своей слабости раньше других пришли в упадок; в период роста они уже проходили стадию зрелости, а в период зрелости совсем одряхлели и ранее естественного срока приблизились к своей гибели и исчезли. И напротив, благодаря хорошему здоровью и крепкой организации у других сроки роста и зрелой стабильности несколько продлеваются. Эти тонкие соотношения станут очевидными для каждого, если он внимательней вглядится в историю своих предков. У каждого из трех периодов жизни человека и человеческого общества есть свои характерные свойства, которые должны быть хорошо известны правителям и руководителям народов. Ведь они — избранники общества, в их достойные руки вручено наблюдение за здоровьем общества. Когда свершаются бурные переломы в состоянии государства и общества, это они призваны без промедления, различными целебными мерами устранить болезнь, ибо малейшее их небрежение в этих случаях может наложить на них огромную ответственность. В ходе лечения душевных и телесных недугов есть свой порядок, так что следует проявлять в лечении большое внимание и избегать неправильных мер. То же по отношению к стране и народу. Ясно, что лекарство, которое поможет заболевшему старику, нельзя давать грудному младенцу, и наоборот. Следовательно, лечение должно назначаться применительно к каждому организму особо; в противном случае вместо пользы выйдет один вред. Тело человека, как известно, состоит из четырех элементов, и управляет ими одухотворенная душа через посредство чувствующих нервов и мышечной силы. Равным образом и управление человеческим обществом возлагается на его одухотворенную душу, т. е. шахов и султанов, посредством министров и чиновников, выступающих в роли мышц и нервов. А четыре элемента общества суть четыре категории его населения, а именно: улемы, воины, купцы и земледельцы. Сословие улемов, если продолжить дальше сравнение с элементами человеческого тела, играет роль той благословенной влаги, которая именуется кровью и питает наше сердце — основу всякой живой души. А живая душа — это нежнейшая сущность, которая благодаря своей необычайно сложной организации не может сама легко перемещаться по телу. Несомненно, что кровь, сила движения которой хорошо известна, захватывает эту сущность с собой и по тончайшим сосудам доставляет к самым глубинам человеческого тела, дабы живительная благодать духа достигла всех органов и членов и все тело, оживившись этим потоком, обрело бы здоровую свежесть. Равным образом и эти ученые, постигшие божеский закон и общие истины, доводят понят-

ным языком до народа, этого тела общества, благородные знания, служащие живым духом в телах всех обществ, и последние, вкусивши от наук, оживляются этим. От благодати наук, кою несет им сословие улемов, народы обретают силу, дни их жизни умножаются и проходят в почете и уважении. Воины в теле государства — это лимфа, купцы — желтая желчь, крестьяне — черная желчь, ибо по природе своей связаны с землей. Все три элемента, смешиваясь и взаимодействуя, связаны между собой обоюдной пользой. Если они находятся в состоянии естественном — это гарантирует здоровье всего организма в целом, и они помогают друг другу функционировать. В обществе при этом царит порядок и укрепляется общая мощь страны. Посему надлежит неустанно заботиться о равной справедливости в отношении четырех групп, ибо, если одна будет роптать, а другая пребывать в роскоши, между ними начнется вражда и пользы от них не будет никакой. При несоблюдении этого главного условия — справедливости — тело уже не сможет правильно функционировать и вся страна будет охвачена болезнью.

Случись, что сила одного других бы одолела,
И в миг — у тела нет души, душа ушла из тела.

Крестьяне в природной сути государства, состоящего из нации, объединенной в общество, находятся, как мы сказали, на положении черной желчи. Медицинская наука, и в частности анатомия, утверждает, что пища после прохождения пищевода попадает в желудок, но не остается в нем в том же состоянии. Печень, для того чтобы желудок правильно работал, подает в него немного черной желчи. Таким желудком для государства является его казна. Как только она пустеет, крестьяне и земледельцы принимаются старательно и неустанно собирать товары и деньги и, как пищей желудок, наполняют ими казну, чтобы она не пустовала и не подрывала бы здоровье страны. Поэтому о положении крестьянства государству надлежит заботиться больше, нежели о других. Многие из великих правителей прошлого, памятуя об этом правиле как о залоге устойчивости государства и процветания страны, обращали свое высокое внимание на защиту крестьянства и на все то, что способствует его благоденствию. Они заботились о процветании деревень и охраняли земледельцев от всякого вреда и ущерба, дабы те не снимались со своих мест, расширяли посевы и увеличивали урожай. Вместе с тем известно, что избыток в организме черной желчи может послужить к проявлению различных болезненных состояний человека, как-то: депрессии, бессонницы, меланхолии и потери воли. А от этого слабнет дух его и обессиливает тело <...>. Сословие купцов и торговцев, как мы уже говорили, играет в теле государства роль желтой желчи, поскольку желтая желчь способствует удалению из тела лишних и тяжелых веществ через естественные каналы. Существование ее тем самым содействует оздоровлению и придает крепость всему орга-

низму. Однако, ежели она изменится в количестве, нарушив равновесие, и ее окажется излишек, тогда в ведении дел нарушится порядок. В результате избытка еды, одежды, предметов роскоши и соответственно трат на них возрастет корысть и жадность, спекуляция товарами и их утаивание, что неизбежно породит нищету и прочие бедствия и послужит причиной общенародного краха. Воины в государстве, как мы уже упоминали, играют ту же роль, что лимфа в человеческом теле. Как в теле человека избыток лимфы нарушает здоровье, а умеренность ее ведет к устойчивости и долголетию, так и в человеческом обществе порядок зависит от равновесия всех четырех элементов. Хотя добиться идеального равновесия практически невозможно, надо неусыпно стремиться к тому, чтобы соотношение элементов не нарушало определенных границ, ибо это повлечет за собой недомогание всего организма. Когда человек, пройдя средний возраст, приближается к естественной дряхлости, лимфа в его теле начинает количественно преобладать над прочими элементами. Будучи причиной увеличения влажности и холода в организме, лимфа делает свое дело. Всякий раз, как она расходуется, природа сама заполняет ее место, т. е. остальные элементы, склонные подчиняться этому расходу, начинают увеличиваться, чтобы занять ее место. Количество войска в государстве после зрелого его возраста также имеет склонность к увеличению, потому что при ограничении его количества все прочие классы человеческого общества, имея склонность проникнуть в ряды войска, стараются имитировать обличье, одежду и прочие признаки военных. Отсюда в любом случае количество военных возрастает. Как в человеческом организме с возрастом начинает преобладать лимфа, ибо человек не может противостоять ее увеличению, так и государство — живая душа в теле человеческого общества — вынуждено мириться с количественным превосходством армии, при условии, что это не отражается вредно на остальных элементах. Всякие попытки воспрепятствовать этому ни к чему не приводят, ибо природа никогда не уступит. Итак, мы уподобляем четыре элемента, составляющие человеческий организм, четырем классам человеческого общества и определяем, что разумный дух — это правительство, мыслящая сила — министры, мыслительные способности — духовные судьи, что, далее, желудок — это казна, орган вкуса — это банкир, удерживающая сила — казначей, а органы пищеварения — счетоводы и финансовые чиновники. Остальные силы организма олицетворяются прочими государственными чиновниками. Отсюда средства, поступающие из налогов в казну — желудок страны, представляют те питательные вещества, которые захватываются удерживающей силой и распределяются установленным образом между всеми частями организма. Тогда все силы, поднявшись, чтобы получить свою часть, наделяют тем самым человеческое общество активной способностью к действию. Конечно, распределение должно осуществляться по принципу равномерности. Неравномерность ведет к усилению одной части организма и ослаблению другой, а это в свою очередь служит причиной антагонизма между ними

и грозит заболеванием всей страны. В конце концов сфера их столкновения расширяется, и тогда в состоянии страны происходит ухудшение. Хотя при этом государство еще может сохранить устойчивость до конца зрелого возраста, но вскоре пищеварение нарушается и появляются прочие недомогания. Желудок, постепенно выходя из строя, становится бездеятельным. Тогда, утратив все великое и славное, что составляло гордость общества, государство угасает. И каждый из негодяев, кто повинен в проявлении этого горестного положения, да пребудет мишенью для стрел упреков и проклятий всего народа до самого дня страшного суда и да сохранит история его имя в позорном списке предателей и преступников! Итак, из этого подробного изложения вполне ясно, что как в жизни человека — индивидуума есть три периода: роста, зрелости и упадка, так равным образом у государства, состоящего из общности человеческих индивидуумов, есть свои три периода. И потребности каждого из них отличаются от потребностей двух других. Как человеку в период роста необходимо воспитание отца и забота матери, так и государство в пору своего становления и укрепления нуждается в беззаветной преданности и заботе благородных и деловитых государственных деятелей. Лишь подросши и окрепнув, каждый из членов человеческого общества, уже руководствуясь собственным разумом, должен встать на путь приобретения жизненного опыта. Подобным образом и страны: они также при благотворном содействии справедливых и мудрых законов собирают путем налогов все средства и сдают их в казну, дабы впоследствии истратить в случае необходимости на обеспечение прочного и длительного благоденствия и тем самым сохранить покой и порядок в существовании народа. Так же как каждый индивидуум, член общества, движется в период роста день за днем вперед, так и государство в целом в первое время после своего возникновения и в среднем возрасте непрестанно стремится к прогрессу. В материальном отношении в могуществе и совершенствовании оно продолжает двигаться вперед, покуда не достигнет зрелого возраста. И вплоть до достижения зрелости путь его соответствует понятиям справедливости, правосудия и равноправия. Тогда старость от него отодвигается и дни протекают в величии и почете. Ведь недаром говорят: «Самое лучшее состояние — золотая середина». В период упадка с обществом происходит то же, что с человеком: все больше проявляются признаки дряхлости, слабости и немощи, а чувства и силы с каждым днем все заметнее клонятся к угасанию. День за днем в пору упадка немощь прокладывает себе дорогу в органы его тела; животная теплота и влажность, которые являются источником всех чувств и сил, постепенно иссякают, в конце концов ослабевает пищеварение и отказывается работать желудок. Как только между министрами, которые являются своего рода животной теплотой и влажностью в теле государства, и чиновными лицами, играющими роль прочих жизненных сил организма, возникнут хоть малейшие противоречия, в природе четырех классов государства, которые мы сравнивали с четырьмя составными частями тела,

проявятся от этих неполадок бессилие и расстроенность, все более распространяющиеся и усиливающиеся. Как серебро в бороде и сеть морщин на лбу служат украшением почтенной старости, точно так же в человеческом обществе проявление страсти к украшениям и предметам роскоши есть признак дряхлости и упадка. Обычно столпы общества в период, когда у государства заканчивается зрелый возраст, стремятся к покою и жизненным благам. Каждый из них, соперничая с другими, добивается увеличения богатств, расширения своих владений и прибавления титулов и попирает ногами свое былое достоинство и честь. Постепенно такое стремление, словно зараза, распространяется и в других классах, и тогда люди среднего достатка и в убранстве жилищ, и в одежде соперничают не только с министрами, но и с царями. Поэтому расходы и издержки общества мало-помалу растут. Военный люд, следуя этому обычаю вместе со всеми, также начинает предпочитать отдых и спокойную жизнь трудностям походов, избегает встреч с врагом и пренебрегает делом защиты родины. Однако, по выражению «конец венчает дело», их постигнет то, что предопределено высшим судом, как гласит благородный стих Корана: «Бог, что хочет — или уничтожает, или утверждает...».[121] Отсюда очевидно, что время упадка отдельных человеческих обществ может наступить иной раз и ранее естественного срока. Ведь ежели кто-нибудь выпьет яду или бросится в море, то, конечно, смерть его настигнет раньше положенного срока. Так же и государство, проявляя небрежение в правосудии и соблюдении законов, уподобляет себя человеку, идущему по неправедной дороге тирании, и, таким образом, всячески старается само же ускорить свой упадок и приблизить срок гибели и полного исчезновения. И нет сомнения, что основы такой власти рухнут раньше установленного времени. Извечная воля так предначертала, что добродетельный человек доживает до своего естественного угасания и, понуждая его заботиться о сохранении здоровья, указует ему путь к искусному целителю, дабы лечением преградить дорогу болезням. Точно так же и справедливому государству божьим предопределением назначено дожить до естественного своего упадка. Направляя это государство по пути подъема и праведных дел, оно вразумляет проницательных министров и честных депутатов, кои выполняют здесь роль искусных врачевателей, справедливой политикой и мудрыми мерами продлить существование государства и отвратить его гибель. Короче говоря, длительность и устойчивость существования государства зависят от справедливого направления его политики. В свою очередь политика делится на две части: житейскую и религиозную. Житейская политика заключается в практической мудрости, и ее называют политикой царей. Религиозная политика, т. е. политика шариата, — это служение аллаху и следование повелениям пророка. Поскольку политика шариата зависит от политики житейской, правителям мусульманских стран вменяется в религиозную обязанность в решениях всех дел, касающихся прав рабов божьих, основываться на шариате. И каждый умудренный министр должен неукоснительно

следовать шариату, дабы, снискав милости божьи, прославиться в этой жизни и за ее пределами. Вот почему любой из правителей и министров, который уклоняется от сего прямого пути и, следуя велениям своих страстей, ступает на путь корысти и алчности, сам же приближает свою погибель; как говорят, «государство может существовать с безбожием, но не может существовать с угнетением».

После того как он кончил, я осмелился заговорить:

— Слава аллаху, что ваше высокое степенство столь осведомлены во всех тайнах политики и мудрых делах правления! Но что же мешает вам вынести эти тонкие наблюдения и соображения на обсуждение в государственном меджлисе и склонить прочих министров и депутатов страны к осознанию необходимости реформ и преобразований во всех частях государства? Тогда с их согласием и помощью легко можно двинуть дело вперед и спасти родину и ее сыновей от страшной опасности.

— Не бередите рану моего сердца, — сказал он на это. — Я ли не взывал к правде и справедливости? Ничто не достигло цели. «О, где уши слышащие и где глаза видящие?». Кто внемлет этим призывам, кто станет слушать подобные речи? Ведь мои слова, зовущие к счастью и славе, могут быть услышаны лишь при двух необходимых условиях: при распространении в государстве науки и торжестве справедливости. Увы! Мы лишены, к несчастью, и того, и другого. На огромном ковре нашего государства можно насчитать по крайней мере более двухсот вельмож, каждый из которых спит и видит министерский пост или должность премьер-министра и считает дни до наступления подходящего момента. Но они знают, что не смогут найти никакого другого пути к этому, кроме пути подкупа и взяток. Поэтому они со всех сторон тянут свои лапы к народу и, не брезгуя никакими способами, хватают огромные суммы, чтобы потратить их в случае надобности для достижения цели. Все их помыслы и действия направлены исключительно на то, чтобы любой хитростью столкнуть другого в яму и перехватить у него из-под носа должность. И лишь об одном не помышляет ни один из них — о любви к родине и национальной гордости! Повторяю еще раз: они великолепно знают, что если речь зайдет о законе, им будет закрыта дорога к достижению их целей. Больше того, каждый из них потеряет тридцать-сорок тысяч годового дохода. И тогда им придется сказать «прости-прощай» той поистине фараоновой роскоши, которая их ныне окружает, — всем этим конюшням и выездам, всей своей свите и челяди. Вот почему они не могут слышать даже слова «закон», не говоря уже об его исполнении. Вот почему Иран, некогда цветущий сад всего мира, ныне стал опустошен, а жителей его, в прежние времена самый почитаемый народ на земле, мы видим сегодня столь презренными и жалкими! И ни у кого нет смелости на то, чтобы спросить у них о причинах разрухи в государстве и бедственного состояния населения. Вы хорошо представляете себе, конечно, что территория Италии, к примеру, во много раз меньше территории Ирана. Однако если в начале девятнадцатого века

государственный доход этой небольшой страны по всем статьям составлял пять миллионов туманов, то сейчас он возрос до пятидесяти миллионов. Подобное происходит и с приростом населения. То же можно сказать и о других государствах. Скажу вам больше: доходы издательства газеты «Таймс», выходящей в Лондоне, превышают годовой доход всего Ирана. Но говори, не говори, наших невежественных министров все равно не убедишь, хотя этот факт яснее солнечного света. Не только наши министры, но и сам премьер-министр не знает до сих пор толком, каковы пути обращения бумажных денег, как должно быть поставлено дело в банке, не понимает истинного смысла таких понятий, как «парламент». Сколько бы я ни ломал голову, я не вспомню, чтобы какой-нибудь из министров Ирана предложил хоть одну полезную реформу в целях увеличения дохода страны либо составил об этом хотя бы маленькую памятку. Ведь большинство министров нашего государства по уровню знаний и образованию, по осведомленности в области государственного права, а также в деле заключения договоров стоит отнюдь не выше своей прислуги, всяких там конюхов, буфетчиков и прочей челяди. Предмет их гордости составляет либо знание каких-нибудь замысловатых арабских стихов, либо тот факт, что их предки передали им эту должность по наследству, а от отцов своих они унаследовали склонность изменять своему народу и своей стране. В результате такой измены, которую совершили их предшественники по отношению к государству, они полагают, что могут подкупить своим золотом по крайней мере десять тысяч иранских граждан и что последних не стоит считать за людей. А случись, что кто-нибудь задаст вопрос одному из министров этого кабинета бессовестных: «Господа министры, всякий раз как кто-то из государственных деятелей едет путешествовать, по возвращении он обычно привозит в дар что-нибудь полезное из чужой страны. Вы три раза ездили в Европу и истратили на это огромные суммы из государственных средств — так в возмещение за все эти расходы какой гостинец вы привезли родине и согражданам?», они на это ничего не скажут, но за них отвечу я: пороки и разврат. Мне вспоминается, как некогда один японский путешественник отправился в Германию с целью ознакомления со страной. Однажды он пришел на оружейный завод. Не имея при себе ни пера, ни бумаги, дабы не вызвать у немцев никакого подозрения, он исписал пером своих проницательных мыслей страницы своей памяти строками тонких наблюдений. Вернувшись на свою благоденствующую родину, этот человек сделал несколько подобных машин, и на них стали изготовлять такие пушки, которые были ничем не хуже немецких. Подробности этого случая вы, вероятно, читали в ваших газетах. Что я могу еще добавить об уровне ума и образованности, национальной гордости, любви к родине, уважении к шаху, о преданности народу, набожности и честности этих злобных и ничтожных министров, которых вы и сами видели? Страшась их козней, я никому не показывал то, что у меня написано, за исключением вот вас и нескольких верных испытанных друзей. Я слишком хорошо пони-

маю, что за подобные мысли в наше время грозит либо смерть, либо полная отставка от дел.

Я воскликнул:

— Господин, может ли быть для человека в жизни большее блаженство, чем свершить на ниве патриотизма такое деяние, которое станет причиной его вечной славы! <...>.

Мой почтенный хозяин продолжал:

— Хотя от правления покойного эмира атабека Мирзы Таги-хана ныне, к нашему общему несчастью, ровным счетом ничего не осталось, так как презренные изменники родины чинили ему всякие препятствия, однако я не видел ни одного иранца, кроме какого-нибудь злонамеренного и бесчестного историка, который вспомнил бы без уважения славное имя этого великого человека. Все неизменно восхваляют его высокие патриотические намерения и ниспосылают благословения его чистой душе. Однако поговорка гласит: «Мухтасиб всегда на базаре».[122] Я думаю так: все, что эти тираны, эти потомки Нимврода и фараонов, забирают у подданных, те в свою очередь вдвойне и больше отберут потом у них. И сделают они это любыми средствами, находящимися у них в руках. Если не удастся отплатить этим тиранам, то возмездие ждет их потомков. Поистине, так и есть — одни терпят насилие, другие купаются в золоте. Эти тираны, видно, не думают ни о детях своих, ни о часе возмездия, подобно тем бесчувственным пьяницам, что, потерявши разум от жара вина, напевают пьяными голосами такой припев:

Вчера — осталось позади, что будет завтра, Саади —
Не знаем мы — хвала тому, что есть меж них сегодня.[123]

Этот плутовской стих, который они усвоили еще с детских лет, они не устанут повторять до конца своей жизни. Нам почти каждый день доводится слышать и читать в газетах, что в той или иной стране министр подал в отставку, и причины для этой отставки бывают разные. Либо это болезнь, вынуждающая его по настоянию врачей на некоторое время удалиться от дел, заняться лечением и дать покой всему организму, с тем чтобы после возвращения здоровья со спокойным сердцем снова служить родине. Либо это старость и немощь, которые мешают ему выполнять по-прежнему служебный долг. Но самая частая причина отставки — это все-таки большая любовь к родине. Министру приходит на ум какая-нибудь идея в интересах родины, касательно мира или войны, и он вносит в национальный парламент свой проект. Если его соображения не встречают одобрения и план этот отклоняют, министр, не желая терпеть унижения своей чести, терять достоинство и авторитет, подает в отставку. А наши министры, увы, будут по сто лет занимать свои посты и подвергать государство тысячам бед и напастей, но не устыдятся своего вредоносного правления и не уйдут по доброй воле от дел. Главная причина того, что это ужасное положение столь устойчиво и продолжительно, — невежество.

Но сколько я ни твердил, что больше всего на свете нам нужны школы, нужно образование, что наше положение может улучшиться лишь старанием людей просвещенных и мудрых, которые постигли бы распространенные в наше время науки, — ничто не достигает цели, ни к чему не прислушиваются! Эти слепцы не видят, что наука и просвещение — вот истинная причина величия и гордости народов Запада, а все унижения и бедствия народов Востока — из-за неграмотности и темноты. Эти невежды не хотят понять, что нынешняя разруха в Иране и неустойчивость государства, которое вертится словно кольцо на пальце, проистекают от беззакония и невежества. Можно ли привести в подтверждение этого пример более очевидный, чем правление Надира,[124] при котором невежество в короткое время уничтожило всю славу и гордость страны: «Не только чалмы не осталось, — как говорит народ, — но и головы». Каких только несчастий не претерпела от невежества эта горсть земли — Иран! И до Надира, и после него ее то и дело топтали копыта табунов бедствий и смут, ниспосланных судьбой. И если внимательно рассмотреть причины этого, станет очевидным, что они — суть незнание и необразованность. Поистине, остается только лить слезы над положением сей злосчастной страны! В подтверждение того, что эти постоянные бедствия проистекают от темноты и отсутствия света знания, я написал книгу, закончив ее только на семисотой странице. Если господь окажет мне свою милостивую поддержку в ее опубликовании, я пришлю вам экземпляр. Прочтя книгу, вы лучше постигнете суть всех этих страшных событий.

Мы между тем поужинали, слуга убрал скатерть, и сей почтенный муж рассказал мне кое-что о своей жизни, а также поинтересовался состоянием торговли Египта и прочими вещами. Я поведал ему все, что знал.

Было около пяти часов, когда я попросил разрешения удалиться. Он тотчас велел заложить коляску, однако я решительно воспротивился. Тогда зажгли фонари и двум слугам было приказано проводить меня до квартиры.

Я встал и хотел поцеловать ему руку, но он не позволил.

— Все бедствия, — сказал я, — которые выпали мне на долю в моих поисках истинных причин несчастий родины, полностью окуплены мудрой благодатью беседы с вами, сударь, и все раны, которые были нанесены моему слабому сердцу языками разных негодяев, теперь залечены целебной мазью вашего утешения. Я не в состоянии выразить вам мою признательность за это нежданное благодеяние! Уповаю, что будет на то воля творца, и в будущем, как вы изволили говорить, отыщутся возможности к улучшению всех дел.

— Не печальтесь, господь милостив, — ответил он. — Если аллах захочет, все будет хорошо. Молитесь: да будет жизнь сына длиннее жизни отца и потомки каждого человека да не умрут ранее своего родителя! Эту молитву я творю о своем дяде, но не только о нем.

Я понял намек и подхватил:

— Да будет воля аллаха!

Затем распрощался и направился к выходу.

Он сказал мне вслед:

— Всякий раз, когда у вас будет время, приходите сюда.

— Я думаю, — ответил я, — что это не отложится надолго.

Я уже было двинулся дальше, но он опять остановил меня словами:

— Хорошо, что я вспомнил! Ведь у меня есть запись одного сна — подождите немного, я дам вам ее прочесть.

Я снова сел, а мой уважаемый хозяин сказал:

— У меня есть один знакомый, одержимый, подобно вам, скорбью патриотизма и недугом национального фанатизма; он иногда заходит ко мне в дом. Однажды он пришел и, показывая вот эти бумаги, которые я вам даю, сказал: «Сегодня ночью я видел сон, а проснувшись, записал его, чтобы не забыть. Вот он, прочтите его и растолкуйте, будьте милостивы». Когда я прочел, мне сразу стало ясно, как его понимать. Я сказал ему: «Толкование этого сна не составит труда, он предельно ясен. Тот, кто пришел, принес воду и стал кропить розовой водой, — это наследник престола». Возьмите и прочтите сами. Это сон вашего товарища по несчастью.

Я принял из его рук бумаги; вот что было в них написано:

«Вчера ночью перед сном, размышляя о тяжелом положении страны, я мучился и вел с собой внутреннюю борьбу. Я говорил себе: „Послушай, почтеннейший, какое в конце концов тебе дело до того, что горстка презренных подонков общества и кровопийц тиранит миллионы угнетенных, а они, хотя их такое множество, не объединяются, чтобы скинуть тиранию? Ведь ты один терзаешь себя, думая о их несчастьях, вконец отравив горечью скорби эту сладостную жизнь. Дни и ночи ты проводишь в страстных мечтах видеть родину процветающей, народ счастливым, дела управления упорядоченными, земледельцев умиротворенными и правосудие торжествующим. Так и проведешь весь свой век в тоске и горе, эх ты, бедный безумец!“. В этих размышлениях меня похитил сон. И увидел я во сне, что по улице Насрийе идет какой-то старец с белой бородой; волосы у него растрепаны, и весь он в состоянии крайнего смятения. Однако был он статен, строен и одет в великолепные одежды. Некий юноша держал его за руку. Старик, проявляя признаки большого волнения, шел, беседуя с ним и поминутно озираясь. Вдруг невдалеке послышался сильный шум. Какая-то группа базарного люда, авантюристов и подонков, напала на старика. Они стали грабить его, растаскивая все, что на нем было. Некоторые даже явно покушались на его жизнь, нанося удары по голове и лицу, а прочие били по рукам и ногам. Иные поспешно срывали драгоценности, усыпавшие его одежды. В конце концов почти раздетого и полуживого его бросили в какой-то закоулок. В крайней немощи и слабости несчастный стонал раздирающим душу голосом: „О гнусные выродки, неблагодарные жестокие невежды! В чем мой грех, что вы волочите меня по

земле в таком унижении? За какие провинности вы подвергаете меня таким страшным пыткам?". От сильных мучений его охватила слабость и, плача, он упал. Сбежавшиеся со всех сторон на шум люди говорили, обращаясь к юноше: „Или ты не мусульманин? Помоги этому несчастному погибающему старцу! Брызни ему в лицо водой, отгони от него злодеев!". Все время, пока злосчастный старик находился в бессознательном состоянии, юноша тщетно просил у кого-нибудь помощи. Что делать, утопающий хватается за соломинку! Но ни от кого не было ни помощи, ни защиты. Один, было, подошел, как бы смазать раны старика, но на самом деле нанес ему новую рану, другой приблизился якобы зашить чалму, а сам начал стаскивать с него последнюю рубашку. В ужасе от всего виденного я был близок к тому, чтобы распрощаться с жизнью. Я спрашивал себя: „Боже милостивый, что может значить это потрясающее злодейство? Кто этот старец? В чем его вина, за которую его подвергают таким жестокостям? Почему никто не вступится за него, не защитит?". Я спросил у одного человека: „Кто этот поруганный старик?". — „Разве ты не знаешь, — ответил он, — его зовут Иран-хан.[125] А грабители — его сыновья, которые, не зная послушания и воспитания, не ведают ни счастья, ни богатства, ни славы, ни почета. Теперь, когда средства отца иссякли, а поместья его пущены ими же на ветер, они предались воровству и грабежу. И вот ты видишь, до чего они довели отца своего, не оставив ему надежды на жизнь". Так мы разговаривали, как вдруг вдали поднялась пыль, и вскоре показался царственный всадник; за ним, погоняя лошадей, прямо к старику неслись и другие всадники. Я подумал: „Боже мой, что еще хотят от полуживого старца эти могущественные всадники? Если их цель — грабеж, то ведь ничего не осталось. Если замышляют убить его, то и так уж он близок к кончине. Если же они прибыли для его похорон и погребения, то какая необходимость в копьях и мечах, для чего все эти принадлежности боя?". В это мгновение ко мне приблизился один из всадников. Я взмолился: „Заклинаю тебя твоей молодостью, скажи, ради чего вы сюда прибыли и что вы за люди?". Он ответил: „Вон тот юный всадник благородной осанки — наш главарь. Его славное имя — Музаффар ад-Дауле.[126] Он привел нас сюда, чтобы заступиться за Иран-хана и помочь ему". Не успел еще он произнести эти слова, как я увидел, что Музаффар ад-Дауле, приблизившись к Иран-хану, быстро спешился и, приподняв голову старика с земли, положил к себе на колени. Затем он влил ему в рот немного освежающего напитка и обрызгал лицо розовой водой. Одним из своей свиты юноша поручил заняться лечением старика, другим приказал омыть его голову и лицо и почистить его одежду. При виде такого милосердия и дружелюбия, какие проявлял Музаффар ад-Дауле к несчастному, я почувствовал, как к сердцу моему приливает волна радости. Я подошел поближе, чтобы разглядеть раны старца, и увидел, что они крайне опасны: многие из них распухли, из них сочилась кровь и даже были видны кости — все это было в таком виде, что если бы какой-нибудь лекарь,

взявшись за лечение, вернул бы ему здоровье, то наверняка это был бы или его высочество мудрец Лукман,[127] или ученик самого Иисуса, сына Марии.[128] Зрелище это вселило в меня такой ужас, что я задрожал всеми членами и потерял сознание. Тут до ушей моих долетел звук призыва к молитве — муэззин произносил: „Свидетельствую, нет бога, кроме аллаха!". Придя в себя, я понял, что это был призыв на утренний намаз. Я поднялся, совершил ритуальное омовение и вознес к престолу дарителя надежд горячие молитвы о здравии и процветании Иран-хана».

Прочтя этот сон, я сказал, что толкование его ясно, как солнечный свет, и спросил:

— Кто тот юноша, которому сказали: «Или ты не мусульманин? Помоги этому несчастному, погибающему старцу»?

— Тот юноша и есть сам видевший сон, — ответствовал уважаемый муж. — Ему, так же как вам и другим, не следует бояться гнева и ярости министров внутренних и иностранных дел. Он должен быть неустрашим и перед побоями военного министра, и перед всякими ударами, обидами и попреками. Вы должны повсюду взывать к справедливости и ратовать за нее, ибо вездесущий бог повелел в послании своем к пророку, чтобы он вырвал корни тирании по всей земле и возвел основы здания справедливости и истины. И тогда пророк, по повелению господа, приказал то терпением и настойчивостью, то силой меча и жертвованием жизнью укреплять это священное здание, имя которому справедливость, чтобы от сотворения мира и до конца его ни один человек не претерпел бы угнетения и несчастья. Почему же ныне эта нация, некогда снискавшая милость божию, что является желанной целью всех живущих, вымирает под тяжестью непереносимых жестокостей или, сказав «прости» родной земле, разбредается и рассеивается по чужим странам? Мало ли людей, которые, торжественно введя в свой дом невесту, вынуждены уже на другой день покинуть свой дом из-за притеснений жестокого правителя, и глаза пятнадцатилетней супруги слепнут от слез в долгие ночи разлуки. Разве это тот Иран, что некогда был цветущим садом мира и краеугольным камнем всевышнего рая? Почему сегодня он напоминает степь, поросшую бурьяном? Разве не эта святая земля на протяжении веков была колыбелью мировой цивилизации? Как же случилось, что ее народ, ранее поучавший других своей житейской мудростью, ныне в глазах всех утерял эту мудрость? В те времена, когда иранцы уже славились культурой и развитием наук, европейцы еще, подобно зверям, влачили существование в состоянии первобытной дикости. Обычаи правосудия пишдадидов и теперь еще могут послужить образцом для мудрых правителей, а слава о справедливости Ануширвана до сих пор звучит в ушах людей мира. Я нарочно заговорил о древних, чтобы успокоить вашу душу. Не горюйте из-за той жестокой расправы, что учинили над вами министры-невежды. В таких обстоятельствах следует соблюдать настойчивость, побеждать неудачи твердостью воли или же жертвовать жизнью на этом пути.

Либо силою воли на горло судьбы наступить,
Либо пасть на пути благородном, как свойственно мужам.

Я сам хорошо знаю иранцев, которые нажили значительное состояние за границей, в таких городах, как Бомбей, Калькутта, Каир и в городах Турции или России. Страшась тирании посланников, управляющих и самодуров-консулов, они, чтобы защитить свое имущество и честь, были вынуждены отказаться от иранского подданства. А тот несчастный, который не пошел на это, будучи фанатически предан родине, потерял все, что имел. И никто и словом не попрекнет тех, кто оставил свое подданство, потому что, по чести говоря, «у мошенника на каждый грех — тысяча оправданий». А между тем, оставаясь в иранском подданстве, разве они не принесли бы пользы государству и не смогли бы содействовать расцвету родины? Каждый школьник теперь читает высказывания правителей прошлых лет и знает, что сила государства в войске, а содержание войска требует больших средств. Деньги же поступают в казну лишь тогда, когда крестьянство безопасно, спокойно и благоденствует, а последнее достигается в свою очередь только при условии соблюдения справедливых законов и равенства. Увы! В нашем государстве происходит прямо противоположное этому, и результаты будут самые горькие и неприятные. Да укоротит бог дни моей жизни, дабы не увидел я этих черных дней!

Так окончил свои слова этот почтенный человек.

Сопровождаемый его слугами, я вернулся, наконец, домой и лег спать.

На следующий день снова явился Мешеди Хасан. В руках он держал лист бумаги. Я поинтересовался, что это такое.

— Это газета «Иран»,[129] она выходит по средам, раз в неделю, — сказал он.

С некоторым удивлением я взял газету и принялся читать ее. Под заголовком «Местные новости» после подробного описания торжественного выезда на охоту светлейшего падишаха со всей свитой, после долгих молитв за его неземную особу было написано, что государственное собрание придворных созывается в такие-то три дня и заседает под председательством такого-то в благословенном Дворце Солнца и что, хвала господу, в столице и при дворе царит спокойствие и внутренние дела страны находятся в замечательно упорядоченном состоянии. В отделе «Вести из провинций» сообщалось, к примеру, следующее: «Кашан. Хвала аллаху, благодаря постоянным заботам такого-то имя рек губернатора, крестьянство, находящееся в состоянии покоя и процветания, молится о здравии и долгоденствии светлейшего шаха. Солома и ячмень у них в изобилии, и прочие продукты очень дешевы». Про Исфаган было написано то же, что про Керман и Шираз и прочие города. В разделе «Иностранные новости» описывалась география острова Кубы и других мест, но так, что ни пишущий, ни читающий ничего бы не поняли.

От чтения всего этого у меня помутилось в голове, и, швырнув газету, я закричал:

— По всему Ирану к самому небу поднимаются жалобы людей на беззаконие властей, а этот бессовестный щелкопер расписывает о спокойствии и справедливости. Разве не найдется мусульманин, который сказал бы этому бесчестному газетчику: «В то время как по всему Ирану едва ли наберется пятьдесят человек, знакомых с географией своей родины и знающих ее границы, какой смысл писать о Кубе такое, что и понять-то нельзя! Не эти бессмысленные вещи надо тебе писать, а служить пользе, побуждать народ к благоразумному порядку, а шаха к милосердию и доброте по отношению к народу, посвящать свои строки прославлению справедливости и обличению деспотии, порицать действия тиранов, поощрять поступки добрых людей и всегда разъяснять такую истину: как народ без правителя, так и правитель без народа существовать не могут. Эти два элемента государства взаимно нуждаются один в другом и, будучи двойственны, составляют единое целое. Нужно, чтобы народ почитал падишаха за доброго отца, а падишах относился к подданным как к любимым детям. Тогда все будут счастливы».

Мешеди Хасан, увидев меня в удрученном настроении, предложил пойти погулять.

— Куда? — спросил я.

— Куда глаза глядят.

Я сказал Юсифу Аму, чтобы он отправился с нами. Мы вышли из дома и направились к базару. Там мы встретили двух знакомых Мешеди Хасана — один из них был сеид в чалме. Начались взаимные приветствия, затем они спросили, куда мы направляемся.

— Прогуливаемся, — сказал Мешеди Хасан. — Если вы не заняты, пойдемте с нами.

Они согласились. Мешеди Хасан познакомил нас. Сеида звали Мир Хабибуллах. Другой человек, лет сорока, имя которого я забыл, оказался родом из Карабаха. Он бывал, как выяснилось, и в Стамбуле, и в Москве. Гуляя, мы дошли до пространного военного плаца, чистого и политого водой, где солдаты, разбившись на несколько групп, занимались маршировкой. Мы некоторое время наблюдали за ними.

Заправлял всем делом на плаце молодой венгр лет тридцати пяти. Мне было очень горько видеть, как этот молодой человек понукает пятидесятилетними иранскими офицерами.

Пройдя площадь, мы увидели большой бассейн, постояли возле него немного, а потом отправились дальше, туда, где высился бронзовый монумент шаха Наср ад-Дина на коне. Монумент был сделан с большим искусством: можно было подумать, что сам шах сидел на коне. Мы обошли его вокруг; затем, усевшись напротив памятника, закурили сигареты.

Человек из Карабаха заметил:

— Это — исключительная статуя, другой такой не увидишь.

— Почему не увидишь? — возразил сеид. — В Европе повсюду сколько хочешь памятников. Я сам видел в России много таких статуй.

— А я повторяю, — настаивал карабашец, — что нигде нет ничего подобного. Вы ошибаетесь.

Сеид в раздражении даже начал клясться:

— Да я своими глазами видел за границей множество таких монументов!

Сеид даже надулся, а карабашец пояснил:

— Те, что ты видел, ага, я видел тоже, но дело-то в том, что каждый из этих деятелей оказал несомненные услуги своей стране и своему народу, и за эти услуги после своей смерти они и вознаграждены такой честью. Один из них, к примеру, атаковал сильную крепость и взял ее, рискуя жизнью, другой отбил у опасного врага важное укрепление, либо показал своим гражданам путь к счастью, либо провел новый закон. Может быть, он был полезен в чем-то своему народу, может быть, боролся против деспотии и давал свободу соотечественникам или же способствовал расширению сферы торговли и производству важнейших предметов для процветания страны. Вот тогда государство и народ в благодарность за доблесть такого правителя, ученого или писателя охотно и без принуждения открывают свои кошельки и, чтобы облик этого великого человека и после его смерти постоянно находился перед глазами его сограждан, воздвигают в память о нем подобные статуи. Вот как это делается! А вовсе не так, что какой-нибудь человек еще при жизни купит себе памятник и поставит его на виду у народа, внушая этим: я, мол, великий человек, почитайте меня. Предположим, что я теперь стану возвеличивать себя перед вами и говорить, что я такой-то и такой-то. Вы, конечно, совершенно справедливо скажете обо мне: этот человек глуп, он страдает манией величия. И бог, и пророк, святые имамы и мудрецы, наставники, поэты и проповедники всегда отрицали самовосхваление, да и шариат не одобряет подобных изображений. За тысячу триста лет существования ислама немало было великих царей, но никто из них не оставлял после себя ничего похожего на эти памятники, хотя многие из них оказали великие услуги миру ислама и всему человечеству. Если бы это было в обычае, то султану Мухаммаду-Завоевателю [130] положено было бы соорудить в свою честь десяток таких памятников из золота и серебра, ибо он-то имел на это право! Ведь многие из великих мусульманских халифов и султанов всеми силами стремились к покорению Стамбула, однако ни один из них не смог добиться победы, пока не появился на свет отмеченный знаком счастья султан Мухаммад. Этот исполненный воли падишах, как сказано в летописях, прогнал свои корабли сухим путем и, тысячу раз рискуя жизнью, добился цели. Ныне, в век прогресса и распространения наук, подобная победа не кажется невероятной, однако в те времена такую великую победу мог одержать только падишах с большой силой воли, рожденный под счастливой звездой. Поскольку основатель лучезарного шариата запретил человеческие изображения и статуи,[131] то памятником султану Мухаммаду осталась большая пятничная мечеть, которая еще долгие годы будет служить напо-

минанием о добром имени и славных делах этого великого падишаха. Если же истинный мусульманин не оставил после себя добрых дел, то воздвигать ему подобные железные фигуры — величайшее прегрешение. Это еще больше усугубляет тяжкий грех самовосхваления.

Я прервал его:

— Оставьте, дядюшка, этот спор! К чему он? Дайте нам спокойно пройти хоть несколько шагов!

Тогда карабашец попросил у меня карандаш и, вырвав из своей записной книжки листок, начал что-то писать, но я, поняв, что он хочет изложить свои доводы, сказал ему:

— В этом нет необходимости. Давайте-ка просто погуляем.

Но сеид не унимался:

— Его величество собственными глазами видел в Европе много подобных памятников. Если бы он не знал о существовании этих монументов, он не оставил бы подобную память о себе.

— Сами европейцы поставили вам, иранцам, такой памятник, который останется на долгие годы, — заметил на это карабашец.

— Какой памятник?

— Во время последнего путешествия его величества шаха в Европу парижские газеты открыто писали, — рассказал карабашец, — что французская нация не может непрерывно оплачивать путевые расходы своих дорогих гостей, ибо им ведомо, что иранские министры чрезвычайно склонны время от времени наезжать в Европу, в погоне за всевозможными удовольствиями и наслаждениями, которые доставляет таковое путешествие. Мы, мол, не давали обета, что будем снабжать их средствами на их бесполезное расточительство и легкомысленное мотовство. Дошло до того, что месье Карно,[132] тамошний президент республики, был вынужден выложить из своего кармана девяносто тысяч франков. Весть об этом событии, распространившись по всему миру, стала позорным памятником Ирану, и этот памятник сохранится до самого дня воскресения. Да и для самого Ирана также эти непрерывные путешествия не приносят иного результата, кроме бесцельной траты сотен тысяч туманов. Путешествовать надобно так, как это делал Петр Великий. Благодаря его исполненным пользы путешествиям русский народ из восемнадцатимиллионного превратился в огромную нацию, насчитывающую сто восемнадцать миллионов <...>.

В этом месте я, прервав речь карабашца, предложил:

— Может быть, нам лучше пойти осмотреть пятничную мечеть покойного Мирзы Мухаммад Хусайн-хана Мушир ад-Дауле — это ведь одно из крупнейших новых сооружений.

Эта мечеть, так же как и великолепное медресе рядом с ней, построена по тому же плану, что и одна из самых замечательных мечетей Стамбула. Строилась она по приказу Мушир ад-Дауле, бывшего иранского посланника в Стамбуле, который был одно время премьер-министром Ирана, — да помилует его господь! Я слышал, что он купил три больших, богатых

селения и приписал их в вакф за этой мечетью и медресе.[133] Чтобы закрепить права мечети, был составлен солидный договор по всем правилам, как и подобает такому предусмотрительному человеку. Но, увы, жизни сего великого и ревностного человека не хватило, чтобы довести до конца постройку этого богоугодного сооружения, а также осуществить другие полезные начинания. Так все и осталось незавершенным.

И вот теперь, к величайшему моему огорчению, я узнал, что того договора нет и в помине, так же как нет и следа вакуфного имущества, приписанного к мечети. От несчастья бесхозяйственности многие части этого святого здания, еще не будучи законченными, уже разрушаются.

Мы немного побродили вокруг здания, потом я предложил своим спутникам:

— Присядем, и пусть каждый из нас прочтет одну суру из достохвального Корана в память основателя этой мечети. Поистине он был прекрасный человек и великий деятель! Об этом свидетельствует чудесное здание посольства Ирана, выстроенное в Стамбуле, и оно действительно олицетворяет величие иранского народа и иранского государства в большой столице. Не возведи покойный это величественное здание, послы Ирана в Стамбуле по сей день были бы бездомными бродягами. Остается лишь горько сожалеть, что кончина его помешала стране и народу полностью насладиться деяниями столь ревностного и энергичного человека.

После этих слов я обратился к сеиду:

— В Стамбуле, насколько мне известно, было два иранца, имена которых долгие годы не изгладятся из памяти их соотечественников. Одного из них поминают всегда с благословениями, другого — с проклятиями. Я ни разу не слышал, чтобы иранец, проживающий в Стамбуле, при упоминании имени Мирзы Хусайн-хана Мушир ад-Дауле не помолился бы с благоговением о его душе, так же как не видел ни одного, кто при упоминании имени Мирзы Наджафа Али-хана не послал бы ему проклятия. Теперь оба мертвы, но добрая слава или бесчестие остаются навечно — «...возьмите это в назидание себе, одаренные зоркостью ума».[134]

— Покойного Мирзу Хусайн-хана Мушир ад-Дауле я знаю, — заметил сеид, — но кто такой Наджаф Али-хан? Я о нем не слышал.

Я сказал:

— В то время, когда посланником Ирана в Стамбуле был шейх Мухсен-хан, этот человек находился там в должности генерального консула, а затем его послали в Каир и Багдад. Это был самый злобный человек своего времени. Введенные им в Стамбуле постановления до сих пор еще разоряют несчастных иранцев. Язык немеет в описании того позора, который навлекли и продолжают навлекать на иранское государство и народ его жестокие постановления. Да проклянет его господь!

Про тиранию этого скота —
Все сказано, а ты — сомкни уста!

Итак, прочтя фатиху, мы почтили память дорогого усопшего Хусайн-хана и повернули обратно.

Мешеди Хасан спросил у меня, куда мы теперь направимся, на что я ответил, что нужно повернуть наш караван в сторону медресе Дар ал-Фунуна.

Он сказал:

— Повинуюсь. И не стану возражать, если вы признаете меня главой каравана.

— Я с удовольствием превратился бы в верблюда, но не знаю, согласится ли господин водить меня.

Мы немного пошутили в таком роде и, смеясь, двинулись дальше.

Когда мы подошли к медресе, я сказал стоявшему возле дверей фарашу:

— Дорогой господин, мы — иностранцы и, путешествуя, прибыли в этот город. Можно ли нам осмотреть медресе?

Фарраш ответил, что это не возбраняется, но сегодня пятница — свободный день и никого нет.

Оказывается, мы совсем забыли про пятницу, тогда я спросил:

— Можно ли по крайней мере осмотреть помещение школы?

Фарраш разрешил и впустил нас внутрь Дар ал-Фунуна. Мы увидели там все в надлежащем порядке и удовлетворенные пошли к выходу.

На стенах висело несколько черных досок для занятий по арифметике и по диктанту и изложению.

Я подошел к одной из них и, поцеловав, потерся о нее лицом.

— К чему это? Какой смысл целовать доску? — удивился сеид.

— О, это святая доска! — воскликнул я. — Если бы в каждом городе Ирана были развешены тысячи таких досок! Это стало бы предметом нашей общей гордости!

— Ну вот еще, — отозвался сеид. — Что за гордость может быть мне и вам от какой-то обыкновенной доски!

— Позвольте не согласиться с вами, милостивый государь, — возразил я.

Итак, выйдя оттуда, мы пошли домой и так как очень устали, то, наскоро поужинав, улеглись спать.

Следующий день до обеда я провел дома. Мешеди Хасан не пришел. После обеда я забылся сном, как вдруг меня разбудил Юсиф.

— Что случилось? — спросил я.

Он сказал:

— Пришел человек от хаджи Мухаммада Хасана, начальника монетного двора. Он просит вас к себе.

— Скажи, что меня нет дома.

Волей-неволей пришлось встать, но в глубине души я очень не хотел идти. Я имел случай встречаться с ним еще в Каире, и уже тогда он не понравился мне, как человек без всякой морали. Он два раза ходил

в Мекку и оба раза останавливался на несколько дней в нашем доме. Покойному отцу этот Мухаммад Хасан доставил много хлопот, однако после кончины отца тот не прислал мне ни одной строчки соболезнования. К тому же он очень жадный и большой мошенник. Всякого несчастного, кто попадет в его лапы, он непременно обманет, всучив за пятьдесят туманов ту бирюзу, которую сам купил за десять. И наоборот, стоит ему увидеть у кого-нибудь на пальце алмазный перстень стоимостью в сто туманов — он применит тысячу всяких уловок и хитростей, но отберет этот перстень у владельца за десять туманов. И еще никогда и никого не жаловал он бескорыстно. Было ясно, что, приглашая меня, он таит в душе те же намерения. Однако я понимал, что идти необходимо.

Я вышел из комнаты и увидел старика в чалме, который сказал:

— Уважаемый господин, вас просит к себе начальник монетного двора.

Следуя за ним, я дошел до конторы и увидел знакомого купца, который приветствовал меня словами:

— А, здравствуй Мирза Ибрахим-бек! Пожалуйста, входи, входи. Ты ведь аккуратный человек, а между тем вот уже несколько дней здесь, а ко мне не зашел. Вчера хаджи-хан сказал мне о твоем приезде. Как поживаешь? Я был очень опечален смертью твоего почтенного батюшки, да помилует его господь! Твои домочадцы, надеюсь, здоровы? Откуда ты прибыл сюда?

— Из святого Мешхеда, — ответил я.

— Хаджи Малика там видел? — поинтересовался он.

— Нет.

— Почему?

— Я не знаком с ним. И не нашлось никого, кто направил бы меня к нему.

— Что же ты купил в Мешхеде?

— Ничего.

— Ладно, у меня здесь есть немного султанабадских ковров.[135] Товар хороший и расходится быстро и в Каире, и в Стамбуле. Возьми их с собой, я недорого тебе их посчитаю. Это очень доходное дело.

Я сказал:

— Я ничего не покупаю.

— Если у тебя нет денег, потом отдашь!

— Нет, я ничего не куплю.

— У меня есть десять манов[136] бирюзы для продажи в Египте. Возьми хоть их!

— Я уже говорил вам, что ничего не покупаю.

— Так зачем же ты приехал сюда? — удивился он.

— Ради путешествия.

— Ну ладно уж, скажи по крайней мере, как тебе показался Тегеран?

— В Тегеране нет ничего, что могло бы порадовать взгляд человека.

— Как так?

Я сказал:

— В таком городе, при том, что здесь есть люди, склонные к торговле и операциям, вроде вас, следовало бы уже давно, в целях увеличения товаров и развития торговли, учредить компании и национальный банк и провести отсюда до Тебриза железную дорогу. Все это вместе и приумножило бы ваши выгоды, и способствовало бы процветанию родины. Расширение торговых связей привело бы к повышению благосостояния населения. Кроме того, в этом большом городе, который именуется столицей, не мешало бы совместными усилиями богатых и влиятельных особ организовать какую-либо больницу для сирот и бесприютных. Это послужило бы вашей славе в этом мире, и на том свете бог помиловал бы вас.

Он сказал:

— Помилуй, аллах, как ты, Ибрахим-бек, складно и ловко говоришь о таком важном деле! А где деньги? Все это требует денег.

— Дорогой дядюшка, что это за слова! Вот уже двадцать лет, как доходы Ирана переданы в ваши руки. В Египте от вас самих я слышал, как вы продавали придворным за пятьсот туманов осколок драгоценного камня, которому красная цена — сто. На городских базарах Ирана, куда ни глянешь, везде тюки и мешки медных денег, которые ввели вы. Люди говорят, что вы завезли в Иран двенадцать миллионов пятьсот тысяч медных денег, подлинная стоимость которых едва достигает ста тысяч туманов. А ведь между этими цифрами большая разница!

Вдруг я заметил, что присутствующие при этом разговоре, закусив губы, делают мне со всех сторон знаки, чтобы я замолчал. Было видно, что хаджи этот разговор начинает сердить. В сильном гневе вскочив с места, он крикнул:

— Нахальство ты получил в наследство! — и под тем предлогом, что идет совершить омовение и прочесть намаз, засучил рукава и вышел, освободив себя от выслушивания моих горьких речей.

Я остался, а все присутствующие, дивясь моей смелости в разговоре с хаджи, переглядывались друг с другом. Один спросил у меня:

— Мешеди,[137] откуда вы родом?

Я ответил:

— Из ада.

Мне стала ясна причина моего приглашения. Господин хаджи, как он сам заявил, намеревался продать мне бирюзу и ковры, чтобы я выложил ему все мое состояние. И так-то он хотел отплатить мне за былое радушие и гостеприимство!

Итак, мы пробыли в Тегеране еще четыре дня, а 14-го числа ... месяца я попросил Мешеди Хасана нанять на почте коляску с четверкой лошадей, чтобы переехать в Казвин. Сам же пошел к хаджи-хану попрощаться. Достигнув дверей его дома, я увидел Гулям Али и попросил его доложить о моем приходе. Появился хаджи-хан и почтительно пригласил меня в дом, но я сказал, что зашел проститься.

— Что вы говорите?! — воскликнул он.

— Да, нужно ехать.

— Когда и куда?

— Сначала в Казвин, а оттуда в Азербайджан.

— Баба́, — сказал он, — что вам за спешка?

— С меня довольно. Все было крайне неприятно. В этой стране для меня была лишь одна радость — встреча с известным вам почтенным человеком. И только. Сколько бы я ни благодарил вас за содействие, которое вы оказали мне, устроив встречу с этим замечательным мужем, благодарностей будет мало. Поистине, он — великий человек! Передайте ему изъявление моей глубокой преданности. Я никогда не устану молиться за него!

— Вы виделись с начальником монетного двора? — спросил хаджи-хан.

— Пусть тебе достанется это добро! — отшутился я.

Он ответил:

— Да есть ли в нем какое-нибудь добро, чтобы доставалось мне? Пусть заберет его могила! Он не раз обращался ко мне со всякими сделками, которые причинили мне немало хлопот. В виде вознаграждения за эти хлопоты он преподнес мне бирюзу и очень расхваливал ее. Я потом показал бирюзу нескольким лицам, и все они оценили ее в один кран. Я подарил бирюзу вот этому самому Гулам Али. Не так ли, Гулам Али? — обратился он к нему.

— Да, — ответил Гулам Али, — она у меня в кармане.

Затем я попрощался, и, хотя он упрашивал меня позволить ему прийти проводить меня, я не согласился на эту любезность. Я дал Гулам Али два тумана за услуги и, сказав «прощайте», вернулся на свою квартиру.

Меня встретил Мешеди Хасан с сообщением, что коляска ждет уже два часа.

Тем временем прибыл погонщик, я заплатил ему пять с половиной туманов, чем он остался очень доволен. Мы собрали вещи и, увязав их, вручили носильщику.

— Нужно бы купить кое-что из мелочей на дорогу, — вспомнил вдруг я.

— Пусть Юсиф Аму отправится с носильщиком, — посоветовал Мешеди Хасан, — а мы пойдем той маленькой улицей, которая находится рядом с почтой, — на ней много торговцев фруктами.

Юсиф Аму и носильщик пошли вперед, а мы, выйдя через заднюю дверь караван-сарая, очутились в узком небольшом переулке.

Вдруг мы увидели, как женщина без чадры, выскочив из двери одного дома, перебежала улицу и скрылась в доме на противоположной стороне.

Я спросил у Мешеди Хасана:

— Разве здесь помещается баня?

— Нет, это просто дом, — сказал он.

— Так почему же эта женщина полуодета?

— Нет, она одета — на ней и верхняя рубашка, и шаровары.

— Да нет же, баба́, я сам видел, что она в верхней рубашке, но без шаровар!

— В здешних местах женщины носят очень короткие рубашки, а под ними — шаровары наподобие мужских, — объяснил он. — Однако дома они иногда не надевают шаровар. Улица пуста, и бедняжка в чаянии, что никого на ней нет, побежала без чадры в соседний дом, да и столкнулась случайно с нами.

— Да хранит нас бог, — воскликнул я, — до какой же степени дошло бесстыдство! Ни в одной из мусульманских стран нет подобной одежды. Если предписание Корана о стыдливости нужно понимать так, то, очевидно, я неверный, а это племя исповедует истинную веру.

Донельзя пораженный виденным, я задал еще один вопрос:

— Как же смотрят на это их собственные мужья?

Мой собеседник засмеялся:

— А как им смотреть? Ведь все носят такую одежду: жены улемов, министров и сеидов, богачей и бедняков — по всему Ирану так.

— Ох, смерть мне! — воскликнул я. — Скажи по совести, твоя супруга тоже надевает такую одежду?

— Разумеется, какое может быть исключение? Я уже вам говорил, что у всех женщин одежда такова, какую вы только что видели.

Беседуя, мы между тем дошли до почты. Юсиф Аму и носильщик еще не прибыли. Я вошел, заплатил за наем коляски до Казвина четырнадцать с половиной туманов и тут вдруг заметил человека, судя по одежде, иранского купца, который как будто чего-то ждал. Он подошел ко мне и, поздоровавшись, сказал:

— Я тоже еду в Казвин. С самого утра я ожидаю здесь, не найдется ли мне попутчик, но до сих пор никого не встретил. Если вы соблаговолите согласиться, я уплачу четыре с половиной тумана и мы поедем втроем.

В раздумье, не будет ли от такого товарищества какого-нибудь стеснения, я посмотрел с сожалением на Мешеди Хасана. Он сделал мне знак, означавший, что плохого в этом ничего нет. Тогда я дал свое согласие, и купец выразил мне горячую признательность.

В это время подоспел Юсиф Аму. Мы привязали вещи к задку коляски. Затем, рассовав разные мелочи внутри коляски, чтобы они были под рукой, мы уселись. Я подарил Мешеди Хасану два империала и извинился за причиненное беспокойство. Он принял деньги с благодарностью и благословил меня. Мы распрощались: «До свидания! До свидания!».

Этот Мешеди Хасан был хорошим человеком, мы доставили ему немало забот.

Итак, мы снова отправились в путь, и тут мне пришло в голову записать кое-что из своих впечатлений о путешествии в Тегеран, памятуя, что это может пригодиться в будущем.

Краткое изложение всего виденного. Обычное занятие шаха Ирана состоит в том, что он, положив перед собой календарь, размышляет, какой день и час более всего благоприятствует для поездки

на охоту. Министры, эмиры, придворные и чиновники заняты лишь тем, как присвоить себе новый титул. Любые самые противозаконные средства, которые есть у них в руках, используют они для того, чтобы подняться повыше и всяческими наветами и клеветой отбить должность у своих соперников. Это — общая мечта. Даже какой-нибудь привратник тешит себя надеждой стать правителем области. А сколько ему подобных!

Сословие купцов нимало не заботится о процветании торговли и расширении ее сферы. Они идут тем же путем, каким шли их деды. Во всем Тегеране не создано ни одного общества, ни одной компании для распространения отечественных товаров и продуктов. Хотя некоторые и обладают порядочным капиталом, однако все они не имеют доверия друг к другу, поэтому в коммерческие сделки вступают с крайней осторожностью. И все так и норовят наступить друг другу на ногу, неустанно следят, подобно Англии и России, за действиями своих конкурентов глазами зависти.

Лавочники и ремесленники в панике из-за фальшивых денег: сегодня один кран ценится в семь шаи, а завтра — в восемь. Бедняки заняты мыслями о пропитании: ман хлеба стоит то два крана, то — три.

Посланники двух соседних с Ираном держав преследуют только свои политические выгоды. И ни у кого ни в действиях, ни в помышлениях нет ни заботы о родине, ни истинной любви к ней. Все скудны разумом и неблагочестивы.

Мертвы, хотя как будто и живые,
Живут, но в сущности мертвы.

Между тем наша коляска на полном ходу неслась в Казвин.

— Как ваше благородное имя? — обратился я к своему попутчику.

— Хаджи Гулям Риза.

Затем он осведомился обо мне, и я ответил, что меня зовут Ибрахимом.

— Из какой вы местности? — опять спросил я.

Узнав, что мой попутчик из Казвина, я очень обрадовался.

Дорога из Тегерана в Казвин очень хороша: прямая, ровная и дома по ее обеим сторонам красивы и благоустроены. Поистине, можно сказать, что это лучшая из дорог Ирана, хотя, кроме нее, по сути, других-то и нет.

Хаджи Гулям Риза называл нам одну за другой деревни и караван-сараи, которые мы проезжали. На каждом перегоне нам без задержки меняли лошадей. Одну ночь нам пришлось провести в первом встреченном на пути караван-сарае. Там было приготовлено все необходимое для отдыха путешественников. К нашему прибытию уже кипел самовар, мы напились чаю, поговорили со слугами о том, о сем, а после утреннего намаза заложили лошадей и снова тронулись в путь.

Приближалось время вечернего намаза, когда мы въехали в Казвин. Я попросил совета у хаджи, в каком караван-сарае нам лучше остановиться.

— При въезде в город есть гостиница. Это место вам понравится и вполне подойдет, — сказал он. — Если остановитесь там, вам будет спокойно.

Мы подъехали, и я убедился, что это и вправду хорошее место. Комнат было много. Нам предложили одну из них за два крана в сутки, и я счел, что это дешево. В комнате стояли кровать, стол, кресла и другие необходимые вещи, были и постельные принадлежности. Мы попрощались с хаджи, и он ушел. Слуга принес самовар и спросил:

— Что будете кушать на ужин — челав или плов?

— Разве у вас есть кухня и горячие блюда? — удивился я.

— У нас есть все, — ответил он.

— Лучше всего, если вы принесете челав из цыпленка, с приправой.

— Слушаюсь, — ответил слуга.

Мы выпили чаю, затем совершили намаз. Тем временем принесли ужин. Тут был и челав, и приправа, сладкие напитки, кислое молоко и зелень. Все было очень чисто приготовлено, и мы поужинали с большим аппетитом.

На следующий день пришел проведать нас хаджи Гулям Риза. Мы недолго побеседовали; уходя, он пригласил нас к себе на следующий вечер.

После его ухода мы сразу же вышли на улицу и спросили дорогу на базар. Нам сказали, что наша улица ведет прямо к Али-Капу,[138] а налево от него находится базар.

Не спеша, мы пошли в этом направлении. Когда-то Казвин был столичным городом, но теперь он потерял былой блеск, стал грязен и запущен. По сравнению с европейскими городами его нельзя назвать и деревней.

Ведь в городах Европы даже стены и двери домов несут на себе отпечаток общего духа города и своеобразной, присущей только ему красоты. Улицы оживлены множеством спешащих туда и сюда людей, занятых коммерческими делами, что позволяет судить о бурной торговле. Там вы не увидите ни одного незанятого человека. И наоборот, на улицах городов Ирана, куда ни бросишь взгляд, везде лентяи и бездельники, которые собираются группами и сидят в полной праздности то там, то сям. Города по своему запустению напоминают кладбища. Если бы кто-нибудь вгляделся в них глазами внутреннего прозрения, он услышал бы, как от стен и дверей иранских городов поднимаются жалобные вопли: «Нет у нас хозяина, никому нет дела до нашего благоустройства». Это достойно величайшего сожаления, но что делать?

Я обратился к Юсифу Аму:

— Пойдем, Юсиф Аму, поищем лавочку со съестным, закусим там немного.

Мы осведомились о съестной лавке, и нам указали одну из них, где готовят челав.

Войдя туда и оглядевшись, мы увидели такую грязь, что и находиться там было невозможно, не говоря уж о том, чтобы есть.

Мы повернули назад, и я услышал, как Юсиф Аму проворчал:

— Европейские врачи, такие-сякие, все сочиняют, будто микробы всяких болезней зарождаются в грязи. Если это так, то почему же все эти люди не болеют от такой грязищи?

— Пойдем теперь в мечеть, — сказал я ему, — совершим намаз, а пообедаем уж дома.

Мы направились в Масджид-и Шах — шахскую мечеть. Она, действительно, была на редкость величественна, но много ли толку от ее внешнего великолепия, когда внутри сотни всяких неполадок. Молитвенные коврики все рваные-прерваные; в одном из углов два человека, раскалывая камнем орехи, старательно извлекают ядрышки и грызут их, в другом месте несколько человек едят гранаты, а подальше от них люди лакомятся дынями и бросают корки и семечки прямо на пол. Боже мой! Ни один благочестивый мусульманин при виде этого печального зрелища не смог бы удержаться от скорбных слез!

Я воскликнул про себя:

— Боже милостивый, вот вам мусульманский храм! Обитель, из коей должна распространяться благодать мусульманства! Отчего же эти бессовестные люди не хранят ее чести? Ведь в Каире и Стамбуле мы видели, что храмы и соборные мечети разукрашены дорогими коврами, а от всех стен и дверей поднимаются к небу волны благочестия. В мечетях много муэззинов и прислужников. По пятницам из всех мечетей раздаются призывы на мусульманскую молитву. В сравнении с подобными мечетями можно ли это место назвать храмом или мечетью?

Что за бедствие свалилось на голову этой несчастной нации? Предположим, что народ темен и невежествен, как говорят, но разве улемы, ученые сеиды и вельможи не видят этого положения, разве и им неведомо, в чем состоит истинное предназначение мечетей?

В этой мечети очень редко происходит общая молитва, и лишь по углам одинокие верующие совершают намаз, расстелив то там, то сям на полу платок вместо молитвенного коврика. Увидев, что пол грязен и засорен, мы поступили так же и, прочтя намаз, вышли на улицу.

Пройдя несколько шагов, мы услышали страшный гвалт, а приглядевшись, поняли, что это шумит группа учащихся, выходящих из духовной медресе.

Мы вошли в медресе — большое и величественное здание, построенное, как говорят, одним из сефевидских шахов.[139]

В одной из классных комнат на скамье сидел ахунд. Он был занят ритуальным омовением. Несколько удивившись этому занятию, я огляделся вокруг и увидел в той же комнате двух учащихся, которые, сидя друг против друга, отчаянно спорили и пререкались. То и дело кто-нибудь так замахивался книгой над головой другого, что казалось, вот-вот они на-

чнут бить друг друга по голове. Слышались громкие проклятия и ругательства. Словом, перепалка была страшная. Тем временем ахунд закончил омовение и занялся умащиванием себя.

Я спросил у него:

— Господин ахунд, отчего они ссорятся?

— Это не ссора, — ответил он.

— Да разве вы не видите?

— Это не ссора, а диспут, — повторил он.

— Какой такой диспут?

— Научный диспут.

— Почему же они не объясняются мягко и вежливо?

— Разве можно, занимаясь науками, любезничать и улыбаться? — удивился он.

— Я вовсе не говорю, чтобы они улыбались друг другу, — возразил я, — но ведь можно вести беседу и так, как говорим мы сейчас с вами?

Ахунд с величайшим презрением оглядел меня с головы до ног и спросил:

— Ты турок?

— Да, — ответил я, — азербайджанец.

— Поэтому ты ничего не смыслишь! Ну-ка, ступай, ступай! Здесь не театр.

Волей-неволей пришлось уйти. Однако я успел заметить, что во всех классах были такие же шумные сборища.

— Пойдем отсюда, — обратился я к Юсифу Аму. — В этой стране любые зрелища рождают тоску. До сих пор я и не знал, что для усвоения наук необходимы крики, ругательства и проклятия.

Не успели мы отойти от медресе и несколько шагов, как вдруг нас в прямом смысле слова оглушил страшный клич фаррашей: «Отойди! Разойдись! Закрой глаза! Отвернись!». Смотрю — движутся фарраши, выстроенные в два ряда так, как мы уже видели однажды в Шахруде, а между рядами фаррашей едет коляска. Прохожие, я заметил, поворачиваются лицом к стенам. Я вспомнил такую же церемонию в Шахруде, но там мне не доводилось видеть, чтобы поворачивались к стенам. Тем не менее, следуя общему примеру, мы встали лицом к стене и спиной к коляске.

А еще в Шахруде Юсифу Аму внушили, что в таких случаях следует отвешивать поклон, сгибаясь до самой земли. Несчастный, стоя лицом к стене, согнулся в поклоне. Естественно, что он оказался в непочительной позе по отношению к госпоже. Фарраши усмотрели в этом оскорбление.

Я все еще стоял лицом к стене, когда услышал крики: «Бей! Бей его!», и на голову бедного Юсифа Аму посыпались удары и палками, и кулаками — можно было подумать, что они низвергались со всех стен домов.

Бедняга начал громко причитать:

— Ох, баба́! За что бьете? В чем мое прегрешение?

Тут я выступил вперед и спросил:

— Баба́! Ведь вы же мусульмане! За что вы бьете этого несчастного чужестранца?

— Этот, такой-разэтакой, да сгорит отец его, — закричали они, — осмелился быть непочтительным к само́й матери принца! Ах, он негодяй, мерзавец!

Тем временем коляска удалилась. Однако фарраши остались, чтобы забрать с собой Юсифа Аму.

— Господи, что же делать? — подумал я про себя и кинулся к фаррашам, умоляя и упрашивая то того, то другого:

— Баба́-джан, батюшка, этот чужеземец не знает обычаев вашей страны! Он по-своему выразил свое почтение!

Однако ничто не помогало. И тут меня осенило, что по мерзким обычаям этой страны в подобных случаях деньги разрешают все затруднения. Потихоньку я вынул пять кранов. При виде денег их рвение поутихло, они стали мягкими, как воск, и, забрав деньги, отступились.

Итак, мы были свободны. Юсиф Аму горько плакал, а я, утешая его, думал, что бедняга даже и не догадывается, что в Тегеране меня избили во много раз сильнее этого. Наконец, мне удалось утешить его словами сочувствия, и мы отправились домой.

Тут, закурив сигару и вкушая вместо обеда дым, я предался размышлениям. Если бы я не дал обещания хаджи Гулям Ризе быть у него на другой вечер, то не медля ни минуты мы покинули бы этот город. Так мы и не выходили из квартиры целые сутки.

Вечером следующего дня пришел человек от хаджи и осведомился у гостиничного слуги, где живет Ибрахим-бек. Он вошел в нашу комнату и, поклонившись, сказал:

— Соблаговолите пожаловать. Хаджи вас ждет.

Видя, что Юсиф Аму нахмурился, я сказал ему:

— Нехорошо. Ведь мы же обещали, значит надо идти. Аллах даст, завтра мы выберемся из этого места.

Итак, мы отправились вслед за посланцем хаджи. Хаджи встретил нас у самой двери и со всевозможными почестями ввел в комнату. Войдя, я увидел, что в комнате человек десять-двенадцать гостей. Поздоровавшись, мы сели. После обычных вопросов о здоровье и взаимных приветствий завязалась мало-помалу общая беседа.

Один из присутствующих сказал:

— Поистине, сердце у меня сегодня облилось кровью от жалости к сыновьям хаджи Науруз Али! Я видел, как один из них, весь оборванный и босой, принес продавать на базар сено. Как видно, только этим они добывают себе пропитание.

— Какое нам дело, сами виноваты, — заметил другой.

— Нет, виноваты не они, — возразил третий. — Сей грех лежит на совести ахунда и проповедника муллы Ахмада. Это он поверг в прах несчастных.

Вмешался четвертый собеседник:

— Дорогой ага, на все воля божья, и причины этих дел от нас сокрыты. Да и сам-то хаджи Науруз Али собирал свои богатства иной раз и неправедным путем, так что последние три-четыре года его все стали презирать и ненавидеть.

Один из гостей, который был, очевидно, как и мы, чужестранцем, спросил:

— Кто такой хаджи Науруз Али и что с ним приключилось?

Ему рассказали следующее. У хаджи Науруз Али, состоятельного купца, происходившего из Караса, было три жены, от которых он прижил восемь сыновей и три дочери. Он умер и оставил своим детям наследство на сумму шестьдесят тысяч туманов, как наличными деньгами, так и недвижимым имуществом. И вот каждого из несчастных наследников облепили улемы и стали тянуть из них деньги. А имам пятничной мечети,[140] душеприказчик хаджи Науруз Али и отец его зятя, хотел перетянуть наследство в свою сторону. Словом, дело дошло до судов и тяжб. Два раза менялись судьи, и каждый забирал себе за труды значительную долю наследства, бо́льшую, чем причиталось наследникам. Кроме того, наследники начали грызню между собой — то одного из них арестуют, то два других засядут в бест. Тот урвет от капитала, другой отхватит. Начали уж дележ и мелких вещей. Двое из наследников совсем потеряли рассудок: то, что им досталось, проиграли в карты. А теперь вот все спустили и бегают к хаджи Турхану, ростовщику, а семьи их голодают. Вот как через четыре года после смерти этого человека из шестидесяти тысяч туманов не осталось и шестидесяти динаров. Увы! Увы!

Все присутствующие выражали свое сожаление.

Между тем внесли кальян и чай, и разговор снова стал общим и оживленным. Один из гостей, сидевший на почетном месте, громко сказал, обращаясь к другому, которого он назвал «Солнце поэтов».

— Господин Шамс аш-Шуара,[141] прочтите, пожалуйста, что-нибудь из ваших новых сочинений.

— Хорошо, — ответил тот. — Вчера я кое-что написал для его высочества принца. Завтрашний день, в пятницу, я прочту это в их высоком присутствии.

Он сунул руку за пазуху, извлек оттуда бумагу и принялся читать. После каждого прочтенного бейта слушатели щедро вознаграждали его криками: «Да благословит тебя бог! Браво! Браво! Браво!».

Один из гостей сказал:

— Да будет благословен ваш светлый разум! Ай, ай, ай, до чего же хорошо вы говорите!

Потом они обратились ко мне:

— Ну, как вы это находите, мешеди?

— Я, грешный, ничего в этих вещах не смыслю.

— Как же не смыслите? Ведь в таких словах каждое наполнено тончайшим смыслом.

— Вот смысла-то в них никакого и нет! Такой способ изложения давно устарел. При запросах нынешнего времени подобная чепуха лишена всякой пользы. Ни в одном уголке земного шара не дадут за эти фальшивые словеса и ломаного гроша. И только здесь, в этой стране, по лености, наглости, невежеству, нерадивости и низости нравов можно тирана восхвалять за его мнимую справедливость, невежду — за мудрость и скупца — за щедрость, да еще вот так ликовать, слушая, как плетутся эти лживые нелепицы. Теперь не то время, чтобы разумный человек обольщался разукрашенной ложью. Поэт — панегирист недостойных особ — подобен каллиграфу, все искусство которого заключено в том, чтобы выводить букву «каф» или выписывать окружность буквы «нун».[142] Теперь такие дела не причисляют к достоинствам истинно просвещенных людей. Прежде всего надо передать мысль правильно, тогда пусть у тебя и «каф» будет кривой — все справедливые люди скажут: правильно. Сегодня затих тот базар, где продавались «змеи-локоны» и «гиацинты-чолки», исчезли «талии, тонкие как волос», сломался «лук бровей», и глаза, подобные глазам газели, не трепещут перед этим луком. Пришло время говорить об угле из шахт вместо того, чтобы славить «родинку у губ». Хватит твердить о «станах, подобных кипарису», — слагай песни о соснах и ореховых деревьях лесов Мазандерана! Отпусти «полу сереброгрудых красавиц» и воспой лоно рудников с железом и серебром! Сверни «ковер пиров и увеселений» — разверни отечественное ковроткацкое производство! Сегодня время наслаждаться звуком железнодорожных свистков, а не соловьиными трелями в роще. Оставь мутящее разум вино бесстыжему виночерпию — позаботься о прогрессе и расцвете отечественной виноторговли. Безнадежно устарели притчи о свече и мотыльке — так рассказывай о создании фабрики стеариновых свечей! Предоставь влюбленным болтовню о «сахарных устах» — начни песни о сахарной свекле! Словом, покончи с этими вредными домыслами, которые калечат наше молодое поколение, и слагай песни о любви к родине, о ее богатствах и о путях ее благополучия! Какая польза может быть вам от такой поэзии в этой, да и в будущей вашей жизни? Ваша родина еще не настолько разорена жестокими притеснениями бессовестных правителей, чтобы было невозможно представить ее цветущей и благоденствующей. Этот жестокий принц, которого вы по праведности называете вторым Иосифом Прекрасным,[143] а в рассыпании милостей сравниваете с царем Соломоном, — всего-навсего невежественный деспот. Вот только сегодня на базаре из-за несчастья видеть мать этого вероломного, которого вы равняете с пророком Иосифом, какие только бедствия не обрушились на голову вот этого несчастного Иосифа — и палки, и кулаки, оплеухи и пощечины — все пошло в ход. И не нашлось ни одного человека, который бы сжалился над его положением или хотя бы поинтересовался, в чем же его вина? Сколько беднягу ни били, никто ни о чем не спросил.

Мне кажется, бог даровал человеку глаза, чтобы видеть разницу между хорошим и дурным, зачем же их закрывать? Разве разумно вручать группе негодяев палки, чтобы они набрасывались на людей и кричали: «Ослепни! Закрой глаза! Повернись к стене!»? Разве это мусульманский обычай? Вот сам ты поэт и постиг премудрости сложения стихов, облеки же в стихи сегодняшнее происшествие и распространи эти стихи по городу, чтобы люди знали, что творится в Иране. Осведоми твоих соотечественников о их человеческих правах, чтобы они больше не терпели притеснения кучки этих нечестивцев. По всеобщему признанию иранцы были одним из первых цивилизованных народов на земном шаре и жили в большем почете и великолепии, чем другие нации. Почему же теперь они считаются отсталыми среди других народов и иностранцы глядят на них глазами презрения? Я сам иранец; вот уже пять месяцев, как прибыл в эту несчастную страну, чтобы посмотреть на свою родину и посетить святые места. И от тех беспорядков, которые я встречал в каждом углу, в каждом районе страны, сердце мое изошло кровью, я забыл о сне, о радости и веселии. Но я вижу, что вам неведомы подобные страдания. Увы! Кровь в ваших жилах застыла, вы забыли человеческие чувства!

От сильного волнения, которое я испытывал, у меня перехватило горло. Я почувствовал, что вот-вот задохнусь, и вынужден был умолкнуть. Собравшиеся смотрели на меня в полном остолбенении.

Однако скоро они пришли в себя и, ничего не поняв из того, что я сказал им, снова начали восхвалять Шамс аш-Шуара.

Впрочем, один из них спросил:

— Мешеди, а зачем нам каменный уголь? Мы все жжем дрова, да и в угле нет нехватки! Мы также знаем достохвальные таланты Шамс аш-Шуара. Если же вы этого не постигаете, не наша вина.

Вижу, лист, как говорят, повернули обратной стороной, и меня же упрекают в невежестве. Подумав про себя, что с ними надо действовать иначе, я сказал:

— Дорогие господа, ночь длинна, беседа приятна, не хотите ли послушать одну притчу?

— Ну что ж, расскажите, — согласился один из них.

Я начал:

— Однажды некий афганский улем вел урок с учащимися в одном из гератских медресе. Случилось, что Махди-бек Шагафи, имя которого вам всем известно, проходил мимо. В полной небрежности он вошел и сел поближе к кафедре преподавателя. Господин преподаватель, увидя его необыкновенный вид и крестьянский наряд, то, что мы называем «эксцентричность», испугался и сбился с мысли. После окончания урока, обращаясь к Махди-беку, преподаватель спросил: «Ты понял урок, который я читал?». Махди-бек, чуть усмехнувшись, сказал: «Что ж, понял». — «О чем же был этот урок, скажи?». — «Да урок, как урок, вот и все». — «Нет, ты скажи, что за урок, в чем он заключался?». Махди-бек отвечал: «Поистине, урок

твой состоял из аллегории и метафоры». — «А в чем был смысл аллегории? Расскажи-ка, посмотрим». — «Да аллегория, вот и все». — «Этих слов мало, чтоб показать, что ты уразумел смысл аллегории. Если ты вправду понял, то скажи нам». Махди-бек отвечал: «Смысл аллегории таков: к примеру, я имею раба и зовут его Мубарек, а у вас тоже есть раб и зовут его также Мубарек. Эти Мубареки поссорились друг с другом. Мой раб поверг вашего Мубарека на землю и н... на него». На этом преподаватель удовольствовался. Теперь я обращаюсь к вам: мой воображаемый Мубарек н... на воображаемого Мубарека вашего Шамс аш-Шуара. Почитаемый человек вашей страны был попран, а вы по своему невежеству даже не смогли защитить его. Все, что вы умеете, это связать несколько лживых слов, сплести несколько высокопарных бессмыслиц в отношении группы самых гнусных негодяев — вот вся ваша мудрость и красноречие. Главных мастеров этих благоглупостей вы именуете «Царь поэтов» и «Солнце поэтов», сажаете их на почетные места, уклоняясь от прямого спора с такими, как я, и всячески сбиваете человека с толку. Несчастный полагает, что он и впрямь самый мудрый из людей на земле, в то время как любой школьник одержит над ним верх в самых элементарных вопросах науки и техники. Вся его мудрость — в пустословии и риторике.

Тут, наконец, я заметил, что хозяину дома неловко перед Шамс аш-Шуара. Разве только двое из собравшихся были склонны взять мою сторону, в прочих же было заметно страстное желание броситься на меня и растерзать на мелкие кусочки.

— Господа, — сказал один, — оставьте его в покое, не обращайте внимания! Ведь эти турки простоваты и невоспитанны.

— Говорят: «Почитай гостя, даже если он неверный», — заметил другой.

Тем временем принесли ужин, все занялись едой. После кофе и кальяна собравшиеся разошлись. Слуга хозяина, засветив фонарь, проводил нас до нашей квартиры.

Хотя раньше я и предполагал пробыть в Казвине три дня, после происшествия с Юсифом Аму сердце мое не лежало к этому городу. Помня обещание, данное Юсифу Аму, я на следующее утро, еще до восхода солнца, пошел сговариваться с возницей. Его звали Ибрахим, родом он был из Зинджана.

Мы купили кое-какие необходимые вещи и вечером, покинув наше жилище, тронулись в путь. Переночевали мы уже за городом в каком-то местечке, где остановился караван, а утром направились к городу Ардебилю.

Краткий вывод из путешествия в Казвин. Сами двери и стены города дышат печалью и унынием. Жителям неведома человеческая жизнь. Предрассудки и суеверия вошли в их плоть и кровь, они ничего не знают о современной жизни и не предполагают,

что есть цивилизованный мир. О мечетях и медресе можно сказать также кратко — ничего не имеют в этой жизни, ничего не будут иметь в будущей. Ни у кого нет заботы об умножении общественного дохода, никто не знает о любви к родине. Кровь в их жилах застыла.

Мертвы, хотя как будто и живые,
Живут, но в сущности мертвы.

Итак, ранним утром вместе с караваном мы двинулись в Ардебиль. Главной целью моего посещения Ардебиля было поклонение святой гробнице выдающегося сеида и великого шейха Сафи ад-Дина Исхака Ардебильского,[144] сияние славного жития которого способствовало распространению в мире шиитской религии, — да стану я жертвой за его чистый дух!

В пути не попалось ничего достойного наблюдения. То там, то здесь мы видели большие и маленькие деревни. Крестьяне ничем особым не выделялись, однако можно было заметить, что люди в этих местах чистосердечны, религиозны и гостеприимны. Их не коснулась цивилизация, и в этом их величайшее счастье, они сохранили свои добрые качества: набожность, гостеприимство, правдивость и честность, оставаясь простыми людьми. О скромности мужчин и целомудрии женщин и говорить не приходится. Ясно одно, что женщины Тегерана, да и всех других иранских городов, в день страшного суда будут завидовать тому почетному месту в раю, которое займут эти скромные деревенские женщины. Хотя большинство из них ходит с открытыми лицами, но сердца их чисты и ни одна дурная мысль никогда не западет им в ум: кроме мужа и ближайших родственников, всех прочих мужчин они почитают за своих братьев. Можно поклясться, что среди десяти тысяч этих женщин не найдется ни одной, которая изменила бы своему мужу. За все путешествие только это одно и обрадовало мое сердце. Да будут их несчастья и страдания перенесены на головы бессовестных горожанок! Деревня в Иране, в противоположность деревням иностранных государств, является оплотом страны.

На шестой день мы прибыли в Ардебиль и остановились в караван-сарае хаджи Мухаммада.

Юсиф Аму сказал:

— Не хотел бы ты опять сходить в баню?

— Дорогой Аму, куда уж дальше — я весь покрыт грязью. Я уж думал об этом — хочу попросить смотрителя, чтобы он свел меня к себе домой и приготовил бы горячую воду для мытья. Ты покуда иди, а я немного посплю, чтобы отдохнуть от дорожных мытарств.

Он ушел, я лег спать. Проснувшись через часок, я обратился с моей просьбой к смотрителю.

— В наших местах воду в бане меняют только раз в месяц, — сказал он на это. — Но брат мой снял в аренду баню, и как раз завтра вода в ней будет меняться. Я вас сведу, когда в ней еще никого не будет.

Я очень обрадовался и поблагодарил его. На следующий день все так и вышло, как мы договорились. Вымывшись в бане, мы взяли в проводники одного из носильщиков караван-сарая и отправились на поклонение великому шейху сеиду Сафи ад-Дину.

С величайшим благоговением ступили мы в его чистейший мавзолей. Один из служителей этой высокой обители провел нас к могиле святого шейха. Мы прочли молитву поклонения и фатиху. Затем прошли на кладбище к месту упокоения благословенного шаха Исмаила [145] и там тоже прочли фатиху.

Наш мысленный взор был озарен яркими лучами нравственного величия сего благородного падишаха, чье правление украсило страницы нашей государственной и религиозной истории. Сравнивая положение тех лет с нынешним, я невольно заплакал и сказал:

— О, да буду я жертвой твоей чистой могилы! В течение тринадцати лет ты укреплял основы государства и святой религии — да стану я жертвой твоего рвения! Подними же голову из этого благословенного праха и взгляни, как унизили и обесценили эту религию и это крепкое государство твои подлые потомки! От былых шиитских улемов осталось лишь одно название, все стремятся только к тому, чтобы приобретать богатства и доходы, получать должности и участвовать в политике. И ни у кого нет забот о распространении учения пророка. Главное их занятие — ради увеличения шума, поднимаемого их башмаками, т. е. ради тщеславия, стремиться участвовать во всех правительственных мероприятиях, будь они правые или неправые. Ни один из них и в мыслях не держит поддержание великолепия тех святых обычаев, кои ты возродил. Все их усилия направлены прежде всего к тому, чтобы заполучить, чего бы это ни стоило, пять или шесть доходных деревень, а уж тогда, на досуге, в полном душевном удовлетворении, они начинают бегать по всяким местам, участвуют во всяких тяжбах, в которых используют по отношению и к истцам, и к ответчикам существующие и несуществующие законы и постановления. Они готовы разрушить благополучие каждого второго человека на благо своего собственного очага. Они порочат и оскверняют чистые и неколебимые законы шариата и превращают их в орудие для извлечения незаконных доходов. Вместо того, чтобы подумать об улучшении положения мусульман, они потворствуют всеобщей разрухе и лишний раз подтверждают верность поговорки: «Когда развращаются улемы, развращается и весь мир».

Погруженные в эти горестные мысли, мы прошли в мавзолей Тахмаспа I.[146]

Прочтя фатиху и совершив намаз в честь этого благочестивого шаха, мы решили осмотреть музей китайского фарфора [147] при мавзолее, который пополняется по обету приношениями из разных стран, и о нем следовало бы рассказать особо.

Наши глаза не могли налюбоваться бессчетным множеством драгоценных фарфоровых сосудов, вывезенных со всех концов страны. Вместе с тем

мы заметили, что многие полки были пусты. Нам пояснили, что часть вещей была разграблена во время русских завоеваний. Я понимал, что это результат неотвратимого хода исторических событий, но все же зрелище это было невыносимо печально, и поэтому я воздерживаюсь от подробного описания музея.

Мавзолей и роскошная мечеть рядом с ним отделаны с большим великолепием и с затратой огромных средств, что свидетельствует о ревностном отношении их основателя к сооружению этих памятников. В охране же их подобной ревностности не заметно. Они сильно нуждаются в ремонте. Говорят, что мечеть владеет большим вакуфным имуществом, однако какими негодяями и нечестивцами растаскиваются средства от этого имущества, никому неизвестно. В Иране от вакуфных имуществ осталось лишь название.

Вняв нашим усиленным просьбам, служители мавзолея открыли перед нами его сокровищницы. Мы увидели плиту с куфическими письменами [148] эмира правоверных, льва бога, победителя — Али ибн Абуталиба — да будет над ним мир! Внизу плиты было начертано: «Писал Али ибн Абуталиб». Нам посчастливилось увидеть и доску с письменами святого имама Хасана [149] — да будет над ним мир! Там внизу тоже была начертана подпись: «Писал Хасан ибн Али».

Мы с благоговением прочли обе надписи, поцеловали их и приложили к глазам. Лицезрение этих двух сокровищ, цена которых была неисчислима и в этом, и в том мире, озарило ярким светом наши души и влило в них новые силы. Мы были бесконечно счастливы. Слава творцу, что он ниспосылает иногда нам подобное счастье, которое утешает измученный дух и врачует страждущее сердце!

Свершив поклонение, мы одарили прислужников и вернулись домой.

На следующий день мы отправились в Нарин-Кале. Хотя некогда это была мощная крепость, но сейчас похвалить ее было не за что. У ворот, прислонившись к стене, стоял старик с мечом в руках, по виду караульный артиллерист. Крепость огибал, словно змей, двойной ров, через который были перекинуты два мостика. Мы перешли мостик и увидели высокую крепостную стену, внутри которой находились резиденция губернатора и большая мечеть, а также баня. Я заметил также десять или двенадцать пушек, стоявших в разных местах — словно памятник былому; ныне, конечно, они уже ни на что не годились. Они не стоили даже того металла, который был когда-то затрачен на их изготовление.

Рядом с арсеналом мы увидели несколько пустовавших помещений, по виду — казарм, однако ни единого солдата там не было. Ради любопытства я заглянул в одно из этих помещений, но сразу же мне в нос ударил запах тления; увидев страшную сырость и грязь, я выскочил оттуда, зажав нос руками.

Потом, поднявшись на башню и обратившись в сторону Кума,[150] я воскликнул:

— О ревностный государь, шах Аббас! О принц Аббас-мирза,[151] где вы? Восстаньте из черной земли, посмотрите, как ваши недостойные потомки охраняют то, что вы им передали! С какими трудностями вы возвели мощные крепости, эти исполинские цитадели-города для защиты родины от вторжения врагов! А они теперь, рассевшись внутри этих укреплений, издают зловредные указы, направленные на разрушение родины, на грабеж и убийство ее сыновей. Без стыда превращают они места, где некогда обитали борцы за истинную веру, в свалку мусора и нечистот. Где ты, о бесстрашный государь, о энергичный и благочестивый падишах, гордость династии сефевидов — отважный шах Аббас?! Где ты, великий Аббас-мирза?! О государь, зачем поспешил ты уйти, как безвременно сразила тебя неумолимая смерть! О, если бы процарствовать тебе теперь лет тридцать-сорок, чтобы наверстать все то, что было потеряно бездарностью твоих потомков, и снова возродить Иран! О государь, все стремящиеся к справедливости и любящие свою родину иранцы никогда тебя не забывали и не забудут! Ты всю свою жизнь провел в седле, но не нашлось таких, кто бы последовал за тобой к достижению святой цели. Патриотизм, благородство, любовь к родине ушли с тобой в землю. Твоя кончина разбила иранцам сердце и разорвала пояс порядка Ирана, и родина, и мы осиротели. После тебя лишь слуга твой Мирза Таги-хан всю жизнь отдал на служение родине. Он приготовился было исправить разрушенное, но вероломные предатели родины в бане, которая впоследствии получила название «бани смерти», заставили его отступиться, не ратовать больше за прогресс Ирана и навсегда закрыть глаза. Это тоже дополнило несчастья Ирана и иранцев. Да смилуется над ними господь!

В этом скорбном раздумье, с бьющимся сердцем я отправился домой.

На следующий день во время завтрака вошел смотритель и спросил:

— Господин, что же вы не идете?

— Куда? — удивился я.

— Сегодня на площади Нарин-Кале будет бой буйволов, — сказал он. — Там уже собрался весь город.

— Что ж, это не плохо! Раз у нас нет других дел, пойдем, — предложил я Юсифу Аму.

На площадь и вправду со всех концов города устремлялись огромные толпы народа, толчея и шум стояли ужасные. Я не мог не подивиться про себя, неужели у всех этих людей нет ни работы, ни дел?

Из двух боевых буйволов один, как мы потом узнали, принадлежал начальнику стражи мавзолея шейха Сафи, а другой — помощнику градоначальника; обоих почитают улемами города Ардебиля. Половину жителей города составляют сторонники начальника стражи, другую половину — сторонники помощника градоначальника. Я увидел, что почти все собравшиеся были вооружены — кто палкой, кто мечом или кинжалом, кто пистолетом, — словно готовились к большой схватке.

Но вот на площадь притащили буйволов и выпустили их. Эти бессловесные твари сначала смотрели друг на друга, как будто хотели что-то сказать на своем языке, а потом разом ринулись вперед и начали биться рогами. От ударов, наносимых их твердыми лбами, они иногда падали на колени, но и тогда продолжали теснить друг друга грудью. После нескольких ран буйвол, принадлежавший начальнику стражи, рухнул на землю.

Зрители начали испускать дикие крики. Сторонники помощника градоначальника окружили своего буйвола — один целовал победителя в глаза, другой обтирал ему ноги, кто-то притащил целый ворох дорогих шалей и набросил на спину животному. Рукоплеща и топоча ногами, они затем увели его с площади.

Я стоял, ошеломленный шумом и криками, и никак не мог прийти в себя от нелепости этого зрелища. Не в силах удержать тяжкий вздох, я подумал: «Боже милостивый! О если бы хоть раз за время моего путешествия я встретил бы вместо этого дикого скопища возвращающегося с победой иранского полководца, отстоявшего родину на поле битвы! Увидеть бы, как он въезжает в город с пушками, военным снаряжением и другими трофеями, отбитыми у подлого врага, а жители в благодарность за его услуги родине со всех крыш и из всех дверей бросают к его ногам цветы! И чтобы вместо этих разнузданных криков звучали прекрасные громкие песни, прославляющие мужество солдат родины! И эти драгоценные ткани, вместо того чтобы окутывать шею глупой твари, расстилались бы коврами на пути бесстрашного полководца, а улемы возносили бы молитвы во славу торжества и победы!».

Здесь пишущий эти строки горько зарыдал, а уважаемые читатели могут по желанию своему либо плакать, либо смеяться.

На следующий день мы пошли осматривать город.

Известно, что Ардебиль — один из старейших городов мира. Он расположен на ровном и красивом месте, однако зелени и садов в нем нет; считается, что климат его полезен. В связи с близостью к порту Астара, расположенному на берегу Каспийского моря, на русской границе, город играет немаловажную роль в торговле страны. Большое количество разных продуктов, товаров и сырья направляется через этот город из России в Азербайджан.

Поэтому караван-сараи здесь большие и благоустроенные. Однако и здесь нет ни купцов, ведущих крупную торговлю, ни компаний, ни обществ, которые способствовали бы процветанию торговли и всего государства.

На четвертый день нашего пребывания в Ардебиле я вдруг увидел, что на улице поднялась какая-то необыкновенная суетня, со всех сторон раздавались крики: «Эй, баба́! Священная война!».

Недоумевая: «Это еще что за новые фокусы? С кем священная война?», я поднялся было, чтобы пойти посмотреть на это событие, но Юсиф Аму уцепился за мою полу:

— Не выходи! Не пущу! Не дай бог, в этой сутолоке с тобой что случится!

— Пусти меня, баба́, — сказал я, — мне хочется узнать, что это за шум.

Я вырвался из его рук и выбежал из дома.

Расспросив людей, я узнал, что ага Мир Салих или шейх Салих, я уж не помню, опоясавшись мечом и обрядившись в саван, отдал приказ о священной войне и собрал возле себя более двух тысяч городских жителей. Не знаю, что именно сделал один из государственных чиновников, но содеянное им пришлось этому господину не по нраву. Он приказал, чтобы чиновника схватили и приволокли в его дом. Беднягу так сильно избили, что он потерял сознание. Некоторые утверждали, что он скончался, другие говорили, что еще не умер, но скоро умрет.

Я подумал: «Аллах милосердный, что за светопреставление?! Да разве в этой стране нет властей, разве она не имеет хозяина? До чего дошли муллы? Палками забивают государственных служащих, а власти не могут и слова молвить? Не знаю, какие еще напасти свалятся на мою горемычную голову за это путешествие?».

Уже после того, как суматоха затихла, мне рассказали, что этот ага, три-четыре года назад вернувшийся из паломничества к священным гробницам имамов,[152] запер двери наживы прочим улемам. На людях, на виду у всех он питается только ячменным хлебом и уксусом, а у себя, на закрытой половине, ведет роскошную жизнь и употребляет не воду и уксус, а сок ширазского лимона.[153] Да, недаром говорят: «Когда находятся в уединении, то поступают иначе».

Можно не сомневаться, что лет через десять этот ага станет хозяином по крайней мере десяти больших деревень. Многие начали таким же образом. Вот, к примеру, Мирза Али Акбар, другой улем, самовольно захвативший доходы от налога со всех окрестных деревень.

Только в одной этой области примерно десяток значительных духовных лиц; все они очень влиятельны и имеют много последователей, тоже богатых людей, владеющих десятками лошадей и верблюдов.

Мы пробыли в этом городе восемь дней и, намереваясь ехать в Марагу, наняли у возницы трех лошадей ценой по восемнадцать кранов каждая. Отдав пятнадцать кранов задатку, мы велели ему быть готовым на утро.

Однако настало утро, а возницы все не было. Не явился он и в полдень. Тогда я послал человека за ним, и тот вернулся с известием, что все возницы разбежались.

— Как разбежались? Куда? — переспросил я.

— Да начался «захват лошадей», — пояснил человек, — приезжает губернатор этой области.

— Что еще такое? — закричал я, — что значит «захват лошадей»?

— Если вам нетрудно, то соизвольте пойти и увидите сами, что это за «захват».

Я, все еще ничего не понимая, спросил:

— Баба́, какое мне дело до приезда губернатора, мне нужно ехать! Я нанял лошадей, передал через вас деньги, вы сказали, что возница — человек верный.

— Да, я снова могу сказать, что возница — человек верный, но кто же знал, что сегодня случится «захват лошадей»? Пойдите и вы увидите, что во всех караван-сараях валяются на земле товары, предназначенные для отправки в Тавриз, Хамадан, Казвин и прочие города. То же происходит с караванами, которые пришли с товарами из разных областей в Ардебиль, — все возницы в ужасе от «захвата лошадей», побросали тюки на землю и разбежались.

Я спросил:

— И сколько будет продолжаться это безобразие?

— Неизвестно. Может быть, десять дней, может быть, пятнадцать. Пока губернатор не уедет, будет «та же чаша и та же каша».[154]

Вижу, нет иного средства от зловредства этих демонов, как творить молитву: «Нет могущества и силы, кроме как у всевышнего бога!».

Досаднее всего было то, что мы уже увязали наши вещи и их пришлось снова распаковывать.

Потом я отправился на базар. Что я там увидел!! Невообразимая толчея и суматоха. С дикими кликами скачут на конях слуги губернатора и фарраши. Заметив верблюда, коня или мула, они хватают поводья или уздечку из рук хозяина и тащат животное за собой, а несчастные хозяева бегут следом. У меня потемнело в глазах от этого зрелища и закружилась голова. Вернулся я домой в состоянии крайней подавленности и тоски.

Юсиф Аму сказал:

— Улемы нашей веры написали о многих приметах, знаменующих появление в день страшного суда высочайшего вершителя всех дел, да увеличит аллах его радость, и мы все про это читали. Но среди них нет таких, как захват лошадей, верблюдов и мулов. Вот мы и увеличили свои познания в этой науке. Поистине, только руками разведешь! Среди бела дня на мусульманском базаре силой отнимают у людей имущество и, несмотря на очевидность злодейства, не находится никого, кто бы прислушался к воплям несчастных! Диво, да и только!

Итак, после всех этих огорчений я натянул аба на голову и, примостившись в уголочке, заснул. Проспал я недолго, меня разбудили громкие голоса. Поднявшись, я увидел, что возле дверей дома стоят два фарраша. Один из них спросил:

— Земляк, не вы ли вчера нанимали трех лошадей?

Я ответил утвердительно.

— Где же лошади?

— Мукари не пришел, вот мы и оказались не при чем.

— Вы должны дать обязательство, — сказал он, что, если лошадей приведут, вы не поедете.

Вижу, он мелет какую-то чепуху.

— Что еще за обязательство? — рассердился я. — Мы и так отдали целых пятнадцать кранов. Наши карманы — не бездонная бочка.

Фарраши подняли крик и заявили, что они отведут меня к фаррашбаши.

Подумав, что, если препираться с ними, они, пожалуй, схватят за воротник и силой потащат, я воскликнул:

— Во имя аллаха, что ж, идемте!

Я надел аба, и мы отправились в Нарин-Кале — резиденцию губернатора.

Вижу, Юсиф Аму также идет с нами. Как я его ни уговаривал вернуться домой, он не согласился и только сказал, что он не найдет себе дома места от беспокойства.

Когда мы прибыли в крепость, нас прежде всего повели к некоему человеку, назвав его «наибом».[155] Один из фаррашей шепнул ему что-то на ухо и ушел. Наиб повел нас еще к какому-то человеку. Это и был сам начальник полиции. Наиб тоже пошептался с ним.

Я был в крайнем смятении. Я подумал, что этим бесчестным людям ничего не стоит продержать меня здесь в тюрьме целый год, и кто услышит мои крики о помощи? Может случиться, что губернатор отдаст приказ отрезать мне уши и нос. Кто тогда вступится за меня, кто мне поможет? Всякий, кого душил ночью тяжелый кошмар, может до некоторой степени представить мое состояние, понять мой ужас и тревогу.

Фаррашбаши между тем с какой-то особенной, свойственной ему манерой, помедлив некоторое время, поднял голову и очень резко и грубо крикнул:

— Ну, человечишко, что же ты сделал с лошадьми?

— С какими лошадьми?

— С теми самыми, которые ты нанял вчера.

Стараясь держаться смелее и независимее, я громко закричал:

— Да понимаешь ли ты, что ты говоришь? Что я могу ответить на такой вопрос?

Фаррашбаши вскочил в страшном гневе и заорал:

— А ну-ка пойдем!

Мы прошли двор и очутились в большом зале. Я увидел, что возле окон залы, скрестив руки на груди, стоят несколько просителей и истцов, настолько неподвижных, что можно было подумать: душа уже покинула их тела.

Судья восседал на кресле, а несколько поодаль от него сидели какие-то люди в чалмах.

Фаррашбаши подтолкнул нас ближе, и мы остановились, опустив головы. Он доложил судье:

— Эти люди наняли лошадей, а теперь отказываются от этого.

— Судья спросил:

— Где лошади?

— Господин судья, — сказал я, — мы этого не знаем.

Я хотел еще кое-что добавить, но тут вмешался Юсиф Аму:

— Господин судья, мы — путешественники, иностранные подданные. Если вы причините нам вред, то я тотчас же отправлюсь на почту и телеграфирую в Тегеран английскому посланнику о том, что здесь творится.

Судья немного помедлил, покрутил усы и затем, не найдясь, что ответить, сказал:

— Вы свободны, свободны.

Тогда я набрался храбрости и заявил:

— Господин судья, иностранные мы подданные или ваши соотечественники — это неважно. Слава богу, мы — мусульмане. Но я хочу вам доложить следующее: в былые, далекие времена каждый падишах, который желал вторгнуться с войском в чужую страну, выдвигал религиозные мотивы. Религиозная сущность была обычным поводом для захвата чужих стран. Однако теперь каждое государство, нападая на другое, имеет в виду захватить в руки свободу граждан этих стран и торговлю, в которой они видят основу благополучия и спокойствия народа и причину процветания страны. Ради расширения сфер торговли тратятся миллионы и проливается кровь. Так не удивительно ли, что вы собственными руками закрываете перед своим народом пути к торговле. Вместо того, чтобы строить железные дороги и прокладывать караванные пути, вы под видом всяких реквизиций и «захватов лошадей» отнимаете у народа единственный вид транспорта — верблюдов и лошадей, содержание которых стоит им хлопот, тяжкого труда и трат. Вы просто издеваетесь над рабами божьими, не боитесь вы бога!

При этих моих словах судья закричал еще громче:

— Вы свободны! — и отвернулся от меня.

Фаррашбаши также сделал нам знак удалиться, и мы направились к выходу. При этом фаррашбаши сказал тихо наибу:

— Выгодное же дельце вы мне подстроили!

Затем еще раз крикнул нам вслед:

— Нечего вам тут толкаться, убирайтесь!

Мы направились к воротам крепости. Вижу, за нами бегут те два фарраша и один говорит, чтобы мы дали им «на челав».

— Что, что? — не расслышал я.

— За услуги, — ответил он.

— Ах ты, негодяй! — возмутился я. — Какие-такие «услуги» мы от тебя видели?

Он ответил:

— Так разве мы батраки твоего отца? Надо же нам что-то есть — не сосать же нам молоко матери? И мы хлеб едим.

— А мне-то что? — вскричал я. — Эй вы, слуги фараона и Шаддада, а ну-ка подальше от меня! Да вырвет господь из земли корни ваши и вам подобных! Или вы ждете, чтобы я снова вернулся к тому Нимвроду и спросил бы у него, чего хотят от меня эти порождения шайтанов?!

Тогда другой фарраш обратился к первому:

— Пойдем, Мешеди Риза, эти мерзавцы иностранцы все ненормальные. Короче говоря, мы едва выбрались из когтей этих волков.

Дорогой я сказал Юсифу Аму:

— Зачем ты сказал неправду? Мы ведь не иностранные подданные. А что, если бы они потребовали наши паспорта? Что тогда делать?

— То была ложь во спасение, — отвечал он. — Разве они сообразили бы вспомнить о паспортах, коли уж раскрыли кошельки для взяток, да дело-то не выгорело.

Я заметил, между прочим, что большинство иранских чиновников во время разговора с простым народом кладут руку на усы, покручивают их и как-то по особому выговаривают слова: быстро-быстро, громко и проглатывая окончания, например: «не, не...» вместо «нет», «оч... хор...» вместо «очень хорошо» и тому подобное.

Итак, мы вернулись на свою квартиру и оставались там еще целых тринадцать суток. Все время пребывания в Ардебиле я не находил себе места и тоске моего сердца не было предела.

Не страшно ли? Во всем городе никто из жителей, кроме меня, не отдает себе отчета о всех этих невероятных притеснениях и никто не удивляется такому положению. Можно подумать, что терпеть подобный гнет является их органической потребностью и что они и не подозревают о правах человека. Сознание этого еще больше увеличивало силу моих страданий.

И вот, несмотря на всю эту тиранию, тегеранские газеты каждый день заверяют в разделе «Вести из провинции», что народ доволен, покоен и всячески благоденствует. Можно подумать, что это эпоха самого Ануширвана! Да будут вовеки презренны эти люди!

Кстати сказать, губернатору, как потом выяснилось, и нужно было всего каких-нибудь двадцать голов этих несчастных скотов. И это-то послужило причиной невообразимой сутолоки, шума, незаконных захватов, приостановило торговлю и причинило людям столько неприятностей! Воспользовавшись суматохой, губернаторские фарраши поживились и здесь, собрав с бедных владельцев вьючного скота более двухсот туманов.

И ни один из почтенных купцов рта не раскрыл, чтоб возмутиться, чтобы крикнуть: «Что это за беззаконие!». Можно подумать, не дай бог, что творец создал людей только для того, чтобы они тянули на своей шее ярмо угнетения.

Но время шло, и на четырнадцатый день к нам, наконец, пожаловал возница, который где-то прятался во время этой суматохи. Увязав пожитки, мы тронулись в путь.

По дороге Юсиф Аму вдруг говорит мне:

— А помнишь ли ты случай, о котором рассказывал нам в Каире Ахмад Эффенди из Тебриза?

— Что за случай?

— Ахмад Эффенди рассказал вот что: однажды в Тегеране заболел какой-то генерал, и среди ночи послали фарраша за знаменитым врачом, чтобы он помог больному. Бедняга врач, поднятый среди ночи с теплой постели, явился к больному вельможе. Определив болезнь и приготовив лекарство, он пошел было обратно. Вдруг фарраш этого сиятельного генерала хватает его за воротник с требованием «чаевых». «Ага-джан, — говорит врач, — глубокой ночью я явился сюда, чтобы вылечить твоего хозяина, а мне ничего не заплатили за визит. Что же я могу тебе дать?». Но фарраш не отступал: «Не рассказывай сказки, я ведь не слуга твоего отца, давай-ка мне за услуги!». Врач поневоле возвращается к господину и докладывает ему: «Господин генерал, ваш слуга требует от меня за услуги, а я сам ничего от вас не получил». На это генерал отвечает: «Ах, хаким-баши,[156] ну и прохвосты эти фарраши! Дай ему какую-нибудь малость, чтоб отвязался».

— Так вот, тогда, — прибавил Юсиф Аму, — вы беднягу Ахмада Тебризи всячески поносили как лжеца и винили в том, что он не патриот. А вот теперь и стало ясно, что человек-то говорил правду. Теперь вы в этом убедились сами, когда и от вас потребовали за такие же «услуги».

— Молчи, бога ради, — воскликнул я. — Ни слова больше, с меня довольно и этих мучений!

Краткий вывод о путешествии в Ардебиль. В этой области люди имеют склонность к показным благочестивым беседам — в каждой лавке, в каждом доме только и слышишь то о каком-то муджтахиде,[157] то о неком шейх ал-исламе,[158] то о каком-нибудь имаме. С большим оживлением также беседуют о боевых буйволах. К примеру, говорят, что, мол, буйвол такого-то владельца потому оказался побежденным, что в глаза ему светило солнце. И почти все в разговорах мелят подобную чепуху. И никто даже не думает о жизни, о своей душе. Они проявляют полное небрежение к заботе об увеличении общественного богатства, к вопросам науки, они лишены великого чувства — любви к родине. Словом:

Мертвы, хотя как будто и живые,
Живут, но в сущности мертвы.

Итак, мы вдвоем в сопровождении возницы держали путь к городу Марага. К вечеру мы добрались до деревни Нар, что находится неподалеку от горного перевала Саин.

Между тем стал падать снег. Мы подъехали к дверям одного деревенского дома и попросили пристанища. Нам показали угол в конюшне.

Я сказал:

— Но невозможно же находиться вместе с животными! Дайте нам какую-нибудь комнату, мы заплатим за наем столько, сколько спросите.

Тогда нам ответили:

— Другого помещения у нас нет, мы сами вынуждены здесь жить.

Тем временем возница вскипятил немного воды в кувшине, мы приготовили чай и поужинали вареной курицей.

Снегопад продолжался до самого утра, и снег покрыл землю больше чем на ползара. В Египте мне никогда не случалось видеть снег, да и здесь я встретился с ним впервые, и зрелище это меня потрясло. Все дороги были занесены, и мы решили переждать еще день. А ночью пришло известие, что неподалеку от перевала сбился с пути из-за снегопада какой-то караван и остановился, побросав свои товары. Два человека и двадцать вьючных животных были заметены снегом и погибли.

Итак, в ожидании, пока перевал снова станет доступным, мы целых четырнадцать дней оставались жильцами и соседями животных в маленькой конюшне.

У меня нет слов, чтобы описать всю силу тоски, которая охватила меня тогда. Уважаемым читателям не потребуется большого воображения, чтобы представить себе, каково было мое состояние. Человек, который никогда в жизни не видел снега, не испытывал холода и во все время путешествия на пароходах и поездах занимал места первого класса, жил в лучших отелях цивилизованного мира, и вдруг вынужден пребывать четырнадцать дней в подобном месте! Если бы между Ардебилем и Марагой была выстроена железная дорога, то путешествие это заняло бы не более шести-семи часов и было бы спокойным и удобным. Дороги, увы, нет и не предвидится!

В конце концов после нашего четырнадцатидневного собеседования с животными из-за перевала прибыл караван и принес известие, что дорога очистилась и можно переходить перевал. Мы быстро собрались и тронулись в путь.

Оставляю на ваше воображение те трудности, которые мы испытали, карабкаясь вверх и сползая вниз. Несчастные иранцы привычны к таким трудным путешествиям, но всякий иностранец, познавший эти пути, не может надивиться выносливости иранцев и полнейшему нерадению властей к этим вопросам. Кто не знает того, что нынче весь земной шар опоясали железные дороги? Негры Абиссинии и Судана, дикари Африки пользуются этим благом, и только горемычные иранцы по-прежнему его лишены.

Если уж государство и власти сами не в состоянии это сделать, то почему же они не предоставят это дело честным иностранным компаниям и не оградят рабов божьих от опасностей, связанных с передвижением по труднодоступным дорогам, почему не защитят членов своего общества от смертельного риска таких путешествий? Клянусь творцом, на всем земном шаре нет ни одного уголка, где бы жизнь маленьких людей была сейчас столь униженной и нищей.

К примеру, поступает сообщение: «Вчера на такой-то вершине или в таком-то ущелье караван был засыпан снегом, десять человек и двадцать вьючных животных погибло». И никто не подумает, что у каждого из этих

десяти человек пятеро-шестеро детей и другие родные. И всем о них горя мало, кроме обездоленной семьи. Да и гибель вьючного скота тоже, естественно, наносит ущерб благосостоянию страны.

Кроме того, ведь этот раз снег выпал раньше времени, так как зима еще не наступила, и то мы были задержаны на четырнадцать дней. Храни нас господь от путешествия в зимнее время!

Итак, за шесть часов, претерпев тысячи мучений, мы в конце концов дотащились до вершины перевала Саин, а затем целых пять часов таким же образом, то пешком, то верхом, спускались в низину, пока не добрались до жилья. Это местечко относится к селениям, входящим в округ города Сараба. Все эти селения большие и плодородные, но в том месте, где мы остановились, климатические условия очень плохи.

После небольшого отдыха мы снова тронулись в путь и на третий день прибыли в деревню под названием Саригийе. Возница сказал нам, что в этой деревне находятся таможенники, взимающие пошлину с едущих в Марагу; здесь мы сможем накормить лошадей и, отдохнув часа два, следовать дальше.

Мы спешились у ручья и расположились на земле. Вижу, из небольшой хижины, находящейся поблизости, выходят три человека и направляются к нам. Мне стало ясно, что это и есть таможенники.

Но в это же самое мгновение появился караван, прибывший из Мараги. Таможенники окликнули проводника:

— Эй, предъяви бумагу!

Проводник вынул из-за пазухи клочок бумаги шириной в три пальца и длиной в пять пальцев и протянул одному из таможенников.

Внимательно наблюдая, я заметил, что этот жалкий таможенник не читал бумагу, а заглянув на оборотную сторону, пересчитал рисунки, которые там были. Сначала я очень удивился, но потом мне на память пришла поговорка о неграмотных людях: «Он читает белизну бумаги, а не ее черноту».

— Земляк, разреши я взгляну, что написано в этом паспорте, — сказал я.

— Это не паспорт, это — «бумага», — возразил он.

— Ладно, не все ли равно, пусть будет «бумага», — ответил я, — и прочел следующее: «Груз, состоящий из сорока трех вьюков сушеных фруктов, принадлежащий такому-то, пропустить и не задерживать». На обороте документа были изображены сорок три кружочка. Тогда мне стало совершенно ясно, что ни один из этих трех таможенных чиновников не владеет грамотой. Это еще более увеличило степень моего изумления. Я хотел было кое-что сказать, но Юсиф Аму подавал мне знаки, заклиная молчать. Бедняга боялся, что одно мое неодобрительное слово вызовет ответную грубость и послужит причиной скандала и неуважительного отношения ко мне.

Исполняя его желание, я прикусил язык, и мы поехали дальше. Уже по дороге я спросил у нашего возницы:

— Почему же начальник таможни принимает на службу неграмотных людей? Как это власти мирятся с таким ненормальным положением?

— А таможня никакого отношения к властям и не имеет. Начальник берет ее в аренду и назначает чиновников по собственному усмотрению. В нашем государстве много всяких учреждений, которые, как и таможни, отдаются в аренду, — например, областные полицейские управления и прочие. Нередко случается, что тот, кто берет в наем и становится начальником, не знает грамоты. Тогда он нанимает себе для ведения всех дел писца. А сами начальники прекрасно распоряжаются палками да плетками. Они сами себе хозяева в деле наказания народа, а отвечают перéд властями только за аренду — и все.

— Бабá, да в своем ли ты уме? — возмутился я. — Ужели полиция тоже сдается в аренду?

— Клянусь твоей бесценной душой! — воскликнул он. — Если кто-нибудь в Ардебиле сегодня наберет немногим более сотни туманов как плату за наем, то завтра же он владеет полицейским управлением. Но вот как назначается начальник полиции — чего не знаю, того не знаю.

— Очень хорошо, — сказал я, — откуда же берут они деньги для уплаты аренды?

— С каждой лавки ежемесячно взимается по одному крану под видом сбора на содержание ночной стражи, однако этого, конечно, недостаточно. Основной доход идет с жалобщиков да с купеческих сынков: каждый вечер кого-нибудь клеветнически обвиняют в разврате и пьянстве и взимают с каждого по сорок-пятьдесят туманов под видом штрафа. Полицейское управление располагает для этого колодками и цепями, а иной раз — и орудиями пыток. . .

Тут Юсиф Аму не мог больше сдерживаться и закричал:

— Аму-джан,[159] довольно! Направьте свой разговор в другую сторону! — и, обращаясь ко мне, прибавил:

— Господин бек, хоть мне и хотелось бы помолчать, но я больше не в силах терпеть! Свет моих очей, ради бога, не веди ты разговоров на такие темы со всяким встречным и поперечным в этих диких местах! Боюсь, не вышла бы тебе какая-нибудь неприятность от этого неотесанного люда. Кто тогда за нас заступится?! Кого звать на помощь?! Поистине, в этой стране достаточно всяких Назим ал-Мулков, Назим ас-Салтане, Назим ад-Дауле,[160] это на их обязанности лежит устройство государственных дел. Какое нам дело до всего этого?! Что пользы от твоих протестов и споров?

— Твоя правда, Юсиф Аму, — вздохнул я, — я и сам это хорошо понимаю, но что делать? Не могу я спокойно смотреть на все эти безобразия. Ты хочешь, чтобы язык мой онемел, а уста замкнулись, что ж, пусть будет так.

После этого разговора мы долго ехали в молчании.

Через шесть часов мы достигли вершины холма «Аллах-Акбар», с которого была хорошо видна Марага. Затем мы спустились вниз, и тут я увидел, что возле самой дороги сидит группа людей, человек пять-шесть. Глаза и рты их были заплывшие и перекошенные, носы и губы провалившиеся — не дай бог никому видеть такое зрелище! Я бросил им кое-какую мелочь, а когда мы тронулись дальше, спросил у возницы:

— Что это за люди и что они здесь делают?

— Их согнали с родных мест, — ответил он, — и поселили здесь, чтобы они не заразили других. — Он указал на подножие холма, где видна была небольшая деревня, и добавил:

— Все жители там — прокаженные, среди них есть и торговые люди, и даже помещики. Те, что бедны, целыми днями сидят здесь по пять-шесть человек, соблюдая между собой очередность, и просят милостыню у путешественников, а ходят они вон через тот перевал.

Когда я услышал эти жестокие слова, сердце мое пронзила жалость к этим страдальцам, и я не мог сдержать слез.

Возница спросил:

— Разве в окрестностях Ардебиля ты не видел подобных больных?

Я ответил, что не видел.

— Да там ведь очень много таких, — спокойно сказал он.

Все потемнело у меня перед глазами. Это было первое горе, с которым я встретился при въезде в город Марагу.

Вскоре мы достигли городских ворот и увидели крепостную башню.

— В наше время, казалось бы, нет необходимости иметь в городе подобные башни и ворота, — обратился я к вознице.

— Несколько лет тому назад, — ответил он, — этот город был обнесен стеной, но постепенно она разрушилась, и ворота тогда убрали. Но вот случилось так, что курдский шейх Абдуллах по велению своего несовершенного разума поднял знамя мятежа и напал с большим отрядом курдов [161] на селение Миандаб. Множество несчастных жителей этого села, и мужчин, и женщин, стало жертвой их беспощадных мечей. Вот тогда-то вновь отстроили эти ворота и возвели некоторые укрепления.

— А тогда разве город не имел никакой охраны? — спросил я.

— Да вразумит господь твоего отца! — отвечал он. — Разве у этих городов хоть когда-нибудь была охрана? Жители города сами защищались, как могли, от этого страшного натиска. Два месяца оборонялись они от курдов и отстояли город. И только через два месяца прибыл полковник Мухаммад Хусайн-хан и окончательно разделался с этими курдами.

Тем временем мы въехали в город и остановились в караван-сарае, известном под названием «Большой караван-сарай».

Поскольку у нас не было ни постельных принадлежностей, ни других вещей первой необходимости, я обратился к даландару [162] со словами:

— Мы — иностранцы, и у нас нет с собой многих нужных вещей. Пожалуйста, возьмите на базаре внаем на несколько дней кое-какие вещи, ковры и прочее, что следует, за любую цену.

— У нас это не в обычае, и вещей тут внаем не сдают. А лучше я принесу вам все, что полагается, из дома.

И действительно, он приготовил для нас все, что было необходимо, а я тем временем расплатился с возницей.

Солнце близилось к закату — наступило время молитвы, поэтому я поспешил совершить омовение и встал на молитву. После чая и легкого ужина мы сразу же улеглись спать, чтобы хоть немного отдохнуть от всех испытаний пути, который равен пяти дням езды, но его нам пришлось проделать в двадцать дней. Ночь прошла спокойно, и мы проснулись, когда солнце уже подняло одно свое копье. Я велел поставить самовар и попросил Юсифа Аму сходить тем временем купить хлеба и сыра, чтобы нам было чем позавтракать.

Он ушел, а через некоторое время вернулся, держа в руках только хлеб — сыра не было.

— Кроме лавки булочника, все остальные лавки закрыты, — сказал он. — Не знаю, что сегодня за день.

Мы позвали одного из носильщиков караван-сарая и спросили, почему закрыты лавки.

— Да ведь сегодня пятница, из-за того и закрыты, — ответил он.

Сердце мое возликовало: «Значит, в этом городе сильны мусульманские обычаи. Ах, как хорошо! Благословение да будет над всеми мусульманами города!».

Пришлось нам довольствоваться чаем с одним хлебом без сыра.

Поблизости от нашего помещения находилась худжра [163] одного местного купца. Я заметил, как он вышел из дверей, а через некоторое время к нему подошло человека три, и он, закрыв худжру, присоединился к ним. Переговариваясь, они направились ко мне. После взаимных приветствий один из них почтительно обратился ко мне:

— У меня к вам есть предложение, не соизволите ли вы принять его?

— Сделайте милость, скажите, — отвечал я.

— Нам стало известно, что вы только недавно прибыли сюда и недостаточно хорошо знаете обычаи нашей страны. В пятничные дни все лавки этого города закрыты, поэтому в городе пусто. Нам не хочется, чтобы вы оставались в одиночестве. Поэтому мы просим оказать нам любезность и быть сегодня нашим гостем — мы собираемся совершить прогулку за город.

Чувствуя, что их слова благожелательны и непритворны, я отвечал:

— Принимаю приглашение и очень признателен за внимание к нам, находящимся на чужбине.

Итак, мы отправились все вместе и, беседуя, вышли за городские ворота.

Недалеко от городских ворот я увидел широкую реку, которая, пенясь и клубясь, низвергала свои воды с небольшой высоты. Шум разбивающейся о камни воды бывает слышен в ночное время на расстоянии полуфарсанга от города.

Пройдя еще немного, я увидел, что оба берега реки усеяны людьми — там и тут сидят группами жители города всех сословий, и подле каждой группы разостлан ковер, на котором чай, кальян и котел с пловом. Сидящие, сняв сюртуки и аба, сшитые по большей части из отличного сукна, и развесив их на деревьях, наслаждаются полным покоем и отдыхом: здесь поют и играют на музыкальных инструментах, там — борются или занимаются разными играми; все население города развлекается и веселится, словом, зрелище до крайности приятное, хотя и несколько непривычное.

Мы проходили мимо этих групп, и от каждой к моим попутчикам неслись приглашения: «Во имя аллаха, пожалуйте к нам! К нам!» — на что они отвечали приветствием и проходили мимо. Таких приветствий и приглашений мы получили со всех сторон чуть ли не триста — можно было подумать, что таков обычай этой страны.

Мы обогнули небольшой холм и очутились на берегу красивого водоема, возле которого сидело несколько человек. Увидев нас, они поднялись и единодушно нас приветствовали. Оказалось, что эти люди — знакомые наших гостеприимных попутчиков.

Мы поздоровались и сели. Нас познакомили, и, обменявшись обычными любезностями, мы приступили к беседе.

— Откуда вы родом? — спросили у меня.

— Мы — иранцы, но живем вдалеке от своей родины, — отвечал я.

— Скажите, — спросил они, — те края тоже спокойны? Люди там тоже могут проводить время в удовольствиях и веселии?

— Нет, — возразил я, — в тех краях много врачей; они быстро лечат подобные болезни.

Один из собеседников спросил в замешательстве:

— Что вы хотите сказать?

— То, что в тех краях нет таких болезней, — повторил я.

— Разве мы нездоровы?

— Да, такое состояние — своего рода безумие.

Я заметил, что некоторые при этих словах нахмурились.

— Дорогие господа! — воскликнул я. — Будьте великодушны и простите меня за все, что вы услышите. Я ведь — чужеземец, прошу вас, отвечайте мне по справедливости. Вчера я приехал в ваш город и увидел возле него целое поселение, устроенное для больных проказой. Вы и сами видели степень их нищеты; да избавит меня бог от подобных зрелищ! А ведь это ваши соотечественники и братья по вере! И следовало бы вам призадуматься о том, чтобы построить больницы для их излечения, — оно ведь возможно и легко удается на первой стадии заболевания, тогда ваши

братья и граждане не жили бы в нечеловеческих условиях, как какие-то дикие звери пустыни в пещерах и у подножий гор. Я так прикинул, что на берегу этой реки, которую вы избрали местом своего приятного времяпрепровождения, вас собралось приблизительно тысяч около трех, и каждый из вас потратится сегодня по крайней мере на один кран — в сумме это даст триста туманов. А за все весенние и летние месяцы на эти ваши еженедельные развлечения расточаются суммы, достигающие шести-восьми тысяч туманов. И вот что поразительно — вы еще ликуете и похваляетесь таким мотовством и легкомыслием и считаете такое времяпрепровождение одним из самых больших удовольствий. Увы, сто раз увы!!

Один из присутствующих поднял голову и сказал:

— Дорогой брат и гость, не омрачай наше веселье!

Прочие молчали и хмурились.

Тут я заставил себя удержаться, прикусил язык и был еще рад, что дело не дошло до побоев. Вскоре тема разговора переменилась.

Близился вечер. То там, то сям открывались крышки больших котлов с пловом и челавом. На обоих берегах реки поднялся к небу такой шум голосов, что за ним перестал быть слышен ужасный грохот водопада. И повсюду на протяжении двух миль жители города начали стелить скатерти, усаживаться вокруг них и приниматься за еду.

Покончив с едой, собрали скатерти, еще немного посидели после заката, и мало-помалу толпы гуляющих стали расходиться, направляясь в сторону города. Мы тоже пошли на свою квартиру.

Расспросив кое-кого, мы узнали, что жители города ведут этот обычай еще с давних времен. По причине ограниченности ума и по легкомыслию они никогда не стремились к расширению торговли в своей стране и всегда проводили время в такой беспечности, безделии и лени.

Уже с четверга они начинают готовиться к своим увеселениям, а все субботы уходят у них на обсуждение случившегося за пятницу: тот-то покинул одну группу и присоединился к другой, такой-то был там-то, а вот мы ели плов с этакой приправой — и тому подобные толки и пересуды.

На следующий день около полудня мы пошли помолиться в пятничную мечеть, которая находилась в районе караван-сарая, неподалеку от нашего жилища.

Возле мечети расположилось медресе с помещениями для учащихся, а посреди двора был водоем с чистой водой.

Совершив омовение, мы вступили в мечеть. Вдруг я заметил склад дынь, который был устроен в одном углу святой мечети. У меня потемнело в глазах от этого зрелища. Гляжу в другую сторону — вижу, сидят два человека. Подойдя ближе, я спросил у одного:

— Дядюшка, чьи это дыни?

— Мои дыни, — ответил он.

— Чья же это лавка?

— Ты что, праведный человек, не видишь разве, что здесь мечеть, а не лавка? Да и где это видал ты такие большие лавки?

— А мечеть чья? — спрашиваю я.

— Мечеть — ничья, это храм божий.

— Сколько же ты платишь за аренду?

— Ничего не плачу, — удивился он.

— А угодно ли господу, чтобы ты, не платя аренду, складывал свои дыни в это святое место и торговал ими?

— А почем я знаю, — отвечает.

— Эх, дядюшка, не боитесь вы все бога! Это место господь даровал нам для почитания и прославления его. Сюда ни один мусульманин не может войти, так же как и выйти, не соблюдая особых правил. Мы должны уважать наши мечети, а вы устраиваете в них склад дынь. Такой грех позорит и оскорбляет честь мечети, веры и шариата. Может, ты слышал, что христиане продают арбузы в своих церквах?! Нет у тебя стыда ни перед богом, ни перед пророком! Некий мусульманин выстроил эту обитель, чтобы исповедующие ислам собирались здесь и, прославляя единого бога, творили намазы и преклоняли колени, чтобы улемы читали здесь людям проповеди и наставления и просвещали бы их в самых насущных вопросах шариата. Этот храм создан для того, чтобы мусульмане молились в нем за своих усопших и просили у бога отпущения грехов. Именно здесь мусульмане молят господа увеличить великолепие ислама и даровать падишаху ислама победу над врагами истинной веры, дабы объединил он мусульман величием своего «Предвечного слова» и уничтожил бы обман и разногласия, царящие среди них. Разве в вашем городе нет истинного богослова? Или улемы вашего города не боятся всевышнего? Почему они не возьмутся за уничтожение таких мерзких дел, которые ведут к гибели величия ислама и противны мусульманским обычаям? Как они будут держать ответ перед богом в день воскресения и страшного суда?! Господи!!! Как мне найти избавление от этих бесконечных горестей?! Не знаю уж, за какие мои прегрешения на каждом шагу на меня сыпятся новые и новые беды! Да разве это мусульмане? «Увы, коль за сегодняшним такой же день придет!».

Старик, не постигая, как видно, моих душевных терзаний, чтобы смягчить свой проступок и немного утешить меня, сказал:

— Ага, это ведь не круглый год. Только на месяц или на два мы складываем сюда дыни.

Как потом мне удалось установить, в этом городе существует более ста мечетей и шатров для религиозных представлений, но они вечно закрыты, за исключением месяца мухаррама,[164] когда устраиваются мистерии в честь святого имама Хусайна — да будет над ним мир! Тогда, в дни мухаррама, эти мечети вовсю блистают— с предельной пышностью в каждой из них проводятся церемонии траура и оплакивания, повсюду кормят нищих и дервишей. Знаменитые богословы и проповедники без устали и днем и

ночью повествуют с кафедр о мучениях святых имамов — да будет над ними мир! — об их великих деяниях и о несчастьях, постигших семейство пророка — да будет над ним милость божия! И эти проповеди у всех встречают одобрение и хвалу.

Однако в остальные одиннадцать месяцев мечети закрыты, все принадлежности для молитв заперты и покрываются пылью и грязью. Все это достойно величайшего сожаления! Один говорит, что в этом виноваты улемы государства, другой все сваливает на губернатора области. Есть такие, что говорят: «Баба́, это все вина народа, не может же губернатор их силком тащить в мечеть, надо, чтобы люди сами болели душой за ислам и свои храмы, чтобы не творили намаз поодиночке в своих домах, а собирались бы вместе и молились». Да разве кто-нибудь примет вину на себя?

Я уверен, что виновны все три группы, потому что все они забыли свои обязанности и свой долг и не помышляют о защите справедливости, о любви к родине и о человеческих правах. Сословие ученых не почитает свою родину, губернаторы областей не заботятся о народе, а народ не считает для себя обязательным подчиняться постановлениям властей. Ясно, что при таком положении невозможно найти пути к исправлению дел.

В этой области нет ни памятников старины, ни зданий, заслуживающих внимания, за исключением немногих сооружений эпохи хулагидов,[165] но и они почти развалились из-за невнимания хозяев государства, так что теперь от них остались лишь руины.

По мнению самих жителей, город Марага — самый крупный город в Азербайджане по производству продуктов. Со всех четырех сторон на расстоянии двух-трех фарсангов его окружают сады с разнообразными видами винограда и плодовых деревьев.

Торговля этой области в основном состоит из вывоза сушеных фруктов на очень крупные суммы. Только жаль, что здешние жители до сих пор не принимают никаких мер по улучшению ухода за садами и увеличению урожаев фруктов, растят сады так же, как их отцы и деды, не ведая о земледельческих и сельскохозяйственных науках.

По причине этой крайней нерасторопности владельцев земли здесь за последние годы развернули дело несколько армян, русских и иранцев. Они прибыли сюда с небольшими суммами и за малый срок на торговых операциях с фруктами нажили миллионы, нанимая себе в качестве работников самих же землевладельцев.

Но самое большое зло, зло, против которого нет средств, — это распространение среди нашего народа обычая курить терьяк. Большинство жителей разных сословий подвержено этой трудноизлечимой болезни.

Многие нечестивцы, стремясь освободиться от обязанностей совершать намазы, соблюдать пост и закат[166] и ходить в хадж, бросили истинную мусульманскую веру и, рискуя счастьем своей земной и загробной жизни, примкнули к религии Баба,[167] которая является чистейшим безбожием и язычеством. По их учению, основная причина всех неурядиц — это

безработица и отсутствие просвещения. Но если бы у каждого человека был бы кусок хлеба и хоть немного знаний, он никогда бы не вошел в это сообщество, цель которого — ниспровергнуть весь мир.

В этом обществе наблюдается сильное влияние нескольких бессовестных вельмож и жестоких догматиков, т. е. тех ученых бездельников, которые хулят все доброе.

Главарь этой группы, замышляя, как известно, возродить еретическое учение «Аламута»,[168] использует в своих целях притеснения правителей и невежество народа, задавленного предрассудками. Он с самого начала жалкими подачками обещаний, на которые падок народ, обманывал его, а после того как полетели головы с плеч и были разрушены дома, он бесстыдно поднялся еще выше, чем прежде, и завопил: «Я твой бог, а не Али!».

Ради удовлетворения своего мятежного духа, движимый враждой к некоторым тиранам, этот злосчастный закрыл глаза на интересы родины и права своих сограждан и бросил огромный камень раздора. Исступленно жаждая власти, он воспользовался как предлогом для создания своего общества тяжелым положением государства, которое является его родиной и хранит прах его предков. Он в полной мере проявил свой страшный нрав и возрадовался тому огню, который зажег. Страдая постыдной болезнью, причиняющей ему тяжкие муки, отчаявшись излечиться, он поднялся на спор с самим господом богом. А имея такое лицо, при взгляде на которое и стена содрогнется от отвращения, он принял на себя титул «Благословенное совершенство».

Удивительнее же всего то, что он, как довелось слышать от верных людей, похвалялся в припадке тщеславия перед своими приближенными: «Я, используя в Иране свое могущество, затею крупную игру и так или иначе выиграю ее, потому что Наср ад-Дин шах, уничтожая людей за принадлежность к бабизму,[169] полагает, что искореняет бабизм, но в действительности-то уничтожает иранцев, а это нам только на руку».

Господи правый! Посмотрите только на черствость этого сердца! Можно подумать, что он сам из Америки или Африки, что его не осилит и огонь, а остальные иранцы — прах, пепел, и он может спокойно отправлять соотечественников на смерть и еще похваляться своей бесчеловечной жестокостью!

Если внимательно вчитаться в его религиозные книги, то по сути дела нельзя увидеть в них ничего, кроме напыщенных и громких арабских и персидских слов, вроде: «великое дело», «славное перо», «совершенство поступи», «священные лица», «великие ветви» и прочее, и прочее.

Он внес свои изменения и в предписания святого шариата, и выведенные им законы, как теперь очевидно, смешаны из священных книг зороастризма,[170] христианства, маздакизма,[171] исмаилизма[172] и даже с примесью язычества, но выражают они одну сущность — властолюбие и безверие.

В Италии во многих городах поставлены бронзовые статуи Колумба, первооткрывателя Америки, и надпись на их основании гласит о том, что люди считают его великим «патриотом» и всемерно почитают. Так вот и этот господин, т. е. глава бабидов,[173] разрушающий свою родину и льющий кровь своих соотечественников, тоже присвоил себе высокое имя патриота, а сам отсиживается в чужих краях.

В каждый религиозный праздник он, выманив разными хитростями у своих простодушных сограждан большие суммы под видом сборов и богоугодных пожертвований, одаривает ими чиновников иностранных государств, чтобы самому жить спокойно. И эта милая личность, научившись сплетать по-арабски рифмованную прозу, выдает свои словеса за божественную книгу откровения, а себя за божьего наместника! Бедняга не ведает о том, что:

Не всяк, кто шапку заломил и гордо сел на трон,
На самом деле управлять страною одарен.

Короче говоря, все это — лишнее доказательство бедственности Ирана и иранцев. В Египте мне каждый день доводилось слышать о положении бабидов. Эти несчастные, живя в сирийском городе Акка, ни одного часа не проводят со спокойным сердцем. Всякий раз, когда происходят какие-нибудь перемены в тамошнем правительстве или же назначают нового губернатора, они до тех пор не могут быть спокойны, пока различными подарками и подношениями не расположат его к себе. Если же они замешкаются с подношениями и взятками, то власти так или иначе вынудят их к этому.

Хотя вслух иностранные чиновники величают их руководителя «Шейх персов», но про себя они отлично знают, какой ему уготовлен конец. Однако поскольку чиновники эти получают большой доход от подношений бабидов — они их не трогают.

Тема эта выходит за пределы моих путевых заметок, и я не слишком вникаю в дела религий и толков — сокровенное божье дело, ибо считаю:

Пусть даже целый род людской в неверных обратится,
Его величье и тогда ничем не замутится.

Однако мой неисцелимый недуг — любовь к родине заставляет меня недоумевать, как же мои соотечественники из высших кругов смогли допустить такую смуту внутри своей нации, как позволили обмануть себя кучке честолюбивых невежд, не отличающих правой руки от левой? Мне совершенно ясно, что главная причина и этой напасти заключена в нерадивости правителей и улемов государства.

Итак, сердце мое пресытилось пребыванием в Мараге. Жалкое положение города еще более усилило мои переживания.

Жители города, как я уже говорил, в своей жизни довольствуются лишь хлебом насущным, они не стремятся сделать ни шага вперед, лень

и легкомыслие впитались в их плоть и кровь. В то время как один из братьев, изгнанный, скитается, пораженный страшным бичом — проказой, другой брат беспечно веселится на берегу реки. Многие предаются курению опиума — неизлечимому пороку, который страшнее всякой проказы. И никто не ведает о том, что «любовь к родине — превыше жизни», а некоторые, хотя что-то об этом и слышали, сидят по углам и, отвергая великие заповеди истинной веры, которая была принесена народу ради его прозрения, обучения и устройства всех дел, предпочитают этим заповедям суфийские толки, которые и составляют суть всех жизненных неурядиц. Они говорят: «Понятие любви к родине не подразумевает какой-то реальной родины, это не Египет, Ирак или Сирия. Родина — это безымянный край». Истинное значение слова «родина» в их ошибочном понимании — это потусторонняя жизнь.

Однако наш великий пророк — да будет над ним мир! — надевал на свое тело кольчугу и опоясывал себя мечом не ради любви к потусторонней родине и не для ее защиты. В дни своего появления в Мекке он произнес священную речь, смысл которой суть: «Любовь к родине — превыше жизни», имея в виду, конечно, не загробную родину. Клянусь единым богом, что он подразумевал именно Мекку, ее стены и жилища, ту Мекку, которая была отечеством и родиной святого пророка, где он провозглашал свои вдохновенные откровения, указуя мусульманам праведный путь.

Посему всем благочестивым и ревностным мусульманам надлежит глубоко восприять идею любви к родине из этого источника божественной благодати. Им надобно понять, что родина, которую мы призваны любить, — это и есть та святая земля, где мы появились на свет, где живет наша семья, наши дети, где находятся могилы наших предков. И любить родину — значит встать на защиту всего этого. Вот священный наш долг!

Краткий вывод из путешествия в Марагу. Как мы уже имели случай писать и как опять подтвердилось наблюдениями, в иранском государстве, «куда ни пойдешь, везде небо одного цвета»: никто не думает о развитии торговли и нигде не видно следа деятельности на пользу государства и народа.

Жители этого города, как простые, так и знатные, как слабые, так и могущественные, понятия не имеют ни о прогрессе, ни о цивилизации.

Мертвы, хотя как будто и живые,
Живут, но в сущности мертвы.

После полудня мы тронулись из Мараги в Банаб.[174] Прибыв туда вечером, мы наняли худжру в караван-сарае, предназначенном специально для путешественников.

Свершив намаз и напившись чаю, мы с Юсифом Аму отправились осматривать селение.

В этом селении есть базар и небольшая площадь перед ним, однако караван-сарая для купцов нет.

Выйдя с базара, мы убедились, что это селение, хотя оно и входит в округ Мараги, представляет собой самостоятельное большое населенное место и имеет крепость.

Дома сложены из необожженного кирпича, стены обмазаны глиной. Однако не видно было ни одного каменного дома.

Основную продукцию и средства к жизни здесь, так же как и в Мараге, составляют фрукты, свежие и сухие, но проточной воды нет совсем, и сады орошаются из колодцев.

Жители селения трудолюбивы, не расточительны и довольствуются малым. Они честны и потому среди них нет соперничества и стремления разорить друг друга. Хотя они неграмотны и необразованны, нравов их не коснулась порча, они добродушны и дружны между собой. К их похвальным качествам относятся также гостеприимство и доброе отношение к приезжим.

Еще будучи вдали от Ирана, я уже слышал о благородных человеческих качествах некоего ага Али Кази, о его благочестии и патриотизме, коими снискал он для себя высокое место в раю. Здесь я вновь увидел, что люди отзываются о нем с большим почтением. Все единодушны в своих похвалах доброму имени этого деятельного ученого. В частности, рассказывают, что если бы во время смуты и восстания шейха Убайдуллаха [175] — да приобщит его господь к Убайдуллаху ибн Зияду! [176] — здесь не было этого великого мужа, то злобные курды, подчиняясь своему бессовестному заблудшему шейху, разрушили бы это селение так же, как Миандаб, и жителей его сделали бы жертвой своих несправедливых мечей.

Слава богу, что сей ревностный человек, подняв народ на оборону от толп шайтанов, превосходящих количеством тучи саранчи, мужественно препятствовал их вступлению в село. Да помилует его господь в день страшного суда наравне со святым пророком и славнейшими потомками его! Я слышал также, что в благодарность за верную службу правительство присвоило ему титул Сайф ал-Улама [177] и что во всем Иране только он один был удостоен этого титула.

Я узнал в Азербайджане и о другом улеме, который в своих поступках был полной противоположностью первому: без всякого сопротивления он открыл ворота большого города врагам. И на страницах истории вовеки будут читать имена этих двух людей, называя одного вдохновителем победы над врагом, а другого — открывающим ворота врагу, и поминать одного с уважением, а другого с проклятием.

Итак, после небольшой прогулки мы возвращались на свою квартиру. Вдруг на площади, через которую мы шли, я увидел большую толпу людей; они громко вопили в один голос: «Йа, Али!».

— Пойдем-ка, посмотрим, что там происходит, — сказал я своему спутнику.

Подойдя, мы увидели группу торговцев и крестьян, сидевших кружком на земле. За их спинами толпилось множество людей, а внутри круга стояли два дервиша и несколько маленьких мальчиков. Они произносили молитвы и повторяли божьи эпитеты и имена.

Потом дервиш сказал:

— Кто крикнет «Йа, Али!» в третий раз громче всех, того сам господин наш Али сделает своим другом в потустороннем царстве.

При этих словах он сам, приставив руки ко рту, завопил зычным голосом: «Йа, Али!», и все люди, которые были там, а их было около двухсот, повинуясь ему, испустили единодушный клич: «Йа, Али!».

После этого дервиш достал из-под своего аба две или три коробки и, творя какие-то заклинания, начал открывать крышки. Ну и ну! Из коробок стали выползать красные, черные и пестрые змеи и шипели на все лады!

Дервиш тем временем приговаривал:

— Заклинаю тебя, выйди наружу, во имя любви к отважному Хайдару,[178] о халва, халва, змея-гюрза, гюрза-змея!

Он долго продолжал бормотать всякие бессмысленные слова, пока у него не выступила пена у рта, а затем воскликнул, обращаясь к собравшимся:

— Возденьте вверх руки!

В один миг все собравшиеся подняли руки. Мы с Юсифом Аму сделали то же самое.

Прочтя еще несколько молитв, дервиш сказал:

— Теперь опустите руки в карманы!

Все повиновались, и мы тоже.

Дервиш вознес еще молитву и приказал:

— Все, что у вас в руках, бросайте сюда, на алтарь господа!

И что я вижу? Медные деньги, полшаи и шаи, как дождь посыпались на середину круга. Я тоже бросил полкрана. Вижу, Юсиф Аму смеется, но тоже бросает один аббаси.[179]

Можно себе представить, как этот проныра — странствующий дервиш запугал бедных людей, коли они в простоте своей решили, что если не послушаются его и не дадут денег, то ни в этой жизни, ни на том свете не найдут счастья.

Выманив у них такими уловками деньги, он, однако, и не думал выпускать толпу из своих когтей; теперь он вытащил с сотню каких-то бумажонок приятных расцветок; на них страшными каракулями были написаны молитвы.

Показав их народу, он сказал:

— Это — молитвы «Исми азам»,[180] и незаконнорожденному запрещается на них смотреть. Пусть все незаконнорожденные уйдут, тогда законнорожденным я покажу эти бумаги.

Несчастные люди, до смерти боясь, что кого-нибудь из них сочтут незаконнорожденным, опасались даже отвернуться от дервиша.

Тут на середину круга вышел мальчик-дервиш и стал просить старика:

— Каландар,[181] все они истинные шииты, все угодны они пророку. Клянусь аллахом, тут нет ни лицемеров, ни мошенников. Покажите им эти «Исми азам», не лишайте людей счастья лицезреть их!

Тогда дервиш показал листочки собравшимся.

Издали мне было заметно, что форма этих листочков напоминает саблю Али.

— Цена каждого из этих драгоценнейших даров, — продолжал дервиш, — превыше всех сокровищ мира, но я продам их только по тысяче туманов.

Его напарник возразил:

— Хаджи дервиш, это дорого! У этих людей нет таких средств, а ведь нужно, чтобы простой народ удостоился господней благодати.

Тогда дервиш начал понемногу спускать цену: с тысячи туманов до пятисот, с пятисот до ста, а со ста до одного тумана. Так, постепенно уменьшая цену, они установили ее в два медных шаи и расторговали все эти пестрые бумажонки.

Дервиш заверял, что всякий, купив эту молитву-индульгенцию, разом выполнит оставшиеся ему до конца его дней все религиозные обязанности и получит все то, что причитается совершившим хадж в Мекку и другие святые места. Что, кроме того, исполнятся все его желания, согласные с законом шариата, и что каждый дом, где будет храниться такая молитва, утром и вечером будут посещать ангелы. Если же положить молитву в саван усопшему, то она будет и в могиле охранять его от посягательств злых и темных сил.

Короче говоря, эти демоны в образе дервишей оторвали несчастных людей от дела и заставили два часа простоять под палящим солнцем, а к тому же еще выманили у них все наличные деньги.

Сердце мое сжималось от жалости к этому простодушному люду, и я подумал: «Во имя аллаха, что за странности! Или правители этой страны слепы и глухи, или же им и невдомек истинное назначение власти? Разве не прямая обязанность властей ограждать народ от насилия подобных демонов злого царства?».

Снова заныли мои старые раны, и я сказал Юсифу Аму:

— Ну, хватит! Я сыт по горло этой прогулкой, пойдем домой.

Мы вернулись на квартиру и, совершив намаз и отужинав, легли спать.

Поутру, встав, мы решили съездить в город Урмия и выехали верхом по направлению к берегу озера, носящего то же название.

Вдоль всей дороги тянулись виноградники и плодовые сады; деревни, попадавшиеся на пути, были большие и благоустроенные.

Вдруг у дороги я увидел большую толпу. Приблизившись, я разглядел, что это были солдаты.

Порасспросив, я узнал, что это марагинский отряд возвращается из Тебриза.

Погонщик нас предупредил:

— Ага, будет лучше нам проехать стороной; солдаты в погоне за табаком и спичками могут нас задержать. Если они приблизятся, не позволяйте им задерживать лошадей.

Солдаты шли нестройно, без всякого порядка. Они взвалили по десять-двенадцать ружей на каждого осла, а сами шли налегке и то и дело налетали на встречные сады, рвали плоды и виноград и набивали ими мешки. Владельцы садов и сторожа смотрели на них, раскрыв глаза, и ни у кого не хватило смелости спросить, что же это такое?

Да, воистину:

Пусть лишь яблоко владыка съест у подданных в саду,
Дерево с корнями вырвать злом гулямы не сочтут;
Если царь отнимет силой незаконно пять яиц,
Воины царя на вертел десять сотен кур наткнут.[182]

— Посмотрите на них, — сказал погонщик, — ведь это всё воры. Те из местных жителей, что склонны к воровству да грабежу, идут или в пехоту, или в артиллерию. Выпустят их, как теперь, из казарм, они и начинают воровать да мошенничать. А раз никто их не удерживает и не препятствует им, вот они и обирают преспокойно народ.

Благополучно миновав это место, мы прибыли к вечеру на берег озера Урмия. У берега стоял так называемый «пароход», а попросту — большая весельная лодка, перевозившая с одного берега на другой разные грузы, зерно и овец. Было похоже, что этот «пароход» был выстроен лет пятьдесят-шестьдесят назад, еще при покойном Касим-мирзе, правителе Урмии, человеке просвещенном и энергичном, да так по сей день и перевозит грузы.

Посреди озера расположен остров; на нем этот покойный правитель возвел несколько зданий. Остров называется по-турецки «Ада». Кто знает, может быть, здесь есть месторождение каких-либо редких руд, но до сих пор никому и в голову не приходило разведать этот край. Ведь правительство Ирана не уделяет ни малейшего внимания тому, что могло бы возродить государство и нацию. Разве кто-нибудь потратит свое драгоценное время на то, чтобы рыть землю в поисках руды? Вот и мазандеранские леса, подобных которым, пожалуй, не сыщешь в мире, отданы по нерадению в руки иностранных хищников, а те их вырубают направо и налево. Никто и не подумает спасать это богом данное сокровище, так что́ уж говорить о руде, таящейся в недрах земли!

Итак, на закате солнца мы достигли острова. Лодочник высадил там отару овец, которую перевозил, затем наша лодка поплыла дальше, и мы, помолившись, легли спать. Проснувшись утром, мы увидели, что лодка уже пристала к берегу. Вдали, фарсангах в двух, виднелся город Урмия.

Мы поспешили сойти на берег и, наняв двух ослов, тронулись по направлению к городу. Часа через два мы достигли города и остановились в караван-сарае под названием «Гулшан». В тот день я уже не выходил на улицу.

После обеда Юсиф Аму сказал:

— Я пойду в баню.

— Иди, коли хочешь, — ответил я.

Он ушел, а я направился во двор караван-сарая. Перед комнатами, отведенными для путешественников, находился склад — там чистили желтый кишмиш и сабзу и складывали в коробки для отправки в Россию. Я немного посмотрел на это и заметил, что среди работников, наполнявших коробки, царит какое-то странное возбуждение; можно было подумать, что дело вот-вот дойдет до кулаков и оплеух.

Я прислушался внимательнее. Слышу, один говорит:

— Все эти нематиты [183] трусы.

Другой возразил ему:

— Есть ли в мире большие трусы, чем хейдариты? Или ты забыл, как во время одной распри они бросились от нас врассыпную, будто лисицы?

Тут я вспомнил, как покойный отец рассказывал мне некогда о том, что во многих больших городах Ирана ведется постоянная борьба между хейдаритами и нематитами и что из-за приверженности к этим двум сектам многие годы льется кровь, хотя сами сражающиеся понятия не имеют, в чем суть вражды. Случается и так, что победители нападают на дома и лавки побежденных и не останавливаются перед грабежом имущества.

Я спросил у владельца склада с изюмом:

— Почему ты их не угомонишь? Что это за нелепая вражда, которая разгорелась из-за двух названий, не имеющих никакого смысла? Разве они живут не в одной стране, не одной родины сыны и не братья по вере?

Несчастный ответил на это тяжелым вздохом:

— Дорогой брат, не моя обязанность делать внушение этим невеждам. Давать советы и поучать — дело улемов и мудрейших людей города, но они, увы, бесчестны и не только не поучают народ, а, напротив, сами раздувают огонь этой распри, потому что часть из них — сторонники хейдаритов, а часть — нематитов. Они хотят, чтобы народ в слепой приверженности к их группировкам стал подобием бессловесного скота. А особенно нахальные чтецы марсийе [184] являются зачинщиками смут и подстрекателями невежественного люда.

— Трудно даже вообразить, — продолжал он, — как глубоко запали в души темного народа семена этой вражды. Обе стороны порознь уверены, что вражда обеспечит им вечное спасение и что после смерти их без промедления отправят за это в рай. А на деле выходит, что их борьба помогает только чтецам марсийе набивать свои кошельки. Вот эти чтецы и стараются перещеголять друг друга в великолепии и пышности своих молитвенных обрядов, бьют себя кулаками в грудь, избивают себя цепями,

царапают лицо и голову и вытворяют тому подобные вещи, которые большинством великих муджтахидов и улемов почитаются запретными, противны шариату и составляют чистейшее притворство. Все наши мечети, вы сами видите, разрушаются, покрыты пылью и грязью, многие просто закрыты, а эти нечестивцы располагаются прямо на улице возле всяких базаров и караван-сараев, где ходят люди всех национальностей и всякой веры, и устраивают там чтение повествований о мученической смерти шиитских имамов. Они невежественно приписывают себе великую честь славить имя святого предводителя всех мучеников — да будет над ним мир! — не ведая о том, что этот святой завещал не привносить в великое дело веры никакого фанатизма и искоренять всякую ересь. А они, порицая ересь на словах, устраивают на улицах, на глазах у евреев и христиан, свои представления мучений великих шиитских имамов, именуя это поклонением богу. Эти наглые чтецы марсийе, не страшась возмездия пророка, предводителя мучеников, заступника за человечество, расстилают ковры своих представлений на всех углах и во всех закоулках, располагаясь даже там, где седлают вьючных и верховых животных. К нашей беде, и это еще не все. Существует и такая группа людей, которых называют распорядителями мистерий, — да защитит нас господь от одного упоминания имени этой шайки! Они тоже связывают свои представления с именем святого предводителя мучеников и, собирая вокруг себя разных подонков общества, называют их святым именем какого-нибудь народа, относящегося к дому пророка. Вы не можете себе и представить, что они вытворяют за каких-нибудь пять грошей! Боже мой, любой честный мусульманин, видя все эти вещи, за которыми кроется лишь разврат и богохульство, не захочет больше жить! Но удивительнее всего то, что люди этой огромной страны прекрасно понимают истинную суть и мотивы подобных действий, однако не считают, что они вредят их достоинству. Больше того, по окончании месяца мухаррама рассказы об этих распутствах становятся достоянием собраний людей уважаемых и благородных.

— Не буду скрывать от тебя, — продолжал он далее, — уже давно из-за распространения их гнусных идей и деяний в голову мне приходят недозволенные мысли, а на язык просятся богохульства, и тогда, прося господа очистить меня от греха, я стараюсь думать о чем-нибудь другом. При этом я твержу про себя: О Хусайн, да буду я жертвой твоего истинного благородства! Как ты, с твоим совершенством, о коем свидетельствует все сущее на земле, мог допустить в своей борьбе за истинную веру, чтобы в закон великого посланца проникла ересь, чтобы на плечи великих и малых в их благородном служении вере обрушилось бремя таких нестерпимых несчастий, которые не под силу и крепкой горе?! Открой свои проницательные очи и взгляни, как ересью стали подменять поклонение богу и как предводители народа, пустив в ход всяческие хитрости, стремятся подорвать основы шариата. Вместо того, чтобы вести свой народ по пути науки. знаний и единения, как завещали великие

предки, они подстрекают его к расколу и разжигают в нем суеверие. Взгляни, как эти предводители мечут в народ камни раздора из пращи насилия и разделяют общество на хейдаритов и нематитов, одних величают шейхами, а других законниками, как они заняты только тем, что собственными руками каждый день на новый лад разрезают нити единения народа. Они задаются целью разобщить народ и ради своих корыстных и злобных целей нарекают тираном того, кто готов честно служить своей родине, всячески отвращают народ от объединения с ним. Они дают кличку «ференги»[185] каждому, кто хоть немного укоротил свою одежду, и не отвечают на его приветствие. Они признают мусульманином лишь того, кто одет в халат или власяницу, не ведая, как часто в облике человека скрыт дьявол. Короче говоря, они расставляют такие западни в своей охоте за несчастным народом, о которых не додуматься никому другому! Однако позвольте мне больше не говорить об этом, ибо уж лучше молчать.

— Брат, подойди ко мне, и я облобызаю твои святые уста! — воскликнул я. — Я впервые встречаю в Иране такого почтенного человека, который вник во все тонкости болезней нашей родины. Во время своего путешествия, сколь широко ни открывал я глаза и как ни прислушивался к каждому голосу, я не увидел ни одного среди своих соотечественников, кто так постиг бы все эти гнусности. Ни от кого я не слышал таких проникновенных слов, как от тебя, ибо ты носишь в себе дыхание Иисуса. Поистине, ты оживил меня! Да дарует тебе господь долгую жизнь! А теперь скажи мне, разве наши великие улемы в святом Неджефе,[186] указы и запреты которых распространяются на весь Иран, не знают об обычае устраивать таазие,[187] обычае, который хуже всяких языческих обрядов? А если знают и видят, то почему не запретят эти действия, противоречащие шариату, при которых с криками «призываю в свидетели Али!» люди истязают себя цепями, так что по их телам бежит кровь? Почему они не запретят им рассекать себе голову и изводить себя до полусмерти? Ведь никто не может утверждать, что имам — да будет над ним мир! — дал свое согласие на устройство этих таазие. Где это видано, чтобы мечети стояли запущенные и запертые, а люди, сбираясь по всяким закоулкам, избивали себя цепями и полосовали кинжалами головы? Чтобы полуграмотные муллы, взобравшись на деревянные подмостки, в сообщничестве с молодыми наглыми щеголями сбирали вокруг себя возбужденную толпу и называли все это устройством таазие, нисколько не боясь бога и пророка? Да разве такими должны быть таазие? Истинные таазие, посвященные святому предводителю мучеников, должны проходить скромно, в полном благоговении. Люди в молчании и скорби должны внимать рассказу о былых горестных событиях. Проповеднику же надлежит не впадать в ложь, не увлекаться преувеличениями, быть в границах благопристойности и совершать оплакивание с полным соблюдением всех предписаний шариата, ниспосланного нам святым пове-

лителем правоверных — да будет над ним мир и милость божия! Нужно, чтобы мы своими таазие радовали имама — да будет над ним мир! — и слезами траура заливали огонь наших грехов, зная твердо, что в день страшного суда эти слезы будут первым средством избежать адского пламени.

Мой собеседник сказал:

— Возможно, что праведные улемы и не осведомлены о всех подробностях этого ужасного положения, но я знаю наверняка, что если кто-нибудь и расскажет им обо всем, то окружающие их люди встанут на защиту этих заблуждений и не допустят исправления. Особенно будут изворачиваться чтецы марсийе. Эта шайка дармоедов ради десяти туманов готова весь мир бросить в ад, сжечь в нем свою душу, да еще поликовать по этому поводу.

— Отчего же не вмешается правительство?

— Да вразумит господь твоего отца! Правительство только о том и молит бога, как бы сохранить это навеки. Ему выгодно, чтобы народ был чем-то занят, чтобы крестьянство все время находилось в религиозном возбуждении и не задумывалось нимало ни о своем положении, ни о прогрессе, ни о потребностях нашего времени. Чтобы еще больше поощрить бесчестных тунеядцев, которые отвлекают народ, их жалуют почетными прозвищами и титулами, как, например, «Предводитель проповедников», «Царь проповедников», «Слава улемов», «Глава улемов» и тому подобное. Здесь в наших местах одного из таких титулуют «Меч улемов», но если кто-либо поговорит с ним хоть полчаса, то сразу поймет, что он далеко ушел по части разврата и безнравственности. Клянусь творцом, даже базарные гуляки стыдятся слушать те речи, что он заводит среди простых людей. Всякий, кто видел обличье этого мошенника, подтвердит мои слова. Но как бы то ни было, он — обладатель высокого титула, и ему везде открыты двери. Вот линия поведения правительства этой страны.

Я сказал:

— Ну что ж, дорогой брат, спасибо за беседу, прощай! Видно, страданию моему не будет конца. С кем бы я ни вступал в разговоры в надежде успокоиться, разговоры эти только увеличивают мою горькую тоску.

Расставшись с молодым человеком, я вернулся домой.

Люди этого города, как я успел заметить, хорошо одеты; у них открытые приятные лица; в противоположность жителям других городов, они носят длинные кудри, что, являясь распространенным у них обычаем, не может не показаться странным приезжим людям.

Прошло уже четыре часа со времени ухода Юсифа в баню, а он все не возвращался. Подождав его еще немного, я вышел из дома осмотреть лавки, находящиеся поблизости от караван-сарая.

Юсиф Аму вернулся, когда уже близился вечер.

— Почему ты так задержался? — спросил я у него.

— Вы поклялись не ходить в Иране в баню, — ответил он. — Очевидно, вы имели в виду, что не вступите в бассейн, наполненный грязной водой, в котором моются все. Но ведь вы не зарекались вообще ходить в баню. В здешних банях творятся всякие диковинные вещи. Мне хочется, чтобы мы пошли завтра в баню вместе. Вам не обязательно входить в бассейн, вымоетесь в стороне горячей и холодной водой.

— Что ты задумал? — поинтересовался я.

— Вы ведь записываете все, что видите во время путешествия, а в здешних банях есть кое-что любопытное.

— Что ж, раз ты советуешь, пусть будет так! Завтра же и пойдем.

Как раз следующий день падал на пятницу, и мы с Юсифом Аму отправились в баню.

Как полагалось по всем правилам, мы сняли одежду и прошли во внутреннее помещение. Но не успел я сделать и двух шагов, как какой-то человек плеснул мне на ноги целый таз воды, а другой так же поступил с Юсифом Аму. В крайнем замешательстве я посмотрел на Юсифа Аму и спросил у него, что значит такое обливание.

— Пойдемте, посидим на краю бассейна с холодной водой, я все вам объясню, — сказал он.

Мы прошли к бассейну и сели. Я оглянулся и увидел, что по всей бане расставлено тридцать-сорок скамеек и на них возлежат люди и мажут хной руки, ноги, головы, усы и бороды. Одному предлагают чубук, другому несут кальян, третий неспеша угощается чаем.

Юсиф Аму сказал:

— Те, которые плеснули нам на ноги, это банщики, на их обязанности лежит мыть посетителей. В этой бане есть еще несколько таких мойщиков. Теперь мы поступаем в распоряжение тех, которые оплеснули нас водой, а другие уже не должны прислуживать нам.

Итак, нам надо было ждать, пока банный мастер натрет мылом и рукавичкой посетителей, пришедших ранее, и обратится, наконец, к нам. Между тем до нас было еще сорок или пятьдесят человек, а банщиков-то всего десять. Следовательно, нам надо было ждать своей очереди, по крайней мере часа три-четыре.

Юсиф Аму сказал:

— Я нарочно привел тебя сюда, чтобы ты посмотрел и понял, почему я вчера пришел так поздно.

— Но неужели всегда так? Может быть, это только сегодня, по случаю пятницы, нерабочего дня, все пошли в баню? — удивился я.

— Вчера было то же самое, — ответил он. — Говорят, во всех банях города каждый день столько народа.

— А почему эти люди, словно женщины, мажут себе руки и ноги хной? — спросил я.

— Говорят, во-первых, хна смягчает кожу рук и ног, во-вторых, таков обычай и религиозное предписание.

— Это обычай безделья и изнеженности! — возмутился я. — Можно подумать, что они выполнили уже все религиозные предписания и им осталось только покраситься! А имеют ли они понятие о патриотизме, знают ли, какое наслаждение доставляет служение родине? О, неразумные, неблагородные люди! Да тогда уж насыщать голодный желудок — в тысячу раз более праведное дело, чем мазаться краской и нежиться часами в бане.

На краю бассейна недалеко от нас сидели два человека; они умащивали себя и покуривали кальян. Я пододвинулся к одному из них и спросил:

— Ага, вы здешний житель?

— Да, — отозвался он.

— Скажите, с какой целью все эти люди мажут себя хной?

Он посмотрел на меня в крайнем удивлении и заявил:

— Прежде всего, это богоугодное дело. Кроме того, краска смягчает кожу.

Испустив из измученной груди тяжкий вздох, я воскликнул:

— Дорогой ага, вы сначала найдите снадобье, которое смягчило бы ваши сердца! Может быть, вам тогда придет в голову хоть немного призадуматься о прогрессе своей отчизны и о защите ее прав. О близорукие люди, вы живете в критическом и опасном месте и не ведаете, что время выдвигает свои требования! Извне, из других стран, к вам уже тянется рука вражды, а какие-нибудь пятьсот-шестьсот курдских всадников в любой день могут камня на камне не оставить от вашего города. Вы не готовы к защите родины и самих себя. В этом городе, расположенном вблизи от границы, нет ни крепостных стен, ни военных сооружений, которые могли бы защитить от нашествия свирепых врагов. Увы, нет никакого оружия, ни винтовок, ни пушек. И события вас ничему не научили! Только вчера злобный и коварный шейх Убайдуллах перевернул вверх дном весь город и его окрестности, превратив их в груды пепла, а сегодня вы занимаетесь тем, что холите и смягчаете притираниями свои руки и ноги и проводите полдня в бане за занятием, которое пристало разве лишь женщине!

— Сдается мне, ты — араб! — ответил мне мой собеседник. — Удачное место ты выбрал, чтобы покрасоваться! Недаром говорят: «Одинаково неуместно кичиться что в бане, что на чужбине». Эй, человечишко, скажи-ка, какой ты нации? Если в диком пустынном месте тебя застигнет судьба, кто разыщет твой труп? Какую ты исповедуешь веру? По какому обычаю одевать тебя в саван и хоронить? Да во всем твоем существе нет ничего мусульманского! Если бы я был на месте банщика, я не пустил бы тебя и в баню.

Вижу, дело оборачивается худо. Отвечаю:

— Я-то имею все признаки мусульманина.

— Такие, какие имеет каждый еврей! — заорал он.

На этом я прервал разговор и вернулся на свое место. Сердце мое сильно билось. Я крикнул банщика, услышал в ответ «Слушаюсь!» и через мгновение увидел рядом с собой какого-то дьявола — при входе в баню из-за клубов пара я не смог как следует разглядеть его.

— Мастер, принесите мне немного мыла, я помоюсь сам, — попросил я. — Мыло и рукавицу я вам верну в сохранности и уплачу все, что вам причитается.

Он пошел и принес мне мыло. Я намылился два раза и облился холодной водой из бассейна. Принесли было кальян, но я отказался от него. К этому времени вернулся и Юсиф Аму, мывшийся в другом бассейне. Итак, пробыв в бане большую часть дня, мы, наконец, вышли оттуда.

На следующий день мы решили осмотреть городской базар.

Увидев рядом с караван-сараем лавку чулочника, Юсиф Аму сказал:

— У меня нет носков, надо купить пару или две.

С этими словами Юсиф Аму занялся выбором носков, а я присел на каменную скамью возле лавки. Напротив этой лавки через небольшой переулок помещалась лавка торговца аптечными товарами; в ней я заметил красивого юношу лет семнадцати-восемнадцати. Покупатели вились вокруг него словно мухи — не успевал отойти один, как на место его являлись двое, однако никто почему-то не покупал ничего значительного, вся торговля сводилась к покупкам на один аббаси или один-два шаи.

Было ясно, что все это вздыхатели. Юноша как-то особенно любезно прислуживал им, торговал весело и обходительно, и в его лавке не переводилась толпа. Я подумал, что, воистину, «торговля сластями не знает отбоя от покупателей».

Неподалеку от лавки чулочника я увидел человека, который сидел, держа в руках перо и бумагу. Он поглядывал на юношу и что-то писал.

Я подумал было, что это художник, который рисует портрет юноши. Когда я был в Европе, мне случалось там слышать, что многие знаменитые художники пишут портреты красивых девушек и затем продают их за большие деньги. Я подумал, что и здесь развито портретное искусство, и меня это очень порадовало.

Указывая на человека с пером и бумагой, я спросил у старика-чулочника:

— Скажи-ка, дядюшка, как зовут этого художника?

— Молодой человек, где ты видишь художника? — удивился он.

— Да вот человек, который рисует юношу-аптекаря.

Он засмеялся и сказал:

— Дорогой сынок, человек, которого ты принял за художника, вовсе не портретист, а поэт. Он сочиняет юноше стихи. Как уж мне докучают наглые поэты! Ходят здесь то и дело то один, то другой, и все для того, чтобы пококетничать с этим юнцом! Скамейка возле моей лавки ни минуты не пустует от этих бездельников и нахалов. Так уж надоели, что

терпение подходит к концу, даже работа меня не радует. Нет у них никакого стыда!

— А кто этот юноша? — поинтересовался я.

— Его зовут Гулам Али-бек. Из-за своей смазливости он стал известен всему городу, и каждый, и простой и знатный, толкует о нем. Можно подумать, что все поголовно очарованы его красотой и без меры влюблены в него.

Очень удивившись этому, я спросил:

— А как сам юноша? Он тоже плохого поведения?

— Что вы, ни в коем случае! Это старательный и трудолюбивый парень. У него порядочный капиталец, и он ни в чем не нуждается.

— Так ради чего же тогда вся эта суета?

— Да все одна праздность и бесстыдство! — сказал он. — Походи вот день-другой по городу, только и услышишь, что разговор об этом юноше. Часто по вечерам то там, то сям собираются люди, сидят за беседой вкруг свечи, и вся тема их беседы — достоинства этого паренька. Однако он сам никуда не ходит и сидит себе потихоньку дома.

— Дорогой дядюшка, — обратился я к нему снова, — мы — иностранцы и впервые приехали в ваш город. Скажите, что в этом городе достойно обозрения, куда можно пойти погулять?

— Сын мой, город весь таков, каким ты его сам видишь, — объяснил он. — А за городскими воротами есть цветущие зеленые сады, — вот это и есть прекрасные места для прогулок и развлечений. Весной, когда распускаются красные розы, окрестностям нашего города могут позавидовать сады Ирема,[188] они напоминают рай. А сейчас, право, нет ничего красивого, атаки войск бахмана и дея [189] опустошили своим холодным дыханием сады и цветники, даже мы промерзли до костей. Впрочем, на некоторых улицах и на чайном базаре есть кое-какие постройки, интересные для обозрения.

— А как пройти на чайный базар?

— Сейчас выйдите отсюда и сверните направо, увидите источник. Вот и идите вверх по его течению. Он кончается в армянском квартале. Те места тоже не лишены привлекательности.

На этом я прервал нить разговора со стариком-чулочником, а Юсиф Аму тем временем расплатился с ним за чулки. Мы пошли по указанному направлению.

Перед нами открылась большая улица, затем показалось кладбище, мы миновали его, читая молитву, и вступили на другую улицу. Я услышал, что говорят здесь по-армянски, и понял, что мы находимся в армянском квартале.

Пройдя еще немного, я заметил, что под крышей одного небольшого здания висит маленькая вывеска, где написано по-английски «Типография».

Увидев эту вывеску и прочтя название «Типография», я потонул в море радостного изумления. «Как? — подумал я. — Типография! Это

невероятно!». Я зажмурился, затем протер глаза и снова открыл их. Действительно, это была типография, слава аллаху!

Я подошел поближе и, заметив возле дверей типографии какого-то армянина, спросил у него:

— Что здесь делают?

Вместо ответа он спросил меня:

— Бумагу принесли?

Вижу, он спутал меня с кем-то другим.

Отвечаю:

— Да, принес.

— Хозяин ушел и скоро вернется, но слуга его находится здесь. Я позову его, и он принесет ключ от двери.

Он ушел и вскоре вернулся с другим армянином, который тоже спросил у меня, принес ли я бумагу. Я ответил утвердительно. Потом выяснилось, что они приняли нас за купцов из Тебриза, которые должны были привезти им бумагу на продажу. В бумаге у них была большая нужда.

Как бы то ни было, двери типографии отворились, и мы вошли внутрь. Вижу, в одном углу сложены стопки переплетенных книг, в другом лежат непереплетенные.

Армянин, конечно, не мог подозревать, что мусульманин знает английский язык, поэтому я, взяв в руки несколько книг и притворившись несведущим в этом деле, просматривал их, вертя и так и этак. Я обнаружил, что в основном это были протестантские книги, направленные против религии вообще и особенно против чистого ислама, святое слово которого они осмелились толковать по своему неразумению, критикуя и другие мусульманские сочинения. Ясно, что цель таких книг — вводить людей в заблуждение. И хотя такими бессмысленными деяниями невозможно мусульман, наделенных божьей милостью, столкнуть с прямой стези чистого шариата, однако все равно непонятно, зачем иранское правительство допускает в свою страну эти еретические сочинения — источники порчи и зла? Зачем правительство, предавая интересы страны, дает полную свободу приехавшим из Америки и Англии мусульманам и христианам, а они засевают плевелами ереси чистую ниву сердец простого народа и, обосновавшись в мусульманских странах, сочиняют книги, направленные против чистой религии ислама?

Эта скорбь превзошла все мои прежние огорчения, в глазах у меня стало темно.

— Поскольку хозяин еще не пришел, а у нас есть другие дела, мы уходим, — сказал я.

Тотчас же один из армян, приблизившись ко мне, прошептал на ухо:

— Вот уже неделя, как типография стоит из-за отсутствия бумаги. Будь благоразумен, не продешеви! А после заключения сделки дашь мне за услугу один туман.

— Очень вам признателен, — ответил я, — обязательно дам.

С этими словами мы вышли на улицу и вернулись домой.

Через некоторое время в нашу комнату вошел смотритель караван-сарая и, посмеиваясь, заявил:

— Господин, да будет над вами благословение, глаз-то у вас зоркий!

— Почему же зоркий? — не понял я.

— Вы думаете, я не видел, как под предлогом покупки носков вы просидели битый час возле лавки чулочника Мухаммада Касима Кербелаи, не отрывая взгляда от красоты Гулам Али-бека? Что же, это не позор. Мы ведь тоже «не лыком шиты»!

Увидев, что втолковать что-нибудь этому дурню невозможно, я вздохнул и подумал: «Поразительное дело, люди в здешних местах сплошь безумны. Куда ни пойдешь, только и разговоров, что об этом самом обыкновенном юноше. И у старого, и у молодого мысли заняты только пустяками, им неведом мир со всем сущим в нем. В науке жизни ничего не понимают и не знают того, что великий творец, господин величия, создал их, дабы они взаимно дополняли друг друга, и что природой установлено любить женщин, а не мужчин.

Не пойму одного: как эти безнравственные люди не стыдятся своих безобразных поступков и всякого, кто даже в мыслях не имеет подобного, бессовестным образом прикидывают на свою мерку?

Нет, пока не свалилась на меня еще какая-нибудь беда, надо бежать от этих потомков племени Лота,[190] дабы избежать «похмелья во чужом пиру».

Итак, мы снова увязали наши пожитки, на этот раз для путешествия в Тебриз.

Краткий вывод из путешествия в Урмию. Люди этого города заняты лишь своими делами и заботятся только о себе. Можно утверждать, что единственное их занятие — это бесцельное шатание и пустословие. Они ничего не знают, да и не хотят знать о создании торговых компаний, о единении в крупных делах, что привело бы к расширению сферы торговли и увеличению богатств нации.

Родине и любви к ней в их сознании нет места. Они подчиняются лишь голосу своих страстей и постоянно ищут повода для наслаждений и развлечений. Они ровно ничего не знают о современном положении, о запросах времени и начисто лишены тех радостей, которые даруют людям просвещение и культура — духовная пища людей.

Мертвы, хотя как будто и живые,
Живут, но в сущности мертвы.

Собираясь на следующий день отправиться в Тебриз, мы пошли нанять лошадей. Мукари, которого мы попросили, сказал:

— Вам придется подождать дня четыре, когда наберется десять-пятнадцать путешественников. Тогда и поедем.

Волей-неволей пришлось, оставив задаток, вернуться домой.

В условленный день пришел возница и привел двух лошадей; мы, запасшись всем необходимым в дорогу, собрали вещи и отбыли в сторону Тебриза.

Караван на всем протяжении нашего пути двигался очень медленно, поэтому мы провели в дороге восемь дней и лишь на девятый день достигли Тебриза. Во время путешествия не случилось ничего, достойного упоминания.

Въехав в Тебриз, мы сразу обратили внимание на то, что кругом стоит какая-то жуткая и непонятная тишина. Среди путников поднялся горестный ропот, один из них, житель Урмии, сказал:

— Должно быть, в городе сегодня произошло какое-то важное и исключительное событие: во всех кварталах закрыты лавки, на улицах не видно ни пешеходов, ни всадников. Не у кого даже расспросить, что же случилось.

Проехав еще немного, мы увидели группу людей и спросили у одного из них:

— Эй, брат, что это происходит в городе? Отчего закрыты лавки и повсюду видны признаки какого-то смятения?

— Видно, вы ничего не знаете! — сказал он. — Народ разграбил дом начальника области, и теперь многим приходится скрываться.

— Какого-такого начальника? — спросил я.

— Губернатора.

— Как же это так... дом губернатора?..

— Эй, дурень, — в сердцах сказал он по-азербайджански и грубо выругался. — Ради моего здоровья, не приставай ко мне...

Мне еще не доводилось слышать столь мерзостных слов, но, оставив их без внимания, я снова спросил:

— Брат, заклинаю тебя богом, объясни, что происходит в городе?

— Баба́, да говорят вам: население города разграбило дом начальника, губернатора области.

— До сих пор я видел и слышал, что в Иране всякие начальники и губернаторы грабят дома людей, — удивился я, — как же теперь народ разграбил один из их домов?

Закон вращения небес — неколебим в одном:
Сегодня ты еще в седле, а завтра — под седлом.

— Жизнь каждый день проявляется по-иному, всякому овощу свое время, — сказали наши собеседники и уехали.

И погонщиков, и путешественников охватил ужас. Я тоже был встревожен мыслью о том, куда мне направиться, если мой друг и знакомый, на которого я рассчитывал здесь, закрыл из-за этих событий свою лавку.

Итак, погонщик довез нас, напуганных и дрожащих, до квартала под названием «Хафт качал», или «Семеро лысых», где находился караван-сарай.

Погонщик постучал в небольшую дверь и позвал смотрителя. Тот вышел и впустил нас всех; как только мы вошли, он поспешно закрыл дверь. Нам с Юсифом Аму отвели одну комнату, и мы начали распаковывать вещи.

Бедный Юсиф Аму, опасаясь за нашу жизнь, дрожал как осиновый лист и, плача, говорил:

— Бек, давай уедем отсюда прямо в Египет. Нет у меня больше терпения выносить все ужасы и невзгоды этого путешествия. Боюсь, что не сносить нам головы из-за твоей страсти. Ведь с тех пор, как мы вступили на эту землю, ни одного дня мы не прожили спокойно. Уж и не знаю, что с нами будет.

— Я еще намеревался съездить в город Хой, — утешал я его, — но теперь даю тебе слово, что как только мы выберемся подобру-поздорову отсюда, то, невзирая ни на что, прямо направимся в Египет. А после этого все мои путешествия будут уже в твоей воле — куда натянешь поводья, туда и поедем.

Ночь мы провели в страхах. Утро не принесло ничего нового — базар и лавки города были закрыты, улицы погружены в тишину.

Наконец, мы выбрались из этого мрачного места и пошли в сторону базара, в намерении разыскать лавку нашего друга. После долгих расспросов мы нашли лавку и вошли в нее. Узнав меня, дорогой друг поднялся и, расцеловав мое лицо, с величайшей доброжелательностью начал расспрашивать, что с нами было.

— Мой братец каждую неделю пишет мне из Египта, — сказал он, — и справляется о вас, благополучно ли вы прибыли. Он очень почитал вашего отца. В последнем письме он настоятельно просил, чтобы я телеграммой известил его о вашем приезде.

Он позвал своего слугу, написал телеграмму: «Ибрахим приехал» — и вручил ее со словами:

— Отнеси телеграмму такому-то, передай ему мой поклон и скажи, чтобы он переписал ее по-французски, потом сдай ее на телеграф и быстро возвращайся!

Отдав эти распоряжения, он спросил:

— Где ваши вещи?

— Мы прибыли вчера, — ответил я, — город был в волнении, все лавки закрыты. Нам пришлось остановиться в караван-сарае, что находится в квартале «Хафт качал». Скажите, брат, что здесь произошло, из-за чего во всем городе переполох?

— Дорогой ага, ведь это Тебриз. Здесь всё, что хотят, то и делают! Потом я расскажу вам все подробности.

— Мне никогда еще не доводилось слышать, чтобы народ грабил дома правителей, — все же не удержался и сказал я.

— А вот в Тебризе всё, что взбредет в голову, то и творят.

В это время слуга вернулся с телеграфа, и хозяин послал его вместе с Юсифом Аму перенести наш багаж из караван-сарая в свой дом.

К вечеру, заперев лавку, мы направились в дом моего друга. По дороге мне бросилось в глаза, что возле одного здания, составив ружья в козлы, стояло несколько солдат.

— Чей это дом? — осведомился я.

— Это дом одного купца. Он недавно прибыл из путешествия, и власти города из уважения к нему послали сюда солдат для охраны.

Я заявил, что не понял его слов, и он терпеливо повторил мне то же самое.

— Баба́! — воскликнул я. — Да что это такое: из уважения дать купцу военную охрану! Нигде я не видел и не слышал ничего подобного! Ну хорошо, пусть купец прибыл недавно из путешествия, так что из того? Зачем из уважения к нему приставлять к дверям его дома солдат? Этого я не могу постичь! Ведь этот человек не состоит на государственной службе, он не эмир и не военный чин, а дом его — не министерство. Поразительное дело!

— Как бы то ни было, таков обычай в наших местах.

Я воздел к небу руки сожаления и воскликнул:

— Теперь уж для меня нет сомнения, что болезнь страны и народа неизлечима. И крестьяне, и купцы идут по плохому пути. Если и сейчас от купцов государству мало пользы, то уж от их детей и вовсе не будет никакой пользы, потому что бессовестные власти вконец портят их ложными почестями. Возгордившись неоправданным почетом, они в короткое время проматывают свои капиталы, а низкие чиновники всякими хитростями обольщают таких купцов льстивыми словами: «пожалуйте», «клянусь вашей священной головой», «ваше высочество» и прочими. А потом, разорившись, эти горемычные купеческие сынки падают с вершин величия в крайнюю степень унижения.

— Два или три года тому назад, — заметил на это хозяин, — вот так, как вы говорите, запутали одного купца по имени Мешеди Мухаммад, и в короткий срок капиталы его погибли. Не желая возвращаться на родину, он скончался в конце концов на чужбине и ничего не оставил своим наследникам. Беднягу ловко провели! В этом городе вы увидите множество подобных вещей, которые у людей проницательных и разумных вызывают тысячи горьких сожалений. И что хуже всего, ведь большинство-то людей видит собственными глазами эти диковинные вещи и не обращают на них никакого внимания.

Мы вошли в дом, и я увидел, что это было большое и красивое здание, с множеством комнат.

Мы сели. Возле нас поставили много сладостей и свежих фруктов; скоро завязалась беседа.

— Брат написал мне из Египта о всех обстоятельствах вашей жизни, о том, как вы любите иранцев и душою болеете за них, — сказал хозяин. — Он сообщил также цель вашего путешествия, но теперь говорит: «Увы, лучше бы ему не ездить в Иран и не видеть того, что он там увидит! Боюсь, что, вернувшись, он еще больше будет печалиться о своей родине».

— Что же делать? — вздохнул я. — Это моя родина, и я должен был увидеть ее. Я даже намеревался, найдя в Мешхеде или Тегеране подходящее для себя место, купить дом и навсегда поселиться на родной земле.

— Ну и как, нашли вы такое место?

Тяжкий стон вырвался у меня из груди, и я покачал головой.

— Почему вы вздыхаете? — спросил он.

— Это непроизвольно, а причин для вздохов слишком много.

— Итак, — продолжал хозяин, — что же вы здесь видели?

— Я видел и то, что нужно, и многое из того, что не следовало бы видеть. И не видел лишь того, что было моей основной целью.

— А какая у вас была цель?

— Увидеть школы, которые я считаю залогом счастья и процветания страны. В наше время мощь страны, величие нации и благоденствие народа связаны с просвещением.

Так мы беседовали, пока нас не известили, что ужин подан. Мы уселись вокруг скатерти, поужинали, затем выпили по пиале чая.

— Вы ведь еще не отдохнули от трудностей пути, — сказал нам потом хозяин дома. — Ступайте теперь спать.

Это было своевременное предложение, и как только нам постелили, мы крепко уснули.

Поутру, встав и напившись чаю, мы проводили нашего уважаемого друга на базар, побродили там по лавкам и потолковали с купцами.

Наш хозяин предложил нам прогуляться вместе по городу, и мы с готовностью согласились.

Мы подошли к караван-сараю купцов. Здание это было солидно и красиво. Уже по первым моим наблюдениям я понял, что торговля в этом городе — основное занятие и что почти все жители так или иначе связаны с ней. Но много ли в этой торговле смысла, если все товары сплошь иностранные. Отечественных товаров не было видно совсем, только в дальних углах базара торговали табаком, хной, хамаданскими ситцами, йездскими чадрами и полотном из Наина.

С большой горечью подумал я о том, что уже многие годы европейские дьяволы с помощью своей науки и промышленности выжимают деньги из этой страны.

— Брат, — сказал я, — хотя я не видел как следует вашей области, но по скоплению торговцев и количеству снующих покупателей сужу, что город ваш велик. А теперь скажите мне, есть в вашем городе какие-нибудь компании или солидные торговые фирмы?

— Ничего подобного и в помине нет.

— Но это удивительно! — заметил я. — В таком крупном городе, и нет компаний! Сейчас не то время, когда дело могли двигать мануфактурщики, галантерейщики да бакалейщики. Что же дальше будет с торговлей? Почему этим людям, имеющим столько торговых связей с заграницей, не объединиться в компании и большие фирмы?

Он сказал:

— Да вы не знаете тебризцев — им красная цена грош в базарный день! Если между ними когда и заведутся какие-то суммы денег, чтобы они, собравшись впятером, могли выделить руководителя и сообща предпринять большое дело, то все равно никто из них не подчинится другому. Вот поэтому они лишены благости больших начинаний и закрывают перед своей родиной путь к прогрессу. Некоторое время тому назад несколько человек вроде бы объединились и создали какое-то общество. Но из-за стремления к главенству, которое никому из них не давало покоя, между ними возникли разногласия, и через четыре года общество распалось. Только один из них решил быть твердым и принял на себя все паи и обязательства, но прошло короткое время, и он тоже бросил все дела, так как совершенно ясно, что один не может нести на своих плечах ту ношу, что по силам только десяти.

После этой небольшой прогулки мы вернулись домой ужинать.

— А как обстоят у вас дела с финансами? — спросил я его за ужином.

— Ох, и не спрашивайте! — ответил он. — Хуже некуда!

— Отчего же?

— На это есть тысяча причин. Но самое худшее из них — медные деньги и вопиющая разница в достатке разных групп населения. Ремесленники и беднота совершенно нищи, и дома их разорены. В довершение всего, ты видишь, каковы нынче и серебряные деньги — за четыре с половиной тумана дают всего лишь одну лиру, а завтра за нее потребуют и все пять. Сущий хаос! Невозможно подсчитать все убытки и разор, которые терпят бедные купцы, особенно те из них, что связаны со Стамбулом и городами других иностранных государств.

Я сказал:

— Должно быть, в Тебризе много состоятельных купцов?

— Купцы-то есть, однако неизвестно, как они смогут устоять при таких убытках. Кроме того, среди тебризских купцов сильно развиты честолюбие и жажда власти — неизлечимый недуг! Многие из них проникнуты лестью и духом пресмыкательства, а другие, запутав свою жизнь, как дикие дивы, втягивают в борьбу друг с другом всяких фаррашей и посыльных. В их домах можно увидеть палки и плети, которые они пускают в ход при арестах. Ясно, что все это не способствует процветанию торговли; в подобной неразберихе она не сделает вперед ни шагу. Иной раз пройдет слух, что у такого-то купца неполадки в делах — и многие люди, которые еще за два дня до этого отвешивали ему низкий поклон, теперь не отвечают на его приветствие. Часто гостеприимство знатного муллы обходится по меньшей мере в пятьдесят туманов. Всякий купец, как заведутся у него в руках десять тысяч туманов, сразу же сочтет нужным истратить четыре тысячи из них на постройку для себя дома. Так что уж тут говорить о развитии торговли! А вот теперь взяли еще новую моду: каждый, кто загребет крупную сумму, покупает поместья и деревни. Увидит один, что

другой купил две деревни, и из-за чувства соперничества не находит себе места до тех пор, пока и сам не станет владельцем двух деревень. В результате таких бессмысленных поступков положение этой страны нельзя сравнить с положением других стран. Настоящий ужас!

— Но если у них есть капиталы, — заметил я, — то почему бы им не объединиться в компанию и не построить отечественную текстильную фабрику, чтобы людям было из чего хотя бы саван сделать? Почему им не построить ситценабивную фабрику или предприятие по выделке стеариновых свечей? Почему не вложить деньги в производство сахара? Ведь это принесет им гораздо больше прибыли, чем десяток деревень? Так почему же они никак не поймут этой простой вещи? Почему соперничают друг с другом, занимаются спекуляцией и, наполняя свои чаши кровью бедного народа, предпочитают достигать богатства путем его ограбления? Эти люди, которых вы зовете купцами и торговые сделки которых мне самому довелось видеть, — не купцы, а просто батраки европейцев, а посему злейшие враги своей родины. Каждый год они, собрав в полу наличные деньги страны, высыпают их в мошну иностранных государств и, взвалив на себя уйму хлопот и мучений, везут на родину поддельные и непрочные европейские товары. Ежели подсчитать в конце года, то выяснится, что эти негодяи, захватив в руки миллионы отечественных денег — основу благосостояния своих сограждан, ссыпают эти деньги в карманы иностранцев, да еще со льстивыми улыбками и поклонами, и, выторговав в обмен на чистейший шелк репейник, сбывают его своим необразованным и несведущим соотечественникам. А на следующий год от этих недоброкачественных вещей и следа не остается!

— Да разве в Иране кто-нибудь способен с таким святейшим патриотизмом вникать во все дела?! — воскликнул мой собеседник. — Мало того, что среди наших купцов нет ни товарищества, ни единодушия, они только тем и заняты, что расставляют друг другу тенета да роют ямы. В деле разорения ближних они проявляют удивительную сноровку! Все их помыслы направлены на то, чтобы высматривать друг у друга неполадки да шнырять в поисках разных сомнительных сделок. Стоит одному из них понести убыток в десять туманов, как он норовит найти такое дельце, чтобы возместить потерю с лихвой, заработав две тысячи туманов. А появись среди них такой, который, не жалея сил и труда, попытается завязать нити торговли и товарообмена с иностранными государствами, — все как один нападут на его начинание и ножницами зависти срежут стебли его выгоды. И его введут в убыток, и сами потерпят ущерб. Короче говоря, вам даже трудно себе представить, какой это кошмар! А главное, убедить их хоть в чем-нибудь совершенно невозможно! Ведь то, что здесь было сказано, — лишь небольшой пример жизни и деяний купцов этого города. Их нравы настолько испорчены, что нет никакой надежды на их исправление, разве что творец мира сызнова вложит в них своим милосердием же-

лание уподобиться их благородным предкам, т. е. относиться друг к другу доброжелательно и не искать выгоды в разорении другого.

— Давайте покончим с этой темой, — предложил я. — Скажите мне, как власти обращаются с крестьянством?

— Об этом и не спрашивайте, — отозвался он. — Хорош губернатор или плох — это не имеет никакого значения, результат будет всегда один. Ведь в руках его все равно нет ни законов, ни постановлений, исходящих из единого центра и обязательных для выполнения. Поэтому над ним нет никакой управы. Он не ждет ни награды за исправную службу, ни примерного наказания за бесчинства. Так можно ли ждать от него добра? Допустим, губернатор хорош и правит ко благу, но ведь завтра, смотришь, на его место сядет другой. Клянусь богом, очень необходимо, чтобы в руках новой власти был закон, или там предписание, или инструкция — неважно, как назвать, — но обязательно записанное черным по белому. Согласно этим установленным статьям губернатор требовал бы ото всех неукоснительного исполнения обязанностей и взыскивал как положено, дабы выправить положение дел, пресечь беззакония и с течением времени установить порядок и спокойствие. Надо, чтобы говорили, что преступника покарал или убил закон, а не что преступника засадил в тюрьму губернатор или казнил падишах. Тогда высокое имя падишаха не будут связывать с убийством людей и губернаторов не будут винить в притеснениях крестьянства, ибо никому не придет в голову оспаривать закон. Поскольку в законе на каждый случай будет предусмотрен определенный пункт, то перестанут говорить о тиранах. В государстве воцарится благожелательность и единодушие: падишах будет печься о народе, как о своем родном детище, а народ — почитать его нежным отцом и беречь больше жизни. Мир исполнится правды и справедливости, а рынок лицемеров и смутьянов придет в упадок. И люди будут говорить с удивлением: «Смотри-ка, что они творили еще вчера, не ведая закона!».

Такие разговоры мы часто вели с хозяином дома. Из уважения к нему нас, между тем, то и дело приглашали в разные солидные дома.

Не смея отказываться от приглашений, мы каждый вечер проводили в гостях и видели красивые дома, дорогое и пышное убранство комнат и повсюду великое множество хрусталя. Как только человек входил в комнату, его ослеплял свет бесчисленных ламп и блеск хрусталя. Под потолком каждой из комнат и на всех стенах висели дорогие красивые люстры и бра, украшенные неизменными изображениями шаха и ордена Льва и Солнца.

В домах тебризских купцов можно увидеть самые разнообразные предметы роскоши — тут столько китайских поделок, кальянов из золота и серебра, роскошных скатертей, что описать невозможно. Поистине, голова идет кругом при виде всего этого!

Причина этой кричащей роскоши кроется опять-таки в соперничестве, столь распространенном среди купеческого сословия страны. Ясно, что такая жизнь совершенно не отвечает интересам торговли и заслуживает

всяческого осуждения и порицания. Мне стало понятно, почему торговые фирмы в Тебризе лопаются, как мыльные пузыри.

— Да не прогневит это тебя, брат, — признался я однажды своему другу, хозяину дома, — но я не могу удержаться от того, чтобы не сказать правду: люди в Тебризе, этом светоче Азербайджана, еще более повреждены в разуме, чем в других городах Ирана, которые мне довелось повидать.

— Почему же? Что вы имеете в виду? — удивился он.

— Потому что я ясно вижу, как европейцы обманывают старых, умудренных опытом людей страны, обольщая их, словно маленьких детей, разными раскрашенными побрякушками своего производства, а эти старцы двенадцать месяцев в году, иначе говоря — все время, батрачат на них. Ну, что за смысл, скажите вы мне, разрисовывать портретом падишаха все эти никчемные вещи — от кальянов с их принадлежностями и до различных китайских безделушек? Нам пристало, убрав драгоценными камнями изображение великого и светлейшего монарха, украсить этим святым ликом почетное место наших собраний, но не малевать его на кофейных приборах, кальянах, чайниках и прочей утвари, которая расставлена на полках любых кофеен, которую ставят в печь и вертят в грязных руках. Говоря по чести, ни один человек, наделенный здравым смыслом, не позволит сделать то же самое со своим изображением, так что же тогда говорить о шахе, повиновение воле которого — наша святая обязанность? А хитрые европейцы к тому же еще вздувают цены на вещи, расписанные таким образом. Им-то это ничего не стоит, кроме ловкости рук и мошенничества, а наше государство мешками ссыпает деньги — эту живую душу страны в ненасытное чрево их стран. Я уж не говорю об их глумливых насмешках над здравым смыслом иранцев, которым они навязывают такие предметы. Изображению шаха надлежит висеть на самом видном и почетном месте в министерстве юстиции, в государственном Совете министров и в суде. Столь же следует уважать и почитать орден Льва и Солнца с изображением герба нашего государства и ценить его, ибо для получения такого ордена великие люди любой страны не раз жертвовали жизнью. А рисовать святейший герб на каждой пустейшей вещице — значит попирать честь государства и оскорблять его достоинство. Можно ли не возмутиться тем фактом, что любой торговец мануфактурой и любой бакалейщик, не имея от государства разрешения, малюет этот герб на своих торговых бумагах и пакетах?

Голос мой прервался, я почувствовал головокружение и слабость во всех членах; потеряв нить рассуждения, я умолк.

— Браво! — воскликнул на это хозяин дома. — То, что писал мне о вас брат из Египта, отражало лишь незначительную долю ваших патриотических чувств. Но, дорогой мой, поскольку царские дворцы, дома министров, принцев и прочих должностных лиц наводнены вещами с таким изображением и никто это не осуждает, нам то с вами что за дело? Стоит ли так винить за это жителей Тебриза? А вот насчет того, что они зани-

маются расточительством и изводят на подобные изображения огромные суммы из своих основных капиталов, в этом я с вами согласен. Ваша правда, на это ежегодно растрачивается масса средств!

На следующий вечер наш уважаемый хозяин устроил пышный прием в мою честь. Мы пораньше заперли лавку и отправились домой. После чая и намаза стали зажигать лампы. О, это были расцветшие тюльпаны, унизанные искрящимися, словно молнии, подвесками! Комнаты дома были залиты светом, как в ясный день.

Через полчаса после захода солнца мало-помалу, с нарочитой неторопливостью начали прибывать уважаемые гости. Некоторые пожаловали с опозданием на час, полагая, как видно, что столь поздний приход является доказательством их высоких достоинств. Я сначала удивился такому опозданию, а когда узнал его причину, то мое удивление еще более возросло.

Наконец, пришли все приглашенные и комната заполнилась. По движению и размещению присутствующих было видно, что каждый, обуреваемый чувством собственного превосходства, старается никому не уступить более почетного места. Слова они произносили как-то неестественно, речь их была напыщена, но суть и смысл слов указывали на то, что степень их знаний и круг интересов ограничены до крайности.

Разговор собравшихся был наполнен намеками, несвязен и лишен чувства взаимного расположения. Каждый стремился рассказать, мешая правду с вымыслом, о своих встречах с таким-то ханом или таким-то улемом, почитая это за великую честь для себя.

— Да, вчера мой дом изволил посетить его превосходительство предводитель купцов, и мы беседовали о том-то и о том-то, — говорил один.

— Вчера я отослал в Стамбул три тысячи лир ценным письмом, — сообщал другой.

Все разговоры вертелись вокруг денег — то и дело слышались слова «пятьсот тысяч», «сто тысяч».

— Недавно мне предлагали такую-то деревню за восемнадцать тысяч, а я не купил, — заявил еще один. — И очень жалею, теперь я узнал, что эту деревню продали за тридцать тысяч.

Затем беседа переключилась на зерно, и один из гостей заметил:

— Такой-то спрятал в свои амбары триста тысяч пудов пшеницы, а теперь полностью отрицает это.

Другой в это время говорил:

— Такой-то богослов владеет десятью участками земли. А вот тот-то (имя рек) очень разбогател! У него нынче чуть ли не восемьдесят деревень!

Сердце мое сжималось от этой бестолковой болтовни, и как я ни старался, а сдержаться не смог. Поводья терпения вырвались у меня из рук, мной овладело дерзкое возбуждение, и я воскликнул:

— Господа! Я хочу кое-что сказать вам.

— Пожалуйста, это ваше право, — заметил один из собравшихся. — Ведь вы ничего еще не говорили.

— Какую должность, позвольте спросить, — начал я, — занимает тот уважаемый господин, который, как вы изволили сказать, имеет семьдесят или восемьдесят деревень?

— Это один из тебризских улемов, — ответили мне.

— Хорошо, пусть он принадлежит к высокому сословию улемов, но я хотел бы знать, что он делает, каково его занятие?

Собеседник пренебрежительно усмехнулся моему вопросу и подивился моей непонятливости.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — продолжал я. — Стоимость каждого из этих семидесяти наделов составляет, как мне представляется, по меньшей мере пятнадцать-двадцать тысяч туманов?

— Конечно.

— Тогда примерная сумма их общей стоимости, насколько точно я могу сейчас подсчитать, превышает полтора миллиона. И вот, я никак не могу понять, каким путем приобретается такое богатство! Правда, его можно собрать постепенно, если человеку посчастливится обнаружить залежи редких металлов или же выиграть в лотерее, которые так распространены в Европе. В этой игре «на счастье», заплатив небольшую сумму, действительно можно разом обрести крупное состояние. Случается и так, что человек получает наследство от какой-нибудь зажиточной семьи или богатеет на ведении торговых дел, которые все видят и понимают и которые иранцы считают «химией». Вот я и хотел бы узнать, которым же из перечисленных путей добыл свои богатства сей господин. Насколько мне известно, ни одним из них. Все знают, что когда семья этого господина изволила пожаловать в ваш город, то у него не было ничего, кроме аба и посоха. Следовательно, нет никакого сомнения в том, что это богатство бесчестным путем отнято у народа. Скажите по совести, разве не мог бы сей уважаемый господин, добывший в короткое время такие поместья и ставший миллионером за счет народа, потратить на пользу этого же народа хотя бы четвертую часть своего годового дохода? Что бы с ним случилось, если бы он основал школу, где воспитывались бы сироты бедняков, и пожертвовал в пользу этого прибежища бедных сирот доход от двух деревень? Тогда целая группа людей приобщилась бы к святому знанию. Почему бы ему не построить больницу для бедных и бездомных, чтобы неимущие страдальцы лечились в ней, а не гибли бы без присмотра и ухода в безысходной бедности и скорби на улицах города или в своих темных и тесных норах — приюте нищеты? Как по вашему мнению, допустимо ли, чтобы в столь огромном городе не было ни одной больницы? Клянусь творцом, сегодня для вас эти две вещи — школа и больница — самые необходимые, это только уплата одного из ваших многих давних долгов. Поистине, вопиющая несправедливость, что в этом большом городе нет ни одного примечательного общественного учреждения. Всякий ино-

странец, приезжая сюда, полагает, что вы начисто лишены высоких человеческих устремлений, и покидает город с чувством неодобрения и порицания. А что сказать о полной неурядице в делах, причина которой — ваша разобщенность? Вы не основали ни одной компании для развития торговли и расширения районов вывоза отечественных товаров, хотя большинство из вас занимается торговлей. Между тем вы во всем зависите от европейцев, начиная от бумаги, необходимой для напечатания Корана, и кончая саванами для мертвых. Если завтра по причине начала военных действий европейцы перестанут продавать вам миткаль и коленкор, то живые останутся без белья, а мертвые — без саванов. Эти пестрые, разукрашенные изображениями светильники и вся прочая роскошь — никому не нужное расточительство, завладевшее вами, как недуг. Вам стоит лишь два дня посмотреть на эти недостойные украшения, и вы начинаете гордиться собой и полагать, будто по уму, богатству и родовитости вы несравненные и единственные в мире. И невдомек вам, что уже через месяц слухи об этих пышных приемах и расточительстве устареют и ничего от вашей славы не останется. Если бы вы, собравшись, как-нибудь подсчитали все ваши безрассудные траты, являющиеся мишенью для укоров со стороны умных людей и лишним камнем на чаше весов в день страшного суда, и истратили бы половину из них на добрые дела для вашей родины, как-то: постройку больниц для бедных, создание фабрик и организацию школ для воспитания детей, то несомненно в земном и загробном мире это послужило бы причиной вашего величия и почитания. Клянусь творцом, если бы сорок лет тому назад вы занялись бы похвальными делами, которые я перечислил, — наша святая родина была бы сейчас самой процветающей страной на свете, а граждане Ирана — самым уважаемым из народов. Вкусив наук и знаний, они вознеслись бы головой достоинства до самых небес. Увы! Вы беспечно промотали свое время и, предав забвению чувство национальной гордости, позволили другим нациям презирать и попирать вас. Если бы сорок лет тому назад вы открыли школы, о которых я говорил, то сегодня вас не одолела бы черная немочь тщеславия и стремления к китайской роскоши и на подобных собраниях вы обсуждали бы только способы, ведущие к прогрессу страны и нации. Тогда бы вы не угнетали собравшееся у нашего уважаемого хозяина общество своими бессмысленными пересудами и не заставляли бы всех приветствовать вас с почтением, когда вы являетесь с опозданием на полтора часа позже всех, рассчитывая, что ваши почетные места всегда останутся за вами.

При этих словах я вдруг заметил, что хозяин дома как будто смутился; бедняга от неловкости весь покрылся потом. Украдкой он делал мне знаки, умоляя ради его жизни замолкнуть.

— Господин, — сказал в это время один из гостей, обращаясь к хозяину дома, — ваш уважаемый гость довольно странный человек. Уж очень он речист!

— Да, господа, — сказал в ответ на это хозяин дома, — мой друг обладает чрезвычайно развитым чувством патриотизма и национального достоинства. И все эти разговоры он ведет от величайшей любви к родине и своим дорогим соотечественникам. Что он может поделать с собой — ведь он не волен в своих чувствах служения родине и любви к народу!

Несколько человек, прервав его, одновременно вступили в разговор:

— Клянемся богом, это так!

— Всякий, кто бывал в чужих краях и наблюдал чувства иностранных людей в отношении родины, поймет, о чем говорит этот человек!

— Все, что он говорит — святая правда!

— Мы и впрямь до сих пор не нюхали запаха любви к родине и не сделали ни шага к единению.

В этот момент известили, что ужин готов. Все вскочили и в один голос стали приглашать меня: «Пожалуйте! Пожалуйте!». Я, невольно засмеявшись, прошел вперед. Мы подошли к скатерти, и какая изумительная это была скатерть! Какие разнообразные и красиво украшенные блюда — как будто на них расцвели цветы! За едой разговор велся о всякой всячине, и вечер прошел весь в подобном времяпрепровождении.

Мы пробыли в Тебризе еще восемнадцать дней, и за все это время я видел лишь пустое хвастовство и чванство здешнего населения. Не было в этих людях ничего, что служило бы на пользу в жизни земной и умалило бы их грехи в загробном мире.

Однако сам город имеет торговое значение: в нем большие базары, хорошие караван-сараи и склады. Но в них, увы! — нет ни малейших признаков отечественных товаров и продуктов. Разве что можно услышать только упоминание о пшенице, которую эти почтенные господа купцы ссыпали в темные амбары, навесили на них по восемь замков, ключи же кинули в реку Аракс, а сами сказали беднякам, будто каждый ман пшеницы стоит сорок мискалей[191] их собственной крови и за деньги зерно не продается. И сколько бедняки не взывали к ним: «Господа, в наших жилах не осталось крови, это тело, что вы видите, пусто и обескровлено!» — ничто не помогало.

Итак, я намеревался поехать в Джульфу, что находится на берегу реки Аракс на русско-иранской границе.

Наш любезный хозяин очень настаивал, чтобы я задержался еще на несколько дней, но я, извинившись, отказался и послал человека на почтовую станцию нанять двух верховых лошадей, так как решил во избежание неприятностей и для быстроты ехать таким способом.

Краткий вывод из путешествия в Тебриз. Люди этого города почти все чванливы, обуреваемы жаждой роскоши, всечасно готовы к раздору и не ведают о благе единодушия. Мысли их постоянно устремлены на то, как бы навредить друг другу, а сердца ликуют, если между двумя людьми возникают разногласия в сделках или вражда по любым другим причинам.

Дело доходит до того, что они разбиваются на два лагеря, начинают враждовать между собой, дают и берут взятки. Они устраивают сборища и, объедаясь на них пловом, всячески изощряются в поисках средств для уничтожения противной группы. Никто из них и не подумает в таких случаях подать кому-нибудь добрый совет, они только и ждут случая, чтобы отомстить друг другу и, заставив своего врага поскользнуться, растоптать его ногами.

Таково их занятие. Не ведая о запросах времени, они лишены жизни и здесь, на земле, и в будущем мире. Предел их желаний — повесить под потолком каждой из их комнат роскошную люстру и почитать ее главным основанием своей гордости.

Мертвы, хотя как будто и живые,
Живут, но в сущности мертвы.

Итак, погонщик привел нам лошадей, и в тот же день, распрощавшись с хозяином дома, с сердцами, отягощенными грузом печали и тоски, выехали мы в направлении к Араксу. Миновав город, возница пришпорил лошадей и гнал их до тех пор, пока окрестности города не остались далеко позади.

Вдруг я увидел, что по обеим сторонам дороги сидят какие-то люди, вперившись в нас глазами, словно ожидают нашего прибытия.

Я спросил у нашего погонщика, зачем эти люди, заняв обе стороны дороги, сидят в таком диком, удаленном от жилья месте.

— Ага-джан, это сеиды города, — отвечал погонщик. — Они здесь ждут нашего приближения.

— Зачем? — удивился я.

— Да, это — сеиды, — повторил он. — Они, конечно, хотят что-нибудь у вас выпросить. Надо им подать, чтобы благополучно проехать.

— Что ж делать, придется дать, — сказал я. — Юсиф Аму, приготовь пять-шесть кран, дашь им, как подъедем.

Тут я заметил, что погонщик не может удержаться от смеха.

— Чему ты смеешься, любезный? — спросил я.

— Думаю, что с вашими пятью-шестью кранами сделка не состоится.

— А сколько же надо дать?

— Сейчас подъедем, увидите сами, — ответил он.

Тем временем мы поравнялись с этой группой. Вижу, их человек десять-пятнадцать, по одеянию они и вправду сеиды — на них особые чалмы, а также голубые или зеленые кушаки.

Обступив нас с обеих сторон, они остановили наших лошадей и поздоровались. Мы ответили им таким же приветствием.

Тогда они дружно закричали:

— Будьте любезны, пожалуйте нам за приветствие, а бог воздаст вам за это!

Юсиф Аму дал им приготовленные деньги и сказал:

— Больше у нас нет мелких денег. Разделите это между собой.

Услышав это, они завопили в один голос и, бросив деньги прямо в лицо Юсифу Аму, заорали:

— Купи себе на эту мелочь макового соку да потри голову.

Один из них закричал:

— Если у вас нет на расходы, мы можем пожертвовать несколько кран. Бессовестный человек, разве вы даром даете нам деньги?

Вижу, в суматохе несколько человек подбирается с обеих сторон к Юсифу Аму, чтобы вынуть из стремян его ноги и стащить на землю, а другие, сбросив свои аба на руки рядом стоящим, с палками в руках готовятся к нападению на нас. Ну, думаю, быть свалке!

— Дорогие господа, — вмешался я, — оставьте этого старика! Подойдите ближе и скажите, чего вы желаете?

— Мы желаем получить плату в память наших предков и больше ничего, — ответил один из сеидов.

— Да стану я жертвой ваших предков! — ответил я. — Сколько же мы вам должны? На что вы претендуете?

— Пятая часть всего, что имеете,[192] не больше — вот наша претензия. Даже из пяти пальцев на вашей руке один — доля сеидов.

— Дорогой ага, — заметил я, — во-первых, откуда вы знаете, что мы люди состоятельные? Во-вторых, откуда вам стало известно, что у нас есть что-то для сеидов, какая-то специальная их доля? В-третьих, разве вы нас знаете, осведомлены о нашей вере и обычаях? В-четвертых, почему мы должны вам верить на слово, что вы сеиды и потомки пророка? В-пятых, разве наш пророк — да благословит господь его и его род! — отдавал когда-нибудь приказ нападать в пустыне на путешественников, палками вымогать у них деньги и грабить их донага?

— Придержи-ка поток своего красноречия! — заорал один из них. — Собери-ка мысли в башке, да сначала подумай, а потом уж говори! Откуда это ты набрался дерзости, что спрашиваешь, сеиды ли мы, и требуешь от нас отчета? А к тому же, мы тебя как раз знаем: тебя зовут Ибрахим-бек и живешь ты в Египте. Твой отец оставил тебе в наследство двести тысяч туманов наличными деньгами, и у тебя есть одна сестра. Ты побывал у гробницы Имама Ризы — да будет над ним мир! Затем поехал в Тегеран, оттуда в Тебриз, а сейчас намереваешься вернуться в Египет. Да вразумит господь твоего отца, он отдал сеидам много денег, был он почтенный и благородный человек, так же, как и ты. Теперь ты видишь, что мы хорошо тебя знаем и не стали бы задерживать тебя, не имея с тобой такого знакомства. Так что не задерживай нас больше, чтобы не наделать себе вреда! Если сюда подойдут еще десять-двенадцать сеидов, то, сам понимаешь, положение твое станет еще трудней. Мы, четырнадцать потомков пророка, вот уже три часа просидели в этом диком месте под палящим солнцем в ожидании твоего приезда. Дай каждому из

нас по пять туманов, не меньше, и езжай себе с миром! И знай, если промедлишь, сам на себя навлечешь беду, потому что в конце концов «и оплеух наешься и побоев», а деньги у тебя все равно отберут.

Вижу, он говорит правду. Действительно, дело могло принять оборот, который он имеет в виду. Что было делать? Я подал знак погонщику, дескать, вмешайся и освободи нас из когтей этих злодеев. Погонщик наш был человек умный и бывалый, он понял мой знак, вышел вперед и начал стращать сеидов:

— Эй, господа, не задерживайте нас больше! Мы едем с важным делом и нам необходимо к определенному часу прибыть на место!

После такого строгого заявления предводитель сеидов сменил гнев на милость. Переговорив со своими людьми, он подошел к нам и сказал:

— Ну, давай десять туманов!

— Дай им две турецкие лиры, — не раздумывая ни минуты, велел я Юсифу Аму.

Бедняга, повернувшись к сеидам, воскликнул:

— Забирайте! Этот долг мы потребуем у ваших потомков в день страшного суда.

— Считай, как хочешь! Можешь записать погонщика в свидетели, — равнодушно отозвался сеид, забирая деньги.

Юсиф Аму поднял глаза к небу и сказал с крайним сожалением:

— Клянусь аллахом и призываю его в свидетели!

Итак, потеряв десять туманов, мы вырвались из лап этих негодяев. Наш погонщик, ликуя по поводу того, что мы так легко отделались, приговаривал:

— Будьте довольны, что все так хорошо обошлось! Они не так-то просто выпускают тех, кто попал им в руки.

— Баба́, чем же быть довольным? — удивлялся я. — Среди бела дня, неподалеку от такого большого города, как Тебриз, нас схватили и ограбили, а мы еще должны радоваться?

— Эх, господин, господин, — покачал головой погонщик. — Я еще раз вам скажу, что вам надо радоваться. Никто из путешественников, паломников или купцов не осмеливается даже днем пуститься из Тебриза в путь, опасаясь этого сброда. Некоторые из купцов путешествуют в крестьянской одежде, другие — под видом погонщиков верблюдов, третьи рядятся продавцами угля. Или же едут окольными тропами, что тоже сопряжено со своими опасностями. А уж если кто-нибудь вроде вас попадется этим сеидам в лапы, они обирают их так, как хотят, пригрозив побоями. Это своего рода разбойники с большой дороги, только что свободные от наказаний и ответа.

— Разве губернатор этой области не знает о подобных делах? — спросил я.

— Да просветит господь твоего отца! — воскликнул он. — Отчего же не знает? Их поступки для него не тайна. Но что он может поделать,

если бессилен наказать их? Всякий раз, когда какой-нибудь фарраш, борясь с этим злом, хватает за воротник одного из мнимых сеидов, начинается настоящее светопреставление. Можно увидеть, как тысяча учащихся медресе и городских сеидов набрасываются со всех сторон на несчастного фарраша и бьют его до смерти. И никто не может заступиться за него.

— Отчего же святые улемы не пресекут действий этой шайки? — снова полюбопытствовал я. — Отчего они не наложат запрет на их позорное кощунство? Ведь господь и его посланник с прискорбием взирают на действия, противные шариату, тем паче что эти разбойники в крайнем бесстыдстве еще возводят свое происхождение к пророку и повторяют: «Мы — сеиды, дети пророка». Как говорят:

Ну, что же общего в тебе со львами?
И на пророка — ты похож едва ли!

Разве в предначертаниях пророка и потомков этого защитника смертных в день страшного суда имеется описание моральных и внешних качеств этой банды разбойников и злодеев?

— Ах, раб божий, — сказал на это погонщик, — да сами-то святые улемы, о которых ты говоришь, и поощряют к грабежу эту шайку, это они защищают их от наказания и вкладывают им в руки топор насилия. Эта шайка — телохранители, солдаты и стражники святых улемов, и улемы пользуются их услугами в случае надобности. Разве ты не видел, какую кашу заварили они в Тебризе две недели назад? Стоило улемам лишь пошевелить пальцем или двинуть бровью, как они в течение часа разграбили весь дом губернатора, разнесли его до основания и даже мостовую разобрали вокруг дома и сада! Эти злодеи и нужны господам, чтобы нападать на невинных граждан и в полной безнаказанности и безопасности творить все те незаконные дела, которые только могут прийти им в голову.

Вижу, что все сказанное этим человеком — истина. И я подумал тогда: что можно поделать, остается страдать и терпеть!

Как бы то ни было, эта опасность нас миновала. Но я горячо молю читателей об одном, чтобы они не только прочли со вниманием все изложенное, но и постарались бы представить себе положение этой страны. Какие царствуют здесь неурядица и беспорядок, насколько попраны все права народа, до какой крайности дошло небрежение и попустительство властей, если даже улемы нации, которые должны защищать шариат, так далеко отступили от истинного пути! Поистине говорят: «Если порча коснулась улемов, то она охватила и весь мир».

Вместо того, чтобы стать на защиту чести своего сана и наказать примерно шайку подонков, которые присвоили себе кличку сеидов и под ее прикрытием творят непотребные и противные шариату дела, почтенные улемы сами же их подстрекают и возбуждают!

Дело дошло до того, что нынче каждый бедняга-шиит, завидев издали человека в одежде сеида, не чувствует от страха ни рук, ни ног и готов спрятаться в любую мышиную нору, даже если этот сеид не относится к числу вымогателей. А из всех мечетей и со всех кафедр несутся проповеди улемов, заключающиеся только в призывах к людям быть щедрыми в отчислении и уплате пятой доли, причитающейся сеидам.

Я не видел и не слышал ни одного проповедника или чтеца, который бы обратился к сеидам с должными увещаниями, что, мол, запрещено вымогать деньги во имя потомков святого пророка, что грабить людей, угрожая им побоями, — грех, противный шариату, что сеид должен превыше всего блюсти честь своего звания, памятуя всегда, откуда идет его родословная.

Да, главный проступок наших проповедников состоит в том, что они в своих мягких увещеваниях не напоминают этой группе людей о чести их происхождения и тем самым не препятствуют их недостойным действиям, направленным против шариата. Больше того, они всячески поощряют их к жестокостям, притеснениям, дармоедству и безделью. Разве примирился бы пророк божий с тем, чтобы его великие потомки, находясь в полном здравии, проводили бы время в праздности и жили бы вымогательством? Что и говорить, каждый член нашей нации, будь то сеид, будь то простой человек, может обратиться к покровительству и помощи богатых купцов, но только в том случае, если он болен, слаб и не может сам себя прокормить.

Ясно, что если бы безработные сеиды занялись каким-либо делом или ремеслом, то их возможности заработать на пропитание были бы неограничены. Тогда они соблюдали бы достоинство своего звания, а народ и страна получили бы от их труда такую же пользу, как и от труда прочих своих членов. На это могут сказать: «Какие же они будут сеиды, если начнут заниматься всякой низкой работой!». Я отвечу, что такое возражение неправильно. Их великий предок, который был наместником бога для земных людей, не гнушался прислуживать другим людям, дабы послужить в будущем примером для своей нации.

Нужно, чтобы всякий человек, на котором лежит обязанность отдать пятую часть, путешествовал из города в город в поисках сеидов, а, найдя их, лобызал бы им руки и ноги, прося забрать у него эту часть и снять с него этот долг. Но разве допустимо, чтобы целые стаи сеидов слетались в иностранные государства и, рыская по христианским городам, позорно хватали бы за горло мусульман, требуя с них уплаты своей доли?

Дошло до того, что Россия нынче уже запретила въезд в свои пределы всякому, у кого на голове зеленая или синяя чалма.[193] Да надо еще спросить, справедливо ли и то, что позорное право на ограбление людей стало у сеидов наследственным. Неужели до самого дня страшного суда этот позор будет лежать на них, равным образом как вина за их проступки

будет вечно лежать на тех, кто их поощряет? Я глубоко уверен, что ни один подлинный сеид не пойдет на такое унижение, даже если будет умирать с голода.

Итак, хотя мы снова отвлеклись от нашего основного изложения, разговор этот еще не был окончен, а вдалеке уже показалось селение Маранд.[194] Мы пришпорили лошадей. Не прошло и часа, как мы въехали в селение и остановились на почтовой станции.

— Судя по всему, нам придется задержаться здесь на несколько часов, — сказал наш погонщик. — Скопилось очень много верховых всадников и колясок — видно, большое количество путешественников едет на Урунак и Энзаб, на Тебриз и Джульфу. Вряд ли на почтовой станции есть свободные лошади.

Мы спешились, и я тотчас же попросил принести чая. Мы поели и присели отдохнуть от всех трудностей пути.

Оглядевшись, я заметил в помещении еще трех-четырех человек, которые, очевидно, только что прибыли. Они сидели, положив возле себя хурджины[195] и прочие принадлежности всех странствующих. Мне бросился в глаза один из них, высокий, с черной бородой, с окрашенными хной ладонями и многочисленными агатовыми перстнями на руках. Одет он был в полушубок из меха серой белки, на голове — чалма из кашмирской шали, на шее — черный платок. Он сидел, погруженный в какие-то унылые и тоскливые мысли.

Выпив две кружки чаю, я сказал Юсифу Аму:

— Вставай-ка, пойдем, немного побродим по селению.

— Господа, — обратился я затем к присутствующим, — не скажете ли вы, какой дорогой мы можем попасть на базар?

Человек в чалме, которого я приметил, с готовностью отозвался:

— Если вы хотите купить фруктов или еще чего-нибудь съестного, то ступайте вон той дорогой.

— Нет, мы ничего не собираемся покупать, просто хотим осмотреть эти места.

— Если вы хотите просто посмотреть, — сказал он, — то лучше не ходите, потому что во всем селении вы не увидите ничего, кроме слез в глазах мужчин, и не услышите ничего, кроме плача и горестных причитаний женщин. Все кварталы города в трауре и охвачены горем.

— Но что же такое случилось? Почему весь город охвачен горем? — удивился я.

— Вот уже целый месяц, — сказал мой собеседник, — как небо наслало на город страшное бедствие — оспу. Не осталось ни одного дома, где бы не умер ребенок от этого господнего наказанья, нет ни одного родителя, чье сердце не изошло бы кровью из-за гибели части его души. Как у всех, и у меня, горемычного, смерть унесла за одну неделю двух детей, и сердце мое сгорело в огне горя. Кроме того, страдание их матери, убивающейся целые дни и ночи напролет, измучили вконец мою душу, и жизнь мне опо-

стылела. Вот отчего я и собрался в дорогу, обратившись, как безумный, к пустыне. Иду, куда глаза глядят, и что буду делать, не знаю.

Произнеся эти слова, несчастный прочел несколько траурных бейтов, соответствующих его настроению, и начал громко рыдать и стонать, и из глаз его градом покатились слезы.

Сердце мое сжалось от жалости.

— Но разве у вас не делали прививки от оспы? — задал я вопрос.

— Эх, баба́, — ответил он, — какие могут быть прививки! Все это одни выдумки ференгов. На то была воля аллаха, а от выдумок неверных он нас всегда предостерегал.

— Господин, как ваше почтенное имя? — спросил я снова.

— Хаджи мулла, проповедник из Маранда.

— Хаджи ахунд, скажите, сколько детей погибло в этом городе от ужасной болезни?

— Если верить могильщикам, то по вчерашний день мы предали земле шестьсот человек, да больше ста детей остались слепыми, калеками и убогими.

— Дорогой ага, — сказал я, — вина за кровь безгрешных младенцев падет на вас и на тех людей, которые убеждены, что прививки от оспы — выдумки ференгов. Когда же придет конец этому страшному невежеству? Разве можно вашими словами, вашими слабыми доводами оправдать смерть невинных младенцев? Достойно ли без зазрения совести приписывать это воле господа? Клянусь прибежищем бога, корень ваших глупых заблуждений кроется в темноте и недомыслии. Ведь воля творца была в том, чтобы из горсти праха и влаги создать совершенные творения, подобные тебе и мне, наделить их даром речи и способностью различать между хорошим и плохим. Своей всесильной рукой бог вложил нам в мозг силу разума, дабы могли мы постигать тонкость наук и познаний, признавать единство бога и подчиняться ему. Бог не сотворил ни единой вещи, не призвав ее к определенному назначению, для всякого недуга он предусмотрел свое целебное средство. Есть много степных цветов, трав и растений, излечивающих разные болезни. Предводители нашей веры вразумляли нас, что больному следует идти к врачу и просить исцеления. Разве ты не слышал, что наш великий пророк сказал святому Моисею [196] — да будет над ним мир! — во время его болезни: «О Моисей, я, беспомощный, не дам тебе исцеления, ступай к врачевателю и открой ему свой недуг!». Разве ты не читал о том, как святой Хатим [197] — да благословит аллах его и его потомство! — приказывал, чтобы люди не входили в тот город, где появилась чума или холера, а ежели во время болезни оказались в городе, то уж не выходили бы из него? Ференги этот святой приказ применили к делу, только назвали его «карантин» — следовательно они-то поступают по велениям бога. Обиднее всего, что мы, хотя и блюдем правила чистейшего шариата, до сих пор не вникли до конца в смысл наставлений и завещаний, оставленных нам предводителями веры. А вот

ференги, и не исповедуя нашей веры, постигли их и претворяют в дело. Вот и посмотри, какое большое расстояние между нами и ними. В Германии сегодня насчитывается пятьдесят миллионов населения, и по всей этой стране за круглый год не умирает от страшной оспы и шестисот детей. А вы из-за лени и невежества за один только месяц в одном городке отправляете в путешествие в страну небытия семьсот невинных детей, чьи жизни призваны были приумножить наше общество. И все это бесстрашно приписываете воле господа. Если на то была воля бога, отчего же ты сейчас плачешь и стонешь? К чему тогда эти горестные вздохи? Напротив, ликуй и радуйся!

Этот длинный разговор исчерпал все мое терпение, и мной опять овладело мрачное настроение. Я заметил, между тем, что путешественники один за другим все с большим вниманием посматривают на меня и прислушиваются к моим словам.

— Земляк, откуда вы приехали? — спросил один из них.

— Я иранец, — ответил я.

— А родом вы из Маранда?

— Нет, — возразил я, — я иранец.

— Не может быть, — сказал он решительно. — Иранец не станет говорить такие слова!

— Я живу постоянно в Египте.

— Гляди-ка, — воскликнул мой собеседник, — я не ошибся! Моя догадка оказалась правильной. Дорогой брат, не растравляй наши раны. Этот господин — чтец траурных проповедей в нашем городе. Хватит с него и его собственного горя, зачем ты еще терзаешь его?

— У меня и в мыслях не было обижать или мучить его, — сказал я. — Но когда я слышу такие неразумные и нелепые речи, поводья терпения сами собой выскальзывают у меня из рук. Рассуди сам по чести, разве я сказал что-нибудь плохое?

— Сначала я был согласен с вашими словами: вы все говорили правильно и разумно, — заметил он. — Но ведь надобно принимать во внимание, когда и где говорить подобные слова. Да, во всех странах, которые вы видели, делают прививки, устанавливают карантины, и польза от этих дел для человеческого общества ясна, как солнце. Если там волею рока безвременно гибнет ребенок, то правительство, видя в нем свое дитя, не теряет ни минуты, разыскивая причину его смерти, дабы, найдя ее, закрыть на будущее двери перед этим злым роком. Я сам некоторое время жил в Стамбуле, и мне часто приходилось видеть, как государственные врачи ходили из квартала в квартал, с улицы на улицу, из дома в дом и всем детям бесплатно делали прививки от оспы. Если же кто-нибудь не допускал врача к своему ребенку, придерживаясь того же мнения, что и господин хаджи ахунд, то, как только это становилось известным, ему выносили порицание. Во всех городах, селениях и даже глухих деревушках там распространено это превосходное правило. А как обстоит там дело

с регистрацией рождений и смертей? Рождения записывают в особую книгу, так же как и смерть. Каждую неделю через газету там не только объявляют количество умерших жителей города, но и пишут о причинах каждого отдельного случая. Если появляются заразные или эпидемические болезни, то для борьбы с ними в самые краткие сроки принимаются всевозможные меры. А теперь давайте вернемся к положению нашей несчастной страны. Если за одну ночь здесь вымрет по неизвестной причине даже половина города, то и тогда правительство не позаботится о расследовании причин. Более того, оно не предпримет никаких мер и к тому, чтобы умершие были погребены. Смерть от оспы и гибель от землетрясений в глазах нашего правительства — вещи самые заурядные, а главное — касаются они в основном простых людей, и поэтому нечего особенно беспокоиться. Если жители целой области погибнут от засухи и недорода, губернатор этой области и на минуту не отложит своего выезда на охоту. Здесь в городах всякий дервиш и аптекарь, всякий торговец парфюмерией почитает себя врачом, а каждая деревенская старуха — акушеркой, и в карманах у них лекарства от всех болезней. Изо дня в день обманывают они людей, и никто у них не спросит, где они приобрели свои медицинские познания и какая медицинская академия вручила им диплом. Мой отец тоже был таким врачом. После его кончины мои близкие, родные и знакомые собрались вокруг меня, говоря, что я не должен тушить светильник, зажженный отцом. Слава богу, ты грамотный, говорили они, а посему должен взять книги отца, где записаны все рецепты, да и заняться врачеванием, тем более, что звание врача в наших местах признается наследственным. «Господа, на что мне медицина и на что я ей! — возражал я. — Ради бога, оставьте меня и дайте заниматься своим делом; что я понимаю в болезнях и в их лечении? Не принуждайте меня отвечать за здоровье мусульман, — говорил я им. — Во имя чести моей и доброго имени, я не возьму на себя это дело!». И сколько они не настаивали, я не согласился. В конце концов я покончил с этим, продав за четырнадцать туманов все книги, оставшиеся мне в наследство, некоему аге Самаду, парфюмеру. Теперь ага Самад благодаря этим книгам — уже доктор ага Мирза Абдуссамад. Он приобрел большую известность, не сегодня-завтра станет лейб-медиком и получит от правительства почетный титул. Если бы в Маранде и других областях Ирана сыновей били и пытали за проступки их отцов, то мне не поздоровилось бы: ведь, насколько мне известно, покойный батюшка отправил на тот свет более двухсот мусульман своим неправильным лечением и вредными лекарствами. При всякой лихорадке бедняга прописывал отвар из чернослива, а также кровопускание и банки. Однажды его позвали к больному старику, который больше года лежал в постели. Я тоже присутствовал при этом. Отец мой сказал: «Следует поставить кровесосные банки». Когда мы ушли от больного, я сказал: «Ага, ведь эти банки служат для кровопускания, а по лицу больного видно, что в венах его нет и капли крови. Какой смысл в банках? Жизнь в этом человеке держится на во-

лоске, наступили его последние дни». Покойный отец бросил на меня гневный взгляд и спросил: «А что я могу еще сказать больному?». На это я ничего не мог ответить, и отец приказал мне не болтать глупости, коли я ничего не смыслю.

Я с большой охотой поддерживал этот разговор, он доставил мне немалое удовольствие. Поистине, мне не доводилось еще до той поры встречать иранца столь честного, благородного и остроумного, который к тому же так тонко разбирался бы во всех государственных делах.

У меня был с собой прекрасный портсигар египетской работы, наполненный сигарами, и я с благодарностью поднес его моему собеседнику. Он принял портсигар с достоинством, и так завязалось наше знакомство. Я дал ему свою визитную карточку, спросил, как его зовут, и записал его имя в записную книжку.

После четырехчасового пребывания на почте мы распрощались с нашим новым знакомым и выехали из Маранда, а на другой день около полудня уже достигли берега Аракса.

Не успел я еще вынуть ногу из стремени, как увидел, что какой-то человек остановился возле меня и властным голосом заявил:

— Хан просит вас к себе.

— Какой хан, как его зовут и что за дело у него к нам? — удивился я.

— Хан, ведающий паспортами, хочет видеть ваши паспорта и поставить подпись.

— Так и говори, что нужны паспорта, а не мы.

Он не возразил на это, и мы отдали ему свои паспорта. Через несколько минут этот человек вернулся и потребовал за подпись четырнадцать кранов, а когда я дал эту сумму, намекнул, что и ему причитается за услуги. Пришлось дать и ему два крана, чем он остался очень доволен и пожелал нам счастливого пути.

Итак, мы покончили с очередной формальностью и могли спокойно оглядеться. Здесь, так же как в Батуме и Баку, я увидел толпу своих несчастных и оборванных соотечественников, стоящих под палящим солнцем. Люди паспортного начальника, окружив нас, занимались сбором паспортных денег. Они вежливо обходились со всяким, у кого был хоть намек на деньги, и осыпали бранью, безжалостно пинали и толкали тех, у кого их не было. Шум и суматоха были ужасные. Сердце мое сжалось при виде этой картины.

Между тем неподалеку от этой толпы я увидел другое сборище — то были уличные фокусники с бубнами, тарелками, с дрессированными обезьянами. Их сопровождало несколько маленьких мальчиков с завитыми локонами, одетых в женские одежды. Они тоже что-то орали, наступая на таможенных чиновников.

— Что это за люди и почему они так кричат? — полюбопытствовал я.

Мне объяснили, что эти люди хотят переправиться на тот берег Аракса. Они занимаются на Кавказе бродяжничеством, ходят из села в село,

а мальчики пляшут, показывают фокусы и водят обезьян. Таким образом они собирают на пропитание. Спор разгорелся по той причине, что начальник таможни требовал с них паспортные деньги и за обезьян, а они не давали, утверждая, что такое требование — чистая нелепость. Вот уже трое суток, как между ними и таможенными чиновниками шли нескончаемые пререкания.

Эта сцена еще более увеличила силу моего горестного изумления. Я страстно желал переправиться поскорей на другой берег и избавить себя от необходимости видеть подобные грустные картины. На противоположный берег реки, где проходила русская граница, перевозило пассажиров одно только небольшое суденышко, или, попросту говоря, лодка, которая по древности не уступала ноеву ковчегу — да будет над ним мир и милость божия! Заплатив два крана, мы уселись в нее.

Как только лодка отчалила от берега, Юсиф Аму обратился в сторону иранской земли и воскликнул:

— Боже мой, тысячу раз хвала тебе за то, что мы благополучно выбрались из этой разоренной страны!

Юсиф Аму сказал так, радуясь за мое благополучие, и все же он поступил крайне опрометчиво, так как знал, что подобные слова донельзя противны моим патриотическим чувствам. Не могу и описать, как его необдуманные и неуместные слова огорчили меня! Мне показалось, что на меня опрокинули котел кипящей воды и пар поднимается от всего моего существа.

— Ах, бессовестный человек! — обрушился я на него. — В чем вина этой святой земли? Ты покидаешь родину и вместо того, чтобы, прощаясь с ней, просить господа бога помочь тебе еще раз вернуться сюда, ты изъявляешь радость по этому поводу. Удивительно, какое у тебя черствое сердце!

Невольные слезы перехватили мое горло, и я воскликнул с громкими вздохами:

— О моя дорогая, несравненная родина, да будет все мое существо жертвой за тебя! Ты для меня дороже бессмертия души, твоя земля — суть моей жизни, а твой воздух сладостней воздуха всевышнего рая! Увы! Недостойные дети твои не заботятся о твоем спасении и унижают твою высокую честь в глазах иностранцев! Они пренебрегают любовью к тебе, которую пророк уравнивал с любовью к самой жизни, и не ведают того, что это пренебрежение отразится в конце концов на их судьбах и судьбах их детей. О моя святая родина! Твои неразумные дети уже настолько не дорожат тобой, что каждый отщепенец, вырвавшись ныне из твоих объятий, вместо того чтобы проливать от разлуки с тобой кровавые слезы и разрывать на себе от отчаяния одежды, возносит, потерявши стыд, хвалу господу и откровенно ликует. Но мое сердце от разлуки с тобой горит огнем тоски, а глаза источают слезы. Прощание с тобой равносильно для меня расставанию с жизнью.

Опять оглянусь я, и снова бреду я, разлуку кляня...
Свинцом налились мои ноги, и все ж они гонят меня.

Да, на устах у меня тысяча попреков, но все они относятся к недостойным сыновьям твоим, которые забыли верность родине и терзают тебя. Виноват ли сад, если ленивый и нерасторопный садовник так запустил его? О моя бесценная родина, я сетую на твоих сыновей, моих собратьев, но хорошо знаю, что и они недовольны мною. Еще долго, собираясь вместе, они будут ругать и поносить меня и ославят меня безумцем за мою любовь к родине. Возможно, что и в письмах друг к другу они будут называть меня болтуном и просто помешанным, но виноваты ли и они, коли им неведом смысл такого великого понятия, как любовь к родине, и незнакомо благородное чувство патриота?

Мало-помалу слезы мои усилились, дыхание прервалось и язык умолк. Юсиф Аму понял, какую совершил оплошность, сказав неуместное слово, и, желая отвлечь меня разговором, пробормотал:

— Господин бек, смотри-ка, какое сильное течение! Даже не понять, в какую сторону течет вода...

Было видно, что он и сам смущен и расстроен своими словами.

Пока я приходил в себя, лодка достигла берега, и мы, забрав свой багаж, вступили на русскую землю. Тотчас же к нам подошли русские таможенные чиновники и пограничники, просмотрели паспорта и поставили визу. Я разглядел чиновников почты и попросил лошадей, и их тут же подали.

Ничего примечательного за время пути нам не встретилось, лишь город Нахичевань был достоин внимания.

Наконец мы достигли Еревана, одного из крупнейших городов Кавказа. Прибыв на почту, мы увидели, что нам придется ждать лошадей часа три-четыре, так как путешественников собралось тут очень много. Мы спешились. Я вошел в помещение, и сразу же ко мне подступил посыльный со значком, приколотым к шапке.

— Ага, — сказал он, — покажите ваши паспорта!

Мы показали паспорта, а когда он потребовал с нас два рубля, беспрекословно дали ему эти деньги. Он ушел, забрав их.

Один из чиновников почты, видевший эту сцену, с недоумением сказал:

— Зачем вы дали ему деньги? Такие, как он, не имеют никакого права требовать паспорта и деньги у путешественников. И хотя они всегда попрошайничают у вновь прибывших, никто им ничего не дает, а частенько они бывают даже биты. Разве только какие-нибудь жалкие бродяги, испугавшись, дадут малость.

— Ну что ж, вот мы и есть эти жалкие бродяги, — проронил я со вздохом.

Часа через четыре подали лошадей, и мы покинули таможню, направившись в сторону Ахсаке. Нашим попутчиком оказался некий иранец. Я спросил у него, откуда он родом, и узнал, что он из города Хоя.[198]

— Я намеревался посетить Хой во время своего путешествия, — заметил я, — но Юсиф Аму этому воспротивился. Жалею, что не повидал этого города.

Затем я поинтересовался, что это за город, какова там торговля и что там выделывают. Он обстоятельно ответил:

— В городе много товаров, однако торговля со Стамбулом почти прекратилась: все купцы, торговавшие с этим городом, разорились.

Я снова выразил сожаление, что не был тверд в своем первоначальном намерении и не посетил город.

Наш спутник между тем продолжал:

— О, если бы вы побывали у нас да посмотрели, какой новый проповедник прибыл в Хой! Он из числа учеников муллы Хусайна Джани и, хоть молод, читает жития святых мучеников не хуже любого старого проповедника. Можно подумать, что за пазухой у него сидят джинны, которые подсказывают ему новые и новые проповеди и траурные плачи, да такие, каких никому и слыхивать не доводилось. Поэтому его книгу проповедей, написанную этими джиннами, никто другой не может и повторить. Когда он читает свои марсийе, собирается столько народу, что яблоку некуда упасть. Люди плачут не слезами, а кровью. Он посрамил своим искусством всех остальных проповедников, а сам вознесся на недосягаемую высоту.

— Проповедник-то красноречив, — не удержался я, — но я страстно желаю, чтобы вы оказались менее красноречивы и прекратили этот разговор, потому что нет у меня больше сил терпеть его! Я заканчиваю свое путешествие и в Хое уж не побываю, но хорошо себе представляю, чем болеют его жители. Дорогой ага, ведь все это противоречит основам ислама. Разве так может быть, чтобы джинны сидели за пазухой или под облачением человека и подсказывали ему марсийе!?

После этого я свернул ковер разговора и глубоко задумался.

Очнулся я тогда, когда мы прибыли к месту назначения. Там мы часа четыре прождали поезда, а затем, усевшись в вагон, отбыли в Батум.

На этом я заканчиваю мои путевые заметки.

И вот мои выводы из всего виденного за время путешествия. Ни в одной из областей и городов Ирана я не видел ни малейшего признака прогресса и движения вперед, чтобы хоть чем-нибудь порадовать свое сердце. И в сельском хозяйстве, и в торговле иранцы держатся тех приемов, которые достались им в наследство от дедов.

Больше того, они даже тщеславятся тем, что среди них распространены и сохранены эти обычаи предков. Однако, с другой стороны, в бесполезной роскоши, в стремлении украшать свои дома дорогими и ненужными предметами они настолько ушли вперед, что отцам их и не снилось. Вместо простых медных ламп, изготовлявшихся на их родине и бывших в ходу у всех жителей, ламп, которые служили целому поколе-

нию, так что в конце концов стоимость их оказывалась совершенно ничтожной, они покупают теперь за двести туманов роскошную люстру, вешают ее под потолком и рискуют, что при ее падении хозяин не успеет ахнуть, как будет убит на месте. Ясно, что их деды и представления не имели ни о чем подобном!

Ни один из этих людей, даже обладатель больших поместий, не подумает купить и привезти из соседней страны молотилку, или жатку для зерна, или веялку и пустить ее в ход в своих деревнях, на своих посевах, чтобы это послужило добрым примером для прочих помещиков. Ведь ни в одной области, ни в одном городе или селении не видно поднимающегося к небу дыма фабрик, нигде не слышно свиста и грохота железной дороги, нет и намека на какие-либо машины.

Ни в одном городе не увидишь ни одного величественного и большого государственного здания, а государственных школ и больниц нет и в помине. Нигде нет ни банков, ни торговых компаний — этих показателей расцвета и роста торговли. Никто не печется о состоянии мечетей; все гробницы и мавзолеи прежних правителей, даже таких, как Сефевиды, разрушены и находятся в полном запустении.

Никто уже не помнит тех трудов и забот, кои проявили о государстве покойные Наиб ас-Салтане Аббас-мирза и великий эмир Мирза Таги-хан. Ни хороших не поминают добром, ни злых не проклинают. Основные качества нынешних иранцев — забвение всяких законов, отсутствие доброты, чести и справедливости. Как только соберутся где-нибудь пять человек, они лицемерно вздыхают: «Ох, батюшка, ведь вся жизнь наша какой-то пяток дней, надо подумать и о загробном мире». Однако все это фальшь, на словах у них одно, а на деле другое.

Они и не помышляют о будущей расплате за грехи и о благочестии и скромности и позволяют себе неслыханные роскошества. Все их поступки обусловлены корыстью — они не поздороваются с человеком, ежели не надеются получить у него что-нибудь или выпросить. Даже творя намаз, они имеют в виду что-либо вымолить у бога. Нравы людей настолько испорчены, что нет никакой возможности их исправить. Остается утешать себя одним: «Так было, но так не будет всегда».

Куда ни поедешь, везде видишь земли, годные под обработку и посевы, но что пользы! Они по большей части стоят заброшенные и невозделанные. То же можно сказать и о больших и малых городах, которые по скудости населения напоминают дикую степь. Многие вынуждены эмигрировать в чужие страны, поэтому города выглядят на первый взгляд совсем безлюдными.

Самые несчастные люди в этой стране — батраки, чернорабочие и грузчики. Эти бедняги вынуждены круглый день работать, а потом бегают от лавки к лавке в поисках пропитания, чтобы вечером, раздобыв хотя бы полмана хлеба, накормить семью. Даже в самые урожайные и плодородные годы им с трудом достается и этот скудный хлеб. Большая

часть помещиков, которые в жестокости превосходят воинов Чингизхана, ссыпают и прячут тайком свое зерно по амбарам и не знают милосердия к своим погибающим от голода согражданам. Да восстановит господь справедливость и заберет он долю бедняков у этих жестоких и алчных тиранов! <...>.

Когда мы говорим: «На все воля бога», то мы грешим против господа, ибо он милостив и справедлив. Почему бы ему желать зла иранцам? Когда мы начинаем приписывать все это колдовству и дьявольскому наваждению, то занимаемся пустыми бреднями. Следует, наконец, понять, что вся наша бедность, униженность и развал — возмездие за наши собственные прегрешения и прямой результат лености, нерасторопности, невежества и темноты.

Если мы посмотрим на факты справедливо и с научной точки зрения, то увидим, что все, чем нынче гордятся обитатели Запада, перешло к ним от нас. Мы словно сознательно и умышленно отбрасываем от себя все то, что могло бы послужить нашей славе и нашему процветанию, а жители Запада, ухватившись за все эти достижения человеческой мысли обеими руками, всемерно используют их для жизни и прогресса <...>. Мусульманские ученые хорошо знают: все, что есть благого в законах европейцев, они заимствовали из постановлений нашего великого шариата. Увы! Будучи в руках иноземцев, эти постановления кажутся нам чуждыми, мы смотрим на них враждебно и не постигаем того, что они могли стать основой нашего благоденствия. Европейцы просто перекрасили их на свой лад, а мы теперь издали взираем на них с тоской. Вправду говорят: «Что имеем — не храним, а потерявши — плачем».

Ведь это тот самый Иран, от чистой земли которого распространились на прочие страны государственность и справедливость. От времен Каюмарса,[199] первого шаха пишдадидов, и до последних сасанидов[200] страна сия была светочем справедливости и правосудия и блеск ее цивилизации слепил глаза жителям других стран. Да и ныне иранская земля по климату и плодородию считается одной из лучших на всем земном шаре, и мы должны благодарить господа за это благодеяние.

Территория современного Ирана в два раза больше территории Франции, но что толку, ежели в Иране нет и четверти того населения, которое есть во Франции? Население Франции, согласно переписи, составляет сейчас сорок два с половиной миллиона человек. А вот население Ирана точно не подсчитано: одни европейские географы полагают, что семь с половиной миллионов, другие насчитывают десять. Если ради собственного утешения мы примем даже второй вариант, то и тогда наше население не достигнет по численности и четверти населения Франции.

Чем же можно объяснить, что население столь огромной страны так незначительно? Ответ на это следует искать в ряде причин. Множество

иранцев из-за притеснения властей уезжает за границу, т. е. попросту они вынуждены эмигрировать, посему целые семьи вымирают, произведение потомства прекращается. Поистине, надо бы плакать кровавыми слезами над подобным положением!

Иные географы, повествуя о временах шаха Надира, насчитывали в Иране от двадцати до тридцати миллионов жителей, и это при всех напастях, которые проистекали от постоянных войн, междоусобиц и смут. Теперь же, когда миновало сто пятьдесят лет, случилось так, что десять миллионов человек, гонимые притеснениями, перебрались за границу. И самое страшное то, что никто не хочет взять в толк истинную причину этого вопиющего положения!

Во времена, когда в Иране были распространены науки, искусство и просвещение, население Запада и не вкусило еще от плода цивилизации и гуманности. Как же случилось, что обстоятельства так круто переменились? Отчего благородная глава сей древней нации посыпана теперь прахом несчастья? Почему она стала зависеть от иностранных держав во всем, от башмаков до шапок, и превратилась в мишень для посягательств чужеземцев?

В те далекие времена, когда Иран не имел торговых связей с европейцами, как мы жили? Разве мы стояли на месте? Как же случилось, что они во всем взяли над нами верх и вынудили нас к зависимости? Ответ может быть только один: по своему невежеству и слепоте мы не довольствовались тем, что имели сами, обольстившись поддельной красой и дутым блеском иностранных товаров, мы не подумали о том, что надо развивать отечественную промышленность. Вот за это-то небрежение мы и платимся ныне. А если бы мы поступали по словам одного из предков, который сказал:

Лучше нищим бродить мне, свою власяницу влача,
Чем рядиться в одежде златые — с чужого плеча,

мы сбросили бы с себя цепи рабства и нам не пришлось бы за всякую малость ссыпать наши богатства в кошелья иностранцев.

Кстати, я припомнил один рассказ, который слышал от правдивого и верного человека. Стоит, пожалуй, привести его здесь ради поучения вельмож нашей страны.

Некогда один русский царь, переодевшись, бродил по базарам Москвы. В одной из лавок он заметил, что прямо на полу, в пыли, валяется штука хорошего сукна. Подивившись на нерадение хозяина лавки, царь спросил у него с укором, отчего дорогой товар небрежно заброшен в угол. «Ведь это показывает твою нерадивость в торговом деле», — сказал царь торговцу. — «Сударь, — ответил торговец, — не растравляйте моего тяжелого горя, не сыпьте соль на мои старые раны, не тревожьте меня и не спрашивайте — горе мое непереносимо». Царь настаивал: «Изложи свою заботу, кто знает, может дело и наладится! Го-

вори же, посмотрим, что у тебя за беда». Владелец лавки рассказал: «Вот этот самый товар, который вам пригляделся, и стал причиной разорения моего дома. У меня был приличный капитал, и я поехал торговать в Лондон. Увидев там суконоткацкие станки, я подумал, что избавлю свою родину от больших затруднений, если завезу такие станки к нам. Я принял много хлопот и потратил все свои средства на то, чтобы наладить здесь сукноткацкое производство. И что же? Кто ни зайдет в лавку, как узнает, что товар наш, русский, непременно найдет какой-нибудь изъян и не берет. А я вложил в него весь мой капитал и половину моей жизни. И вот гибну и ума не приложу, что делать». Царь сказал: «И впрямь дело сложное. Однако не отчаивайся, бог всемогущ в устроении дел человеческих. Покамест дай-ка мне заров десять этого товара».

Хозяин отпустил ему сукно и взял деньги. На следующий день царь поместил в газете такое сообщение за своей монаршей подписью: «В лавке такого-то есть превосходное русское сукно — я сам его брал и пошил из него одежду. Одежда вышла красивая и добротная. А впрочем поступайте, как заблагорассудится, воля ваша!». После такого сообщения надо было поискать, чтобы кто из вельмож, министров и аристократов осмелился шить платье из иностранного сукна! Со всех сторон ринулись к этой лавке и в один момент раскупили все, что в ней было.

А вскоре после этого начали строить фабрики, и со времени того благословенного указа и до наших дней в стране построено уже сорок пять сукноткацких фабрик; они хорошо работают и приносят большую пользу...

Однако мы несколько удалились от темы. По утверждению многих ученых, иранцы не хуже прочих народов наделены умственными способностями, стремлением к прогрессу и чувством нового. Если бы они обладали к тому же образованием и воспитанием, то сослужили бы своей родине немалую службу.

Для подтверждения этой мысли можно привести много явных доказательств, и вот главное: несмотря на полное отсутствие развития науки и техники, изделия иранского ремесла, этот плод ума, наблюдательности и замечательной ловкости рук, возбуждают общее восхищение как среди нас самих, так и заграницей. Если бы эта благородная по происхождению нация украсила себя качествами, которые приобретаются благодаря усвоению наук и достижений современной техники, она была бы сейчас одной из цивилизованнейших наций мира.

То же можно сказать и относительно просвещения. Мы знаем, что целая группа юношей из аристократических семей Ирана уехала учиться в учебные заведения России, Франции и Англии. Несмотря на все трудности, связанные с пребыванием на чужбине, они в усвоении наук отвоевали пальму первенства у тамошних студентов.

Уважаемые читатели, естественно, зададут вопрос: почему же иранцы при всех своих врожденных способностях отстали от прочих? Ответ ясен: потому что нет того, кто взял бы дело воспитания нации в свои руки. Известно, что правительство Ирана вот уже целые века не проявляет никакого внимания к просвещению и образованию.

Чтобы добиться здесь высокого положения, человек должен иметь либо знатное происхождение, либо большой капитал. Если у него нет ни того, ни другого, то будь он хоть самим Асафом [201] в мудрости, никто его не оценит и не оделит вниманием. Есть, правда, еще третий путь для достижения высокого положения, однако я воздержусь от его упоминания.

Если же у человека нет ни знатного происхождения, ни денег, то он вынужден, как прокаженный, сидеть дома в четырех стенах, ему не использовать ни способностей, ни талантов, в самом лучшем случае он будет довольствоваться долей, выпавшей ему от известности и славы его отца.

Какие надежды можно возложить на государство, где шпага главнокомандующего находится у пояса четырнадцатилетнего юнца?! При любых прирожденных способностях, прежде чем удостоиться звания военного министра, ему следовало бы пройти сорокалетний путь, исполненный трудными маршами и переходами. Сначала ему надо пройти курс в военном училище и получить там свидетельство об отличном окончании, затем, заслужив воинский чин, постепенно продвигаться в звании, при условии исправной службы, от бригадного генерала к дивизионному генералу, затем к командиру корпуса. А уж тогда, коли он заслугами пред нацией и государством, храбростью и знанием дела завоюет добрую славу, он может удостоиться и самого высокого звания, получив его действительно заслуженно.

Вот если бы все делалось так, то люди для достижения высоких государственных должностей обязательно обращались бы к знаниям и образованию. Тогда все дела вершились бы по правилам и законам, страна бы обрела силу и заняла достойное положение, народ жил бы в почете и с чувством достоинства. От нынешнего позора и разрухи не осталось бы и следа.

Если отнять от нынешнего военного министра его шпагу и военный мундир, то при нем не останется никакого достоинства и никаких прирожденных талантов, кроме одного: поглощать жалованье подчиненных, уменьшать количество отрядов да урезывать траты на обмундирование, провиант и боеприпасы ради своего кармана. Все, что он имеет, — пустая игра случая. Благодаря одному приказу он все приобрел, благодаря одному приказу он все может потерять.

История являет нам немало примеров, когда люди совершенно незаслуженно возносились очень высоко. Судьба семьи бармакидов [202] у всех нас стоит перед глазами. Джафар Бармаки в счастливые свои

дни получил из государственной казны около трех миллионов золотом, но случилось так, что временщик лишил его своей благосклонности. Он отнял у него все: от медной полушки до последней циновки — и пустил на ветер весь урожай богатства Джафара и его близких, и потомки его остались сирыми бродягами. И одарение, и наказание здесь были чрезмерными, выходящими за рамки всякой законности.

И вот что удивительно: ныне в Иране, если хотят похвалить какого-нибудь министра, то говорят, что он в щедрости подобен Хатаму.[203] Если хотят, напротив, упрекнуть министра, то замечают, что человек-то он хороший, да немного скуповат. Увы, сто раз увы! Умеренность пятнает в их глазах высокое звание государственного человека. Теперь, видно, главным достоинством считается умение силой и неправдой грабить одних, чтобы с лестью и подлостью ублажать других. Выходит, весь грех бережливого министра в том, что он ни силой не отбирает, ни безрассудно не расточает.

О положении купцов, ремесленников и крестьян мы уже поминали. Если вкратце высказаться о положении аристократии, то получится то же самое, а именно: в Иране даже у самого премьер-министра нет уверенности, что завтра у него не отберут все прерогативы его власти, ибо тут ни один швейцар не прозевает, ежели ему подвернется правдой или неправдой большая должность.

Все охвачены жаром стяжательства — как бы побольше денег, лошадей, челяди, да титулов! А о том, что главнее всего — о святости понятия «родина», о благоденствии государства, об обеспечении независимости своих соотечественников и о прогрессе и могуществе — не помышляют. Поистине, «люди спят, а прозревают лишь тогда, когда умирают».

О будущей жизни не думают люди, о друг мой,
Как будто во сне пребывают в неведенье косном.
Подобной беспечности вред они, может, оценят,
Когда к ним пожалует смерть, но окажется поздно.

Да, лишь тогда они покаются в своей сегодняшней небрежности, когда их захлестнет волна превосходства соседей. Увы, раскаяние придет слишком поздно и не принесет пользы!

Тут мне пришли на ум новые стихи из обильной и благословенной свыше нивы творчества Абу Насра Фатхулла-хана Шайбани,[204] да уготовит господь вечный рай его душе! Сборник стихов этого красноречивого поэта был напечатан в Стамбуле согласно распоряжению генерального консула Ирана Мирзы Риза-хана. Один из моих друзей прислал мне в подарок экземпляр этого сборника. И я тогда, с моей фанатической любовью к родине, посылал проклятия как автору, так и издателю сей книги и обоих достойных людей винил в отсутствии патриотизма. Ныне, когда я воочию увидел истинное положение Ирана, я смиренно прошу их о прощении и молю творца, дабы одарил он сияю-

щими лучами своего милосердия святую могилу этого великого мудреца и красноречивца.

Как изумительно звучит такой пленительный стих его знаменитой «Паришан-наме» — «Поэмы смятенного», и как подходит он к нашему нынешнему положению!

Увядает наш сад — исполин-кипарис и сосна,
В запустенье дела государства — и трон, и страна,
Посылаю проклятье тому я, кто это свершил,
Кто повинен один, что разрухе страна предана.
О несчастье! О горе! Разруха терзает наш край!
От столицы до самой границы простерлась она,
От тучнеющих стад не дождутся наград пастухи —
За отарой отара, как будто волной, сметена.
Нужен лекарь скорее, чтоб нас излечить от беды,
Чтоб осилить разруху, высокая мудрость нужна.

Нижайше прошу прощения я и у другого мудрейшего мужа — автора «Книги Ахмада», ибо и о нем я помышлял худо по причине моего злосчастного патриотизма. Только теперь, когда я постиг все тонкости мудрых мыслей этого выдающегося человека, я могу утверждать, что у него в душе пылал огонь истинного патриотизма — да не живет всякий, у кого в душе нет этого огня!

Однако мне неясно, как при таком запустении можно объединить всех этих несчастных, если только сам господь не пошлет им искусного лекаря? Если уж между министрами нет единодушия и все силы их души устремлены только на то, чтобы столкнуть друг друга в яму, защитив себя и свое место, то где им среди волнений, дрязг и раздоров подумать об устройстве дел страны, о благополучии народа?

Можно ли надеяться на прогресс того государства, где мерилом пригодности или непригодности министра является его щедрость или скупость? Ведь эти два внутренних качества характера вряд ли имеют касательство к исполнению их государственного долга. В министре следует ценить просвещенность, знания, энергию, честность и деловитость, а не показной блеск и роскошь. Точно так же, как в другом должно порицать вероломство и недобрые дела, а не прирожденную бережливость. Ибо и хорошие, и плохие стороны такого рода качеств характеризуют только их натуру, а не выполнение ими министерских обязанностей.

Конечно, министру надлежит согласно его положению иметь слуг и челядь и при необходимости с достаточной пышностью принять гостей. Государство обязано предоставлять для того необходимые средства, которыми министр и должен обходиться. Если же министр не довольствуется этим и занимается расточительством, то одно из двух: либо он насилиями выманивает средства у народа, либо запускает руку в государственную казну — последствия и того и другого одинаково пагубны для страны.

Министры, швыряющие, не моргнув глазом, миллионы государственных и народных денег на потеху своего мелкого тщеславия, полагают, что тем самым они прославятся своей щедростью среди простого люда, и не подозревают, что наносят себе непоправимый вред. Время не пощадит их, они получат в конце концов возмездие за свои проступки, ибо я уверен, что никто из них не в силах отрезать язык историку или преломить его перо.

Не пристало достойному министру ублажать ленивого и льстивого поэта сотней туманов за одну касыду да еще и поощрять его к созданию этих насквозь фальшивых виршей. Тот министр мудр и проницателен, кто пресекает ложное суесловие и пресмыкательство и побуждает поэта на создание мудрых произведений, отвечающих запросам нации и написанных языком, понятным народу.

Султан Махмуд Газневи[205] вместо того, чтобы достойно вознаградить труды Фирдоуси Туси,[206] — да будет вышний рай местом его успокоения! — предпочел предать его имя забвению. А не ведал султан тогда, что пройдут его времена, когда шахи Ирана покоряли Индию и вывозили оттуда целые караваны добычи, состоящей из золота, серебра и драгоценных камней, и что в наши времена страна станет добычей морского крокодила.[207] Между тем Фирдоуси получил гораздо больше того, чем мог вознаградить его шах, — вечную память за то, что воскресил забытый народный язык и сослужил нации необходимую службу, а нынешние поэты, слова которых совершенно лишены мудрости и наставления, заслуживают бесконечного презрения и упреков.

Несчастный Ибрахим-бек кончает на сем рассказ о своем путешествии по Ирану. Если кто-нибудь из читателей этого «Путешествия» обратится ко мне с вопросом, почему я не узнал и не записал, сколько жителей в тех городах Ирана, которые посетил, то я должен буду заметить, что вопрос этот справедлив и основателен. И я с величайшим прискорбием отвечаю: я хотел написать об этом, но не смог, ибо не имел в руках необходимых сведений. Если в других странах периодически проводится перепись населения и подобные сведения легко почерпнуть из разного рода календарей, то в Иране всего этого нет и в помине, и всякий, если и говорит об этом, то только строит предположения.

Я спросил, к примеру, в Ардебиле у одного местного жителя, каково население этого города. Он, не моргнув глазом ответил, что более двухсот тысяч. Когда я с сомнением усмехнулся, он крайне удивился этому. Я сказал:

— Я смеюсь над твоим непониманием чисел; ты, верно, плохо представляешь себе, что такое тысяча.

— Почему это я не представляю? — возразил он в крайнем раздражении.

— Не будем спорить, дорогой баба́, — сказал я. — Двести тысяч — это ведь очень много, посчитай-ка сам по справедливости!

— Ну, коли не веришь, пойди завтра утром на базар, где торгуют дровами. Увидишь, какая там теснота — не протолкнешься среди людей! — рассердился он.

Помню, я спросил еще кого-то о численности жителей этого же города, и тот ответил мне, что она составляет, вероятно, тысяч тридцать. Хотя и этот человек говорил лишь наобум и по догадке, но он, по-видимому, был ближе к истине.

То же относится и к расстояниям между остановками. В течение всего путешествия, когда бы я ни спросил у возницы, сколько фарсангов от одной остановки до другой, он неизменно отвечал: «Шесть». Ехали мы восемь часов или десять.

Оказывается, эти люди усвоили такие цифры от своих отцов и дедов, а правильного счета нет у них и в помине.

Более того, большинство жителей не знает своего возраста, и годы рождения определяют чаще всего по тем или иным событиям. К примеру, говорят, что такой-то родился, когда произошло землетрясение, или эпидемия, или такая-то война, или в такой год, когда умер такой-то знаменитый человек, или это было в правление такого-то губернатора.

Можно подумать, что у них у всех не нашлось ни пера, ни бумаги, чтобы записать год рождения ребенка, чтобы не припоминать потом какие-то памятные события, случившиеся на их родине. Лишь очень немногие люди знают свой возраст.

Не меньшая неразбериха царит здесь и с паспортами, или, как их называют в Иране, «тазкире». Я не раз видел в руках у семидесятилетнего человека паспорт сорокалетнего с чужим описанием примет. Чиновники пишут в паспортах все, что взбредет им в голову, часто не церемонятся даже с именами владельцев этих паспортов. Точность никогда и никого не интересует, так как главная цель во всех таких делах — не порядок, а сбор денег.

Несчастные в простоте души полагают, что и в других странах паспорта учреждаются только ради взимания налогов, — да истребит господь само это зловредное слово! — и не ведают, сколь велика польза, которую извлекают другие народы и страны из подобных разумных мероприятий.

Государство вводит паспорта главным образом для всех передвигающихся и меняющих место своего жительства, а также ради порядка и устройства положения народа. При всех превратностях судьбы и во всех случаях это позволяет иметь сведения о положении народа и знать, что и где случилось с каждым человеком. Вот почему в этих странах получение паспортов, позволяющих ехать за границу, связано с большими трудностями и в отношении человека, испрашивающего паспорт для такой поездки, производится тщательная проверка.

В Иране же производство паспортов выглядит до крайности занятно: во-первых, здесь каждый может получить аренду на их печатанье и может печатать паспорта такого вида, какого ему заблагорассудится, во-вторых, паспорт выдается без всякой проверки любому, кто его просит, лишь бы он уплатил за него деньги, а что там написано — роли не играет.

Один из моих друзей рассказывал о том, что в порту Джедда он видел в руках у иранских паломников паспорта самых разнообразных видов. Другой знатный человек из Мазандерана, лично мне знакомый, записывал во время путешествия суммы, которые он потратил на паспорта. Я видел эту тетрадь с записями и клянусь, что только подписывание паспорта в разных местах ему стоило сорок пять туманов. Этот же человек рассказывал, что многие понуждаемые духовенством крестьяне, не зная истинного счета деньгам, как только заведется у них в кармане сотня-полторы туманов, тотчас отправляются в Хиджаз.[208] На первой же остановке из этих бедняг выколачивают все деньги, и они оказываются нищими. Он был свидетелем того, как несколько таких иранцев, не вынеся лишений и мук голода, скончались на пароходе уже на обратном пути из Джедды, и тела их бросили в море. В карантине возле какого-то города он встретил также несколько паломников, просивших милостыню, которые потом еле живые добирались до дому.

— Если бы я был муджтахидом, — добавил мой знакомый, — то издал бы указ, запрещающий отправляться в Мекку всякому, у кого в кармане на путевые расходы есть меньше, чем семьсот туманов.

— Брат, — пошутил я, — хорошо, что господь не сделал вас муджтахидом, не то вы и впрямь наложили бы запрет на это богоугодное дело.

— Позвольте, дорогой земляк, — загорячился он, — я ведь это говорю только из чувства сострадания. Если бы вам самим довелось их видеть и понять те мучения, которые они терпят в Мекке и Медине от безденежья, вы сказали бы еще и не то. Клянусь творцом, когда увидите сами, поймете все, что я сказал! Их нищета и лохмотья так ужасны, что всякий содрогнется от стыда за этих босых и с непокрытой головой паломников.

Я счел небезынтересным занести весь этот разговор в мой путевой дневник, хотя он вроде бы и не касается непосредственно моего путешествия по Ирану. Но в течение четырех дней, проведенных в Батуме в ожидании парохода, других дел у меня не было, и я коротал время над своими записями.

Уповаю на то, что упоминание подобных фактов принесет какую-нибудь пользу, ибо главная моя цель — направить стремления моих соотечественников к просвещению.

Как я уже успел убедиться, получить в Иране какую-либо должность, титул или управление областью может всякий человек из любого сословия и класса. Трудность заключается лишь в том, чтобы достать бо́льшую или меньшую сумму денег на подношения и взятки. Всякий, кто отри-

цает это, попросту «наводит тень на светлый день», ибо вопрос этот безусловно ясен.

Все же одна должность составляет исключение из общего правила: никто не может ее получить ни взяткой, ни подарком, потому что она требует специальных знаний и образования. И только она одна защищена от посягательств богатых недоучек.

Если вам еще не пришло в голову, что это за должность, то я подскажу, — это заведывание иранским телеграфом, так как именно здесь без образования не обойтись.

Если случится так, что в один прекрасный день откажутся от работы десять министров или сто военных, вроде майоров, полковников и даже более высоких чинов, то еще до наступления вечера все их места будут заняты. А вот ежели телеграфные чиновники откажутся от выполнения своих обязанностей, то сразу прекратятся все телеграфные отправления и в государственных делах начнется страшная путаница. В Иране трудно найти человека, который понимал бы эту телеграфную науку, хотя за границей обучить ей можно любого ребенка школьного возраста и наука эта считается там одной из самых обычных и простых для обучения. Если человек не знаком с этим делом, то дай он взятку хоть в сто тысяч туманов, ему не видать места чиновника на телеграфе. Такие примеры еще более свидетельствуют о великом значении науки и просвещения.

Если бы можно было преобразовать наши отечественные школы и поставить обучение в них в соответствие с требованиями современности, тогда наши дети могли бы впоследствии честно трудиться и никому не пришлось бы добывать средства существования для своей семьи ложью и обманом, вредить другим или же предавать интересы своей родины, государства и народа.

Алхимия, в которую верят многие народы Востока, — тоже часть науки.[209] Но, как известно, в Иране алхимия разорила не одно семейство. Множество жуликов и шарлатанов, прикрывшись званием химиков, слетелось в Иран, так как ни в каких других цивилизованных и благоденствующих странах никто не стал бы прислушиваться к их лживым речам. Пользуясь невежеством, царящим в Иране, они разоряют людей; многие почтенные особы с вечера до утра жгут печи, поддерживая неугасимый огонь, и так самозабвенно предаются этому занятию, что бросают дом и семью. Эта повальная болезнь досталась нам от предков.

Я лично знаю в Иране много больших домов, которые превратились в груду пепла в результате таких опытов. А вот если бы иранцы были людьми просвещенными и сведующими, то они, наверно, отдавали бы себе отчет в том, что, меняя цвет какого-либо вещества, сущность его изменить невозможно. «Окрась слезу хоть целой радугой красок, ты не превратишь ее в бадахшанский рубин».[210]

Химия — наука и наука весьма благородная, это никто не станет отрицать. Но это не та химия, что имеет хождение среди жителей Востока и

сводится к устной передаче сведений: «Такой-то индус сказал, такой-то мавр написал». Истинную науку химию надо постигать в школах, а не учиться ей у разных странствующих иранских и туранских[211] дервишей.

Если бы иранцы изучили эту замечательную науку по книгам, вникнув в наставления мудрых учителей, то они легко бы избавились от нужды и жили в полном благоденствии, разработав несметные сокровища, таящиеся в их земле. Они уберегли бы от губительного разрушения дома, которые низкие и бесчестные алхимики сожгли огнем своей лженауки, и предотвратили бы все те унижения, коим подверглись обитатели этих домов.

Если бы я рассказал им, что в европейских странах благодаря распространенности наук и процветанию учебных заведений только в одной типографии занято делом ежедневно четыре тысячи человек, — никто из моих уважаемых соотечественников не поверил бы. Только в одной Англии в типографиях работает около трех тысяч человек, и ровно столько же моих соотечественников бегут каждый год за границу, понуждаемые злом невежества, и занимаются там самым черным, самым низким трудом, которым гнушаются жители этих стран.

Этот философский камень, этот чудодейственный элексир, имя которому школа, смог бы принести свои прекрасные плоды. Юноши нашей страны, получив пользу от просвещения и мудрости, привезли бы из-за границы машины и силой науки начали бы переработку тех мазандеранских лесов, которые ныне беспощадно вырубаются иностранцами. Эти же юноши стали бы выделывать из древесины бумагу, вот такую, как я сейчас держу перед собой. Просвещение принесло бы нам полезнейшую вещь — телефон. С его помощью я мог бы хоть сегодня побеседовать с достойным мужем, которого я имел счастье узнать в Тегеране, мог бы спросить у него обо всем, что не вспомнил тогда, и спросить, не повышая голоса, так, как будто я снова сижу в его библиотеке. С помощью телефона я мог бы послать привет моей матушке в Египет и обменяться с ней несколькими словами, потому что я знаю, как бедняжка тоскует сейчас обо мне.

Только науке по силам в самую темную ночь осветить за несколько минут большой город без всякого горючего и фитилей. Еще большее чудо являет наука, когда помогает европейцам варить сталь, ценящуюся на вес золота. Во всем можно обнаружить этот чудесный философский камень — школу, каждый человек нашей планеты носит в себе его частицу. И лишь одно место, где вы его не отыщите, это Иран!

Как понять, почему люди этой древней страны, нация благородная и разумная, не скорбят о своей потере, не ищут этот камень? Ведь говорится в хадисах: «Мудрость — вот предмет стремления каждого мусульманина, он берет ее везде, где находит».

Только диву даешься, глядя на тех слепых людей, которые говорят, что такое положение предопределено самим вращением небес. Неужто им невдомек, что небо готово обрушиться на них за их клевету!

Несчастный! Само небо даровало тебе целых пятьдесят лет спокойствия, уберегло тебя от войн и внутренних распрей, а ты все это долгое время сидишь в темноте, запершись в четырех стенах своего дома, лишь издали глядишь на освещенные дома соседей и не хочешь получить свою долю света! Так в чем же повинна судьба?

Слышишь небо говорит тебе: «Моей вины здесь нет. Я в данном случае только исполнитель злой воли губернаторов, старост и полицейских». И становится понятно, что великий творец, создавая мир, проявил бесконечную мудрость и отнюдь не предначертал какой-нибудь нации быть отверженной и немощной.

Когда нация — какая бы ни была, в том числе и иранцы, — поступает согласно наставлениям и заповедям пророка, когда в основе ее действий лежит справедливость, когда она стремится к знаниям и просвещению, печется о вере, любит родину и своих сограждан, то небо всегда и во всем посылает ей свою помощь.

Людям уготовано счастье в будущем мире, но и на нашей грешной земле они могут жить в величии и достатке, не роптать на судьбу и не предъявлять претензий к небесам.

Скоро и сами иранцы поймут: с тех пор, как взошло озаряющее мир солнце ислама, ни одной нации так не благоприятствовали небеса, как иранской. Если они и впредь будут, так же как ныне, пренебрегать средствами науки и прогресса и жить по старинке, то очень скоро поток бедствий, несущийся из городов севера, затопит их или поднимутся страшные волны из Оманского моря[212] и захлестнут их страну.

И тогда навеки попрано будет наше национальное достоинство и наша независимость, а со страниц истории безвозвратно стерто само название иранского народа. «Не останется тогда у соперников ни головы, ни чалмы». Клянусь творцом, при одной мысли об этом кровь леденеет у меня в жилах!

Как обстоит дело в других странах? Держа наготове миллионные войска, вложив в вооружение — пушки и винтовки сотни тысяч при государственном доходе, исчисляющемся миллиардами, эти страны ни на единый миг не упускают из виду увеличение своей мощи. Их деятели трудятся день и ночь, и мысли их ежечасно обращены на расширение государственных границ.

Министр финансов там неустанно изобретает средства для увеличения доходов, военный министр занят снаряжением войск, а министр образования печется об открытии новых учебных заведений и об улучшении работы существующих. Каждый занят своим делом, не вмешиваясь в чужое, и все вместе они, заткнув полу благородного рвения за пояс чистейших побуждений, заняты служением государству и народу.

Их главная цель — не уронить международного престижа своей родины и всячески поднимать достоинство и славу народа. Короче говоря, они почитают родину своим домом, а народ — любимыми детьми и твердо

знают, что воспитание детей и благоустройство жилища — главнейший долг человечества.

Они изгнали из употребления в своей стране такое презренное выражение, как «мое дело — сторона», и никогда их дети не слышат этих злосчастных слов, которые так часто срываются у нас с уст взрослых. Стоит случиться где-нибудь катастрофе или какому-нибудь стихийному бедствию, сразу же рассылаются повсеместно листы для сбора пожертвований и все с открытой душой по мере возможности помогают потерпевшим и изыскивают любые способы оказать им поддержку.

Суть моих слов дойдет лишь до того человека, у которого, так же как у меня, несчастного, любовь к родине вошла в плоть и кровь.

Сейчас я нахожусь в большом затруднении: как рассказать обо всем виденном тем людям, с которыми я встречался и беседовал в Египте? Правдиво описать все мои впечатления — значит подтвердить их слова, а этого мне не хотелось бы делать. Погрешить против правды — значит поступить наперекор заветам отца, который учил меня никогда не кривить душой.

Мне остается просить у господа, чтобы он либо переделал мой характер, либо послал мне смерть, либо даровал, наконец, Ирану процветание и счастье. Из этих трех путей легчайший — смерть, но что тогда станется с моей бедной матушкой? Ведь у нее нет никого, кроме меня!

Вместе с тем в мое сердце закрадывается надежда, что предводители иранского государства, поездив по иностранным державам, собственными глазами увидят материальный прогресс и цивилизацию стран Запада и Севера. Может быть, после этого кровь благородного рвения взыграет у них в жилах, и тогда они примутся расчищать пути для процветания их родины.

Что и говорить, реформы в таком большом государстве — дело нелегкое, они потребуют много времени. Это ведь не халва, которую можно сварить и съесть в одночасье.

Япония, например, целых двадцать лет занималась реформами,[213] и никто не догадывался, потому что все проводилось сугубо секретно. Когда же дела были приведены в порядок, завесу тайны отдернули, и все окружающие увидели за ней вместо темноты лучи цивилизации и прогресса: невежество и необразованность уступили место просвещению.

Кто знает, может быть, иранское правительство тоже втихомолку готовится к подобным мероприятиям — ведь за лишениями и бедностью нередко следует преуспевание <...>.

Когда я стал понемногу успокаиваться после всех этих мыслей, как будто был без сознания и пришел в чувство, я спросил сам себя: «Ну, Ибрахим, довольно с тебя? Или еще будешь говорить?». И ответил сам себе опять в который раз: «Вот что нужно Ирану — школы, устроенные по новому образцу, железные и шоссейные дороги, регулярное войско во всех главных городах, как это надлежит столь обширному государству, и

широкие сферы торговли, чтобы соседи умерили по отношению к нам свою алчность. Мы не желаем, чтобы наш ближайший сосед,[214] который проявляет слабость в сохранении собственных богатств, топтал наши законные права и посягал на наши исконные земли, не довольствуясь тем, что уже захватил у нас. Если всего этого у нас не будет, то не станет возможным ни защита нашей родины, ни соблюдение святых прерогатив шариата и ислама».

Если бы наши далекие предки — да будет их прах орошен водой милосердия! — в свое время употребляли бы, как и мы, несчастные, формулу «мое дело — сторона» и руководствовались ею в делах, то сегодня у нас не было бы и этого убогого пристанища. Ведь всякому ясно, что когда человек разбивает сад и сажает в нем фруктовые деревья, то думает он о детях, кои насладятся цветами этого сада и вкусят сладость его плодов.

Наши предки, заплатив за благоденствие родины ценой своей крови, берегли ее во имя нас. Вглядитесь внимательно в землю нашей родины: вы не увидите ни единой ее пяди, не обагренной кровью наших благородных предков. Сколько бесценных жизней погибло, защищая эту горсть земли!

В те времена, когда со всех четырех сторон нас теснили сильные враги, наши высокородные деды денно и нощно сражались с ними, не пугаясь бесчисленных жертв, дабы очистить нашу землю от сорняков иноземного владычества.

Теперь, когда мы по лености нашей и недомыслию, которые и составляют нашу главную беду, ничего уже не можем прибавить к былому блеску Ирана, допустимо ли, потеряв так много, не стараться сохранить ту малость, что нам осталась, и топтать бесстыдными ногами любовь к господу и верность родине? Терпимо ли, что у нас не осталось и крупицы благоговения пред мечетями и местами поклонения, этими великими благами, коими нас оделил творец, завещая блюсти их сообразно высокому достоинству ислама?!

Боюсь, что господь ниспошлет нам возмездие за нашу черную неблагодарность, и тогда божий гнев лишит нас всего, чем мы еще можем гордиться.

Цель моих слов — напомнить об этом иранцам, а ежели они не отзовутся — пусть Иран сгорит в огне тирании! Тогда уж и мое дело — сторона, и лишь там, вдали, сердце мое изойдет тоскою.

А если вдруг вернется эпоха Ануширвана Справедливого и во всей стране воцарится благоденствие, то я не искал бы для себя никакой поживы — моей сладкой долей будет только гордость и радость.

Если мои уважаемые соотечественники спросят, с какой стати этот говорливый юнец под видом наставлений народу нашей страны вмешивается в наши внутренние дела, то я со всей почтительностью отвечу: конечно, я лишь ничтожная пылинка, не идущая в счет, но стоит прислушаться к словам великих мира сего, которые изволили поделиться с нами такой истиной: «Важно то, что́ говорят, а не то, кто́ говорит»

Сам по себе высокий сан ни тени
Величия не придает словам.
И потому — всегда внимайте смыслу,
А кто сказал — какое дело вам?..

Я же смиренно молю творца дать мне дожить до того дня, когда я своими глазами увижу благие времена, которые пророчил мне в Тегеране почтенный и уважаемый муж.

Главное условие этого счастья зависит от согласия и единодушия министров и правителей страны, которые должны решительно выбросить из сердец все корыстные и личные побуждения, помогать друг другу в устранении темных сторон жизни нашей родины в своем служении ей.

Я был глубоко погружен в эти мысли, как вдруг услышал, что Юсиф Аму обращается ко мне со словами:

— Господин бек, разве вы еще не хотите кушать? А я очень голоден, уже давно прошло время обеда.

Вижу, и впрямь время близится к вечеру.

— Что же, и то правда! — сказал я. — Пойдем, поедим, а потом сходим на базар купить часы, свои-то в Тегеране я выбросил на ветер.

— Вот, вот, господин бек, — подхватил Юсиф Аму, — я уж давно собирался спросить, где ваши часы, да все как-то не приходилось к слову. Теперь вы сами вспомнили об этом. Никак я не могу взять в толк, что случилось с вашими часами?

— Об этом не спрашивай, все равно не скажу.

— Отчего же? — растерялся он.

— Потому что я не смогу рассказать тебе правду об этом приключении. А ведь ты сам знаешь, что ложь не в моем обычае.

Бедняга грустно замолк и не произнес больше ни слова.

Мы вышли из гостиницы и отправились обедать и покупать часы. При выходе мы встретили какого-то иранца и спросили у него, не знает-ли он поблизости лавки, где торгуют челавом.

— Нет, — ответил он, — но если вы желаете пообедать, то могу указать лавку, где готовят кебаб.

— Что ж, — заметил я, — это тоже неплохо. Если вы нас туда проводите, будем вам крайне признательны.

Он любезно согласился и проводил нас до лавки. Принеся ему свои благодарности, я пригласил его отобедать с нами. Однако он, сославшись на то, что недавно ел, попрощался с нами и ушел.

Мы поели кебаб в маленькой лавчонке, а затем, разыскав магазин часов, вошли в него.

Нам навстречу поднялся еврей небольшого роста — владелец магазина. Когда я спросил у него о цене, он ответил мне что-то по-русски. По-азербайджански он не понимал и, как оказалось, не смог ответить и тогда, когда я обратился к нему на английском и французском языках. Было ясно, что он знает лишь русский язык. Мы уж собрались было уйти, но

он не пустил нас и, взяв в руки несколько часов, знаками показал нам, чтобы мы следовали за ним. Тогда я понял, что он идет за переводчиком.

Рядом с лавкой было еще какое-то помещение, туда вела лестница. Еврей поднялся наверх и постучал в дверь; стоя за его спиной, мы услышали, как чей-то голос произнес по-французски: «Войдите!».

Вслед за маленьким продавцом часов мы шагнули через порог и увидели в комнате трех иранцев, сидящих за обедом.

Мы почтительно приветствовали их.

— Пожалуйте, во имя бога, входите и разделите с нами трапезу, — сказали они.

— Благодарствуем, — ответил я, — но мы только что пообедали.

Еврей — владелец магазина — объяснил им по-русски суть дела; пришли дескать ваши соотечественники, желающие приобрести часы. Короче говоря, с помощью переводчиков мы сторговали у него часы за двенадцать рублей.

Еврей взял деньги и покинул комнату. Поскольку в России в любом доме всегда наготове чай, нас пригласили к столу и угостили чаем. Потом завязалась беседа.

Выяснилось, что хозяин дома — иранский купец; он постоянно живет в Батуме и занимается тут торговлей, главным образом привозя и перепродавая чай. Он полюбопытствовал, кто мы и откуда.

— Я — иранец, живу в Египте, сын такого-то, — ответил, как обычно, я.

Услышав это, мой собеседник проявил признаки большой радости и с удвоенным оживлением начал расспрашивать о моих знакомствах и родне. Как оказалось, он хорошо знал моего покойного отца; он выразил глубокие сожаления по поводу его кончины.

Я поинтересовался, как зовут двух других иранцев, присутствующих в комнате.

— Это — Таги Кербелаи, — сказал он, указывая на одного, — по происхождению он из города Маранда, но теперь постоянно живет в нашем городе. Другой наш собеседник — Халил Султан, муж моей сестры, живущей в Иране. Сестра прислала его, чтобы он непременно увез меня отсюда к ним, на родину. Она не понимает, видно, что я живу здесь в полном покое, и в безрассудной сестринской любви хочет подвергнуть меня тысяче всяких опасностей, которые подстерегают живущих в Иране.

Мы еще немного пошутили и посмеялись, как вдруг открылась дверь и вошел какой-то человек.

— Господин хаджи, он опять водит меня за нос! — начал он без всякого предисловия. — Заклинаю тебя господом богом, вызволи меня из когтей этого тирана!

— Дорогой баба́, — сказал хаджи, — что же я могу поделать?! Я три раза ходил к нему, усовещивал его, чтобы он дал вам сто пятьдесят рублей, и он трижды мне в этом клялся. Что это за штуки такие! Да покарает господь эту шайку, которая, не страшась ни бога, ни пророка, чересчур

уж обнаглела, пожирая имущество бедняков и сирот! Идите себе с богом, я сегодня же опять пойду к нему и уж настою, чтобы он прекратил тяжбу.

Человек рассыпался в благодарностях и восхвалениях и вышел.

— Что случилось? Кто этот человек? — спросил Халил Султан.

— В прошлом году, — рассказал хаджи, — в этом городе умер один иранец, владевший бакалейной лавкой. Консул продал все имущество лавки, выручил семьсот пятьдесят рублей с лишним да и прибрал их к рукам. Теперь приехал этот человек — брат купца. У него с собой свидетельство, выданное влиятельными улемами страны, где подтверждается, что он брат умершего и его наследник. Вот уже несколько месяцев, как он живет в городе. Консул ни за что не соглашается выплатить все оставшиеся после умершего деньги. После бесконечных препирательств нам удалось сойтись на том, что он выплатит хотя бы сто пятьдесят рублей, но и с ними он никак не хочет расстаться.

— А кем прислан этот консул? — спросил я.

— Главным консульством в Тифлисе.

— Так вот туда и надо пожаловаться на вашего консула.

— Да вразумит господь твоего отца! — воскликнул мой собеседник. — Ведь такой образ действий наш консул и перенял оттуда!

— А в чем виноват бедняга консул? Что ему остается делать, раз жалования не платят, — вступился Халил Султан. — Вполне естественно, что все они прикарманивают, где могут, значительные суммы путем всяких взяток и конфискаций.

— Вы сами чиновник и служите в министерстве, — прервал его мой первый собеседник, — потому и заступаетесь за консула. А вам, скажите, тоже не выдают жалования?

— Что бы они ни прибрали к рукам, клянусь творцом, это их законные деньги — вот мое мнение! — с жаром сказал Халил Султан.

— Почему же? — удивился я.

— Вот уже несколько лет, — пояснил он, — как я и в глаза не видел никакого жалования. Скажу вам больше. У меня есть прекрасный конь, которого я люблю и берегу пуще ока своего. Наш генерал как-то увидел этого коня, и глаза у него разгорелись. Сколько он ни досаждал мне разными намеками и подходами, я делал вид, что не понимаю, пока от намеков дело не дошло до прямых заявлений и даже приказов. Однако я твердо стоял на своем. Наконец генерал, найдя претендента на мою должность, собрался уже принять от него взятку в семьсот туманов и передать ему командование моим отрядом. Когда это дошло до меня, я сказал ему в присутствии большого числа собравшихся: «Господин генерал, должность эта испокон веков принадлежала моим предкам. Деды мои служили самому падишаху, отец мой два года во время военных волнений валялся в грязи в Хорасане, был несколько раз ранен. Если вы отдадите мою должность другому, я немедля иду на телеграф и посылаю шаху жалобу на вас. И до самой моей смерти я буду продолжать это дело, потому что понимаю: „Чернее черного

цвета нет". Вот все, что я хотел сказать». Генерал видит: я не из дурачков, которых легко провести. Тогда он отказался от своих намерений, проявил ко мне благосклонность и даже подарил почетный халат. А коня ему я так и не отдал.

Я задал вопрос:

— Скажите по чести, вам вообще не полагается жалованье или же просто его не дают?

— Что за странный вопрос, — удивился он. — Разумеется, от государства нам положено и жалованье, и определенное довольствие, и казна его выдает. Однако все это поглощают другие, а нам, грешным, не попадает ничего. Деньги поступают к высокопоставленным лицам, переходят из рук в руки и, когда минуют десяток инстанций, получателям остается лишь десятая доля, а то и вовсе ничего. Я вообще ничего не получаю, ну и бог с ним, я по милости бога не нуждаюсь, но и мои бедные коллеги тоже ни гроша не видят.

После этого хозяин дома предложил нам немного прогуляться.

— Что ж, это неплохо, — откликнулся за всех Халил Султан.

Мы вышли из дома и, не спеша, стали гулять по городу. Дошли до городского сада — там было очень много народа. Возвращались уже за полночь. Когда пришла пора прощаться, я сказал хозяину, что, по всей вероятности, на следующий день нам не удастся прийти к нему, так как наш поезд уже прибыл сегодня, и завтра с помощью господа мы будем молиться за всех них в Стамбуле.

Хаджи стал возражать:

— Но это невозможно! Я не допущу, чтобы вы уехали завтра. Я надеялся, что вы еще раз пожалуете ко мне!

— Увы, ничего не выйдет, — сказал я. — Надо ехать.

— Но ведь часы-то неподходящие! — нашел он новое возражение.

Вижу, дело принимает другой оборот — хаджи, оказывается, суеверен. Притворившись, что ничего не понимаю, я заметил обидчиво:

— Часы мы купили с вашего одобрения. Если они плохие, отчего вы тогда не соблаговолили нас предупредить, чтобы мы не платили денег?

— Да нет! — с досадой сказал он. — Я не про эти часы говорю. Вчера я смотрел гороскоп в календаре и заметил, что на завтра для путешествия по морю предсказание неблагоприятное.

Сердце мое снова сжала тоска, и я воскликнул:

— Да будет проклятие божие и на том календаре, и на его составителе, да и на том, кто верит ему! Как не жаль вам, господнему творению, портить себе жизнь подобными нелепыми суевериями и тратить на это драгоценное время? Какой-то прохвост, который знать не знает, что завтра случится в его собственном доме, пишет все, что ему вздумается; что в такой-то день путешествие морем небезопасно или что видеть вельможу в такой-то час — добрый знак. Пусть бы этот проклятый оставил в покое небесные дела да получше справлял бы свои земные обязанности. Пусть-ка

он сначала осведомит своих сограждан о численности населения в Иране, пусть расскажет им о территории страны и о том, какова протяженность ее границ, а потом уж поднимает взоры к небу. Нет никого вреднее этих астрологов, и их календари нас попросту губят. Какой-нибудь жалкий человечишко, живущий милостями шаха, совершает по отношению к нему прямое предательство, когда говорит, что в такой-то, мол, день лицезрение правителей неблагоприятно. Несчастный! Лицезрение правителей всегда благоприятно, только ты будь правдивым, верным и достойным слугой шаха, и тогда, когда бы ты ни взглянул на него, это всегда будет тебе счастливым и добрым предзнаменованием. И наоборот, ежели ты изменишь государству и шаху, то совесть твоя будет все время неспокойна и никакие «счастливые» дни и часы не спасут тебя от справедливого возмездия за бесчестье и за предательство по отношению к государству и народу. Не понимаю, до каких пор будут распространены в Иране и среди иранцев эти нелепые бредни и фокусничество? Господин хаджи, позвольте мне, ничтожному, дать вам такой совет: всякий раз, как у вас появится потребность помыться и очистить от грязи тело, ступайте безо всякого определения «хорошего» или «дурного» часа в баню и мойтесь, ибо это и есть самый благоприятный час. Если у вас возникнут какие-то вопросы, связанные с шариатским судом, — не лезьте в календарь за предсказанием, а идите к законоведу и посоветуйтесь с ним — это и будет самый подобающий счастливый момент. А если, не дай бог, случится заболеть — отправляйтесь к врачу и лечитесь! Выбросьте вон все эти календари, эти сборники всяческих глупостей и не верьте невежественным словам их сочинителей, вроде того что «повышение цен на сахар и шерсть увеличивает силу музыкантов», «большое количество лжецов определяет благополучие паломников», «женщина села боком — значит приумножатся болезни среди людей» и тому подобной чепухе и бессмыслице.

Вижу, при этих словах лицо хаджи помрачнело. Он проворчал:

— Значит, следует, по-вашему, выбросить календарь. Хорошо, а если его не будет, то как вы узнаете, который у нас месяц?

— Дорогой хаджи, — перебил я его, — да разве я вам внушаю, что календари не нужны? Нет, конечно! Они нужны всякому народу и всегда, однако не такие, как в Иране, где на любой странице написана всякая чепуха: «В данном месяце все приметы означают, что сыр будет соленый, сахар — сладкий, хлопок — мягкий, а камень — твердый».

Тут я заметил, что хаджи кипит от гнева. Поэтому я свернул клубок этого разговора и, попрощавшись, вышел.

Мы переночевали в гостинице; проснулись, когда солнце стояло уже высоко. После обычной молитвы и чашки чаю Юсиф Аму по указанию служащего гостиницы понес наши паспорта на визирование в иранское и турецкое консульства.

Иранское консульство взимает за каждую визу два рубля, а турецкое — один рубль восемьдесят копеек. При этом в турецком консульстве на пас-

порта наклеивают марки стоимостью в двадцать пиастров. Как мы узнали, то, что платится турецкому консулу, все идет в казну упомянутой страны, а то, что мы даем иранскому консулу, он просто кладет в свой карман.

К тому времени, когда окончились все церемонии визирования паспортов, было уже четыре часа пополудни. Мы отправились на пристань и увидели, что пароход уже производит погрузку.

Отход парохода запаздывал, и я поднялся на мостки. При этом я был настолько расстроен и растерян, что как будто потерял рассудок. Вдруг до моих ушей донесся встревоженный возглас Юсифа Аму:

— Господин бек, очнись, упадешь в море!

Придя в себя, я заметил, что стою у самого края, еще шаг, и я был бы в воде. Я отпрянул назад и оглянулся на Юсифа Аму: бедняга в ужасе схватился за голову.

Наконец, мы дождались времени отправления парохода и направились к нему. Тут мы заметили, что это тот же русский пароход «Азов», на котором мы начали свое путешествие. Пароходная прислуга узнала меня, и начались взаимные приветствия и расспросы. Это благоприятное совпадение привело меня в хорошее расположение духа.

Но вот наш пароход отчалил. Погода была прекрасная, море спокойное. Мимо нас замелькали пристани портов Трабзон, Гиресун, Самсун, Синоп... Наконец, на пятый день мы вошли в Босфорский пролив, и там в таможне под названием Гават, что находится у входа в пролив, я подсчитал, что минуло ровно восемь месяцев и двадцать один день с того часа, как мы отправились из этого самого места на поклонение в святой Мешхед и в путешествие по Ирану.

Когда я кончил читать описание этого возбуждающего тоску путешествия, я был погружен в пучину изумления. Взглянув на часы, я заметил, что время уже перевалило за полночь — было десять минут первого. Тогда изумление мое возросло еще больше, ибо я понял, что читал этот дневник, не отрываясь, много часов подряд, и за все это время я не курил, не ел и даже не вставал с места, словом, забыл обо всем совершенно, в том числе и о себе, и о своих бедных гостях. Как я уже говорил, они ушли в баню и еще не вернулись. Солнце давно зашло, а о них не было ни слуху ни духу.

Я встревожился: где они, не случилось ли с ними чего и где они обедали? Позвав слугу, я заметил, что он выказывает все признаки удивления.

— Ага, разве вы дома?! — растерянно спросил он. — Мы думали, что вы ушли вместе со своими гостями. Госпожа еще спрашивала меня, отчего это вы не возвращаетесь.

— Не болтай глупости! — прервал я его. — Ты же видишь, что я здесь, так что за смысл в этих вопросах? Ступай сейчас же к хану Валаду, поднимись на второй этаж и загляни в комнату номер такой-то. Если гости там, то проводи их сюда. Если же их нет, то спроси у хозяина комнаты, приходили они к нему или нет. И возвращайся быстрее!

Слуга ушел, а я не переставал думать о своих гостях и чувствовал сильнейшее смущение при мысли, что по небрежности не пошел вместе с ними.

Однако прошло еще немного времени, и мои гости вернулись. Я вскочил им навстречу и, когда они сели, сказал, обращаясь к Ибрахим-беку:

— Брат, вы повергли меня в состояние крайнего потрясения, вручив мне эту печальную повесть — дневник вашего путешествия. Чтение книги настолько захватило меня, что я забыл и о вас, и обо всем на свете, до сих пор ничего не ел, более того, не курил и не вставал с места. Мои домашние были уверены, что я ушел с вами вместе. Как только я опомнился, первой моей мыслью было, где вы и что с вами.

— Мы вышли из бани и встретили одного знакомого, нашего соотечественника, он повел нас к себе, и там мы обедали и пили чай, — объяснил Ибрахим-бек. — Он очень настаивал, чтобы мы остались у него переночевать, но мы все же не сдались на долгие уговоры и отказались, а выйдя от него, столкнулись с вашим слугой, посланным за нами.

Обменявшись с гостем еще несколькими словами, я приказал подавать ужин. И тут я вдруг вспомнил, что из Египта на имя Ибрахим-бека пришло письмо.

— Ах, брат, совсем позабыл! — воскликнул я. — Из Египта получено письмо для вас.

Я вынул письмо из шкатулки, и Ибрахим-бек в сильном волнении, раскрыв его, прочел вслух.

Вот содержание этого письма:

«Дорогой брат! Слава аллаху и его милостям, все ваши родственники и знакомые пребывают в благополучии и здравии. Надеюсь, что сейчас вы с помощью творца уже вернулись в Стамбул. Невозможно и описать, как все ваши друзья беспокоятся о вас и как опечалены длительностью вашего путешествия. Нам представляется, как вам, выросшему на воле в Египте, трудно приспособиться к жизни в Иране. И, конечно, с вашей привычкой говорить всегда и всюду правду, в Иране вам, надо думать, не поздоровится.

«Ваша старая матушка особенно тоскует и день и ночь пребывает в слезах и вздохах. О жестокий человек! Боюсь, что память о друзьях начисто ушла из вашей души. Но где ваша сыновняя любовь?! Ведь за весь этот долгий срок от вас не пришло ни одной телеграммы, которая успокоила бы ваших друзей и явилась бы целительным бальзамом для страдающего сердца вашей бедной, беспомощной матери.

«Я хорошо сознаю, что, увидев прелести своей возлюбленной „госпожи Персии“, вы забыли весь мир со всем сущим, не говоря уже о нас. Слава

богу, несколько дней назад пришла, наконец, из Тебриза телеграфом весть о том, что вы прибыли туда. Узнав эту новость, все ваши друзья возликовали, а родительнице вашей она даровала новую жизнь. Два дня она не осушала радостных слез, без конца целовала телеграмму и прикладывала ее к глазам.

«Телеграмма счастливым случаем пришла так быстро, что это стало предметом всеобщего изумления и удивления. Можно было подумать, что вы почувствовали всю силу печали ваших друзей и вашей матери и прибыли самолично за три часа и тридцать четыре минуты, чтоб рассказать нам о себе и своем путешествии.

«Поистине, да будет превознесен поэт Мирза Рази,[215] сказавший о гонце, что летит быстрее молнии:

О ты, достойный, чей султан и то — надежный щит,
О положенье бедняка ты шаху сообщи.
О ты, кому столетний путь — всего лишь краткий миг,
Кто быстроног и легкокрыл, как вешние лучи,
Кому пройти один фарсанг, как мне — достать рукой
От глаз до уст, о великан, молю я, не молчи! . .

«У нас нет ничего нового. Все друзья находятся в здравии, и у всех с языка не сходит ваше имя. Некоторые говорят: „Как жаль, что нам не пришлось побывать в Иране вместе с Ибрахимом! То-то интересно было бы посмотреть, как он выходит из себя, глядя на тамошнюю жизнь, как сыплет страшными проклятиями и попрекает каждого встречного в неверии, безнравственности и отсутствии патриотизма“. При этом они посмеиваются.

«Да хранит вас аллах, возвращайтесь скорее — сами увидетесь с ними! Если хотите выйти из положения, то предупреждайте их слова, говорите наперед их то, что они хотели бы сказать, и посмеивайтесь вместе с ними. Иначе ваше дело плохо, уж они отыщут все средства, чтобы насмеяться над вами и позлить вас.

На долгую тему я кратко с тобой говорил,
А ты, если хочешь, развей это в длинный рассказ.

«Печальным событием, которое случилось уже после вашего отъезда, была для нас всех кончина хаджи Али Бабаи Салмаси — да успокоит господь его душу! Все друзья его — и здесь на родине, и те, что были на чужбине, — очень горевали по поводу его смерти. Сразу после завершения траурной церемонии прибыли чиновники из иранского консульства и конфисковали его поместья и все имущество. Всего после него осталось тридцать четыре тысячи лир наличными и недвижимым имуществом, хотя некоторые лица утверждали, что богатства умершего были еще больше. То, что причиталось на долю некоего Али Риза Сагира и Мухаммада Али Мухтал аш-Шуура, передали в банк с обязательством выплачивать Али

Риза на нужды его школы двадцать пять лир ежемесячно, а Мухаммаду Али — восемь лир. Доля более крупных наследников тоже ушла в руки этих чиновников.

«Целую неделю чиновники консульства делили имущество умершего. Консульство прибрало к рукам всего лишь пять с половиной лир, и то в качестве консульского сбора или „платы за присуждение", взяв их из доли более крупных наследников. Из доли же мелких наследников не взяли ни динара.

«Таково было одно событие, но случилось и другое, на редкость странное. Один из ваших друзей, владевший магазином в Суэцком порту, выехал по торговым делам в Судан. Мне помнится, это случилось, когда вы еще были в Каире. Через некоторое время вдруг распространился слух о его смерти. Тогда некий хан, иранский консул, послал из Каира в Суэц своего человека. Магазин этого купца опечатали, служащих прогнали, а все деньги и товары забрали. Не знаю уж, каким путем несчастный владелец магазина узнал в Судане об этом происшествии. Лишь через полтора месяца смог он сам приехать в Суэц и увидел, что магазин его опечатан. Он вернулся в Каир и сколько там ни взывал: „Я жив, верните мне мой магазин, отдайте имущество!", ничто не помогло, а господин консул всячески увиливал от ответа. Несчастный был вынужден прибегнуть к защите властей, но и тогда на него не обратили никакого внимания. Вот какой скандал! Вчера ага Мирза Аббас и хаджи Халил ага пошутили над ним: „Эх, раб божий, в консульстве уже подтверждено, что ты мертв. Теперь тебе надо снова съездить в Судан и привезти оттуда достоверное свидетельство, что ты жив. Вот тогда дело твое примут к расследованию!". Бедняга от этих слов словно обезумел, мечется туда и сюда и все надеется что-нибудь выхлопотать. Каирские горожане говорят: „Жаль, нет Ибрахим-бека: он или уж прозрел бы наконец, или снова начал бы упрекать нас в отсутствии патриотизма и чувства чести..."».

Вижу, у Ибрахим-бека задрожали руки. Он изменился в лице, пришел в полное смятение духа, тут же разорвал письмо в мелкие клочки и, швырнув их на пол, воскликнул:

— Сам не знаю, что за проклятье я ношу на себе! Неприятности так и преследуют меня! Можно подумать, что все эти известия специально собрали, чтобы прижечь каленым железом мое сердце. И не ведают того, что мое бедное сердце и без того просто кровоточащий кусок мяса. О жестокий человек! Будто специально для встречи со мной он приготовил мне этот гостинец! Клянусь творцом, после всего этого я скорее соглашусь, чтобы иранский консул разграбил все мое имущество и самого меня подверг любым напастям, лишь бы после моей смерти не врывались в мой дом для раздела имущества эти бритые христиане, одетые в шляпы, подобные мискам. Несведущие люди полагают, будто в России нет произвола и чиновники там не берут взяток. Клянусь богом, дать им волю, так они, подобно теленку Хаджи Насреддина, будут резвиться, пожалуй, попрытче

иранских чиновников! Но вся беда в том, что у нас загрязнен сам источник. Если уж какого-нибудь русского чиновника поймают на взятках, то ему не отвертеться, там сразу доберутся до сути дела и даже обращение к заступничеству царской фамилии не поможет. Что вынесет суд возмездием за его проступок, то и будет исполнено — на этом стоит правосудие. Если уж дело дошло до суда, то, согласно действующим законам, все будет доведено до конца так, как говорили великие люди: «Разумная жестокость — основа справедливости». А в нашем несчастном Иране ежели кто-нибудь растратит сто тысяч туманов государственных средств или же позарится на чужое добро, то хоть и обнаружится растрата или хищение, он всегда сможет выйти сухим из воды. Даст взятку в двадцать тысяч туманов тому, кто расследует дело, а остальное преспокойно заберет себе.

Я давно знал силу патриотических чувств Ибрахим-бека, и все же полагал, что после путешествия, во время которого он вдоволь насмотрелся на всякие мерзости, огонь его патриотизма несколько поугас. Однако теперь, узнав о его приключениях и выслушав подробный рассказ, я увидел, что ошибался. Его любовь к родине только возросла. Тогда я решил про себя, что эти его чувства не случайные и не наносные, а присущи ему от природы, «вошли с него с молоком матери и отлетят вместе с душой».

Поистине, его непрестанные тяжкие вздохи как огнем опалили мое сердце. Я дал волю своему порыву, вне себя вскочил с места, плача, заключил его в объятия и, расцеловав его лицо, воскликнул:

— Благословен будь тот отец, что вырастил тебя, благословенна будь та мать, что родила тебя! Действительно, ты правильно понял и выразил мысль: загрязнен самый источник. Не все мусульманские правители — тираны и не все правители-иноверцы — праведники. У нас здесь тоже есть консул-армянин, так он в тысячу раз более жесток и коварен, чем его мусульманские предшественники. Не знаю, каким образом он попал в консульство, но он творит там такие дела, что это не поддается никакому описанию. Уже давно бразды правления людьми всех сословий вручены этому тирану. Он безраздельно распоряжается жизнью и имуществом людей и настолько обнаглел, нападая на бедных и лишая чести богатых, что все как один благословляют в молитвах прежних консулов. Один из моих друзей рассказывал следующее: «Несколько дней тому назад я шел по какому-то делу в консульство и увидел там двух простолюдинов. Один из них, истец, подал на другого жалобу с требованием уплаты долга. Должник заявил: „У меня нет денег, чтобы выплатить этот долг“. Тогда истец закричал: „Хан, да буду я твоей жертвой, ты спроси у этого бессовестного, у меня армянские даровые деньги, что ли?!“. Все присутствующие рассмеялись, и хотя хан сам чуть-чуть усмехнулся этим словам, я заметил, что он изменился в лице. И что удивительно: этот самый консул-армянин считает, будто в его официальные обязанности входит рассмотрение исков, связанных с браками и разводами! Невозможно, пожалуй, найти более явное доказательство испорченности всей системы.

Всякому, кто насилием вымогает деньги у подчиненных и отдает их как взятку вышестоящим чиновникам, делается доступным получение любой должности. И чем больше взятка, которую он дает, тем он становится ближе к правящим кругам, так что и «христианин сможет стать мусульманским судьей».

— Дорогой ага, почему вы изволите говорить, что загрязнен сам источник? — вмешался тут в разговор Юсиф Аму. — Ведь зловредный человек, какой нации он ни будь, все равно остается зловредным, и наоборот. Да благословит господь Мирзу Ахмад-хана, генерального консула в Каире — он ведь тоже пил воду из того же источника, т. е. являлся одним из иранских чиновников, а вот был же для иранских подданных в Египте и для всех своих подчиненных отцом родным. Пока он стоял у власти, иранцы пользовались уважением. А те, которые из-за притеснений, чинимых прежними консулами, вышли из иранского подданства, мучались сожалением и раскаянием. Ни один крестьянин не потерпел обид от покойного и его подчиненных. Бедняга постоянно был в долгу, а все деньги, которые попадали к нему в руки, жертвовал сеидам и дервишам. Помнится, однажды ночью он написал расписку и послал ее покойному хаджи Абави-беку, прося его срочно одолжить пятьдесят лир. Хаджи знал о его щедрости, и поэтому, дав мне поручение отнести эти деньги, просил посмотреть, что он будет с ними делать глубокой ночью. Я принес деньги и увидел, что в кабинете консула сидят три сеида. Я спросил управляющего финансами, зачем понадобились деньги среди ночи. Он ответил: «Да вот, для этих сеидов! Хан им пообещал дать денег, как только у них появится нужда». Не успел я и опомниться, как хан подозвал сеидов к себе и разделил между ними все деньги. После его смерти в Каире сменилось еще несколько консулов и, наконец, дошел черед до хаджи Мирзы Наджафали-хана: вместо стеариновой свечи, как говорят, зажглась керосиновая лампа. Он попрал все основы добрых дел и благородства, которые с таким рвением заложил для своего народа в Египте покойный консул, и учинил такой произвол, что люди с благословениями поминали эпоху Чингиза. По жестокости он на целые фарсанги обогнал своего предшественника Хасан-хана Хойского — да ниспошлет господь мучения его душе до самого дня воскресения! Из этого, по-моему, ясно, что только прирожденное злодейство толкает человека на жестокости, а самый источник здесь не причем.

В этот момент слуга доложил, что ужин подан.

Ибрахим-бек спросил:

— Вы всегда так рано ужинаете или только сегодня ради меня меняете свой распорядок?

— Дорогой брат, — отвечал я, — сегодня я вообще насытился, прочтя ваш дневник, но, увы, я даже забыл из-за этого прочесть намаз.

Мы оба улыбнулись этому. И действительно, я совершенно забыл о намазе.

Мы пошли ужинать. Во время застольной беседы я заметил, что состояние у Ибрахим-бека до крайности удрученное. Он действовал словно бес-

сознательно: переспрашивал по несколько раз одно и то же, как будто бы он только что вошел и не слышал начала разговора, повторял одни и те же слова и фразы.

Так прошел ужин, и когда мы поднялись, Ибрахим-бек сказал:

— Пойду помолюсь, — и добавил шутливо: — Если желаете, я за вас совершу пропущенные утренний и вечерний намазы.

Он ушел в молельню, а я, оставшись наедине с Юсифом Аму, обратился к нему:

— Дорогой Аму, расскажи-ка, как ты поживаешь?

— И не спрашивайте, ага, — отвечал он. — Тоска моя дошла до предела. Если бы вы знали, какие муки я вытерпел за это путешествие, вы почувствовали бы ко мне сострадание. Да что я! Вы взгляните на этого юношу, до чего он дошел! Вот уже несколько дней он ходит сам не свой, тяжело вздыхает, как безумный кусает себе губы, а иногда без всякой видимой причины бьет себя по коленям с бесконечным сокрушением. Рот его кривится как у припадочного, глаза закатываются и он, весь дрожа, падает и засыпает. Но и во сне нет для него покоя: он говорит сам с собой, с уст его постоянно срывается слово «родина». Иногда он обращается к кому-то, кого-то упрекает, взывает к справедливости, вопрошает, не знает ли кто-нибудь истинной причины страданий его родины. Он так стонет, что мне приходится будить его и спрашивать, о чем это он кричит во сне, с кем ссорится. Отвечает он одно: «Нет, ничего», а как засыпает, то снова выходит «та же чаша и та же каша». Я уж и не знаю, как мне высказать вам свою скорбь. Одного лишь прошу у господа: не дать мне помереть, пока я не доставлю его в здравии в Каир к его матушке, а больше никаких желаний в жизни у меня нет! Да, этот юноша в крайне смятенном состоянии духа. Побеседуйте вы с ним, прошу вас, может быть, он сделает над собой усилие и хоть немного выйдет из горького оцепенения.

— С самого начала, как только услышал о его намерении отправиться в путешествие, я уже догадывался, что может произойти с вами, — сказал я на это Юсифу Аму. — Скажи спасибо, что дешево отделались!

В это мгновение вернулся окончивший молитвы Ибрахим-бек. Он приветствовал нас и сел.

— Скажите, — спросил он меня, — нельзя ли послать телеграмму в Египет? Может ее отнести на телеграф ваш слуга?

— Разумеется, — отвечал я. — Дело это нетрудное.

После того, как он написал телеграмму и мы отправили ее со слугой, я обратился к нему со словами:

— Ну, друг мой, давайте теперь побеседуем немного к нашему общему удовольствию. Только прошу вас ничего не говорить о беспорядках в Иране. Я много об этом читал у вас в дневнике и хорошо себе все представляю. Расскажите-ка лучше о тех хороших вещах, что вы наблюдали у себя на родине.

— Но в моем дневнике записаны и те приятные явления, которые мне удалось увидеть, так что и это вы уже сами читали.

— Право, я что-то запамятовал, — схитрил я. — Хотелось из ваших собственных уст услышать описание вашей возлюбленной.

— Я наблюдал в Иране четыре отрадных явления, которые придали мне бодрости и которыми может гордиться любой патриот. Первое — священная гробница имама Ризы, да будет над ним мир! Второе — караван-сарай и шоссейные дороги величайшего падишаха, шаха Аббаса Сефевидского — да будет земля ему пухом! Третье — то, что в Тегеране есть великие и прозорливые люди, вроде одного уважаемого мужа, с которым я имел честь познакомиться. И четвертое — Дар ал-Фунун в Тегеране. Вот и все.

— Разве это все? — возразил я. — Вы объездили столько прекрасных городов! Неужели вашему взгляду представились достойными похвалы всего лишь четыре вещи? Разве вы не видели город Урмию с его пышными зелеными садами и цветниками, которым могли бы позавидовать сады Ирема, этот город, где воздух насыщен ароматом мускуса, а легкий ветерок несет благоухание амбры? Все путешественики, которые видели его, говорят, что этот чудесный город — уголок небесного рая. Его сады, наполненные плодами и цветами, заставляют краснеть от зависти китайские картинные галереи, а почва его пропитана амброй. Боже мой, разве это справедливо, что вы проехали мимо и не осмотрели этот город, который можно назвать райским садом?

— Я нашел сады и цветники поблекшими, а садовников спящими, — произнес Ибрахим-бек. — Розы все увяли и высохли, деревья потемнели от пыли и грязи. Не было в этих садах ни свежести, ни очарования. Все они были вытоптаны копытами табунов осени. И я не думаю, что при таком положении после осени когда-нибудь наступит весна — весь год там царит осень и только!

— По тому, что̀ вы говорите и ка̀к говорите, мне кажется, что вы в большой обиде на Иран, — заметил я.

— Увы, разве я могу обижаться на мою возлюбленную? — возразил Ибрахим. — Я очень горжусь моей любовью к ней, мне ли думать об обидах? «Я пою мою любовь — способен ли я на это?».

Я жизнь свою готов заложить за горсть этой святой земли! Вся обида моего истерзанного, исстрадавшегося сердца на небрежение садовников, а сад — разве он в чем-нибудь виноват? Вы справедливо сказали, что город Урмия и прочие города Ирана заслуживают самых восторженных похвал и бесконечных воспеваний, мазандеранские леса — это рай на земле. На всем земном шаре не найти места с более прозрачным воздухом и плодородной землей! И как горько сознавать, что вместо того чтобы холить эту землю, нерадивые наши садовники вот уже много лет позволяют иностранным хищникам сеять там горе и ужас, а удары топоров этих нечестивцев наносят раны сердцам всех истинных патриотов, и ранам этим не исцелиться до самого дня воскресения мертвых! Так как же мне не

горевать, не посыпать пеплом главу? О каких достоинствах этого благословенного государства могу я сказать? Разве в нем есть хоть что-нибудь необходимое современному государству? Почему ни в одном из портов нашей святой земли не увидишь ни одного государственного корабля с флагами, несущими герб Льва и Солнца, корабля, который свидетельствовал бы о силе и мощи страны и нации?! Если бы наши правители во время своих путешествий по Европе не проматывали напропалую государственные деньги, то казна нашего государства была бы теперь полна и страна преуспевала. И не было бы нужды притеснять и грабить народ ради изыскания необходимых государству средств. Повсюду земля родины взывает на своем языке: «О иранцы, о неблагодарные мои дети, порадейте обо мне, ведь недра мои хранят для вас несметные сокровища! Проявите старание и терпение — и будет над вами мое благословение!». Но вопли ее не доходят до людей. Как говорится в Коране: «...у них очи, не видящие того; у них уши, не слышащие того...».[216]

— Ну, тогда, мне сдается, насколько я понял из ваших слов и вашего дневника, — продолжал я мою мысль, — вы обижены на жителей этой страны, на своих соотечественников. Так вот я вам дам хороший совет: выбросьте из сердца все эти бредни! Что пользы от печали юноши по имени Ибрахим-бек, который тратит все силы своего ума, чтобы изыскать средства для улучшения положения родины? Что пользы из того, что по причине расстройства всех дел страны он полон безысходной тоски? Чему быть, того не миновать, а печаль остается при вас. Как изволил говорить повелитель правоверных Али ибн Абуталиб — да будет над ним мир: «Ты исполнен горем, о, скорбящий в печали!».

В несчастье никогда не предавайся скорби —
Скорбящая душа истлеет без следа...
Хотя немудрено: нет тяжелее горя,
Чем милостей творца лишиться навсегда.

И я боюсь, не дай бог, что вы навлечете на себя беду этими грустными мыслями! Ведь пребывать в таком состоянии — все равно, что покушаться на собственную жизнь, а это величайший грех, за который в том мире на вас обрушится гнев господа. Если уж себя не щадить, то сжальтесь над старой женщиной — вашей матерью, у которой на белом свете нет никого, кроме вас, и жизнь которой привязана к вашей жизни! Все несправедливости и беспорядки, описанные в вашем дневнике и ставшие причиной вашего расстроенного состояния, ведь в конце концов ни для кого не составляют секрета — все ежедневно их наблюдают и уже к ним притерпелись, они теперь столь же привычны, как вид солнца. Никто и не придает этому большого значения, хотя, увы, такое положение достойно бесконечных сожалений. Но что поделаешь?! Разве можно устранить все это зло даже ценою нашей смерти?! Предположим, что вы и я убьем себя, — что дальше? Нет, раз уж мы не можем найти средства от сих

болезней, то надо смириться и терпеть! Может быть, господь дарует нам радость и заставит пробудиться предводителей страны и народа.

Ибрахим сказал на это:

— Дорогой брат, я записывал далеко не все беспорядки, которые мне пришлось наблюдать, боясь, что, не дай бог, эти записки попадут в руки знающих свое дело критиков. Тогда своим злорадством они добьются того, что для меня ясный день станет темнее мрачной ночи.

Мне любовь не позволит сказать, кто меня погубил,
Чтобы люди вовек не услышали имя любимой.

Так мы беседовали, как вдруг кто-то ударил дверным кольцом. Слуга открыл дверь, вошел иранец в чалме; по виду он принадлежал к сословию улемов. После обычных церемонных приветствий он сказал:

— Господин, я прослышал, что к вам изволил пожаловать дорогой гость. Я хотел было прийти представиться завтра утром, да потом подумал, что день долог, и сказал себе: «Пойду лучше вечером и поговорю с ним всласть».

— Прекрасно, добро пожаловать! Нижайше вас приветствую, — произнес я на это.

Наступило неловкое молчание. Заметив это, мулла сказал:

— Я вижу, что беседа наша что-то не клеится. Если вы желаете поговорить с глазу на глаз, то, ради бога, не стесняйтесь, я выпью кофе и удалюсь.

— Да нет, — отвечал я, — дело в том, что наш уважаемый гость только что прибыл из Ирана. Путешествуя в тех краях, он насмотрелся разных безобразий и нелепостей и потому сейчас до крайности подавлен. Так что это молчание не зависит от нас с вами.

Тогда мулла, обратившись к Ибрахим-беку, попросил:

— Уважаемый гость, каково сейчас в Иране, и что стало причиной вашего уныния? Расскажите нам, пожалуйста.

— Да ничего особенного, — нехотя отозвался Ибрахим.

Но мулла не унимался и не отставал от него с расспросами.

Тогда Ибрахим вдруг сказал:

— Вот вы-то и есть главная причина скорби!

— То есть, как это я? — заморгал глазами мулла.

— Ну, вы или ваши собратья — это уже не имеет большого значения.

— Что сделали вам я и мои братья? — недоумевал мулла.

— Мне-то вы ничего не сделали, но вот права прочих моих братьев вы похитили.

— Какие права?! Каких ваших братьев?!

— Права моих братьев по родине.

— Поистине, я ничего не понимаю, — развел руками мулла.

— Сейчас я все объясню по порядку, и тогда вы все поймете, — сказал Ибрахим. — Уважаемый господин! Однажды, будучи в Шахруде, я и Юсиф

Аму, ваши нижайшие слуги, отправились к некому мулле, содержащему школу. Юсиф Аму прикинулся продавцом, а я покупателем. И мулла по нашей просьбе написал купчую на продажу некоего дома за большую сумму. За вознаграждение в один кран мулла поставил печать на этом бессмысленном и фальшивом документе и скрепил его своей подписью, нисколько не интересуясь расследованием вопроса и не спрашивая нас ни о чем. Могло ведь случиться, что Юсиф Аму смошенничал и продал мне чужое имущество. Как же мог упомянутый мулла, не зная ни его, ни меня, поставить печать на вексель? По какой статье шариата он имел право засвидетельствовать эту купчую?

— Эх, дорогой господин, что это вы, право, говорите? — заметил насмешливо мулла. — Да в чем вина писца? Вы пришли, уверили его, а он взял да и написал что требовалось!

— А если дом этот — чужое имущество и подлинный владелец, естественно, не пожелает отдать его, тогда что?

— Ничего. Не отдаст и все тут! И ничего ему не будет.

— Но если он не отдаст, я пойду к губернатору и подам на него жалобу.

— Ну, раз ты все хорошо знаешь, тогда иди и поступай, как хочешь, — рассердился мулла.

— Если бы я пожаловался губернатору, — продолжал Ибрахим, — то, разумеется, он отдал бы начальнику полиции приказание отобрать имущество и отдать его мне. И тогда, о боже мой, сколько взяток и подношений он смог бы урвать с обеих спорящих сторон, пока мы наконец оба не разорились бы. Да что там говорить о каком-то школьном мулле, оставим его! А что вы скажете о муфтиях, видных шариатских судьях, когда в одной только тяжбе какого-нибудь Зайда и Амра один лишь улем настрочит вам невероятное количество всяких действующих и отменных законов! Мне довелось перевидать много судейских дел по поводу имущества, и я знаю, сколько самых противоречивых документов, написанных одним улемом, находится в руках судящихся. Бывает и так: дело еще не закончилось, а судьи уже несколько раз сменились или были сняты, и при каждой замене дело возобновляется с самого начала. В конце концов судящиеся семьи становятся друг другу кровными врагами, и разгорается такой пожар, что в нем сгорает все, что у них есть. Так разве такие дела свидетельствуют о высоком достоинстве улемов? Какая необходимость без конца отменять и заменять указания творца и приказы лучезарного шариата в отношении прав рабов божьих? Почему имущественные тяжбы не разрешаются долгие годы?

— Я не видел своими глазами ни одного улема, который брал бы взятки, и поэтому не могу болтать о нем, — произнес мулла строго.

Ибрахим досадливо наморщился:

— Об этом я тоже не говорю. Я твержу вам другое: почему улем, к которому обращаются жители городов, в разрешении спорных дел не

пользуется четкими и упорядоченными статьями шариата и не имеет ни определенного места, ни времени для всякого рода судебных дел? Право пользоваться его печатью принадлежит разным лицам. Да и сам он может сегодня у себя дома вручить постановление, скрепленное его печатью, одной из враждующих сторон, предположим истцу, а два дня спустя в мечети где-нибудь в михрабе [217] между двумя молитвами приложить печать к совершенно противоположному решению и вручить его ответчику. Так что светский суд лишь посмеется над этим решением. И еще я спрашиваю вас: отчего это чиновничьи должности и государственные посты передаются по наследству? Разве допустимо, чтобы человек без всяких способностей, лишь потому, что отец его был судьей, становился обладателем судейской должности? Или же какой-нибудь зеленый юнец восемнадцати лет от роду, не знающий еще, где право, где лево, назначался генералом только потому, что умер его отец, имевший этот чин? Ведь все это связано с правами народа, правами моих соотечественников, и все эти права попраны!

— Дорогой ага, по вашему выходит, что наши улемы вообще должны удалиться от дел, — сказал на это мулла.

— Упаси бог! — воскликнул Ибрахим. — Я не принадлежу к числу государственных и чиновных особ, и мое мнение не имеет никакого значения. Но мой горячий патриотизм не позволяет мне сидеть спокойно среди собравшихся людей и молчать, когда говорят заведомо несправедливые и вздорные вещи. Влиятельные люди говорят, а к словам их мы должны прислушиваться, что сегодня у нас не осталось законов, которые хранили бы в себе все предписания аллаха. Даже когда дело доходит до суда святейшего имама — да продлит аллах его радость! — и тогда судебные решения основываются лишь на доводах рассудка и традиционных обычаях. Более всего мы нуждаемся в ревностных блюстителях законов и предписаний шариата. Перво-наперво надобно сыскать их, а путь к этому может быть такой: верховный улем, приказ коего не подлежит обсуждению, созывает совет улемов нации. Этот совет определяет, сообразно с размерами области и количеством населения, сколько улемов необходимо в ту или иную область для наблюдения за выполнением судебных решений и для защиты прав граждан. Затем нужно выбрать и назначить в каждую область тех улемов, которые в исполнении всех надлежащих дел уже засвидетельствовали свое превосходство в благочестии и религиозности, в образованности и преданности постановлениям шариата, а также в красноречии и в приятности изложения. Необходимо также, чтобы из недр богословских арабских книг было извлечено все, что касается прав, купли и продажи, торговли и прочего. Эти извлечения должны быть просто и доступно переведены на персидский язык и напечатаны. Чтобы, прочтя их, каждый мог до какой-то степени быть осведомленным в своих правах. Вот тогда каждое постановление, которое исходит от справедливого судьи области, само по себе вступает в силу. Ведь и прежде, в былые времена предводители ислама кратко записывали на кусках кожи или кости [218] наиболее

важные решения и рассылали их повсеместно, чтобы с ними могли ознакомиться люди даже в самых отдаленных углах. Святой закон Мухаммада с самого начала был чист от всякого рода уловок и хитростей и не нес в себе ни малейшей примеси непонятной таинственности и фокусничания. Какие только беды не терпел сей святой законодатель — да будут мои тело и душа жертвой за его чистый закон! — чтобы укрепить основы шариата. Какие только тяготы не вынес он от своих противников и каким только нападкам не подвергся, и все во имя того, чтобы его последователям было легко и просто разрешать всякие судебные дела. Как не горевать о таком положении, когда улемы искажают предписания святейшего шариата разного рода коварными и хитроумными толкованиями, да еще они именуют все эти уловки и козни божественным законом! Разве не сам творец был мудрым законодателем для всего сущего? Разве истинная премудрость заключается вот в этих четырех газах[219] полотна, и мы должны почитать ученым и повиноваться всякому, кто намотал их себе в виде чалмы на голову? Тот, кто сел на престол богословия, должен быть учен, набожен и религиозен и во всем быть достойным сего высокого сана.

Тут ваш покорный слуга, т. е. я, вмешавшись в разговор, сказал Ибрахим-беку:

— Ваши убеждения проистекают от вашего бесмысленного национального фанатизма. Нет никакой нужды перечислять недостатки людей прямо им в глаза, откровенничать насчет всяких мерзких их дел и критиковать поголовно всех, и великого, и малого. Этим вы лишь без всякой причины наживете себе множество врагов, и они всячески будут избегать общения и бесед с вами. Посему не омрачайте свою жизнь и попридержите в ножнах клинок своего языка! «Иди, — как говорят, — тем путем, каким следуют все путники».

— Уважаемый хозяин, — заметил на это Ибрахим, — прежде всего вы сами знаете, что никто не гневается и никто не враждует со мной из-за моих слов. И я сам стремлюсь быть со всеми в самых мирных отношениях. К подобным разговорам подстрекает меня лишь неутоленное чувство национальной гордости и скорбь за мою родину. Всякий, кто видит подобные безобразия и не говорит о них прямо, недостоин носить имя патриота! Разве я могу со своими убеждениями стать в один ряд с людьми, отмахивающимися фразой: «Мое дело — сторона...», с людьми, которых я не раз осыпал проклятиями и подвергал уничижению на страницах моего дневника? Разве я могу присоединиться к группе этих недальновидных людей? Если бы пятьдесят лет тому назад все мои соотечественники, презрев корыстные и личные расчеты, прямо назвали бы плохое плохим, а хорошее хорошим, то сегодня многие непотребные дела были бы выправлены. Наш несчастный народ не зависел бы от злой воли любого губернатора или начальника полиции, а безграмотные школьные ахунды не были бы законодателями нашей жизни. Не ясно ли, что если среди какого-нибудь народа или племени, склонного к разврату и постыдным порокам, не нашлось бы разумных людей, которые не могли бы молча наблюдать

это зло, то порок распространился бы вскоре на весь народ? Что этот народ в данном случае стал бы мишенью для стрел насмешек чужестранцев и лишился бы всякого уважения как в своих собственных глазах, так и в глазах посторонних? Поэтому святой долг мудрецов и ученых каждого народа не только строго следить за пороками и недостатками своего народа, но и возмущаться при виде оных. Именно ученые призваны искать путей избавления от этих пороков, дабы мало-помалу совершенствование заняло бы место порчи, а все непотребство было бы уничтожено. Почему я сижу молча и не кричу повсюду, что святая вера Ислама предписывает нам справедливость и равенство, что правители и судьи должны все дела и тяжбы разрешать согласно правосудию, а не по своим прихотям или сообразно взяткам и подношениям! Что они не должны, закрыв глаза на обязательные предписания бога и пророка, пренебрегать сознательно правами подчиненных, и, называя при том себя мусульманами, говорить: «Мы принадлежим к нации пророка Мухаммада!». В Египте проживает несколько почтенных иранских купцов, поведением которых может гордиться иранская нация. Однако иранские чиновники, меняющиеся чуть ли не каждый день, умудряются настолько ущемлять их интересы и притеснять их, что горемык поневоле принуждают прибегать к защите иностранных правительств. В чем вина этих несчастных, вынужденных отвернуться от родной страны и склониться пред флагом иностранной державы? Может быть, их поименно пригласила к себе королева Англии? Или русский царь, нуждаясь в каждом из них, положил им определенное жалованье и содержание? Если кого-нибудь из них спросить: в чем же причина вашей эмиграции? — что они ответят? — Нет заступника; народ лишен не только имущественных, но и простых человеческих прав; нет такого города, где бы власти не грабили всевозможными способами тех, кто им подчинен. Кто из простого народа, испытав на себе деспотическую волю правителей — этих злобных фараонов, наберется смелости спросить о причинах такой деспотии? Ведь тотчас же надают ему по шее! Да, прав у народа нет никаких, и правители творят все, что хотят. Всякий, у кого есть золотой кальян, двое слуг, четыре фарраша да шелковая джубба,[220] уже господин над жизнью и имуществом простого люда. А нынче дело дошло до того, что и многие улемы, переняв обычаи губернаторов, даже перещеголяли последних в напыщенных проявлениях своей спеси. Среди знатных людей всякий, кто изощрен в притеснениях народа, почитается знающим и мудрым, а тот, кто по природе мягкосердечен и страшится божьего гнева, считается непригодным к делу. Всякий богослов, у кого огромная чалма и длинные рукава, именуется самым сведущим из всех ученых, а тот, кто неподражаем в умении плести лживые фразы, — лучшим и красноречивейшим из поэтов. Не думайте, прошу вас, что я описал все безобразия и непорядки, творящиеся у меня на родине. Нет, клянусь вашей драгоценной жизнью! Мимо очень многих вещей я проходил, закрыв глаза, ибо и без того вконец изнемог от всего виденного. Вот, к примеру. Однажды мы были в гостях в од-

ном весьма почтенном доме — меня пригласили туда в знак дружеского расположения. Когда мы вошли, зал был уже полон, и мы заняли самые нижние места. Впрочем, эти места и были нам положены, так как прочие приглашенные были либо известными улемами, либо признанными проповедниками, либо уважаемыми купцами. Вдруг вижу в зал врываются человек двенадцать с чубуками и кальянами, и с таким шумом и поспешностью, как будто по пятам за ними гонятся злые враги. При этом каждый из них так спешил обогнать других, что еще немного, и они попадали бы друг на друга. Стены и двери зала буквально тряслись от грохота, который они подняли. Я с удивлением взирал, как вбежавшие раздавали присутствующим кальяны и чубуки, а когда все покурили, то унесли их обратно. Войдя в комнату, где слуги пили кофе, я тоже заметил, что там стоит страшный шум. И каких только грубых слов и ругательств, выкрикиваемых на разные голоса, там не было слышно! Донельзя удивившись всему этому, я осведомился у своего друга, в чем причина такого шума. Он шепнул: «Подожди, потом я все объясню». Когда мы возвращались домой по окончании этого вечера, он сказал: «Вся эта суматоха, вся грубая грызня происходила между слугами этих господ из-за того, что каждый из них стремился первым из всех подать кальян своему господину. Ведь тот, кому подадут кальян раньше других, почитается самым уважаемым и наиболее высокопоставленным. Вот присутствующие господа и ждут от слуг такого почтения. На подобных вечерах обычно поднимается невообразимый шум и дело нередко от перебранки доходит до драки. А господа смотрят на это сквозь пальцы, и никто не хочет уступить другому, как вы сами смогли убедиться в этом сегодня».

— Рассудите по справедливости, — продолжал Ибрахим-бек, — до чего мы дошли в своем несчастье, если избранная часть нашего общества забавляется подобными детскими игрушками? Что же тогда ожидать от простого люда? Сравните, чем занят господствующий класс других наций и что выделывают в это время наши аристократы, наши духовные и светские пастыри?! Теперь, когда управление и все полезные для нации начинания отданы на волю этих господ, особено нужно, чтобы они были достойны высокого назначения, соответствовали всем требованиям гуманности и образованности и подавали бы во всех благих делах хороший пример прочим людям; их долг требовать справедливости для обиженных и угнетенных и побуждать народ к единению и братству. Они же, наоборот, ради пустого тщеславия и вопреки здравому смыслу поощряют раздоры между простыми людьми — их слугами — и тем самым раздувают всеобщую злобу. Так могут ли они, погруженные в пучину корыстолюбия, предать забвению личные интересы, вершить справедливый и беспристрастный суд в делах своих подчиненных и сделать эту справедливость основой единения народа?! А ведь всем доподлинно известно, что наш великий творец возложил на пророка миссию распространять справедливость и равенство среди своих рабов и защищать угнетенных от тиранов. Несколько лет тому назад в Египте один образованный иранец прочел моему покойному отцу

стихотворение на эту тему. Я его запомнил наизусть — да погрузит господь его автора в море своего милосердия! — очень уж хорошо он это сказал. Поскольку стихотворение это близко тому, что я говорю, я его вам прочту — да не осудит меня господь!

От бога получает правду шах,
Чтобы праведным был шаха каждый шаг,
Чтоб правдой озарял земной владыка
Своих сынов — от мала до велика.
Дари ее — не почитай за труд,
Не то и сам утратишь — отберут!
К просителям прислушиваться надо,
Чтоб не пришлось тебе просить пощады.
Быть справедливым — бог тебе помог,
Пророков многих слал на землю бог.
Нам преподали вещие пророки
Добра и справедливости уроки.
Твори добро — иначе твой народ
Без влаги справедливости умрет.
Не внемлешь нам — пусть древние руины
Багдада, Вавилона, Мадаина
Тебе расскажут об ушедших днях...
И ты поймешь, о всемогущий шах,
Что ложь сильна порой, да быстротечна,
И только правда торжествует вечно.

Как только Ибрахим кончил читать, мулла сказал:

— Говорить стихи — большой грех! Я не хочу и слушать подобные слова.

— Раз вы не слушаете эти стихи и по вашему мнению стихи — грех, я прочту вам другое стихотворение. Автор посвятил его невеждам, рядившимся перед всеми в одежды ученых, а также тем, кто, будучи образован, не употребляет свои знания в дело.

Блуднице шейх сказал:
«Ты, что ни день — пьяна
И что ни час — то в сеть другим завлечена».
Ему на то: «Ты прав, но ты-то сам таков ли,
Каким всем кажешься?», — ответила она.[221]

Услышав это, мулла вознегодовал пуще прежнего:

— Еще не хватало, чтобы ты распустил свой язык об улемах!

— Уважаемый господин, — успокоил его Ибрахим, — я знаю таких улемов, которые сознают обязанности, связанные с их высоким саном, и заботятся о сохранении собственного достоинства. Я постоянно молю бога продлить им жизнь за счет уменьшения моей ничтожной жизни. Если бы не было сих святых людей, то мы пропали бы — вся наша жизнь связана с их существованием. Но я сейчас говорю о бездеятельных ученых, о тех обманщиках и мошенниках, которые пятнают доброе имя истинных улемов.

— Что это за речи такие, — воскликнул мулла. — Все улемы одинаковы, какая может быть меж ними разница? А сам ты вероотступник, раз говоришь об улемах без должного уважения, и поэтому врата спасения перед тобой закрыты.

— Вероотступник тот, кто невежественен, а выставляет себя перед людьми в обличье ученого, — возразил Ибрахим. — Эти-то негодяи и есть главная причина всех бед, свалившихся на голову иранцев.

Вижу, при слове «вероотступник» Ибрахим-бек побледнел, весь задрожал, глаза его широко раскрылись и он закричал:

— Вот именно такие слова, как ваши, разрушили огромную страну, повергли в прах древний народ, заставили людей забыть о пользе науки и дали разгул невежеству: это из-за них люди впали в нищету, совершенно отказавшись от овладения знаниями и образованием, подлинную науку подменили вызубриванием нелепых арабских фраз, вроде: «Зайд бьет Амра».[222] Вот тогда и обнаглели повсеместно стяжатели и честолюбцы, которые без зазрения совести начали толковать на всякий лад святые постановления чистейшего шариата и пробрались на высокие посты. Один сказал: «Я — шейх», а другой, набравшись дерзости, взлетел еще выше и заявил, что он пророк. И по одному лишь мановению их руки темные люди стали стекаться к ним со всех сторон...

При этих словах Ибрахим совсем перестал владеть собой. Он вскочил с подушки, на которой сидел, поджав под себя ноги, и, подбежав к мулле, крикнул ему прямо в лицо:

— Вы принадлежите к сорту людей, которые научные диспуты по своему недомыслию сводят к тому, что бьют друг друга книгами по голове и поносят друг друга хулительными словами. Всякие ссоры и распри не относятся к науке, корень их — темнота и тупость. Именно такие внешне ученые люди по сути — круглые невежды и повинны в разобщении между народом и правительством. Увлечение каллиграфией и алхимией, пристрастие к терьяку — все это из-за отсутствия просвещения!..

Голос Ибрахима звучал все громче, рот начал подергиваться, как у верблюда, одержимого падучей, пот лил с него градом. В полной растерянности наблюдал я эту сцену.

— Мне больно, мне горько оттого, — закричал он снова, — что этот человек, претендующий на звание ученого, проклял меня за несколько слов правды, которые я сказал!..

Тут он поднял руки, сорвал с головы шапку и ударил ею об пол, как безумный. Шапка, подскочив, сбила стоявшую рядом лампу, лампа упала и разбилась, керосин разлился по полу. Пламя от фитиля взвилось язычками и в мгновение охватило все, стоявшее рядом.

Тут, наконец, я сбросил с себя оцепенение и увидел, что Ибрахим лежит без сознания, а пламя подбирается к нему, пожирая большой ковер.

— На помощь! Сюда! Горим! — закричал я.

Вбежал Юсиф Аму со слугами. Я сказал ему, чтобы он, не обращая ни на что внимания, вынес бы поскорей Ибрахима и спас его, а комната пусть проваливается хоть в преисподнюю!

Вдвоем мы вынесли из комнаты бездыханного Ибрахима. В это время мулла носился по комнате, спасаясь от огня, но пламя уже коснулось краев его одежды. Он кричал во весь голос:

— Горю! Спасите! Воды! Воды!

— Пожар! — подхватил я.

Сбежались соседи и начали заливать огонь водой. Пламя, между тем, охватило занавеси и перекинулось на оконные рамы и потолок.

— Сдирайте занавеси, ломайте рамы, — отдал приказ я.

Люди уцепились за занавеси и с криками: «Йа, Али! Йа, Хасан! Йа, Хусайн! [223] Йа, Али ибн ал-Хусайн!» — сорвали их. Огонь утих.

Давно терпения рубеж душа переступила.
Но никому за пелену времен не заглянуть!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хвала господу, всесильному и щедрому, что он даровал мне, рабу его, возможность напечатать этот дневник путешествия и позволил мне оставить на память всему миру славное имя достойного уважения и несчастного путешественника, претерпевшего из-за своей любви к родине столько бедствий и столько невероятных трудностей.

Как уже сказано в предисловии, опубликование этого дневника, потребовавшее больших затрат и преодоления многих затруднений, не имело в виду каких-либо корыстных расчетов. Напротив того, будучи твердо уверен, что к этому обязывают меня моя преданность родине, народу и правительству, я по доброй воле принял на себя все труды и все издержки. Льщу себя надеждой, что уважаемые читатели, взглянув беспристрастно на эти страницы, загорятся благородным стремлением уничтожить все недостатки, порочащие их родину, и тогда благодаря их счастливой звезде и высоким помыслам выправятся постепенно все эти недостойные и неблаговидные дела.

Тогда не место отчаянию, ибо никакие трудности не устоят против объединенных усилий целой нации. Ведь говорят: «Воля человека сворачивает горы». Нужно только дружно и сообща взяться за исправление дел, и все преграды будут сметены.

Я твердо верю, что и предводители нации не захотят далее терпеть эти унижения, выпавшие на долю их самих и всего народа. Взяв за образец дела правителей далекого прошлого, они предпримут, наконец, необходимые меры для полного искоренения распространенных пороков и возвеличения нации. Наша родина должна освещаться лучами истинной цивилизации в совокупности с чистейшими законами ислама и гуманности. Пусть мрачные тучи невежества и лености будут рассеяны свежим ветром науки и просвещения, справедливости и равенства, дабы горизонт нашей страны — благословеннейшего края планеты, очистился бы от дыма бесправия и жестокости, а плевелы насилия и смут сгнили бы на корню.

Во всех наших городах и селениях, на всех границах нашей родины, на всех государственных зданиях должно горделиво развеваться знамя справедливости, на одной стороне которого будет сиять знак Льва и Солнца и корона кайанидов,[224] а на другой стороне — святой стих из Корана. Во всех городах и для всех жителей распахнутся двери справедливых судов, расположенных в великолепных зданиях, и перед лицом закона будут равны богач и бедняк, эмир и нищий.

Я верю, что предводители нации защитят права рабов божьих от насилия и гнета и всегда будут вершить суд согласно законам святого эмира правоверных Али ибн Абуталиба — да благословит его аллах и да приветствует! Ибо помнят они, как сей имам, обращаясь с речью к народу пророка — да благословит его аллах и да приветствует! — изволил сказать: «Я не ставлю своих сыновей, Хасана и Хусайна, выше вас и не отдаю им предпочтения. Я не предпочту их не только вам, но и последнему эфиопскому рабу с отрезанным носом». Вот как судили наши предки в отношении слабых подданных!

Вспомните теперь, как в конце двенадцатого века мучались наши деды от притеснений жестоких правителей, всяких губернаторов, начальников стражи, простых стражников и прочей челяди. Вспомните, как по одному бессмысленному слову какого-нибудь зверя в человечьем обличье пропадало их имущество и гибли жизни, как страдали земли и посевы от губительных набегов жестоких и сильных врагов.

И как нынче страждут наши сердца, когда мы, прослеживая взглядом историю прошлых лет, видим, как томилась наша родина от кровопролитий и разрушений, чинимых Чингиз-ханом и его дикими и безжалостными ордами, так и наши потомки будут потом скорбеть, оглядываясь на нашу жизнь. Поэтому нам пристало действовать так, чтобы не оставить им в наследство страшные описания наших бедствий.

Надо помнить о том, что существует большая разница между прежними временами и нынешними, обстановка с тех пор изменилась настолько, что это с трудом поддается воображению. Раньше почти вся страна находилась в диком состоянии, каждое племя только и занималось тем, что воевало, грабило и проливало кровь своих соседей и не было ни малейшего намека на прогресс и цивилизацию. Поэтому можно извинить наших предков за то, что они не могли противостоять тому потоку бедствий, который то и дело захлестывал их страну.

Нынче же солнце цивилизации восходит над миром, и лучи его освещают самые дальние уголки. Каждое племя может извлечь благодатную пользу от его благого сияния, и поэтому наши потомки не окажут нам никакого снисхождения <...>.

Пока еще не поздно, надо изыскать пути для устранения всех неурядиц, потому что все, о чем сказано в этой книге, — не бред, не сон и не фантазия — это те насущие запросы, которые встают каждодневно перед любым из жителей Ирана. Друзья, видя все это, печалятся, а враги ликуют и, произнося с насмешкой высокое имя нашей древней и благородной нации, выставляют ее положение на посмешище в балаганах и театрах.

Позволительно ли нам допускать подобные издевательства над собой, не делая ни шага по пути прогресса и не принимая никаких мер для устранения всех этих зол? !

Опасаюсь, что некоторые из моих соотечественников, несмотря на свою

просвещенность, прочтя эти путевые заметки, лишь посмеются над самим путешественником и над издателем книги и нарекут нас тупыми и одержимыми. Не исключено и то, что другие, не довольствуясь этим, обвинят нас в безбожии и безнравственности. Как бы то ни было, я им заранее прощаю и ни в чем их не попрекну, а буду лишь молиться об их спасении.

Со всей решительностью скажу вот что: если бы уже сорок-пятьдесят лет назад каждый угнетенный требовал от тирана свои права и, взывая к справедливости, вступался за себя и за других, если бы остальные люди не глядели безучастно, как угнетают их собратьев, если бы всякий путешественник, пренебрегши личными интересами, записывал свои впечатления обо всем плохом и хорошем, а потом публиковал их, — то нынче все эти хронические болезни нашей родины пошли бы уж на убыль и организм страны и народа был бы совершенно извлечен от точащих его недугов. Увы! Все твердят: «Мое дело — сторона» — и не могут понять одного, что все это их рук дело, только раньше они держались еще далеко от огня, а нынче попали в самое пламя.

Если бы иранские вельможи, ученые, поэты и все просвещенные люди, заметив, что от первого путешествия шаха в Европу нет никакой пользы, кроме огромных трат для народа и страны, мягкими увещеваниями, используя прозу и стихи, отговорили бы шаха от второго и третьего путешествия, тогда несчетные суммы, которые были зря израсходованы в Европе, остались тем самым в государственной казне, а народ был бы избавлен от бремени позора, который навлекли на него эти поездки.

Увы! В нашей стране до сих пор руководители народа не вкусили сладости свободы мысли и свободы печати и даже не предполагают, до какой степени это величайшее благо способствует процветанию страны и увеличению национальной гордости. Поистине, достоин крайнего удивления тот факт, что они на словах понимают и как бы признают, сколь сладостны эти свободы, но на деле не хотят этого узнать.

Увы и увы! Во всех случаях они говорят все одно и то же: «Мое дело — сторона».

Долг каждого сына рода человеческого стремиться к прогрессу и цивилизации и всеми средствами, которые есть у него в руках, бороться за свободу мысли, слова и печати, чтобы благодаря этому жить среди прочих народов с полным сознанием собственного достоинства.

Если же люди поступают наоборот, они низко падают в глазах других наций, как это и случилось с нами. Это ясно, как солнце, и не требует особых доказательств <...>.

Ясно и то, что к народам, которые обладают просвещением и воспитанием и в полной мере оделены благами науки и техники да еще сверх этого пользуются свободой слова и печати, счастье само устремляется навстречу во весь опор. А мы тем временем лишены даже возможности употреблять отечественные свечи и сахар, одеваться в отечественное сукно и коленкор и писать на отечественной бумаге.

Конечно, нам необходимо учиться всякому производству, а это не дается без науки. Для существования и развития науки в свою очередь нужны равенство и справедливость, а они не могут существовать без свободы слова и свободы печати.

Любой грамотный человек на Западе, даже безумец, к какому бы сословию он ни принадлежал, имеет право написать статью в соответствующих общепонятных выражениях и послать ее в газету. И на другой же день можно увидеть, как все мудрецы страны читают статью этого безумца. Если они найдут, что заметка его не лишена смысла, они используют советы в дело, если же нет, то, не хмуря бровей, попросту отложат ее в сторону. У нас же наоборот: если умный человек заметит что-нибудь подобное или, изложив свои мысли на бумаге, представит их взглядам всего народа, тотчас же невежды поднимут общий крик: «Батюшка, да мыслимое ли это дело?!» — и так высмеют человека, что и мудреца сделают безумцем.

Разница между нами и народами западных стран в том и заключается, что у них всякий говорит то, что желает, и даже, если слова эти абсурдны, его прежде выслушают до конца, чем скажут мнение по этому вопросу. А мы по своей ограниченности, не подумавши и не рассмотрев вопроса со всех сторон, прерываем говорящего на середине и выносим свой приговор: «Это — абсурд! », в особенности тогда, когда говорящий, подобно мне, абсолютно лишен земных богатств. Более того, если кому-либо и посчастливится и его слова проберутся через все эти непроходимые горные тропы, увы, от его суждений останутся всего два-три бесполезных слова, от которых ни говорящему, ни народу не будет никакого проку.

Разве стране может быть какой-нибудь вред от свободы мыслей и свободы печати, что правительство отрезает язык говорящего и ломает перо пишущего? По-видимому, оно не постигает истинного значения слова «свобода».

Действительно, надо сломать то перо, что поднимается ради замышления измены родине, и следует отрезать тот язык, который поносит честь и достоинство какого-либо человека. Но надо ли закрывать несчастную газету, взывающую о правах человека и выступающую против явных бесчинств какого-нибудь эмира—тирана, достойного возмездия.

Некоторые рьяные невежды упрямо твердят по своей тупости, что писать о наших пороках и предавать гласности все безобразные факты — значит выставлять нас на позор перед иностранцами и грешить против патриотизма и национального достоинства. Эти бедняги, видимо, полагают, что иностранцы и без того ничего не знают о состоянии нашего государственного аппарата, о жестокостях правителей и о порче нравов. Клянусь творцом, такие соображения глубоко ошибочны! Ныне ничто не скрыто за завесой, и иностранцы осведомлены о наших недостатках еще больше, нежели мы сами. По общему мнению всех разумных людей, именно тот, кто хочет набросить покров на эти пороки, и является предателем веры, государства и народа

Мы говорим: благожелатель тот,
Кто тернии на пути твоем укажет.

Наш святой пророк, предводитель правоверных Али — да будет над ним мир! — так изволил сказать: «Правдивого называют правдивым потому, что он говорит правду тебе и порицает тебя, желая добра. И тот, кто поступает так, истинно правдив».[225]

Эти неподражаемые слова наисовершеннейшего из пророков — да будет над ним мир и благословение божие! — значат вот что: того правдивого считают наиболее славным в его прямоте, который открыто говорит с тобой, перечисляет твои недостатки прямо в глаза и старается избавить тебя от этих пороков; если найдешь человека с такими свойствами, держись за него, ибо он истинно правдив!

Несомненно, что всякий, любящий свою родину и желающий блага ее сыновьям, должен следовать этим заветам святого повелителя повелителей, высочайшего из высочайших — да будет над ним мир! — того, кто сам себе господин и руководитель. Он должен все время в мягких выражениях напоминать своим согражданам об их пороках в надежде, что хоть одно слово из его речей принесет свои плоды и люди примутся со временем за исправление этих недостатков, и тогда с божьей помощью сгинут тирания и несправедливость — эти порождения темноты и невежества и на их месте будут воздвигнуты прекрасные здания справедливости и истины. Пришло время национальным поэтам и писателям, тратившим до сих пор всю свою жизнь на восхваление и прославление тиранов, складывать стихи и петь гимны о любви к родине и преданности ей.

Долгие годы слагали мы траурные элегии своей родине и горько оплакивали ее. Долгие годы мы порицали истинных патриотов — давайте же ныне заклеймим и в стихах, и в прозе поступки низких людей! Так же усердно, со слезами и мольбой, как в течение долгих лет мы просили творца избавить нас от адского пламени, давайте ныне помолимся об избавлении нас от тирании и притеснения и о замене их равенством и правосудием! Многие годы в угоду нашему мелкому самолюбию мы ссорились, вздорили друг с другом, давайте же хоть немного поживем в любви и согласии, ибо в них заключен капитал подлинного счастья!

Здесь уместно привести рассказ, который связывают с именем шаха Аббаса Сефевидского — да осветит аллах его разум!

Рассказывают, что однажды Аббас Сефеви — да будет рай вечным местом его успокоения! — направлялся куда-то верхом на коне, а благородный сеид Мир Мухаммад Багир Дамад и знаменитый шейх Баха ад-Дин Амили, прославленные ученые того времени, ехали рядом с ним. Шаху пришла в голову мысль испытать этих двух великих людей, чтобы узнать, нет ли между ними соперничества и зависти. Когда конь сеида начал вскидываться и шарахаться, падишах шепнул шейху: «Конь сеида на ходу слишком легок и игрив. Не подобает человеку с саном улема ездить на таком коне». Шейх почтительно отвечал: «Конь знает, что его всадник — ученый и великий человек, и от счастья, которое выпало на его долю, он танцует и резвится». Спустя некоторое время мудрый падишах

обратился к славному сеиду, сказав ему тихо: «Как лошадь шейха ленива, едва плетется, а шейх и ездить-то верхом как следует не умеет». Сеид отозвался с поклоном: «Это не так. Лошадь не ленива и обладает достойными качествами, но нельзя не подивиться, как она еще идет вперед, неся на себе столь тяжелую ношу совершенств».

Проницательный правитель, услышав от обоих великих ученых такие прекрасные речи, отверз уста, возблагодарив творца: «Хвала господу, что в дни моего правления наши ученые живут в таком согласии и дружбе! Одно это доказывает, какое единодушие и какая любовь царят среди нашей нации!».

Денно и нощно в смиренной мольбе мы должны просить творца уничтожить царящие между нашими согражданами раскол и вражду, которые привели к разрухе в государстве и растерянности среди народа, и даровать им любовь и согласие, чтобы, помогая друг другу, они могли изыскать средства для процветания и блаженства ее детей и единодушно защищать прерогативы нашей страны. С помощью согласия они спасли бы древнее государство от упадка и избавили бы своих потомков от гнетущего их сегодня чувства обиды и унижения, и тогда имена их останутся вечно живыми и будут поминаться добром и похвалой.

Я высказал тебе все то, что должен был сказать, —
Ты сыщешь сам в моих словах иль пользу, иль докуку.

Не следует, однако, терять надежду на милосердие господа, ибо творец всесущего несет с собой много скрытых от наших глаз благ и милостей.

Я счел приличествующим закончить свое изложение этими несколькими бейтами из молитвенного стихотворения.

Великодушен к нам творец, мы это понимаем,
Коснея во грехах, всегда надежду мы питаем,
Что двери царства своего откроет нам творец,
И мы, рыдая и скорбя, войдем в его дворец.
Господь святой! Отринешь нас иль призовешь ты снова,
Одну покорность встретишь в нас и ничего иного.
Гордимся, если за дела ты одаряешь нас,
Пред карой божьей от стыда не поднимаем глаз.
Из горсти праха создал нас — из тьмы возносишь к свету,
И как, скажи ты нам, тебя благодарить за это?
Ты дал нам душу, разум дал, деяний торжество —
Без этих благ — любой из нас не стоит ничего.
Так пусть источник благ твоих вовек не истощится —
Не то отчаянья рука терзать нам будет лица.
Благослови же нашу жизнь, будь милосердным к ней:
Она печальна и горька и нет ее бедней.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАЙН АЛ-АБИДИН МАРАГАИ И ЕГО РОМАН

«Дневник путешествия Ибрахим-бека» Зайн ал-Абидина Марагаи относится к тем произведениям персидской литературы конца XIX в., которые послужили важным фактором в развитии прогрессивной мысли в Иране, в подготовке демократически настроенных слоев населения к участию в конституционном движении 1905—1911 гг. «Значение „Дневника путешествия Ибрахим-бека“, — писал крупнейший иранский историк Ахмад Касрави, — лучше всего знает тот, кто прочел эту книгу в свое время и помнит, какое впечатление она произвела на всех... Многие иранцы, которые свыклись с грязной и отвратительной жизнью и кроме нее не мыслили себе другой, прочтя эту книгу, пробудились от сна, как бы ощутили встряску. Можно назвать многих, кто, прочитав „Дневник путешествия Ибрахим-бека“, стал бороться за лучшую жизнь в Иране».[1]

Роман Зайн ал-Абидина получил широкую известность не только в Иране. Его с интересом читали в Турции, Индии, Азербайджане и Бухаре — всюду, где читатель видел какое-либо подобие шахского деспотического режима, диких нравов и фанатизма, описанных в романе. О воздействии этой книги на умонастроение интеллигенции Бухары писал один из основоположников современной таджикской литературы Садраддин Айни. По его свидетельству, «Дневник путешествия Ибрахим-бека» появился в Бухаре вскоре после 1905 г. и в немалой степени способствовал формированию прогрессивных общественных взглядов у многих читателей, видевших в этой книге критику феодальных порядков в Бухаре.[2]

Роман состоит из трех частей. Первая часть (перевод которой и предлагается читателю в настоящем издании) представляет собой дневник путешествия по Ирану молодого купца, иранского подданного, постоянно проживающего в Египте. В дневнике с мельчайшими подробностями опи-

---

[1] Ахмад Касрави. История иранского конституционализма, ч. 1. [На перс. яз.]. Тегеран, 1320 [1941], стр. 45.

[2] См.: З. Раджабов. Россия и таджикская литература конца XIX и начала XX вв. [Душанбе], 1959, стр. 36. Здесь З. Раджабов ссылается на кн.: С. Айни. Материалы по истории Бухарской революции. [На тадж. яз.], 1926, стр. 32.

саны быт, нравы и положение основных слоев иранского общества. В нем зафиксированы наблюдения Ибрахим-бека, сделанные им в различных провинциях Ирана. Только начало и конец первой части не входят в дневник. Вначале автор сообщает некоторые сведения о своем герое — Ибрахим-беке, в конце — показывает его возвращение из Ирана и встречу с соотечественниками в Стамбуле. В разыгравшемся здесь жарком споре о судьбах родины Ибрахим-бек впадает в горячку и тяжело заболевает.

Вторая часть включает описание возвращения Ибрахим-бека в Египет, его болезни, небольшого любовного эпизода и, наконец, смерти героя от стыда за разруху и унижение Ирана. В этой части наиболее интересна переписка Ибрахим-бека с тегеранцем Мешеди Хасаном Кермани. Особенно ценны письма последнего, которые прдставляют собой свежие впечатления прогрессивного перса о событиях, происходящих в стране, и содержат острую критику иранского феодального общества.

Третья часть — сон воспитателя Ибрахим-бека Юсифа Аму. Здесь, как и в двух первых частях романа, автор не перестает осуждать правительство и господствующие классы Ирана. Во сне Юсиф Аму путешествует по аду и раю. В аду он встречает взяточников-министров, деспотов-губернаторов, лжецов-улемов и других паразитов общества. Наоборот, в раю пребывают честные справедливые люди, отдавшие жизнь за интересы народа и отечества.

«Путешествие Ибрахим-бека» [3] — своего рода энциклопедия иранской действительности последней четверти XIX в., написанная пером сурового обличителя. Ни одни из персидских писателей не показал тогдашнего феодального общества Ирана так правдиво, всесторонне и смело, как это сделал Зайн ал-Абидин. Надо сказать, что до последней четверти XIX в. подобная книга вообще едва ли могла появиться: в стране еще не были созданы для этого необходимые социально-исторические условия.

После падения Сефевидов в начале XVIII в. в Иране почти сто лет не прекращались кровопролитные междоусобные войны, царила ужасающая разруха. Страна еще не ощущала на себе влияния европейских держав, интересы англичан и голландцев ограничивались здесь в основном торговлей, которая в то время не оказывала серьезного воздействия на политическую жизнь и традиционные экономические отношения в Иране.

В литературной жизни также не замечалось какого-либо оживления. Централизация власти, последовавшая за утверждением династии Каджаров, способствовала возрождению некоторых средневековых феодальных обычаев и институтов. В частности, восстановил былую пышность шахский двор, с обширным штатом поэтов-панегиристов, занимавшихся составлением льстивых касыд в честь своего повелителя. Поэты первой половины XIX в., при всей их виртуозности в использовании поэтических

[3] Для краткости слово «Дневник» в названии романа здесь и в дальнейшем опускается.

форм, не могли прикрыть скудости содержания этих стихов. Что касается художественной прозы, то в тот период ее еще не было.

С середины XIX в. в Иран стал усиленно проникать европейский капитал, что сопровождалось глубокими сдвигами как в экономической, так и в духовной жизни иранского общества. Ремесло и домашняя промышленность были в значительной степени подорваны, намного расширились товарно-денежные отношения, ускорился кризис ленного землевладения. Все эти процессы предвещали, что Иран уже не останется таким феодальным государством, каким он был в XVIII в., свидетельствовали о начавшемся его превращении в ходе капитализации в полуколониальную, зависимую страну.

С 60-х годов началось экономическое и политическое закабаление Ирана, которое завершилось с переходом европейского капитализма в свою последнюю, империалистическую стадию. В этот период иностранный капитал, используя в качестве своего орудия шахское правительство, все более усиливал эксплуатацию ремесленников и гнет над крестьянами, разорял мелкую и среднюю буржуазию. Связанное с этим обострение социальных противоречий в стране проявлялось в росте недовольства не только среди эксплуатируемых слоев населения, но даже среди купечества и либерально настроенных феодалов. Важным фактором нарастания оппозиционных настроений было и то, что шахское правительство даже не пыталось как-то приспособить свою политику к происходящим изменениям, а наоборот, подчеркнуто отстаивало незыблемость существующего режима и феодальных порядков, на которые оно опиралось.

Проникновение иностранного капитала в Иран сопровождалось некоторыми новшествами и в культурной жизни страны. Важнейшее из них — возникновение отечественного книгопечатания, без которого было немыслимо развитие новой литературы, ориентировавшейся на гораздо более широкий круг читателей, чем в прошлом.

В эти же годы появились первые переводы художественных произведений с европейских языков. Сначала это были главным образом сочинения исторического характера, такие, как «История Наполеона» Вальтера Скотта, «История России при Петре Великом» Вольтера, несколько позже — комедии Мольера и М. Ф. Ахундова, «Робинзон Крузо» Дефо, «Жиль Блаз» Лесажа, «Индийская хижина» Бернардена де Сен Пьерра, «Телемак» Фенелона, «Хаджи Баба Исфагани» Джемса Мориера, «Граф Монте Кристо» и «Три мушкетера» Александра Дюма и др.

Многие из переведенных на персидский язык произведений европейской литературы выражали передовые общественные идеи своего времени и сыграли положительную роль в борьбе против феодализма и абсолютизма в Европе. Однако в условиях Ирана второй половины XIX в. они уже не воспринимались с такой остротой, как когда-то у себя на родине. Неудивительно поэтому, что шах Наср ад-Дин даже поощрял переводы подобных произведений. И все же нельзя не отметить, что либерально настроенному

читателю, недовольному шахским деспотизмом, импонировали идеи «просвещенной», «здоровой» монархии, проповедовавшиеся Фенелоном. Такой читатель не мог не восхищаться тем, как едко высмеял Лесаж в своем «Жиль Блазе» представителей высшего общества, соревнующихся во лжи, обмане, грабеже, обкрадывании друг друга. Он с воодушевлением встретил воспетую Даниэлем Дефо в «Робинзоне Крузо» творческую инициативу и предприимчивость восходящей буржуазии.

Особенно важным для развития критической мысли был перевод романа «Хаджи Баба Исфагани» Джемса Мориера. Английский автор нарисовал целую галерею красочных картин из жизни иранского общества начала XIX в. Беззаконие правителей всех степеней, мошенничества мулл и дервишей, взяточничество государственных чиновников подверглись острой и беспощадной критике. Перевод романа (переводчики Ахмад Рухи и Хабиб Шаир Исфахани), по мнению крупнейшего иранского литературоведа проф. Парвиза Ханлари, был выполнен настолько талантливо, что иранские читатели восприняли его как «первый персидский роман».[4]

Для развития в Иране просветительского движения большое значение имела пресса.

Первая персидская газета «Рузнаме-йи вакаи-и иттифакие» («Дневник случайных происшествий») начала печататься в 1851 г. Вслед за ней стали появляться и другие газеты. Их количество быстро росло, особенно в последней четверти XIX в. Помещавшийся в газетах материал все же редко выходил за рамки официальных сообщений. Более того, опасаясь преследования цензуры, газеты предупреждали, что они не будут затрагивать политические вопросы. Так, газета «Рузнаме-йи Насири», издававшаяся в Тебризе в 1893—1894 гг., писала, что «она ни в коем случае не будет касаться государственных и внутриполитических вопросов и что цель ее издания заключается в распространении науки, культуры, торговли и т. д.».[5]

Действительно, газеты много внимания уделяли пропаганде достижений науки и техники. Только одна газета «Тарбийат», например, напечатала серию статей о Гуттенберге, Пастере, Галилее, Ньютоне и т. п. Это, конечно, было положительным явлением, так как иранский читатель впервые стал приобщаться к знаниям, сокровищнице мировой культуры и науки.

С критикой феодальных порядков и деспотизма каджарского двора выступали лишь персидские газеты, издававшиеся вне Ирана: «Ахтар» (Стамбул), «Хабл ал-Матин» (Калькутта), «Сурайа» (Каир), «Канун» (Лондон).

В широком общественном и литературном движении последней четверти XIX в., которое характеризуется как просветительское, большое

[4] См.: Первый съезд писателей Ирана. [Отчет на перс. яз.]. Тегеран, 1324 [1946], стр. 145.

[5] Цит. по кн.: Первый съезд писателей Ирана, стр. 136.

место занимала деятельность Мирзы Малкум-хана — автора многочисленных политических трактатов и проектов реорганизации государства, изложенных в таких произведениях, как: «Усул-и тамаддун» («Принципы цивилизации»), «Усул-и адамийат» («Принципы человечества»), «Рафик ва вазир» («Товарищ и министр»), «Рисале-йи гайбийе» («Тайное послание») и др.

Зайн ал-Абидин, как и другие прогрессивные литераторы и общественные деятели Ирана, был хорошо знаком с сочинениями Малкум-хана и разделял его политические убеждения. Более того, он несомненно вывел в своем романе Малкум-хана (не называя его) в образе того «почтенного человека», необыкновенно образованного и подлинного патриота своей родины, в дом которого в Тегеране он привел своего путешествующего героя — Ибрахим-бека. «Почтенный человек» знакомит Ибрахим-бека со своими научными трудами, основные идеи которых во многом совпадают с просветительскими и социологическими идеями Малкум-хана. Подобно последнему, «почтенный человек» был крупным государственным деятелем, имевшим доступ к шахскому двору. Как Малкум-хан, он так же выступал против реакционной политики правящих кругов и так же оказался не в силах осуществить свои планы преобразования страны.

Мирза Малкум-хан Назим ад-Дауле родился в 1833 г. в Исфахане в семье армянина, принявшего ислам, — Мирзы Йакуб-хана. Получив образование в Иране и во Франции, Малкум-хан поступил на службу при дворе Наср ад-Дина и в течение долгого времени занимал ряд дипломатических постов. В Тегеране он создал нечто вроде масонской ложи под названием «Фарамуш-хане» («Дом забвения»).[6] Участники этой ложи обсуждали в довольно абстрактном плане различные общественно-политические проблемы. В одной из записей азербайджанского писателя и философа-демократа М. Ф. Ахундова, с которым долгие годы поддерживал дружбу Малкум-хан, есть интересные заметки, характеризующие деятельность «Фарамуш хане». «Человек, чтобы стать совершенным, обязан: 1) воздерживаться от дурных поступков, 2) совершать благие дела, 3) прилагать усилия, чтобы свергнуть гнет, 4) жить в мире с другими людьми, 5) стремиться к учебе, 5) распространять знания и науку, 7) в меру своих сил поддерживать порядок в обществе».[7] Далее Ахундов отмечает, что эти семь обязанностей человека, подробно изложенные в произведении Малкум-хана «Китаб-и адамийат», и составляют основу общества «Фарамуш-хане». Хотя в названном обществе политические вопросы ставились весьма отвлеченно и сами его участники имели смутное представление о той «справедливости», к которой призывали, Наср ад-Дин закрыл «Фарамуш-хане», а самого Малкум-хана под видом повышения

[6] Предполагалось, что участники собрания, находясь за пределами ложи, должны были забывать обо всем, что они там говорили и слышали.

[7] Отдел рукописей Института литературы и языка им. Низами АН Аз.ССР, Инв. № 13, стр. 177.

отправил с дипломатической миссией в Лондон. Впоследствии Малкум-хан порвал с шахским двором и уже как эмигрант начал в 1890 г. выпускать в Лондоне газету «Канун» («Закон»), объективно способствовавшую развертыванию борьбы за установление конституции в Иране.

Много усилий затратил Малкум-хан на реализацию своего проекта реформы письменности. Он разделял характерную для всех буржуазных просветителей иллюзию о том, будто основной причиной отсталости иранского государства являлась всеобщая неграмотность. Самую же неграмотность он объяснял трудностью арабского алфавита и пренебрежением правящих кругов страны к вопросам просвещения вообще и к реформе письменности в частности. Свои взгляды на просвещение Малкум-хан изложил в брошюрах «Мабда-и таракки» («Истоки прогресса») и «Шейх ва вазир» («Шейх и везир»). Увлекательно, в форме диалога, он подводит здесь читателя к мысли о том, что весь корень зла кроется в трудной арабской письменности, что истоком всякого прогресса является просвещение и конкретно для Ирана — облегченная письменность. Зайн ал-Абидин, во многом следуя взглядам Малкум-хана, также видел в просвещении нации ключ к будущим реформам и преобразованиям страны.

Едкую сатиру на административный произвол и беззаконие, царившие в то время в Иране, содержат пьесы Малкум-хана, написанные им в 60-х годах XIX в.[8] Три из них: «Происшествия с Ашраф-ханом, губернатором Арабистана», «Способы управления Заман-хана, губернатора Буруджирда» и «Рассказ о поездке Шах-Кули-мирзы в Кербелу» — после смерти автора неоднократно издавались. В них показана ужасающая коррупция государственного аппарата, разоблачены самые изощренные способы вымогательства денег, к каким обычно прибегали иранские чиновники. Четвертую пьесу, «Рассказ о том, как был влюблен ага Гашим Халхали и о происшествиях того времени» М. Ф. Ахундов в своем письме автору[9] подверг серьезной критике, главным образом за моральную неполноценность выведенного в ней положительного героя. Дальнейшая судьба этой пьесы неизвестна: возможно, Малкум-хан уничтожил ее, как советовал ему Ахундов, а может быть, она затерялась среди его рукописей; как бы то ни

---

[8] Известное письмо М. Ф. Ахундова Малкум-хану, представляющее собой развернутый анализ пьес последнего, датировано 28 июнем 1871 г. Это дает основание утверждать, что пьесы Малкум-хана были написаны до начала 70-х годов. Однако считать вопрос об авторстве указанных пьес окончательно решенным нельзя, поскольку материалы, представленные азербайджанским ученым доцентом Ализаде М. Мубаризом на научной конференции по иранской филологии в 1962 г., содержат новые фактические данные, подтверждающие версию, согласно которой пьесы были написаны неким Мирзой-ага Тебризи, работавшим в 70-е годы в должности секретаря французского посольства в Тегеране [см.: Ализаде М. Мубариз. Новые данные о Мирзе Мельком-хане и приписываемых ему пьесах. В кн.: Научная конференция по иранской филологии. (Тезисы докладов). Л., 1962, стр. 32].

[9] См.: M. F. Axundov. Əsərləri Bakı, 1938, çəh. 92.

было, среди произведений Малкум-хана фигурируют только три первые пьесы.

В романе Зайн ал-Абидина дважды упоминается «Книга Ахмада». В первый раз герой романа Ибрахим-бек, еще не знакомый с истинным положением дел в Иране и бурно реагирующий на любую критику своей родины, пренебрежительно отзывается об этом произведении. Зато потом, совершив путешествие по Ирану, он искренне раскаивается в своей оценке:

«Нижайше прошу прощения я и у другого мудрейшего мужа — автора „Книги Ахмада", ибо и о нем я помышлял худо по причине моего злосчастного патриотизма. Только теперь, когда я постиг все тонкости мудрых мыслей этого выдающегося человека, я могу утверждать, что у него в душе пылал огонь истинного патриотизма, — да не живет всякий, у кого в душе нет этого огня!» (стр. 192).[10]

Что представляет собой «Книга Ахмада», кто был ее автором и почему так высоко ценил его Зайн ал-Абидин?

«Книга Ахмада» принадлежит перу Абд ар-Рахима Талибова — писателя просветителя, родом из Тебриза, прожившего большую часть своей жизни в России, в маленьком провинциальном городке Темир-хан-Шуре (ныне г. Буйнакск Дагестанской АССР).

Талибов имел небольшой капитал и длительное время занимался торговлей. Очевидно, у него было немало свободного времени, которое он и использовал для пополнения и совершенствования своих знаний. Он владел русским языком и достаточно хорошо разбирался в естественных науках, чтобы переводить с русского языка на персидский учебные пособия по физике и астрономии. «По этим наукам, к сожалению, в Иране еще нет учебников, — писал он в предисловии к одному своему переводу, — поэтому я, житель Темир-хан-Шуры, Абд ар-Рахим Талибов, желая помочь нашим преподавателям соотечественникам, перевел учебник по физике с русского языка на персидский».[11]

Талибов создал также ряд произведений, пропагандирующих достижения науки и техники в художественной форме. Наибольшим успехом пользовалась упоминавшаяся выше «Книга Ахмада». Она написана в форме занимательной беседы отца с сыном. Из этой книги, полезной как для детей, так и для взрослых, читатель узнавал основные законы физики, химии, биологии, знакомился с процессом изготовления бумаги, красок, карандашей, с устройством пушки, телеграфа и телефона. Исключительно интересно повествует автор о важнейших географических открытиях, жи-

---

[10] Здесь и в дальнейшем ссылки на первую часть романа даются по настоящему изданию с указанием страниц перевода непосредственно в тексте. Цитаты из 2-й и 3-й частей будут приводиться в переводе на русский язык, с ссылками на калькуттское издание (ч. 2 — 1906 г.; ч. 3 — 1909 г.), сокращенно: Дневник, с указанием части и номера страницы.

[11] Абд ар-Рахим Абу Талиб Тебризи. Книга по физике. [На перс. яз.]. Стамбул, 1311 [1893], стр. 3.

вотном и растительном мире. Кратко, но просто и ясно рассказывает Талибов о государственном строе ряда европейских стран, а также Японии. Автор, разумеется, не упускает из вида всего того, что может произвести особое впечатление на молодого иранского читателя, — хлебное дерево, египетские мумии, фотография и т. п. Беседы отца с сыном автор оживляет забавными эпизодами из детской жизни Ахмада.

Значение «Книги Ахмада» состояло не только в умелой популяризации науки и знаний. Разъясняя какие-либо научные понятия или общественные явления, автор как бы невзначай переходил к иранской действительности, к критике антинародной политики шахиншахского правительства. Так, рассказывая Ахмаду о свойствах газа, отец не забывает упомянуть о газовой компании, которую правительство предложило учредить какому-то европейцу, менее всего, конечно, озабоченному соблюдением национальных интересов Ирана. Говоря о крестьянстве, о сельской жизни, он замечает, что в последние десять лет из-за тяжелого положения в деревне происходит массовая эмиграция крестьян из Ирана. Беседуя с сыном о значении военного образования, отец сообщает о том, что всякий, желающий стать офицером, должен учиться в специальном учебном заведении и сдавать соответствующие экзамены. Услышав это, Ахмад с детским простодушием спрашивает: «А как же стал полковником сын нашего соседа Хабибулла-хан, который совсем не ходил в школу?».[12] Отец вынужден разъяснить сыну, что речь идет о других странах, а не об Иране, где чины даются по наследству и где можно встретить пятнадцатилетнего бригадного генерала.

Еще большую общественную значимость имело содержание второй части «Книги Ахмада», озаглавленной «Масаил ал-хайат» («Вопросы жизни»). Читатель здесь снова встречает знакомого героя, но уже не мальчика, а образованного юношу — пылкого патриота своей родины, дающего объяснения своим собеседникам по основным вопросам общественной и политической жизни. Устами Ахмада Талибов раскрывает сущность таких понятий, как личное, общественное и международное право, свобода и равенство. Он подчеркивает, что свобода без равенства всегда превращается в посягательство одного на право другого, что «там, где нет свободы, там нет любви к своей родине — патриотизма».[13] Он подробно говорит о свободе личности, свободе убеждений, свободе слова, свободе выборов, свободе печати. Сравнивая различные формы государственного устройства, он приводит высказывания европейских ученых о том, что абсолютная монархия является самым вредным и отсталым способом государственного управления, порождающим беспорядки, разврат, упадок, и что, наоборот,

---

[12] Абу Абд ар-Рахим Тебризи. Книга Ахмада. [На перс. яз.]. Стамбул, 1311 [1893], стр. 146.

[13] Абд ар-Рахим ибн Щейх Абу Талиб. Вопросы жизни. [На перс. яз.]. Тифлис, 1324 [1906], стр. 94.

только конституционная монархия может обеспечить экономическое развитие и независимость страны. При этом он подчеркивает, что конституция нисколько не противоречит исламу и шариату.

Талибов, так же как Малкум-хан и Зайн ал-Абидин, был далек от правильного понимания законов развития общества, поэтому его взгляды и оценки не отличались последовательностью, а его просветительская программа наряду со смелыми прогрессивными идеями содержала немало иллюзий и заблуждений. Очень важно, например, что, будучи поклонником европейской цивилизации, Талибов вместе с тем видел ее изнанку. Он с горечью констатировал, что достижения науки и техники европейцы направляют на усиление военной мощи своих государств и порабощение отсталых народов. Он писал, что так было с Кубой и Филиппинскими островами, которые американское правительство при помощи организованных им мятежей отторгло от Испании и взяло под свое «покровительство», так было с двумя независимыми государствами Африки — Трансваалем и Оранжевым, которые были захвачены Англией, жаждавшей получить золотые и алмазные залежи.[14] «Сейчас, — замечает Талибов — у победителя есть права, а у побежденного нет».[15] Однако при всем этом он всерьез надеялся на то, что «культурные народы однажды поймут свои подлинные права и откажутся от политики высокомерия и захвата слаборазвитых стран. Более того, они созовут конференцию, на которой создадут новую карту мира и вручат представителю каждой страны специальный документ на владение, подписанный всеми государствами. В странах, где царит беззаконие, они создадут конституции и затем установят связь с мусульманскими народами на основе справедливости, дружбы и взаимной выгоды. Руководители европейских государств, которые несомненно являются самыми образованными людьми из наших современников, вместо преступных мыслей о незаконных захватах и порабощении, вместо политики силы и конкуренции предпримут все меры к разоружению своих армий и, довольствуясь малым, освободят своих подданных от тяжелых налогов. Тогда на земном шаре будет создана великая федерация под названием „Красная республика“».[16] Когда произойдет это событие, автор не знает. Судя по его словам, еще не скоро, так как государственные деятели европейских стран, на которых он возлагает надежды, пока что сами «являются виновниками заблуждения своих народов, Это они направили жизнь людей по неестественному пути, чрезмерно увеличили их запросы и создали класс капиталистов, и в их руки попали бразды правления государств и даже короли и министры. Жадности этих людей нет преде-

---

[14] Там же, стр. 52—54.
[15] Там же, стр. 54.
[16] Там же, стр. 90—91.

лов. Опьяненные гордостью и тщеславием, они не знают другого вина, кроме пота и крови бедняков».[17]

В этих словах Талибова явно видны противоречия, характерные для большинства просветителей. Мечтая о том, что развитые европейские государства помогут странам Азии преодолеть свою отсталость, он в то же время понимает, что сделать это невозможно из-за империалистического характера этих государств. Вопрос о том, каким же образом следует установить справедливый мир и равноправие всех народов, остается у Талибова неразрешенным. И все же он не переставал горячо верить в прекрасное будущее человечества, в великую «Красную республику». «Сейчас большинство читателей, — писал он, — будет только смеяться над тем, что я пишу. Но в будущем... за эти правдивые строки меня помянут добрым словом».[18]

Хаджи Зайн ал-Абидин ага (ибн Мешеди Али, ибн хаджи Расул, ибн хаджи Абдаллах, ибн Хамзе-хан) родился в южном Азербайджане в г. Мараге приблизительно в 1838 г. Его отец, родом из Саудж-Булага, занимался торговлей, имея по тому времени довольно крупный капитал — 5—6 тысяч туманов. По словам Зайн ал-Абидина, его отец был одним из уважаемых людей города и считался «марагинским Ротшильдом».

С 8 до 16 лет Зайн ал-Абидин учился в школе, о которой у него остались самые горькие воспоминания. После смерти отца 20-летним юношей он был вынужден вести самостоятельную торговлю в г. Ардебиле. Он ничего не понимал в торговых делах, поэтому терпел большие убытки, к которым, не задумываясь, добавлял расходы на светские развлечения. Спустя некоторое время Зайн ал-Абидин разорился, в чем ему порядком помогли чиновники и местные власти.

В поисках заработка он вместе с другими соотечественниками покинул Иран и отправился на Кавказ. Прибыв в Кутаиси, он занялся мелкой галантерейной торговлей и за три-четыре года сумел накопить небольшой капитал. Несколько позже, когда на Кавказе началось строительство железной дороги и в Кутаиси появилось около тысячи иранских рабочих, генеральный консул Ирана Мирза Асадулла-хан Назим ад-Дауле предложил Зайн ал-Абидину пост вице-консула. Но на этом посту он пробыл недолго. Вместо того, чтобы, подобно другим иранским консулам, собирать пошлины со своих соотечественников, влачивших полунищенское существование, Зайн ал-Абидин пытался помочь им. Небольшими суммами он роздал взаймы нуждающимся все консульские и собственные деньги, которые потом так и не удалось взыскать.

Через три года, оставшись без средств и без должности, Зайн ал-Абидин решил отправиться на новое место, где бы никто не знал о его неуда-

---

[17] Там же, стр. 92.
[18] Там же, стр. 91—92.

чах и где можно было бы опять заняться торговлей. Он едет в Крым. В это время в Ялте с многочисленной свитой отдыхал царь Александр II. Кое-кто из сопровождавших его лиц покупал у Зайн ал-Абидина мелкие товары, иногда в лавку заходил граф Воронцов. Слух об исключительной честности иранского купца дошел до императрицы, и Зайн ал-Абидину предложили принять русское подданство. В те времена это считалось большой честью для иранского купца, да к тому же сулило ему немалую выгоду. Русское подданство избавило бы Зайн ал-Абидина от всевозможных притеснений, которые он не раз испытывал во время своих поездок в Стамбул за различными товарами; оно дало бы ему также значительные преимущества в торговле на территории России. Зайн ал-Абидин с готовностью встретил сделанное ему предложение, подал прошение и был принят в русское подданство. В Ялте он прожил около двадцати лет. Здесь он и написал принесший ему славу роман об Ибрахим-беке.

Многолетнее пребывание Зайн ал-Абидина в России имело решающее значение для его культурного роста и формирования его общественных взглядов. Не все современники, очевидно, понимали значение и своеобразие условий, в которых протекала жизнь автора «Путешествия Ибрахим-бека». Как отмечает иранский историк Ахмад Касрави,[19] многие читатели и литераторы удивлялись тому, что простой купец смог написать столь яркое и содержательное произведение. Между тем «Путешествие Ибрахим-бека» было не просто интересной книгой. Оно явилось в персидской литературе произведением нового жанра художественной прозы, коренным образом отличавшимся от литературы прошлого, и для его написания необходима была прежде всего широкая осведомленность как в международных делах, так и в экономической и политической жизни страны. Зайн ал-Абидин хорошо знал русский язык, поэтому имел возможность регулярно читать русскую прессу, быть в курсе всех мировых событий. Он поддерживал тесную связь с редакциями прогрессивных персидских газет «Ахтар» и «Хабл ал-Матин» и был в деталях знаком с внутренним положением Ирана.

Хорошо были известны Зайн ал-Абидину также русская история и литература. В своем романе он неоднократно обращается к историческим фактам, в частности к реформам Петра I, которые он расценивал как образцовые мероприятия по укреплению независимости государства. Зайн ал-Абидин знал и высоко ценил произведения Пушкина, он называл его «первым писателем, который вскрыл недостатки и смело говорил о них своему народу и правительству».[20] О большой любви Зайн ал-Абидина к русской культуре говорит и то, что его дети воспитывались русскими учителями и получили образование на русском языке, о чем он с гордостью пишет в своей автобиографии.

---

[19] См.: Ахмад Касрави. История иранского конституционализма, ч. 1, стр. 45.
[20] Дневник, ч. 2, стр. 7.

К концу 90-х годов в духовной жизни уже пожилого писателя произошел перелом. По его словам, он начал испытывать угрызения совести в связи с тем, что покинул родину и избрал себе спокойную жизнь вдали от нее. Он признавался, что когда, бывая в Стамбуле, встречал там своих соотечественников и слышал от них рассказы о нищенском положении иранского народа, о беззаконии, царившем в Иране, о деспотизме губернаторов и притеснениях чиновников, ему становилось стыдно за то, что он еще мало сделал для своего народа. В автобиографии он писал, что не мог больше говорить о любви к родине и своему народу и в то же время оставаться под покровительством русских властей. Всякий иранец мог упрекнуть его в том, что его слова расходятся с делом. Чтобы стать ближе к иранским эмигрантам, активно боровшимся против шахского правительства, Зайн ал-Абидин решил переехать из Ялты в Стамбул. Магазин и все его имущество были проданы за бесценок, и через три-четыре месяца он со всей семьей был уже в Турции.

В Стамбуле Зайн ал-Абидин встретился с иранским послом Мирзой Махмуд-ханом Ала ал-Мулком, который предложил ему перейти обратно в иранское подданство. Это было в 1900 г., т. е. 4 года спустя после убийства шаха Наср ад-Дина, когда иранский престол занял Музаффар ад-Дин, на которого многие иранские эмигранты, в том числе Малкум-хан и Зайн ал-Абидин, возлагали надежды, связанные с конституцией. При прежнем шахе, подвергшемся критике в «Путешествии Ибрахим-бека», не могло быть и речи о благосклонном отношении иранских властей к Зайн ал-Абидину. Теперь же он принял предложение и снова отправился в Крым, чтобы подать прошение русскому царю.

Переход Зайн ал-Абидина в иранское подданство расценивался всеми как безумство. Никто не верил, что он добровольно лишает себя покровительства России. Этому не хотели верить и русские чиновники, которые сначала даже не приняли у него прошение. Лишь после настоятельной просьбы Зайн ал-Абидина прошение было передано на подпись царю. Оформление документов тянулось четыре года и закончилось только в 1904 г. За это время Зайн ал-Абидин, бросивший торговлю, почти совсем разорился.

Последние годы своей жизни Зайн ал-Абидин провел в Стамбуле, где и умер в апреле 1910 г. в возрасте 72 лет.

Первую часть своего публицистического романа Зайн ал-Абидин закончил в 1887 г. Автор не считал себя писателем-профессионалом, поэтому послал рукопись на отзыв редактору газеты «Хабл ал-Матин» Муайид ал-Исламу Джалал ад-Дину ал-Хусайни. Роман был одобрен и через год напечатан издательством персидской газеты «Ахтар» в Стамбуле. Первое издание разошлось мгновенно, и в 1890 г. издательство «Хабл ал-Матин» в Калькутте выпустило второе издание. Вскоре в Каире появилось еще одно издание «Путешествия Ибрахим-бека».

Первая часть романа произвела на читателей огромное впечатление. Министры, ханы, консулы, муллы, купцы, поэты — все, кто подвергся в нем критике, предали анафеме Зайн ал-Абидина и его сочинение. Роман «Путешествие Ибрахим-бека» был запрещен к продаже, за его чтение в Тегеране было арестовано несколько человек. По-иному реагировали на выход этого произведения прогрессивные люди всего Ближнего Востока. В своих письмах они просили автора продолжить «Путешествие Ибрахим-бека». Один иранец, чтобы ускорить издание второй части, прислал Зайн ал-Абидину двести туманов — сумму, весьма значительную по тому времени.

Вторая часть была издана в Калькутте в 1906 г., третья — там же в 1909 г.

«Путешествие Ибрахим-бека» следует считать первым социальным романом на персидском языке, заложившим основы критического реализма в персидской прозе. Интересную оценку своему труду дал сам Зайн ал-Абидин:

«Я горжусь тем, — писал он, — что был первым писателем, который обнаружил и показал пороки и недостатки нашей страны и приложил все усилия, чтобы исправить их. Я поступил так, как делают европейские писатели, — прямо и открыто сказал о гнете, эксплуатации и невежестве сынов нашей родины.

«Я призвал наш народ к справедливости, подобно муэззину, призывающему к молитве, подобно петуху, возвещающему рассвет. Я рад, что был первым, никому не известным писателем, сумевшим зажечь светильник равенства, свободы и закона на страницах своего произведения».[21]

Зайн ал-Абидин довольно точно оценил значение своей литературной деятельности. Действительно, в персидской художественной литературе читатель еще не встречал столь всесторонней и смелой критики иранского феодализма. Пьесы Малкум-хана затрагивали лишь отдельные отрицательные стороны иранской действительности, к тому же они долгое время не издавались и были известны узкому кругу людей.

Роман был настолько восторженно встречен большинством читателей, что в первое время никто не обратил внимания на некоторые его недостатки в стилистическом отношении. Художественный уровень разных частей произведения неодинаков. Роман написан неровно. Великолепные образцы персидской словесности порой соседствуют в нем с сухим, маловыразительным текстом. К концу романа все чаще встречаются однообразные описания и повторы.

Задачи, которые поставил перед собой Зайн ал-Абидин, приступая к написанию романа, во многом определили его жанр и композицию. «Дневники», «путевые записки», «письма», «переписка» — формы жанра, наиболее удобного для критического описания состояния страны. Им поль-

[21] Дневник, ч. 3, стр. 345.

зовались задолго до Зайн ал-Абидина самые различные писатели, особенно просветители. Известны «Персидские письма» французского просветителя Монтескье, «Сентиментальное путешествие» английского писателя XVIII в. Л. Стерна, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Этот жанр был хорошо разработан и на персидском языке. Прекрасным образцом дневника путешествия является «Сафар-наме» персидско-таджикского писателя XI в. Насир-и Хусрау. В Иране, как и на всем Ближнем Востоке, пользовалось широкой известностью философское произведение М. Ф. Ахундова «Три письма индийского принца Камал ад-Дауле к персидскому принцу Джалал ад-Дауле и ответ сего последнего». Многочисленные рукописные копии этого произведения переходили из рук в руки. Появились даже подражания философскому трактату Ахундова, к которым прежде всего следует отнести «Сад Хитабе» («Сто обращений») Ага-хана Кермани. Влияние «Писем Камал ад-Дауле» несомненно сказалось и на «Путешествии Ибрахим-бека», о чем свидетельствует не только одинаково критический подход их авторов к действительности, совпадение многих фактов и бытовых деталей, но и сходство художественных приемов. В обоих произведениях главным героем является молодой иранец, выросший за пределами родины, впервые ступивший на землю своих предков. И у Ахундова, и у Зайн-Абидина этот молодой образованный патриот, остро реагирующий на все, что он впервые видит в родной стране, служит рупором, через который автор высказывает свое резко отрицательное отношение к существующим в Иране порядкам.

Ибрахим-бек начинает знакомиться с родиной и с первых же шагов попадает в страну развала, нищеты, запустения. Чтобы еще контрастнее показать разруху Ирана, автор напоминает читателю о былом могуществе его древней земли: «...Иран, некогда цветущий сад всего мира, ныне стал опустошен, а жителей его, в прежние времена самый почитаемый народ на земле, мы видим сегодня столь презренными и жалкими!» (стр. 98).

Зайн ал-Абидин не упускает из вида ни одной бытовой детали. Его герой посещает иранские бани, грязные, со зловонной водой, распространяющие заразные болезни; сталкивается с невежественными знахарями и цирюльниками, заменяющими врачей и хирургов; попадает в государственные учреждения, где отсутствует элементарный порядок и всеми делами вершит всемогущая взятка. Простодушный Ибрахим-бек приходит в ужас, когда узнает, что в Иране паспорта выдаются только ради денежных сборов и никто не придает никакого значения тому, что в них пишется.

Как истинный и убежденный просветитель, Зайн ал-Абидин недостатки и пороки современного ему иранского общества объясняет невниманием правительства к просвещению: «...все унижения и бедствия народов Востока, — пишет он, — из-за неграмотности и темноты» (стр. 101). Иран конца XIX в. предстает перед читателем как страна поголовного невежества, где все население, начиная от крестьян и кончая министрами, неграмотно.

Автор ведет своего героя в школу, где детей обучают грамоте по «Гулистану» Саади, газелям Хафиза и священному Корану. Ибрахим-бек не в силах сдержать себя: «На пользу ли детям, — восклицает он, — такое чтение, где на каждом шагу говорится о вине, страсти, влюбленных и о кокетстве?» (стр. 49). Взволнованный, он доказывает учителю, что детям необходимо изучать математику, географию и другие естественные науки. Но его ожидает еще большее разочарование: неграмотный ахунд не может ответить на самые простые вопросы: не знает, где находится Африка, не умеет написать четырехзначное число. С предельным сарказмом автор заключает, что в Иране можно за деньги купить любую должность, любой чин и звание, кроме, правда, должности телеграфиста, поскольку для того, чтобы занять ее, все же требуются технические знания, которых у иранцев нет.

Очень важно, что автор критикует не только последствия феодальных порядков, но и некоторые основы существующего строя: неограниченное господство шаха и феодалов, связанную с абсолютизмом систему произвола и беззакония.

С особой остротой беззаконие сказывалось на положении иранских эмигрантов, подвергавшихся бесконечным унижениям и штрафам со стороны иранских консулов. Зайн ал-Абидин, который некоторое время сам был консулом и большую часть жизни провел в эмиграции, лучше кого бы то ни было знал положение иранских беженцев. Поэтому все тяготы их горького существования на чужбине он сумел описать с наибольшей силой и выразительностью. О причинах массового переселения простых людей из Ирана автор говорит устами одного из иранских рабочих: «Что остается делать этим несчастным, если в Иране нет для них ни работы, ни защиты? Многие покидают родину из-за притеснения правителей, жестокостей беглербеков, губернаторов и сельских старост» (стр. 28). Зайн ал-Абидин показывает, однако, что надежды, связываемые с переселением, не сбываются. Подавляющее большинство эмигрантов обрекается на нищету и самый тяжелый труд (портовых грузчиков или чернорабочих на железных дорогах). Спасаясь от притеснений губернаторов и деревенских старост, они в чужих краях попадают в лапы не менее жадных иранских консулов, которые становятся полными и бесконтрольными хозяевами их жизни и имущества.

Зайн ал-Абидин не останавливается перед критикой самого шаха. «А падишах? То он в летней своей резиденции, то он на охоте, а когда изволит пожаловать в город, неделями не выходит из гарема. Тем временем бездарные и равнодушные к интересам страны министры, способные лишь к лести и пресмыкательству, вершат в тиши кабинетов свои делишки» (стр. 88). Писатель обличает бессмысленные поездки шаха в Европу, которые тяжелым бременем ложатся на плечи иранского народа. «Если бы наши правители во время своих путешествий по Европе не проматывали напропалую государственные деньги, то казна нашего государства была бы

теперь полна и страна преуспевала. И не было бы нужды притеснять и грабить народ ради изыскания необходимых государству средств» (стр. 214).

Привлекая богатый фактический материал, автор обличает министров-предателей, чиновников-казнокрадов, губернаторов-самодуров. Может ли быть порядок в стране, если среди министров и губернаторов «главным достоинством считается умение силой и неправдой грабить одних, чтобы с лестью и подлостью ублажать других»? (стр. 191).

Особенный гнев автора вызывают те действия правителей, которыми облегчается и ускоряется экономическое порабощение страны более могущественными капиталистическими государствами. Зайн ал-Абидин разоблачает кабальный характер иностранных займов, раскрывая читателю тайны исчезновения миллионов русских рублей и сотен тысяч английских фунтов стерлингов. Во второй части романа есть такой эпизод. Новый министр, объявив все иностранные займы позором для Ирана, отказывается от займа, предложенного Англией. В тот же день придворные, которые жили на английские фунты, стали твердить шаху о «вредной» деятельности нового министра. Для достоверности они привлекли даже мулл и улемов, чтобы те поклялись на Коране. В это время англичане под предлогом получения причитавшихся им долгов по займам высадились в Бушире, и новый заем вопреки интересам народа был навязан правительству. Автор хорошо показывает, куда идут средства, полученные взаймы у европейских государств. «Этот заем был взят для определенных целей, но ни одна из них не была осуществлена. Сначала хотели построить Ахвазскую плотину — забыли. Потом хотели учредить государственный банк — перенесли на будущее. Хотели произвести реформу армии — запамятовали. Думали навести порядок в стране — совсем из головы вылетело. А министр и его тайные друзья разделили деньги между собой, и о займе каждый говорит по-своему».[22]

Зайн ал-Абидин не щадит и купцов, деятельность которых не только не направляется интересами развития отечественной торговли, а наоборот, способствует разграблению страны иностранцами. Он называет таких купцов «подручными европейцев и врагами родины»: они продают за бесценок народное добро, а взамен сбывают своим несведущим соотечественникам негодные и фальшивые европейские товары и тем самым позволяют иностранцам набивать свои карманы иранским золотом.

С большой теплотой отзывается Зайн ал-Абидин о крестьянах, повстречавшихся Ибрахим-беку по дороге из Казвина в Ардебиль. Эти простые люди восхищают его гостеприимством и чистосердечностью. И глубокая печаль овладевает автором при знакомстве с их нищенским положением и вечно голодной жизнью. «Эти бедняги вынуждены круглый день работать,

---

[22] Дневник, ч. 2, стр. 187.

а потом бегать от лавки к лавке в поисках пропитания, чтобы вечером, раздобыв хотя бы полмана хлеба, накормить семью. Даже в самые урожайные и плодородные годы им с трудом достается и этот скудный хлеб» (стр. 186).

Здесь же автор со всей силой обрушивается на помещиков, «которые в жестокости превосходят воинов Чингиз-хана, ссыпают и прячут тайком свое зерно по амбарам и не знают милосердия к своим погибающим от голода согражданам» (стр. 187).

Более сложно отношение Зайн ал-Абидина к одному из самых паразитических сословий иранского феодального общества — духовенству.

Автор «Путешествия Ибрахим-бека» подвергает представителей этого сословия резкой критике, бичует их корыстолюбие и продажность. «Раузе-ханы неграмотны, — пишет он во второй части романа, — муллы глупы и необразованы. Если ты не поверишь тому, что они скажут, тебя сразу же назовут неверным. Если ты дашь им денег, они станут защищать тебя вопреки велениям бога».[23] Почти все фигурирующие в романе лица духовного звания — это люди бесчестные, погрязшие во лжи и пороках, направляющие все свои дела и помыслы к наживе.

И все же Зайн ал-Абидин весьма почтителен к самому сословию служителей ислама. Более того, он не только не подвергает сомнению необходимость существования духовенства вообще, но не представляет себе общества, в котором ему не отводилась бы важная, даже почетная роль. Достаточно указать на полное одобрение в романе пространных рассуждений «почтенного человека», обосновывающих реакционную идею о сословии улемов как «животворящей крови», без которой не может существовать общественный организм (см. стр. 93).

Правда, в тогдашних условиях немалой смелостью со стороны Зайн ал-Абидина было уже то, что в романе он высказался против вмешательства духовенства в государственные дела, даже за некоторое ограничение прерогатив духовного суда. «Поле деятельности... улемов, — провозглашает автор, — мечети и кафедры, совершение молитв и проповедей» (стр. 91). Но то, что именно такую деятельность Зайн ал-Абидин считал совершенно необходимой и в связи с этим оправдывал существование мусульманского духовенства — реакционнейшей силы, органически сросшейся с феодальным государством, — составляло слабость писателя-просветителя.

Вопрос об отношении Зайн ал-Абидина к духовенству — часть более широкого вопроса: об его отношении к религии. И здесь ограниченность, непоследовательность просветительской позиции Зайн ал-Абидина проявляется с еще большей силой.

С одной стороны, автор романа выступает против ряда диких обрядов мусульманской религии. Потрясенный ужасными сценами самобичевания, Ибрахим-бек с горечью спрашивает, почему несчастный темный народ дол-

[23] Там же, стр. 61.

жен истязать себя цепями и кинжалами из-за убийства, которое произошло тысяча двести лет назад в г. Куфе. Характерно, что автор улавливает связь, которая существует между эксплуататорской политикой правящих классов и этим одурманиванием народа, поддержанием в нем религиозных предрассудков. «Ему [правительству] выгодно, чтобы народ был чем-то занят, чтобы крестьянство все время находилось в религиозном возбуждении и не задумывалось нимало ни о своем положении, ни о прогрессе, ни о потребностях нашего времени» (стр. 154).

Большое бедствие, по мнению Зайн ал-Абидина, приносит паломничество, хотя оно предписано исламом как одно из важнейших богоугодных деяний мусульманина. Ибрахим-бек подробно пишет в своем дневнике о том, как бедные крестьяне в течение нескольких лет скапливают 100—150 туманов, чтобы отправиться в Мекку; как большинство из них по дороге превращается в нищих и умирает от голода и болезней, не дойдя домой. И вот автор романа — правоверный мусульманин, сам совершивший паломничество в Мекку, солидаризируется со следующим заявлением одного из своим героев: «Если бы я был муджтахидом... то издал бы указ, запрещающий отправляться в Мекку всякому, у кого в кармане на путевые расходы есть меньше, чем семьсот туманов» (стр. 195).

Временами автор поднимается до свободомыслия, требовавшего немалого мужества. Он утверждает, например, что «государство может существовать с безбожием, но не может существовать с угнетением» (стр. 98).

С другой же стороны, Зайн ал-Абидин нигде и никогда не выступает против религии ислама. Наоборот, он пользуется любым поводом, чтобы всячески восславить ее. В романе много страниц посвящено прямому, подчас неистовому восхвалению ислама и шариата, якобы воплощающих в себе наивысшую мудрость и справедливость. Автор склонен даже упрекнуть реакционное шахское правительство в том, будто оно недостаточно рьяно охраняет устои веры, проявляет терпимость к безбожникам. Считая ислам и шариат самой надежной основой для создания конституции и всех законов, Зайн ал-Абидин доходит до нелепых, противоречащих очевидной истине утверждений, будто «все благие законы, которые есть у европейцев, заимствованы из священных книг ислама. Большая их часть взята из достохвального Корана, из благородных хадисов, из высокомудрых толкований святейшего имама правоверных, льва бога, победителя, Али ибн Абуталиба — да будет над ним мир!» (стр. 87).

Это не единственный пример того, как во взглядах Зайн ал-Абидина передовое уживается с отсталым, смелая критика феодальных пережитков и пропаганда прогрессивных требований — с защитой некоторых реакционных идей и институтов.

Корни подобных противоречий лежали как в иллюзиях, свойственных вообще всякой просветительской идеологии, так и в специфических особенностях развития просветительского движения в Иране конца XIX в. В от-

сталой, полуфеодальной стране, для которой мучительный процесс капитализации одновременно означал постепенное порабощение иностранным империализмом, просветительское движение органически включало в себя пробуждение буржуазно-национальных идей. И у Зайн ал-Абидина просветительские взгляды, вполне буржуазные по своему содержанию, приобрели националистическую окраску. Этот буржуазный национализм в тогдашних исторических условиях имел сильную прогрессивную сторону. Он был направлен против закабаления страны иностранным капиталом, выражал стремление к сохранению национальной независимости. В нем воплощались горячий патриотизм, искренняя любовь к родине, боль за ее унижение, страстное желание изменить к лучшему положение страны и народа. Вместе с тем, как всякий национализм, он был связан со многими реакционными предрассудками. Это проявилось и в ярой приверженности Зайн ал-Абидина к исламу, которая была неотделима от его патриотизма, и в националистическом истолковании истории Ирана — в идеализации ряда эпох, в восхвалении некоторых деятелей прошлого, особенно шаха Аббаса (см. стр. 43—46 и др.).

Выше уже говорилось, что Зайн ал-Абидин, подобно его единомышленникам Малкум-хану и Талибову, возлагал преувеличенные надежды на просвещение; развитие прессы и критики, по его глубокому убеждению, могло послужить чуть ли не главным двигателем прогресса общества. В соответствии с этим он искренно верил в могучую силу литературы. Во второй части своего романа он писал: «Недостатки были в каждой стране, и еще более серьезные, чем в Иране, однако все они были устранены благодаря свободе слова. Русский Пушкин, француз Вольтер, англичанин Джон Стюарт [Милль] только и занимались тем, что отыскивали и вскрывали недостатки».[24] В этом же Зайн ал-Абидин видел и свою задачу: «Льщу себя надежной, что уважаемые читатели, взглянув беспристрастно на эти страницы, загорятся благородным стремлением уничтожить все недостатки, порочащие их родину. . .» (стр. 223).

Предъявляя столь высокие требования к печатному слову, Зайн ал-Абидин с особой остротой критиковал персидские газеты за их трусость, угодливость, пресмыкательство перед деспотическим режимом. Он едко высмеял Шамс аш-Шуара Суруша[25] и Каани[26] за то, что они развращали

[24] Там же, стр. 7.

[25] Мирза Мухаммад Али (поэтический псевдоним Суруш) — поэт середины XIX в., жил в Тебризе, при дворе наследника престола Наср ад-Дина. Писал в основном хвалебные оды — касыды в вычурном стиле, подражая старым мастерам и добиваясь оригинальности введением в стихи невероятных образов, зачастую доходивших до нелепости.

[26] Хабибуллах Фариси (поэтический псевдоним Каани, 1807—1854) родился в Ширазе. Был человеком, широко образованным для своего времени. Последние годы жизни провел в Тегеране при дворе Али Кули-мирзы, младшего сына Фатх-али-шаха. В своих касыдах, написанных в честь шаха и вельмож, достиг высокого поэтического совершенства. Писал и острые сатиры на нравы, зачастую впадая в циничный тон. Был последним блестящим представителем придворной поэзии.

общество своей льстивой поэзией. Характерно, что, критикуя иранских поэтов, Зайн ал-Абидин одновременно ратовал за коренное изменение назначения поэзии, ее отношения к жизни. Он призывал поэтов обратиться к проблемам, которые, по его мнению, являлись действительно острыми и важными для общества. Одной из таких проблем было развитие национальной промышленности. «Сегодня затих тот базар, где продавались „змеи-локоны“ и „гиацинты-чолки“, — иронизируя над традиционными поэтическими образами, пишет Зайн ал-Абидин, — исчезли „талии, тонкие как волос“, сломался „лук бровей“, и глаза, подобные глазам газели, не трепещут перед этим луком. Пришло время говорить об угле из шахт вместо того, чтобы славить „родинку у губ“. Хватит твердить о „станах, подобных кипарису“, — слагай песни о соснах и ореховых деревьях Мазандерана! Отпусти „полу сереброгрудых красавиц“ и воспой лоно рудников с железом и серебром! Сверни „ковер пиров и увеселений“ — разверни отечественное ковроткацкое производство! Сегодня время наслаждаться звуком железнодорожных свистков, а не соловьиными трелями в роще. Оставь мутящее разум вино бесстыжему виночерпию — позаботься о прогрессе и расцвете отечественной виноторговли. Безнадежно устарели притчи о свече и мотыльке — так рассказывай о создании фабрики стеариновых свечей! Предоставь влюбленным болтовню о „сахарных устах“ — начни песни о сахарной свекле!» (стр. 121).

Выдвигая типично буржуазную программу возрождения страны, призывая к объединению купцов в торговые компании, к созданию акционерных обществ, к разработке природных богатств, к строительству железных дорог, заводов и фабрик, к ограничению иностранного капитала и покровительству отечественному, Зайн ал-Абидин был искренне убежден в том, что защищает интересы всего народа, о чем он сам неоднократно упоминал в романе. И действительно, в этом он был похож на буржуазных просветителей других стран, которые выступали в условиях зачаточных или незрелых капиталистических отношений. Разъясняя характер идеологии русского просветителя-буржуа Скалдина, В. И. Ленин писал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного».[27]

---

[27] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 2, стр. 473.

Зайн ал-Абидин не был ни политическим деятелем, ни теоретиком, поэтому он не имел стройной политической программы. Живя в России, он мог читать на русском языке различные социологические работы, которые безусловно способствовали формированию его взглядов в этой области. В его романе мы находим, например, повторение модных во второй половине XIX в. социологических воззрений позитивиста Спенсера. Сочинение последнего «Основания социологии», в котором проводится аналогия между устройством государства и человеческим организмом, а функции различных классов и сословий сравниваются с функциями органов человека, в последней четверти XIX в. было доступно в России широкому кругу читателей, в том числе автору «Путешествия Ибрахим-бека». Плоскую и апологетическую по отношению к буржуазному обществу теорию Спенсера Зайн ал-Абидин, конечно, воспроизводит с известными изменениями, приноравливая ее к условиям и традициям мусульманской страны. Неслучайно многие рассуждения такого рода восходят к произведениям персидских и арабских классиков, которые в свою очередь заимствовали их у древнегреческих философов.

Что касается конкретных политических требований, то у Зайн ал-Абидина они были достаточно умеренны. Он довольствовался компромиссной формой «просвещенной», конституционной монархии. При этом наилучший образец ее он видел в Японии (такой же азиатской стране, как Иран), которая в конце XIX в. быстро пошла по пути промышленного развития и независимости. Не понимая сущности буржуазной революции, происшедшей в Японии, Зайн ал-Абидин полагал, что все решила конституция, пожалованная японскому народу императором, который якобы сам убедился в преимуществах парламентского управления. Зайн ал-Абидин рассчитывал, что так же поступит и наследник иранского престола Музаффар ад-Дин, которого он наделял лучшими качествами. В третьей части романа, вышедшей в 1909 г. он неоднократно воздает хвалу Музаффар ад-Дину, «подарившему» стране конституцию, и провозглашает необходимость беспрекословного повиновения шаху.

При всей умеренности политических требований выдвинутый Зайн ал-Абидином проект основного закона все же содержал в себе важные пункты, которые должны были, по его мнению, обеспечить развитие культуры и национальной промышленности, а также свободу и равенство всех граждан. Этот проект включал четыре основных раздела. В первом разделе говорилось об обязанностях иранского государства (правительства) по отношению к родине, которые сводились к обеспечению свободы и независимости Ирана, поддержанию порядка внутри страны. Во втором разделе в качестве главной обязанности иранского государства (правительства) по отношению к своим подданным провозглашалось обеспечение неприкосновенности личности и частной собственности. Третий раздел определял состав и права законодательного и исполнительного органов, главой которых являлся шах, а четвертый раздел — права и обязанности иранских подданных.

В дальнейшем Зайн ал-Абидин развернул эти четыре раздела в пятьдесят параграфов. Часть из них имела абстрактный характер и представляла собой рассуждения автора, например, о необходимости ставить у власти образованных и достойных людей. Другая часть содержала конкретные указания относительно тех или иных функций правительства.

То, что Зайн ал-Абидин, беспощадно критикуя иранский феодализм и отвергая абсолютистский строй, стоял, однако, лишь за ограничение монархии, было весьма характерной чертой многих буржуазных просветителей, что хорошо подметил Ф. Меринг. Он писал: «Проводить свои цели при дворе, осуществлять их при помощи государей — такая тактика характеризует определенную историческую и довольно продолжительную фазу развития буржуазного просвящения».[28] К этой группе просветителей относился и Зайн ал-Абидин.

Несмотря на слабые выводы, к которым приходил писатель, его просветительство имело активный, боевой характер. Герой романа Ибрахим-бек не просто путешествует по Ирану, фиксируя в дневнике ужасные беспорядки, он выступает с пламенными призывами к активным действиям:

«Всякий, кто видит подобные безобразия и не говорит о них прямо, не достоин носить имя патриота! Разве я могу со своими убеждениями стать в один ряд с людьми, отмахивающимися фразой: „Мое дело — сторона...“, с людьми, которых я не раз осыпал проклятиями и подвергал уничижению на страницах моего дневника? Разве я могу присоединиться к группе этих недальновидных людей? Если бы пятьдесят лет тому назад все мои соотечественники, презрев корыстные и личные расчеты, прямо назвали бы плохое плохим, а хорошее хорошим, то сегодня многие непотребные дела были бы выправлены. Наш несчастный народ не зависел бы от злой воли любого губернатора или начальника полиции, а безграмотные школьные ахунды не были бы законодателями нашей жизни» (стр. 218).

Однако, подобно большинству просветителей, Зайн ал-Абидин под активными действиями понимал только пропаганду словом. Он не был сторонником революционного движения и почти никак не отразил в своем творчестве борьбу иранского народа. Лишь в третьей части романа, и то вскользь, он отметил, что «тебризские революционеры прославили во веки веков азербайджанский народ».[29]

Зайн ал-Абидину была чужда идея классовой борьбы, политической борьбы масс, руководимых пролетариатом. Как человек, связанный со своим классом, средней и мелкой буржуазией, он не мог подняться выше его интересов. И все же смелая критика писателем отрицательных сторон окружавшей его действительности, превратившаяся на страницах романа в яркое выступление против феодализма, делала свое дело, объективно способствовала подготовке буржуазной революции в Иране.

---

[28] Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. I. М.—Л., 1934, стр. 741.
[29] Дневник, т. 3, стр. 23.

Выдвигая свою программу экономического и культурного обновления Ирана, Зайн ал-Абидин обращал свои взоры на западные государства как на достойный подражания пример быстрого прогресса. Будучи противником деспотизма и невежества в своей стране, он имел преувеличенно идеальные, превратные представления о западной «цивилизации» и «демократии». В «Путешествии Ибрахим-бека» встречается немало панегирических высказываний о якобы существующих в европейских странах свободе, гарантиях прав личности, «заботе» демократически избранных правительств о благе народа и т. д. и т. п. Все это свидетельствовало о том, что Зайн ал-Абидин, восхваляя западную демократию, не видел ее формального, фальшивого характера, ее эксплуататорской природы. Вот как наивно писал он, например, о свободе печати: «Теперь уже для всех очевидно, что одна из причин прогресса Запада — это благоденствующее положение тех, кто связан с печатным словом...» (стр. 11). Или: «Любой грамотный человек на Западе... имеет право написать статью в соответствующих общепонятных выражениях и послать ее в газету» (стр. 226).

Время, в которое жил и работал Зайн ал-Абидин, было лишь начальным периодом проникновения в Иран западной «цивилизации», которую несли со своими капиталами европейские державы, и автор романа тогда еще не мог в полной мере представить губительные последствия вмешательства иностранцев в экономику и политику его страны.

С тех пор прошло много десятилетий. Как показал исторический опыт всех слаборазвитых стран, в том числе и Ирана, применение империалистического способа приобщения к западной «цивилизации» обрекло народы этих стран на отсталость, нищету, двойной и тройной экономический и политический гнет. Национальные богатства страны подвергаются систематическому хищническому разграблению. Львиная доля доходов, которые приносит добыча нефти в Иране, переходит в руки иностранных монополистов. Созданный в 1954 г. вместо Англо-иранской нефтяной компании Международный консорциум за пять лет своего существования получил около 1 млрд долларов чистой прибыли. В Иране имеют представительства более тысячи иностранных компаний и фирм, которые держат в своих руках ключевые позиции экономики страны. Происходящий здесь процесс концентрации торгового капитала, за который ратовал Зайн ал-Абидин, приводит в современных условиях к полному разорению основной части городского населения — мелких торговцев, ремесленников-кустарей, а принцип «свободной торговли», при которой сняты ограничения для иностранных товаров, подрывает отечественную промышленность. Огромные расходы на вооружение, особенно увеличившиеся после присоединения Ирана к созданному империалистами агрессивному блоку СЕНТО и после подписания в 1959 г. двустороннего военного соглашения с США, тяжелым бременем ложатся на плечи иранского народа.

Один из крупных знатоков истории и литературы Ирана — англичанин Элвелл-Саттон, исходя из примера этой страны, так характеризует отно-

шения Востока и Запада: «Было время, полстолетия назад, когда Восток склонен был преклоняться перед Западом. Азиаты завидовали материальным достижениям Европы и Америки, старались сами их перенять; они готовы были отказаться от своих обычаев, от своего образа жизни и пойти по пути Запада. Но эти умонастроения длились не очень долго... Хваленый материальный прогресс Запада не только не создал ему славы непобедимости, но толкнул его на путь массового истребления людей и беззастенчивого попрания человеческих надежд и чаяний... Если западная цивилизация означает свободу грабежей и захватов по праву сильного, если она позволяет совершенно игнорировать права и нужды отдельных стран и народов, то такая цивилизация — не для Востока».[30]

Именно потому, что на протяжении многих десятилетий после окончательного закабаления Ирана иностранным империализмом иранский народ был отстранен от решения судеб своей родины, почти все проблемы, так или иначе волновавшие в конце XIX в. иранских просветителей, сохраняют свою остроту и в настоящее время. А это значит, что роман Зайн ал-Абидина и в наши дни продолжает служить делу антифеодальной и антиимпериалистической борьбы, что содержащаяся в нем острая сатира не только обращена в прошлое, но имеет актуальное значение.

Передовые демократические силы Ирана ведут ныне борьбу в более благоприятных исторических условиях. В обстановке мощного подъема национально-освободительного движения постепенно складывается единый фронт прогрессивных сил, включающий также различные слои мелкой и средней национальной буржуазии. И в арсенале этой борьбы свое место занимает произведение выдающегося иранского просветителя — «Путешествие Ибрахим-бека» Зайн ал-Абидина.

А. М. Шойтов

[30] Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть. ИЛ, М., 1956, стр. 235.

КОММЕНТАРИИ

В комментариях даны пояснения к именам исторических лиц и легендарных персонажей, географическим названиям, терминам, связанным с вопросами религии, архитектурным памятникам, произведениям, упоминаемым в тексте, а также отдельным персидским словам и терминам, оставшимся непереведенными.

Стихотворные цитаты, не имеющие ссылки на источник, принадлежат автору романа, Зайн ал-Абидину, или взяты им из неизвестных составителям рукописей.

Переводы стихов осуществлены Б. А. Голлером.

Имена собственные и географические названия передаются в тексте перевода в транслитерации, согласно существующим «Правилам подготовки к изданию памятников литературы Востока» (М., ИВЛ, 1959). Исключение составляют некоторые общеупотребительные названия и термины, вошедшие в русский язык. Система транслитерации упрощена, и слова переданы без диакретических знаков.

В переводе сделано несколько незначительных купюр (в тексте они обозначены многоточием, взятым в скобки ‹. . .›). Купюры касаются главным образом повторений, мест, содержащих устаревшие географические и исторические сведения, а также отдельных положений и высказываний, характеризующих наиболее слабые стороны мировоззрения автора романа и потому не представляющих интереса для современного читателя.

[1] Хаджи — почетное звание лица, совершившего паломничество (хадж) к святым местам, почитаемым мусульманами.

[2] Ага — господин. Слово употребляется при имени собственном или как обычное обращение.

[3] Марага — город на северо-западе Ирана.

[4] Бек — господин. Слово иногда служило приставкой к титулу или имени представителей знати или должностных лиц.

[5] Саудж-Булаг — город на северо-западе Ирана. Ныне — Мехабад.

[6] Ардебиль — город в Иранском Азербайджане вблизи советско-иранской границы.

[7] «. . . заслужив внимание царской семьи. . .» — см. об этом послесловие (стр. 241).

[8] «Хабл ал-Матин» — персидская газета, выходившая в Калькутте с 1893 г. Прекратила существование в 1933 г. Ее основателем и первым редактором был Джамал ад-Дин ал-Хусайни, прозванный Муайид ал-Ислам («Поддержка ислама»). Газета резко выступала против деспотизма каджарской династии и сыграла важную роль в борьбе за установление конституции и меджлиса в Иране.

[9] «Ахтар» — персидская газета, издававшаяся иранскими эмигрантами в Стамбуле с 1875 по 1899 г. В политическом отношении была близка к «Хабл ал-Матин». Издателем газеты был Мухаммад Тахир Тебризи, редактором — Мирза Махди Ахтар.

[10] «. . . новое литографированное издание, с . . . карикатурными иллюстрациями» — речь, по-видимому, идет о карикатурах к роману Зайн ал-Абидина, которые на протяжении 1906—1907 гг. помещал азербайджанский сатирический журнал «Молла Насреддин», выходивший в Тифлисе с 1906 по 1914 г.

[11] «...это чтение принесло иранскому народу желанные результаты» — автор намекает на буржуазно-демократическую революцию в Иране в 1905—1911 гг. В то время, когда писалась эта статья, автор не мог предвидеть, что революция кончится поражением.

[12] «...благоденствующее положение тех, кто связан с печатным словом...» — об иллюзиях Зайн ал-Абидина относительно «свободы печати» в странах Западной Европы см. послесловие (стр. 253).

[13] «Отрицающий истории» («Насих ат-Таварих») — сочинение по истории Ирана с древнейших времен до середины XIX в. в 14 томах. Составлено в 1850—1851 гг. Мухаммадом Таги-ханом по прозвищу Лисан ал-Мульк.

[14] Кай Хусрау — легендарный иранский царь, один из героев поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

[15] Джамшид — один из первых легендарных царей Ирана, жизнь и деяния которого описаны в «Шахнаме» Фирдоуси.

[16] Бахман — мифический герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

[17] Шапур — здесь, очевидно, имеется в виду герой поэмы Фирдоуси — витязь Шапур, сын Нестуха, внук Гударза, поскольку автор упоминает его в одном ряду с мифическими героями «Шахнаме»; хотя Шапур из действительно исторической династии Сасанидов, герой этой же поэмы, более известен.

[18] Ануширван (531—579) — сасанидский царь, которому иранские предания приписывают необыкновенную справедливость.

[19] Рамазан — название девятого месяца мусульманского лунного года. Месяц поста, в течение которого верующим не разрешается есть, пить, курить от восхода до заката солнца; все это можно делать только ночью.

[20] Аббас Сефеви — иранский шах (1587—1629) из династии Сефевидов. Вошел в историю под именем шаха Аббаса Великого. В период его правления Иран достиг большого могущества. Расширяя территорию государства, шах Аббас заботился о развитии торговли и путей сообщения, проводил военные реформы. Столица государства Исфаган превратилась при нем в огромный город. В XIX в., в период общего упадка в стране и начала эпохи колониальной зависимости Ирана, националистически настроенные круги иранской буржуазии идеализировали прошлое. В частности, точка зрения на шаха Аббаса, жестокого покорителя многих народов (достаточно вспомнить его походы на Кавказ), как на великого реформатора и преобразователя была присуща не только Зайн ал-Абидину (см. также стр. 42 и 212 перевода).

[21] Намаз — мусульманский религиозный обряд, молитва.

[22] Фатиха — название первой суры (главы) Корана, молитва.

[23] «История Надир-шаха» — одно из многочисленных исторических сочинений, посвященных царствованию иранского шаха Надира (ум. 1747), из племени афшаров, который прославился захватническими военными походами. Возможно, речь идет о знаменитом труде личного секретаря Надир-шаха Мирзы Мухаммада Махди-хана Астрабади «Тарих-и Надири», сочинении, очень распространенном в странах Востока в XIX в. благодаря его высоким литературным качествам.

[24] Фарсанг или фарсах — приблизительная путевая мера, около 6—7 км.

[25] Дервиш — последователь мистического направления в исламе и член одного из многочисленных суфийских орденов. Дервиши образовывали общины, жили в специальных помещениях, где проводили время в молитвах. Многие из них нищенствовали, собирая подаяние среди населения.

[26] Беглербек — командир воинского подразделения, расквартированного в населенном пункте; начальник гарнизона (термин XIX в.).

[27] «...сидят в бесте...» — укрываются от преследования в неприкосновенном для властей месте. Местами «беста» считались крупные мечети, иностранные посольства, позднее — меджлис. Укрытие в бесте в домах духовенства, чиновников и военных было незаконным и здесь указано как на один из признаков беспорядков и неразберихи, царивших в городах Ирана.

[28] Сартиб — воинское звание в иранской армии, соответствующее бригадному генералу.

[29] Сеид — мусульманин, который считает себя потомком пророка Мухаммада.

[30] Зилли Султан — принц каджарской династии, сын Наср ад-Дин шаха, убитого в 1896 г. Владел двумя тысячами деревень с населением в полмиллиона человек.

[31] Шахсаваны — тюркские племена, проживающие в восточной части Иранского Азербайджана. В XVI в. имели значение военной организации, к XIX в. это значение утратили. Однако и позднее из шахсаванов вербовались военные отряды, поддерживавшие реакцию.

[32] Талыши — племена, проживающие на севере Ирана в южном Азербайджане.

[33] Бахтиары — племена, проживающие на юге Ирана.

[34] Афшар — точнее Афшарийе, дихистан (район), включающий 36 деревень, расположенный на северо-западе Ирана, недалеко от г. Казвина; здесь проживают главным образом афшарские племена тюркского происхождения.

[35] Шай (шаи, шахи) — мелкая монета. Во времена Зайн ал-Абидина являлась $^1/_{20}$ частью основной старой денежной единицы — крана. Теперь основной денежной единицей в Иране является риал, равный 1 р. 19 коп.

[36] Оску — населенный пункт вблизи г. Тебриза.

[37] Садр-азам — премьер-министр, канцлер.

[38] Аби-Шахр (Бушир) — иранский город и порт на побережье Персидского залива (юг Ирана).

[39] Месяц Раби ал-Аввал — название третьего месяца мусульманского лунного года.

[40] «Кибла мира», или «Средоточие вселенной», — титул и форма обращения к коронованным особам. Дословно «кибла» — сторона, в которую мусульмане обращаются лицом при молитве.

[41] Баба́ — дяденька, батюшка, отец.

[42] Дарий — имеется в виду Дарий III, последний царь Ахеменидского государства. В 330 г. до н. э. Иран был завоеван Александром Македонским, а сам Дарий убит сатрапом Бактрии Бессом.

[43] Мешхед — город на северо-востоке Ирана, в котором находится гробница восьмого имама Ризы — одна из главных мусульманских святынь. Она представляет собой комплекс сооружений, включающий мавзолей, здание, носящее название «беста» или «харами Ризави», мечети и медресе. Самые ранние исторические сведения о святыне относятся ко 2-й половине X в. Подробное описание гробницы оставил арабский путешественник Ибн Батута (XIV в.). Несколько раз здание восстанавливалось и реконструировалось (при султане Санджаре — XII в., хане Улджайту — XIV в., сыне Тимура Шахрухе — XV в.). Наибольшее значение святыня приобрела в эпоху Сефевидов, когда Мешхед стал религиозным центром страны. Гробница является выдающимся памятником искусства.

[44] «Книга Ахмада» — наиболее значительное произведение иранского просветителя Абд ар-Рахима Талибова (1855—1910). См. о нем послесловие (стр. 237—240).

[45] Лев и Солнце — основные атрибуты национального герба Ирана.

[46] Хамсе — одно из лурских племен, проживающих на северо-западе Ирана.

[47] «...у вас великое имя» — намек на Рустама, легендарного героя древнего Ирана, главного персонажа героического эпоса «Шахнаме» Фирдоуси.

[48] Туман — в прошлом и теперь — самая крупная денежная единица в Иране, равная ныне десяти риалам.

[49] «...на имя иранского посольства в Стамбул» — в XIX в. Египет был под протекторатом Османской империи, и вся дипломатическая связь его с другими странами шла через Стамбул.

[50] Челав — вид плова.

[51] Канаус — плотная шелковая ткань полотняного переплетения. Применяется для пошива платьев и в качестве подкладочного материала.

[52] Йездская бязь — ткань, вырабатываемая в г. Йезде, на юго-востоке Ирана.

[53] Наин — город на юге Ирана, центр шахристана (области).

[54] «Все шапки Таги переходят на голову Наги» — персидская поговорка, применяемая в ситуации, когда люди меняются ролями. В данном случае русские купцы разбогатели, а иранские разорились.

[55] Терьяк — сырье, служащее для производства различных лекарственных веществ и опиума.

[56] Узунада — дословно по-турецки «Длинный остров». Так в XIX в., возможно, называли Красноводскую косу на восточном побережье Каспийского моря.

[57] Рикат (намаза) — часть мусульманского молитвенного обряда.

[58] Ширванец — тот, кто родом из Ширвана. Понятие историко-географическое. Ширванское феодальное государство существовало до XVI в. в пределах от побережья Каспийского моря до р. Аксу. Столицей был г. Шемаха (ныне в Аз. ССР).

[59] Кран — см. прим. 35.

[60] Сари и Мешедисар — иранские порты на южном побережье Каспийского моря.

[61] Тус — небольшой город на северо-востоке Ирана, в 48 км от Мешхеда.

[62] Хаджи-заде — буквально «сын хаджи» (см. прим. 1).

[63] Муэззин — служитель мечети, призывающий мусульман к молитве.

[64] Священная гробница — см. прим. 43.

[65] Кааба — храм в г. Мекке, месте паломничества мусульман.

[66] Курр — объемная мера воды, равная кубу, сторона которого три с половиной пяди. По взглядам мусульман-шиитов, такое количество воды (но не меньше) уже не становится нечистым от соприкосновения с нечистым предметом, а более того — само очищает его.

[67] Улем — мусульманский ученый-богослов.

[63] Шариат — религиозное право ислама: совокупность религиозных, семейных, гражданских и уголовных норм, регулирующих отношения мусульман.

[69] Гробница восьмого имама — см. прим. 43.

[70] «Зийарат-наме» — молитва, читаемая при поклонении святому у его гробницы.

[71] «Когда такой защитник... корабль ведет?» — цитата из произведения классика персидской литературы Саади Ширазского «Гулистан». Этот своего рода сборник коротких рассказов и поэтических афоризмов, по содержанию — произведение дидактического характера, в котором Саади воссоздал яркую картину жизни феодального общества Ближнего Востока. Двустишие, цитируемое Зайн ал-Абидином, помещено у Саади во введении к книге и является образцом традиционного восхваления творца, которым открывались все произведения классической литературы. Полностью четверостишие звучит так:

Добровольный наш заступник, и пророк наш, и спаситель,
Благ свершитель, победитель, сана признаков носитель.
Когда такой защитник есть, какой же нужен нам оплот?
Зачем морских бояться волн, когда сам Ной корабль ведет?

Саади. Гулистан. Пер. с перс. Р. Алиева. Пер. стихов А. Старостина. М., 1950, стр. 30.

[72] Харвар — вьюк, погружаемый на осла, мера веса, размеры которой колеблются в разных районах в зависимости от характера товара от 125 до 400 кг.

[73] Племена халхали и мишкин — мелкие племена, проживавшие в XIX в. на севере Ирана.

[74] «...истек срок после развода» — согласно предписаниям шариата, нельзя жениться на овдовевшей или получившей развод женщине, у которой еще не закончился испытательный срок «эдде», равный нескольким менструальным периодам.

[75] Мукари — человек, дающий внаем вьючных животных или сам занимающийся транспортировкой грузов на них.

[76] «Гаухар-шад» — мечеть в Мешхеде, построена в начале XV в. сыном Тимура Шахрухом после смерти его жены Гаухаршад. Эта великолепная мечеть расположена в южной части всего комплекса святилища имама Ризы.

[77] Пишдадиды — легендарная династия первых иранских царей.

[78] Зар — мера длины, равная 104 см.

[79] Сулейманова мудрость — мудрость библейского царя Соломона, вошедшего в мусульманские предания под именем Сулеймана.

[80] Бахаи — Шейх Баха ад-дин Мухаммад ал-Амили (1546—1620), известный богослов, современник шаха Аббаса. Автор многих религиозных трактатов и художественных произведений, среди которых наиболее известна его дидактическая поэма «Широ-шакар» («Молоко и сахар»). Стихотворение Бахаи, цитируемое автором романа ниже, взято из сборника, не известного составителям.

[81] Фарраш — стражник.

[82] Фаррашбаши — начальник стражников; начальник охраны.

[83] Шахзаде — принц.

[84] Ахунд — духовное лицо и учитель в старой мусульманской школе.

[85] «Гулистан» и «Бустан» — названия произведений классика персидской литературы Саади Ширазского (см. прим. 71).

[86] Хафиз — величайший поэт Ирана (1300—1390), родом из Шираза. Его яркие лирические стихотворения на протяжении многих веков рассматривались восточными интерпретаторами как мистические, суфийские, скрывающие за образами влюбленного, вина, любви тайный смысл любви божественной, религиозного экстаза.

[87] Суфийское содержание — от слова «суфизм», которым называлось религиозно-мистическое учение, распространенное с IX—X вв. в странах Ближнего Востока, сначала как оппозиция ортодоксальному исламу. Суфизм оказал большое влияние на персидскую классическую литературу.

[88] Сальмас — город на северо-западе Ирана, вблизи советско-иранской границы, ныне г. Шахпур, центр бахша (уезда).

[89] Динар — мелкая иранская монета, $^1/_{100}$ часть риала.

[90] Нимврод — один из мифических царей, известный своей жестокостью. Упоминается в Коране.

[91] «...по железной дороге все это расстояние можно было покрыть... за трое суток...» — во времена, описываемые автором, железной дороги в Иране не было. Лишь с 1888 г. одноколейная ветка (11 км) связала Тегеран с пригородом Шах-Абдул-Азим (см. прим. 97). Первая железная дорога между Тебризом и Джульфой (146 км) была построена царским правительством России в 1913—1916 гг. Только в 1938 г. Трансиранская железная дорога соединила порты Каспийского моря и Персидского залива.

[92] Футе — кусок ткани, набедренная повязка, которой обматывают тело в бане.

[93] Аба — верхняя одежда, вид плаща без рукавов, преимущественно из верблюжьей шерсти.

[94] «Это агент одной английской компании» — речь, по-видимому, идет о делах, связанных с концессией, предоставленной в 1872 г. шахским правительством англичанину Рейтеру. Она включала право на монопольное строительство железных дорог, эксплуатацию месторождений нефти и других ископаемых, разработку лесов и пр. Однако кабальные для Ирана условия концессии вызвали такое возмущение по всей стране, что вскоре эта концессия была аннулирована.

[95] «...турок и любит всех турков» — выходцев из Иранского Азербайджана (Ибрахим-бек тоже был родом оттуда) называли иногда «турками» или «тюрками».

[96] «Следует, чтобы я посжигал их отцов!» — распространенное ругательство на персидском языке.

[97] Гробница Шах-Абдул-Азим — место поклонения мусульман, 11 км южнее Тегерана. Там же находится мечеть.

[98] «...точь в точь повторяла обмундирование русских казаков». — Первая казачья бригада в Иране была сформирована в 1879 г. после поездки шаха в Петербург. Тогда в Тегеран прибыл полковник Домантович, первый командующий бригадой. Вскоре казачья бригада, обучавшаяся по русскому уставу и носящая обмундирование по образцу русских казаков, стала единственной в стране регулярной воинской силой. В годы революции 1905—1911 гг. в Иране она сыграла реакционную роль.

[99] Семнан — город в северной части Ирана, на пути из Тегерана в Мешхед.

[100] Мушир ад-Дауле — имеется в виду Мушир ад-Дауле Хасан-хан Пир Ния, министр иностранных дел Ирана до 1907 г.

[101] Хане — дом.

[102] Вакиль, эмин, малик — слова, означающие соответственно «представитель», «начальник», «правитель».

[103] Бейт — двустишие, принимаемое за единицу в арабо-персидском стихосложении.

[104] Шиит — приверженец одного из двух основных направлений ислама (шиизм и суннизм). Шииты признают святыми лишь членов семьи пророка, а не его сподвижников. Особо чтут зятя Мухаммада, четвертого халифа Али и его 11 потомков — подлинных имамов, которые олицетворяют принцип наследственной власти. С XVI в. шиизм стал главенствующим религиозным направлением в Иране.

[105] Джедда — город в Саудовской Аравии.

[106] Джафариты — приверженцы одного из течений мусульманства, распространенного среди сирийских шиитов; особо почитают шестого имама — Джафара.

[107] Сардар-акрам, сардар-азам, сардар-афхам — титулы высших воинских чинов иранской армии в XIX в.

[108] Шаддад — мифический царь, персонаж многих преданий, образ, олицетворяющий шаха-деспота.

[109] Хадисы — предания, касавшиеся подробностей жизни Мухаммада и его сподвижников. Существовало много сборников хадисов. Шесть из них, кодифицированные в IX в. учеными-иранцами, считаются наиболее авторитетными. Впоследствии были изданы избранные места из хадисов и к ним написаны комментарии.

[110] Дар ал-Фунун — первое общеобразовательное учебное заведение в Иране. Открыто в 1852 г. Было призвано подготавливать собственных специалистов, гражданских и военных. На первых порах значительную роль в преподавании играли европейцы. Однако вокруг Дар ал-Фунуна сгруппировались крупные иранские ученые своего времени. Среди них были Риза Кули-хан — автор важных работ по истории и литературоведению и Сани ад-Дауле — историк и географ. В тесной связи с деятельностью Дар ал-Фунуна находится зарождение в те годы научного и художественного перевода в Иране.

[111] «...заимствованы из священных книг ислама» — развиваемый здесь автором националистический тезис повторяется в романе неоднократно. См. об этом послесловие (стр. 248).

[112] Али ибн Абуталиб — ближайший последователь Мухаммада, его двоюродный брат и зять (уб. 660). Первый имам (т. е. духовный руководитель) шиитов.

[113] Мирза Таги-хан Амир Низам — первый везир и командующий при Наср ад-Дин шахе, крупный государственный деятель Ирана. Во время пребывания на этом посту пытался провести военную, земельную и финансовую реформы с целью укрепить власть центрального правительства и ограничить влияние иностранных держав, особенно Англии. По его инициативе в Тегеране было открыто высшее учебное заведение Дар ал-Фунун (см. прим. 110). Его реформы потерпели неудачу, а сам он в результате придворных интриг был сослан в Кашан и в 1852 г. умерщвлен по приказу шаха (см. о нем стр. 127).

[114] Абозар — один из сподвижников Мухаммада, первый перс, принявший ислам.

[115] Касыда — вид стихотворения монорифмичной формы, по содержанию представляет собой панегирик какому-либо лицу или описание исторического события. Касыда была заимствована как поэтическая форма из средневековой арабской литературы.

[116] «...есть еще группа, которая набила себе руку в прозе...» — намек на придворных писателей и историографов, написавших для иранского шаха Наср ад-Дина серию «Дневников путешествия Наср ад-Дин шаха».

[117] «Вся надежда на наследника престола...» — автор имеет в виду сына шаха Наср ад-Дина — Музаффар ад-Дина, вступившего на престол в 1896 г. Его правление (до 1907) было не менее реакционным, чем предыдущее. Однако Зайн ал-Абидин, сторонник «разумной», ограниченной монархии, надеялся на то, что Музаффар ад-Дин воплотит его идеал правителя.

[118] «Роль духовенства очень высока». — Об отношении Зайн ал-Абидина к духовенству и религии и о том, в какой связи его взгляды по этим вопросам находились с его общей просветительской позицией, см. послесловие (стр. 247—249).

[119] Зайд и Амр — наиболее распространенные арабские имена. Как правило, используются в качестве примеров в арабских грамматиках.

[120] «Некоторые из наиболее проницательных исследователей и знаменитых философов... утверждают, что состояние человеческого общества подобно состоянию отдельных его индивидуумов». — Здесь и дальше Зайн ал-Абидин излагает своеобразно понятую им теорию английского философа Г. Спенсера, которую последний развил в своем сочинении «Основания социологии». Подробнее об этом см. послесловие (стр. 251).

[121] «Бог, что хочет — или уничтожает, или утверждает...» — цитата из Корана (сура 13, стих 39). Перевод дается по книге: Коран, законодательная книга мохаммеданского вероучения. Перевод... Гордия Саблукова. Казань, 1894, стр. 212.

[122] «Мухтасиб всегда на базаре». — Мухтасибами в старину называли надзирателей, наблюдавших за правильностью мер и весов. Позже — наблюдатели за нравственностью. Поговорка «Мухтасиб всегда на базаре» означает: «За вас есть кому заступиться».

[123] «Вчера осталось позади... что есть меж них сегодня» — двустишие из стихотворения Саади. См.: Сочинения шейха Саади, изданные по рукописи, принадлежащей М. А. Форуги. (На перс. яз.). Тегеран, 1955, стр. 523.

[124] Надир — см. прим. 23.

[125] Иран-хан — здесь намек на иранское государство.

[126] Музаффар ад-Дауле — имя специально искажено, имеется в виду Музаффар ад-Дин, который во время написания «Путешествия Ибрахим-бека» был наследником престола. См. прим. 117.

[127] Лукман — легендарный мудрец и врачеватель, герой многочисленных восточных сказаний, сходных с рассказами об Эзопе.

[128] «... самого Инсуса, сына Марии». — По коранической традиции Иисус и Мария включались в число мусульманских святых и их имена часто упоминались в восточных литературах.

[129] Газета «Иран» — официальный государственный орган, начала выходить в 1871 г. в Тегеране. Издатель — Мухаммад Хасан-хан Эттемад ас-Салтане. Печаталась литографским путем в типографии при Дар ал-Фунуне (см. прим. 110), выходила на 4 листах. Основные ее материалы — сообщения о событиях придворной жизни, сведения из министерств, указы шаха, телеграммы из-за границы.

[130] Мухаммад-Завоеватель — Мухаммад II Фатих (Завоеватель) (1430—1481). Седьмой правитель османцев, сын Мурада II. Взошел на престол в 1451 г. При осаде Константинополя перебросил по доскам 67 кораблей из Босфора в Золотой Рог и 29 мая 1453 г. вошел в город. Похоронен в Стамбуле, в саду построенной им пятничной мечети.

[131] «Поскольку основатель лучезарного шариата запретил человеческие изображения и статуи...» — автор упоминает о распространенном тогда мнении, будто Кораном запрещены изображения живых существ. На деле в Коране нет определенных указаний на этот счет. Однако в хадисах содержится такой запрет: «Те, которые нарисовали эти изображения, будут наказаны в день воскресения мертвых, и будет сказано им: оживите то, что вы создали!...». Этих ограничений придерживались более строго мусульмане-сунниты, в то время как шииты изображали часто и самого пророка, и халифа Али (см. об этом: Н. И. Веселовский. Гератский бронзовый котелок. СПб., 1909).

[132] Карно — имеется в виду Сади Карно (1838—1894), президент французской республики с 1887 по 1894 г.

[133] «... приписал их в вакф за этой мечетью и медресе» — т. е. пожертвовал на богоугодное дело в пользу мечети и медресе.

[134] «...возьмите это в назидание себе, одаренные зоркостью ума» — цитата из Корана (сура 59, стих 2 — окончание). Перевод дается по книге: Коран, законодательная книга мухаммеданского вероучения. Перевод ...Гордия Саблукова. Казань, 1894, стр. 472.

[135] Султанабадские ковры — ковры, выделываемые в г. Султанабаде (центральный Иран), теперь г. Арак.

[136] Ман — мера веса, около 3 кг.

[137] Мешеди — мусульманин, совершивший паломничество к гробнице имама Ризы в г. Мешхеде. Поскольку Ибрахим-бек посетил эту гробницу, его уже можно было называть «мешеди».

[138] Али-Капу — буквально «высокие ворота», резиденция губернатора, правительственный дом. Нельзя смешивать со знаменитым дворцом «Али-Капу» в Исфагане.

[139] Сефевидские шахи — шахи из династии Сефевидов (с XVI в. до начала XVIII в.).

[141] Шамс аш-Шуара — титул поэта. В переводе означает «Солнце поэтов». В XIX в. этот титул имел поэт-панегирист Суруш.

[142] «Каф» и «кун» — названия букв «к» и «н» арабско-персидского алфавита.

[143] Иосиф Прекрасный — библейский Иосиф Прекрасный, включенный в число коранических святых. В восточных литературах — символ красоты.

[144] Сафи ад-Дин Исхак Ардебильский (1254—1334) — шейх, возглавивший суфийско-дервишский орден, называвшийся по его имени «Сефевийе». Династия, считавшая шейха Сафи ад-Дина своим родоначальником, стала именоваться «Сефевидской».

[145] Шах Исмаил — первый сефевидский шах (годы царствования 1502—1524).

[146] Тахмасп I — сефевидский шах (годы царствования 1524—1576).

[147] Музей китайского фарфора. — Многие материальные ценности из богатой добычи, захваченной в других странах во время завоевательных походов шаха Аббаса I (см. прим. 20), были по приказанию шаха переданы в пользование мечетям. В частности, в Ардебиле, при гробнице Сафи ад-Дина (а не Тахмаспа I), в специальном здании под названием «Чини-хане» (китайский домик), в 1611 г. была основана коллекция китайского фарфора. Неверно сделанное ниже указание автора на то, будто захватили коллекцию русские. В 70-е годы XIX в. по приказу генерала Паскевича оттуда была вывезена в Петербург лишь библиотека, а коллекция фарфора оставлена в неприкосновенности. Историю коллекции и ее описание см. в кн.: J. A. Pope. Chinese porcelain from the Ardebil shrine. Washington, 1956.

[148] «...увидели плиту с куфическими письменами...». — Почерк «куфи» — один из наиболее старых и трудных почерков арабской письменности, без диакретических знаков. Название происходит от г. Куфы, где он был изобретен.

[149] Святой имам Хасан — один из наиболее почитаемых шиитами имамов, сын имама Али, внук пророка Мухаммада.

[150] Кум — город в 120 км южнее Тегерана. Является одним из священных центров шиизма наравне с Меккой. В Куме шиитами почитается гробница Фатимы, сестры имама Ризы.

[151] Принц Аббас-мирза или Наиб ас-Салтане Аббас-мирза (ум. 1833) — наследник шахского престола, главнокомандующий иранской армии во время русско-персидских войн 1812 и 1826 гг.

[152] Имам — титул Али, двоюродного брата и зятя Мухаммада, и одиннадцати лиц из его потомства, известных под именем двенадцати имамов. Титул имама присваивают также главам религиозных и юридических школ, придерживающихся каких-либо особых доктрин и являющихся неоспоримыми авторитетами в своей области.

[153] «...сок ширазского лимона». — Шираз славится мелкими, с грецкий орех, сочными лимонами. Сок такого лимона, очень кислый, употребляют с жирными мясными блюдами. Здесь — намек на излишества в еде внешне благочестивых духовных лиц.

[154] «Та же чаша и та же каша» — персидская поговорка, означающая «ничего не изменилось». В сборнике «Персидские пословицы и поговорки» (М., 1961, стр. 179) переводится: «Тот же суп и та же миска».

[155] Наиб — заместитель, наместник.

[156] Хаким-баши — лейб-медик, придворный врач.

[157] Муджтахид — мусульманский законовед, ученый, достигший высшей степени в законоведении и толковании законов.

[158] Шейх ал-ислам — титул верховного главы мусульманской религии.

[159] Аму-джан — дорогой дядюшка (перс.).

[160] Назим ал-Мулк, Назим ас-Салтане, Назим ад-Дауле — пышные титулы, присваивавшиеся государственным деятелям в XIX в. В переводе они означают «упорядочивающий царство». В данном случае автор с иронией намекает на их обязанности.

[161] «...поднял знамя мятежа и напал с большим отрядом курдов...». — Курды — один из крупных по численности и по значению ираноязычных народов Передней Азии. Населяемая ими страна Курдистан политически разделена между Турцией, Ираном и Ираком. В Иране курды проживают в северо-западных районах, частично в Гиляне и районе Казвина. Борьбу курдского народа за свою национальную независимость нередко использовали в своих целях реакционные ханы и шейхи, выступавшие против центральной власти. Этим в значительной мере объясняется резко отрицательное отношение Зайн ал-Абидина к освободительному движению курдов, хотя последнее, будучи направлено против иранского господства, и само по себе не могло встретить сочувствия у националистически настроенного автора.

[162] Даландар — заведующий караван-сараем.

[163] Худжра — келья для учащихся при мечети. Здесь — контора, лавка в караван-сарае.

[164] Мухаррам — месяц траура у мусульман-шиитов. На девятый день этого месяца («тасуа») и особенно на десятый («ашура») шииты организуют религиозные шествия с самобичеванием («шахсей-вахсей»), чтение поминальных молитв («раузе»), религиозные мистерии-представления («таазие»). В течение всего месяца вывешиваются черные траурные знамена.

[165] Эпоха хулагидов — так называется историческая эпоха в Иране со времен завоевания страны внуком Чингиз-хана Хулагу-ханом (в 1256 г.) по начало XIV в., когда произошел распад государства хулагидов на ряд феодальных владений.

[166] Закат — подать, взимаемая с имущества и доходов мусульман в пользу бедных.

[167] Религия Баба — религиозная секта, возглавлявшаяся Бабом (1820—1850), который возвестил себя пророком. Учение Баба, изложенное в книге «Байан» («Откровение»), объявляло Коран и шариат устарелыми. Баб выступил против несправедливостей и притеснений правителей и духовенства, поэтому привлек на свою сторону народные массы. Бабидское восстание распространилось на весь Иран, но было подавлено шахскими войсками в 1850—1852 гг. По сути своей бабидское движение было выражением антифеодальных и демократических устремлений крестьянства, мелкого духовенства и ремесленников, облеченное в религиозную форму. Зайн ал-Абидин, находясь в то время вне пределов Ирана, не был свидетелем этого движения и не смог понять его сущности, восприняв сугубо отрицательно только форму, т. е. отказ бабидов от соблюдения предначертаний Корана. Кроме того, требование бабидов отменить частную собственность и установить общность имущества, естественно, не могло встретить у него сочувствия.

[168] «...еретическое учение „Аламута"...» — намек на учение секты исмаилитов (см. прим. 172). Один из орденов этой секты назывался орденом ассасинов. Последние занимали ряд крепостей и замков, среди которых наиболее укрепленным был замок Аламут, расположенный в горном районе к северо-востоку от Казвина. Ассасины во главе с Хасаном Саббахом захватили этот замок в 1090 г. Аламутские шейхи господствовали в горных районах Ирана до 1256 г.

[169] Бабизм — движение сторонников Баба (см. прим. 167).

[170] Зороастризм — религия древних народов Средней Азии, Азербайджана и Ирана. Характерными чертами зороастризма были: представление о борьбе в мире двух начал — добра и зла, почитание огня, запрещение погребения трупов (их оставляли

на съедение животным). Основание этой религии предание приписывает пророку Заратуштре, имя которого греческими авторами передавалось как «Зороастр».

[171] Маздакизм — крестьянское движение, облеченное в религиозную форму. Названо так по имени его руководителя Маздака (ум. 529). Широкое распространение это движение получило в Персии на рубеже V—VI в. Согласно учению маздакизма, в природе есть три элемента: вода, огонь и земля, смешение которых дает положительные и отрицательные явления; извечная борьба между добрым, светлым, разумным началом и тьмой кончится торжеством света в результате истребления «людей зла». Маздакизм, выдвинувший ряд социальных требований (равенство всех людей, общность земли и другого имущеста), отразил чаяния крестьянских масс.

[172] Исмаилизм — религиозное учение исмаилитов, приверженцев мусульманской шиитской секты, возникшей около середины VIII в. в арабском халифате. Свое название исмаилиты возводят к потомку первого шиитского имама Али-Исмаилу, которого они считают седьмым и последним имамом. Исмаилиты, широко используя социальную демагогию, нашли много сторонников среди крестьян и горожан. Исмаилиты разработали идеалистическое учение о мировом разуме и мировой душе. В эпоху империализма исмаилиты выступают в роли агентуры английских колонизаторов.

[173] «...этот господин, т. е. глава бабидов...» — имеется в виду один из учеников Баба — Беха-Улла, идеолог буржуазии, ставший защитником интересов иностранного капитала. Беха-Улла и его приближенные проживали в г. Акка (теперь Северный Израиль), на что и намекает автор. Беха-Улла (ум. 1892) выступал против национальной независимости Ирана и проповедовал космополитизм (он заявлял, что каждый человек должен любить не свою родину, а весь мир), что было на руку империалистам в Иране. Именно эти идеи бехаизма подверглись резкой критике Зайн ал-Абидина (см. стр. 146 перевода).

[174] Бакаб — населенный пункт, центр бахша (уезда) в шахристане (области) Ризайе.

[175] «...восстания шейха Убайдуллаха...» — речь идет о происшедшем в 1880 г. под руководством Убайдуллаха-хана восстании курдов в Азербайджане, вызванном притеснениями со стороны губернатора этой области.

[176] Убайдуллах ибн Зийад — один из деятелей омейядского халифата, принимавший активное участие в уничтожении семьи Али (см. прим. 112). Погиб в 686 г.

[177] Сайф ал-Улама — в переводе означает «Меч улемов».

[178] Хайдар — титул имама ибн Абуталиба.

[179] Аббаси — старая иранская монета, равная четырем шахи или, по новой денежной системе, двадцати динарам (динар составляет 1/100 часть риала).

[180] «Исми азам» — в переводе «Имя Великого». Так называются молитвы и заклинания именем аллаха, прочтение которых, по религиозным представлениям мусульман, может сделать человека невидимым.

[181] Каландар — странствующий дервиш.

[182] «Пусть лишь яблоко владыка ... десять сотен кур наткнут» — четверостишие Саади (Саади. Гулистан. Пер. с перс. Р. Алиева. Пер. стихов А. Старостина. М., 1950, стр. 75).

[183] Нематиты — последователи первого шиитского суфия шейха Нематулла Вали. Упоминаемые ниже хейдариты — последователи суннитского суфия Султана Хейдара, деда шаха Исмаила (XVI в.). Обе секты находились в Казвине и вели между собой непримиримую борьбу.

[184] Чтецы марсийе — чтецы траурных молитв и поминальных проповедей.

[185] Ференги — европеец.

[186] Неджеф — город в Ираке, где находится гробница халифа Али, являющаяся местом поклонения мусульман-шиитов.

[187] Таазие — см. прим. 164.

[188] Ирем — сад мифического тирана Шаддада. По преданию, Шаддад устроил его в «Счастливой Аравии», чтобы затмить небесный рай, но сам не успел войти в него, так как умер. В литературе Ирем служит символом рая, цветущего сада и т. п.

[189] «...атаки войск бахмана и дея...» — иносказательно: наступление зимы. Бахман и дей — названия зимних месяцев иранского календаря.

[190] Лот — по религиозному преданию мусульман, один из пророков, бывших до Мухаммада, друг и сподвижник Авраама. Он якобы жил и проповедовал в Сирии в одном из пяти городов, стертых с лица земли по воле аллаха за то, что их жители предавались постыдным порокам и разврату. На их стороне была и жена Лота, имя которой стало нарицательным для порочных людей.

[191] Мискаль — мера веса, около 5 г.

[192] «Пятая часть всего, что имеете...» — по законам ислама каждый мусульманин должен отдавать одну пятую часть своего дохода (хумс) в пользу потомков семьи пророка — сеидов.

[193] «...на голове зеленая или синяя чалма». — Зеленая чалма — признак принадлежности к потомкам пророка — сеидам, синяя — к суфиям.

[194] Селение Маранд — сейчас небольшой город, расположенный на дороге Тебриз-Джульфа.

[195] Хурджин — переметная сума из грубой шерсти.

[196] Моисей — библейский пророк, являвшийся также персонажем Корана.

[197] Святой Хатим — один из титулов Мухаммада.

[198] Хой — небольшой город в Иранском Азербайджане; расположен недалеко от советско-иранской границы.

[199] Каюмарс — мифический шах Ирана, герой эпоса «Шахнаме» Фирдоуси.

[200] Сасаниды — название иранской династии, цари которой правили с III по VII в. При сасанидах иранская держава достигла большого могущества.

[201] Асаф — легендарный мудрец, визир царя Соломона.

[202] Семья бармакидов — персидская семья, из которой происходили министры аббасидского халифата. В течение 17 лет, с 786 по 803 г., Халид Бармак и его сыновья Джафар и Фазл имели почти неограниченную власть над всем Ираном, включая Армению и Азербайджан, и колоссальные богатства. В 803 г. в результате заговора, по приказу Гарун ар-Рашида они были убиты, их родственники посажены в тюрьмы, а имущество конфисковано.

[203] Хатам (Тайский) — легендарный арабский эмир, прославленный за свою щедрость, герой арабского и персидского фольклора.

[204] Абу Наср Фатхулла-хан Кашани (поэтический псевдоним Шайбани) — поэт XIX в. (ум. 1888). В начале своего творческого пути выступал как типичный придворный одописец; в его касыдах этого периода не было ничего оригинального. Другая часть его творчества — обличительные стихи и сатиры, где резко осуждаются произвол и деспотизм, царившие в Иране, имела большое общественное значение. Сборник его стихов вышел в 1891 г. в Стамбуле. В сборник включена также большая поэма — «Поэма смятенного», отрывок из которой цитирует ниже Зайн ал-Абидин.

[205] Султан Махмуд Газневи (ум. 1030) — родоначальник династии Газневидов в Иране.

[206] «...вместо того, чтобы достойно вознаградить труды Фирдоуси Туси...». — По преданию, Фирдоуси преподнес султану Махмуду свой многолетний труд «Шахнаме». Султан, тюрок по происхождению, не оценил по достоинству это гениальное произведение. Ему больше по вкусу были панегирики, слагавшиеся в его честь придворными поэтами. На это обстоятельство и сделан здесь намек.

[207] «...станет добычей морского крокодила» — т. е. будет закабалена Англией.

[208] Хиджаз — название области в Аравии, в которой находятся священные города Мекка и Медина.

[209] «Алхимия... то же часть науки» — здесь автор романа повторяет распространенное на Востоке еще со времен средневековья представление о том, будто алхимия является точной наукой.

[210] Бадахшанский рубин — от названия горной области Бадахшан, которая находится на территории современного Таджикистана и издавна славится своими рубинами.

[211] «...иранских и туранских...» — образное выражение, позаимствованное из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси, в которой много страниц посвящено борьбе Ирана и Турана. Последнее название — условно, им обозначалась местность, на которой проживали тюркские племена.

[212] «...поток бедствий, несущийся из городов севера... страшные волны из Оманского моря...» — намек на империалистическую политику Англии и царской России по отношению к Ирану.

[213] «Япония ... двадцать лет занималась реформами...». — Автор дает здесь своеобразную трактовку истории Японии во второй половине XIX в. В 1868 г. в Японии произошла незавершенная буржуазная революция, после которой страна встала на путь буржуазного развития.

[214] «Ближайший сосед» — имеется в виду царская Россия.

[215] Мирза Рази — автор «Украшения историй» («Зинат ат-таварих»), большого исторического труда, предпринятого им по приказанию Фатх-Али шаха в начале XIX в. Был известен также своими стихотворными панегириками. Составителям не удалось установить, из какого сборника взято стихотворение, цитируемое автором романа.

[216] «...у них очи, не видящие того; у них уши, не слышащие того...» — цитата из Корана (сура 7, стих 178, начало). Перевод дается по книге: Коран, законодательная книга мохаммеданского вероучения. Перевод... Гордия Саблукова. Казань, 1894, стр. 146.

[217] Михраб — ниша во внутренней стене мечети, указывающая направление к Мекке, куда обращаются лицом при молитве.

[218] «...предводители ислама кратко записывали на кусках кожи или кости...». — «Когда Мухаммад умер, ни один сборник текстов Корана не был еще окончательно составлен... Но очень значительные фрагменты были уже записаны на плоских костях, пальмовых листьях или камнях» [А. Массэ. Ислам (пер. с франц.). М., ИЛ., 1961, стр. 73].

[219] Газ — мера длины, равная приблизительно трем футам.

[220] Джубба — широкая верхняя одежда иранцев.

[221] «Блуднице шейх сказал ... ответила она» — известное четверостишие классика персидской и таджикской литературы Омара Хайяма (1040—1123). Перевод О. Румера дается по книге: Омар Хайям. Робайат. М., «Academia», 1934, стр. 61.

[222] «Зайд бьет Амра» — фраза, многократно встречающаяся в арабских грамматиках в качестве примера.

[223] Али, Хасан, Хусайн — имена мусульманских святых, сподвижников Мухаммада.

[224] Кайаниды — династия легендарных царей древнего Ирана, воспетая в «Шахнаме» Фирдоуси.

[225] «Правдивого называют правдивым... кто поступает так, истинно правдив» — изречение из хадисов (см. прим. 109).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции . . . . . .
Биография автора. *Мухаммад Казим Ширази* . . . . . .

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИБРАХИМ-БЕКА

Обращение к читателям 11
Дневник путешествия Ибрахим-бека 13
Заключение 223

ПРИЛОЖЕНИЯ

Зайн ал-Абидин Марагаи и его роман. *А. М. Шойтов* 231
Комментарии. *Г. П. Михалевич* и *А. М. Шойтов* 255

ЗАЙН АЛ-АБИДИН МАРАГАИ
Дневник путешествия Ибрахим-бека

Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии
„Литературные памятники“ АН СССР

Редактор Издательства *Ѣ. И. Михлин*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры: *Л. М. Бова, О. М. Лаушкина* и *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 25/V 1963 г. Подписано к печати 29/VIII 1963 г.
РИСО АН СССР № 12—153В. Формат бумаги $70 \times 90^1/_{16}$.
Бум. л. $8^3/_8$. Печ. л. $16^3/_4 = 19.47$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19.20.
Изд. № 1805. Тип. зак. № 227. Тираж 3000. *Цена 1 р. 35 к.*

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Ф-35к